Р. М. ШУКУРОВ

ВИЗАНТИЯ И АЗИЯ

ГИБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Санкт-Петербург
НАУКА
2023

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4
Ш95

Шукуров Р. М. Византия и Азия. Гибель цивилизации. — СПб.: Наука, 2023. — 375 с.

ISBN 978-5-02-040284-3

Монография представляет систематическое изложение взаимоотношений между Византией и азиатскими народами (в особенности, тюрками) на протяжении XI—XV вв. В шести главах монографии Р. М. Шукуров последовательно анализирует политические, дипломатические, культурные аспекты взаимоотношений византийцев с азиатскими народами, включая также и гендерные отношения, художественные традиции в балканском и анатолийском регионе, демографические процессы. В первой главе монографии описаны ранние появления тюрок внутри византийского политического и интеллектуального горизонта. Вторая и третья главы повествуют о византийско-азиатских отношениях в XI—XIII вв., как с балканскими кочевниками, так и анатолийским гибридным оседлым и кочевым миром. Изложение значимых военно-политических и дипломатических отношений дополнено «портретами» знаменательных персон тюркского происхождения, оказавших то или иное влияние на внутреннюю византийскую жизнь или просто чем-то впечатливших греков, экскурсами в социальную, культурную и экономическую жизнь эпохи. Последующие четвертая и шестая главы посвящены времени заката и падения византийских государств XIII—XV вв. Пятая глава книги рассказывает о судьбе Трапезундской империи и роли тюркского фактора в ее внешней и внутренней политике. Шестая глава обсуждает падение Византийского мира под ударами турок-османов. На сегодняшний момент монография является первым исследованием на эту тему в отечественной науке, а также наиболее полным и подробным научным описанием проблемы в мировой историографии.

© Шукуров Р. М., 2023
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2023
© Палей П., оформление, 2023

ISBN 978-5-02-040284-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византия не имеет начала. Не существует хронологической точки или какого-нибудь события, которое бы признавалось современным научным консенсусом за неоспоримое начало Византии. «Византией» мы условно называем позднюю Римскую империю, которая, оправившись от потрясений Великого переселения народов, продолжила существование в новом мире, именуемом нами Средневековьем. Можно было бы сказать, что «Византия» родилась в 753 г. до н. э., когда был основан Рим. Или же в 330 г. до н. э., когда Александр овладел Ахеменидской державой. Или же в эпоху, в которую жил Гомер (VIII или IX в. до н. э.). Или же в правление римского императора Константина I Великого — в первую треть IV в., когда он легализовал христианство на территории империи. Причем все четыре возможных «начала» Византии вполне приемлемы для самого византийского самоописания и самоосознания. Исключительно удаленный горизонт собственного начала, теряющегося то ли в доистории, то ли в глубокой древности, и отличал Византию от других европейских и ближневосточных средневековых государств и культур, которые возникли недавно.

Современные исследователи (и не без оснований) продлевают верхнюю хронологическую рамку Античности в Европе и Восточном Средиземноморье до VIII—IX вв. Например, Эрве Энглебер говорит в применении преимущественно к Средиземноморской Европе о «постримской античности, второй фазе античного периода», а именно античности, пережившей римскую государственность и инерционно воспроизводившей социокультурную «римскость» (Romanitas).[1] Если применить это различие между «социокультурной римскостью» и «этатической римскостью» к византийской эпохе, то придется признать, что вся история средневековой Византии это не что иное, как «постантичная римскость»,

[1] *Inglebert* 2005, 483: «antiquité post-romaine, une deuxième phase de l'Antiquité».

претерпевшая глубинную эллинизацию и христианизацию еще в позднеантичную эпоху, когда бы эта эпоха ни заканчивалась. О сохранении в Византии стуктурообразующего континуитета с античной этатической и социальной «римскостью» и античной эллино-латинской культурой, в частности, ярко и настойчиво говорит американо-греческий исследователь Энтони Калделлис.[2] В этом смысле опыт Византии довольно сильно «смешивает карты» периодизаторов исторического процесса, ибо он не может быть непротиворечиво описан как исключительно «средневековый».

Однако если Византия и не имеет средневекового начала, то по крайней мере она имеет средневековый конец. Конец Римской империи был положен азиатскими завоевателями в 1453 г. Долгое средневековое существование Римской империи, рассматриваемое сквозь призму этой катастрофической перспективы, на поверхностный взгляд представляется чредой поражений и постепенной сдачей позиций. Именно так и пыталась описывать ее историю ранняя европейская наука. Однако со временем, особенно во вторую половину XX в., представления об эволюции империи усложнились — полосы поражений и кризисов сменялись победами, стабилизацией и поступательным развитием. Римской империи удавалось, меняясь изнутри, но и сохраняя глубокую связь с традицией, найти ответ славянским завоеваниям, арабскому вызову, агрессии степняков, экспансии западноевропейцев.

Однако на один вызов византийцы так и не нашли адекватного ответа — на завоевательное движение азиатских народов на запад, начавшееся в XI в. В XI в. империя была почти одновременно атакована тюркскими кочевыми племенами с севера и сельджукскими завоевателями с востока. Последние навсегда отняли у империи значительную часть Анатолии — обширной и стратегически важной области, имевшей первостепенную значимость для экономической стабильности страны. Если тюркскую угрозу на Балканах удалось обуздать, то сельджукская проблема осталась неразрешенной и как бы нависшей над будущим. Неожиданная и в полной мере алогичная атака рыцарей Четвертого Крестового похода на Константинополь в 1204 г. в одночасье перебила хребет империи, все еще остававшейся на тот момент средиземноморской сверхдержавой. Империя потеряла часть территорий первостепенной стратегической значимости и распалась на три части. Хотя Византия и выжила в катастрофе начала XIII в., но именно она дала шанс анатолийским мусульманам развить завоевательное движение и покончить с империей в 1453 г. Именно анатолийские пришельцы посеяли семена будущего в XI в., а в XV пожали их всходы.

[2] *Калделлис* 2016.

Нет сомнений, что без 1204 г. не случилось бы и 1453. Однако следует подчеркнуть, что именно азиатскому народу, а не латинянам или славянам, удалось низвергнуть державу, умудренную более чем двухтысячелетним опытом. Причины этого успеха анатолийских завоевателей весьма сложны и многомерны и потому до сих пор не имеют однозначного и общепринятого объяснения. Настоящая книга призвана сделать очередной шаг в поисках причин экзистенциального поражения Византийской цивилизации под натиском азиатских соседей. Концептуальная «сверхзадача» книги — создать своего рода «дневник» значимых событий, приведших к исчерпанию Византийского (или, если угодно, Римского или же Античного) мира в извечном соперничестве с Азией.

В книге будет идти речь о византийских противниках, привычно именуемых в современной науке «тюрками». Это и северные племена, вторгавшиеся на Балканы из-за Дуная, это и так называемые «сельджуки», отвоевавшие у византийцев большую часть Малой Азии. Сами византийцы, хорошо зная, что в среде и тех и других завоевателей было много тюрок, тем не менее предпочитали северных именовать «скифами», а восточных «персами», употребляя обобщенные, скорее социокультурные, нежели узкоэтнические термины.[3] Хотя современный научный дискурс опирается на совсем другие эпистемологические основания, нежели византийский, уход византийцев от узкоэтничных определений оказывается неожиданным образом созвучным нынешней исследовательской рефлексии, избегающей этноцентрического толкования, когда речь идет о средневековых обществах. Противников Византии на севере и востоке я обобщенно обозначил тут как «Азию», «азиатские народы». Дело в том, что и задунайские, и анатолийские завоеватели не представляли собой этнического единства, ни по своему языку, ни по культуре. Как будет показано в книге, среди них тюрки могли численно преобладать, но они всегда существовали совместно с индоевропейцами, будь то кочевыми или оседлыми (см. особенно главу 1 ниже). А, например,

[3] См. об этом подробнее: *Шукуров* 2017, 50—87.

культура, складывавшаяся в завоеванной Анатолии с конца XI в., типологически была скорее новоперсидской, нежели какой-либо еще (см. главу 2 ниже). «Чистая» этничность не часто встречается в Древности и Средневековье, будучи концептуальным научным конструктом, наиболее точно описывающим общества XIX и XX вв. по преимуществу.

Предложенное именование «азиатские народы» вместо «тюркских народов» позволяет также избежать терминологических неудобств в отношении и монгольских завоевателей, которых не следует отождествлять с тюрками, и аланских кочевников, сыгравших значительную роль в нашествиях, а также и оседлых иранцев и арабов, в том или ином качестве присутствовавших в кочевых обществах. Народы, пришедшие из глубинной Евразии и Среднего Востока к границам Византии, на каком бы языке они ни говорили, объединяло то, что их культура и экзистенциальный опыт были специфичны именно для Азии, и это определяло их чуждость по отношению к постантичной римской парадигме. Это были разные, но все же именно «азиатские» типы, аккумулировавшие многообразный и разновременный индоевропейский, семитский, алтайский и частично китайский опыт. Сформулировав эти важные оговорки, я буду использовать на страницах этой книги наряду с другими обозначениями и более привычные определения «тюрки», «персы», «арабы». Важно помнить, что социокультурная подоплека этнонимов в этой книге не совпадает с их лингво-этническим содержанием и не ограничивается им.

Военно-политическая и дипломатическая сторона византийско-азиатского взаимодействия изучена в современной литературе очень хорошо. Однако в этой книге, фокусируясь на военно-дипломатическом аспекте, я попытаюсь синтезировать некий общий образ взаимоотношений (с учетом новейших разработок в этой области как византинистов, так и востоковедов), причем сделать это в сравнительном ключе, стремясь проблематизировать различия в типологии множественных византийских и азиатских обществ. При этом я намеренно сузил фокус исследования именно на самих византийско-азиатских отношениях, избегая, где это возможно, обсуждения общего внутриполитического и дипломатического фона в рассматриваемые эпохи, который довольно хорошо освещен в литературе. Меня в наибольшей степени интересует сама логика взаимоотношений, анализируемая преимущественно в контексте византийской истории. В каких-то случаях будут воспроизведены логические схемы, выработанные коллегами византинистами, востоковедами и тюркологами, но в ряде сюжетов это будут оригинальные попытки разобраться в смыслах происходящего.

В первой главе «Предыстория (Византия и тюрки до XI в.)», обзорной и намеренно эскизной, я обсуждаю ранние появления тюрок внутри византийского политического и интеллектуального горизонта. Вплоть до X в. между Византией и различными тюркскими народами непосредственные контакты носили весьма эпизодический, локальный и неустойчивый характер в силу многих причин. Поэтому о какой-либо существенной трансформации византийского субстрата под влиянием этих контактов говорить не приходится. Вместе с тем именно в раннюю эпоху происходит первое знакомство византийцев с тюрками, именно тогда они обретают свое родовое имя в византийском интеллектуальном пространстве.

Вторая и третья главы повествуют о византийско-азиатских отношениях в XI—XIII вв. как с балканскими кочевниками, так и анатолийским гибридным оседлым и кочевым миром. Изложение значимых военно-политических и дипломатических отношений дополнено «портретами» знаменательных персон азиатского происхождения, оказавших то или иное влияние на внутреннюю византийскую жизнь или просто чем-то впечатливших греков, экскурсами в социальную, культурную и экономическую жизнь эпохи. Этим я стремился придать повествованию более широкое и вместе с тем детализующее социокультурное и антропологическое измерение.

Последующие четвертая и шестая главы посвящены времени заката и падения византийских государств в XIII—XV вв. и представляют собой фактологический контекст к демографическому и социо-антропологическому анализу, представленному мною в уже упомянутой выше монографии. Поэтому, избегая самоповторений, я не стал «расцвечивать» материал этих глав подробными «портретами» и экскурсами — они в избытке наличествуют в опубликованной книге. Эти главы содержат лишь обобщающую сводку главных тенденций в воздействии азиатского элемента на византийское общество в эту эпоху.

Пятая глава книги посвящена судьбам Трапезундской империи — теме, с которой многие годы назад я начинал свои исследования в области истории Византии, Анатолии и Ирана. Текст главы в большой мере опирается на очерк, написанный мною для фундаментального труда академика С. П. Карпова «История Тра-

пезундской империи».[4] Стремясь соблюсти тематическую целостность настоящего исследования, я счел уместным опубликовать тут значительно отредактированный и кое-где сокращенный вариант этой главы.

В заключительную шестую главу о гибели Византии я счел целесообразным включить небольшой отрывок о захвате Трапезунда османами, который уже издавался прежде.[5] Этот очерк необходим для сохранения общей логики повествования и воспроизводится здесь в дополненном и пересмотренном виде.

В основе этой книги лежат подготовительные заметки, изначально задуманные как некое введение к моей монографии «Тюрки в византийском мире (1204—1461)», посвященной тюркскому меньшинству в Византии и его воздействию на византийскую социальную жизнь и ментальность.[6] Это введение, по первоначальному замыслу, должно было послужить фактографическим зачином к главному исследованию, обрисовывающему тот «внешний» — политический, военный, дипломатический — контекст, в котором и развивалось масштабное проникновение тюрок в византийское общество. Однако впоследствии я отказался от такого вводного раздела, посчитав, что он и жанрово, и тематически не вполне сочетается с основным социоантропологическим исследованием. Ведь упомянутая монография фокусировалась на тех аспектах внутренней византийской жизни, для которых внешние политические события часто (но не всегда) имели весьма ограниченную значимость, или вовсе ее не имели. Обширный раздел, целиком посвященный политическим перипетиям, был бы избыточным и размыл бы восприятие моей базовой концепции.

Хотя некоторые сюжеты из предваряющего очерка и были включены в изданную монографию, бóльшая его часть оставалась неопубликованной. Идея переработать эти заметки в отдельную книгу созрела в результате общения с ученым-испанистом Ириной Игоревной Варьяш и издателями — Алексеем Юрьевичем Карачинским и Вадимом Викторовичем Чубарем, которые вместе и подтолкнули меня к подготовке этого текста. Широта научного горизонта моих собеседников, а также прочувствованная мною их исследовательская и издательская интуиция убедили меня в том, что работа над превращением набросков в связный и законченный текст не окажется бесполезной. С радостью выражаю мою благодарность И. И. Варьяш, А. Ю. Карачинскому и В. В. Чубарю за их инициативу и настойчивость.

Несколько слов следует сказать об особенностях научного аппарата книги. Моим стремлением было максимально облегчить для русского читателя обращение к первоисточнику сведений. Поэтому повсюду, где это возможно, я ссылаюсь на заслуживающие доверия научные переводы источников на русский язык. Однако, к сожалению, подавляющее большинство используемых источников (как греческих, так и восточных) до сих пор не переведены на русский язык, а те, которые переводились в XIX в. (например, тексты Никиты Хониата, Иоанна Киннама, Георгия Пахимера и др.), устарели и не могут быть использованы для серьезной работы. В этих случаях я ссылаюсь либо на сам первоисточник, либо на авторитетные переводы на европейские языки. Повсюду в тексте я старался сверяться с наиболее авторитетными справочниками и энциклопедическими изданиями. Это, например, три издания европейской «Энциклопедии ислама», два издания турецкой «Энциклопедии ислама», германский «Лексикон Средневековья», пока незавершенная «Православная энциклопедия», англоязычный «Оксфордский словарь Византии»[7] и др.

[4] *Карпов* 2017 (глава 12: «Трапезундская империя и Восток»).
[5] *Шукуров* 2001.
[6] *Шукуров* 2017; англ. первый вариант книги: *Shukurov* 2016.
[7] ПЭ; EI; EI NE; EI 3; LMA; ODB; IA; TDVIA.

Глава 1

ПРЕДЫСТОРИЯ (ВИЗАНТИЯ И ТЮРКИ ДО XI в.)

Первые контакты византийцев и тюрок относятся к раннесредневековой эпохе. Историю этих контактов следует начинать с Великого переселения народов. Следует, однако, отметить, что движение тюрков на Запад было лишь одним из эпизодов намного более масштабного процесса миграций народов на обширных пространствах Европы и Азии, растянувшегося на тысячи лет. Средневековый этап этого движения народов часто называют Великим переселением.

Суть феномена Великого переселения народов в двух словах можно описать следующим образом. С Востока на Запад от Тихого океана и до Атлантики тянулась узкая лента высоких оседлых «цивилизаций», «цивилизованной ойкумены», составленной региональными культурами китайцев, индийцев, иранцев, семитов, греков и римлян. Эти цивилизации характеризовались наличием сложных религиозных, социальных, экономических структур, высоких технологий, изощренного искусства, утонченного быта. С севера с этой зоной «цивилизации» граничило множество в большей или меньшей степени «примитивных» племен, находившихся на более ранних этапах развития. Эти народы характеризовались более простыми формами жизни — менее изощренными социальными отношениями, религиями и культурами. Как правило, «примитивные» люди были кочевыми или полукочевыми племенами. Люди, жившие в «цивилизованной» зоне, называли северных соседей (каждая цивилизация на своем языке) «варварами» и «дикарями». Взаимоотношения между зонами «цивилизации» и «варварства» были весьма непростыми и неоднозначными. Для «цивилизации» «варварская» зона всегда была важным источником людского ресурса — рабов, которые превратились в важный, структурный элемент «цивилизованной» экономики и быта. Для «примитивных» народов «цивилизованный» мир всегда был источником сверхдорогих и высокотехнологичных (а потому и чрезвычайно ценных) вещей, которые «примитивные» культуры

не в состоянии были создать сами и которые «варвары» захватывали в ходе набегов на «цивилизованные» земли. Миры «цивилизации» и «варварства» имели тесные взаимосвязи и взаимозависимость. Оба пространства неуклонно стремились друг к другу, причем это стремление зачастую выражалось в завоевательном движении за пределы собственного мира, в попытках физически овладеть чужим пространством.

Великим переселением народов как раз и называют вторжения в Средиземноморскую цивилизацию «варварских» народов из внутренних областей Европы и Азии, еще не познавших «цивилизации». Следствием Переселения были глубокие изменения в этнической и культурной карте Европы и Азии. Причем, парадоксальным образом, главным итогом Переселения было расширение цивилизованной ойкумены. «Цивилизация», даже проигрывая в вооруженной борьбе, побеждала «варваров» через их окультуривание. «Варвары», влившиеся в зону «цивилизации», как правило, уже во втором и последующих поколениях ассимилировались «цивилизацией». (Хотя, отметим в скобках, тут могли быть и некоторые исключения.)

К субъектам Великого Переселения причисляют германские и славянские племена, жившие в центральной и северо-восточной Европе, а также финно-угорские (а именно венгры), тюркские и монгольские народы, вышедшие из алтайских степей и современной Сибири. Средневековый этап Великого переселения начался в первые века нашей эры и продлился все Средневековье: это движение в IV—XI вв. на запад гуннов, на юг к побережью Средиземноморья германцев и славян, завершившееся венгерскими и норманнскими завоеваниями в Европе. Другая линия переселений — движение тюркских народов и монголов из Сибири в Китай, домусульманскую и мусульманскую Азию и христианскую Европу. Строго говоря, Переселение народов следует завершать лишь XVI веком, когда в целом прекратились тюркские нашествия и этническая карта Евразии стабилизировалась. Массовые миграции «варварских» народов в конечном итоге привели к их включению в цивилизованную ойкумену, слиянию и гомогенизации прежних зон «цивилизации» и «варварства».

На Дунае, в Северном Причерноморье и Закавказье греко-римляне впервые столкнулись с прототюркскими племенами. На протяжении многих веков из северных областей на Балканы и в кавказские владения империи проникали тюркские племена, мигрировавшие из глубин Восточной Евразии на Запад. Так, в IV—V вв.

в контакт с империей входят прототюрки гунны; в VI в. на северные границы империи выходит целый ряд кочевых народов — утигуры, кутригуры, булгары, савиры; VI—VII века прошли под знаком тяжелой борьбы с аварами на Балканах, а со второй половины VII в. начинаются болгарские завоевания.

Со временем византийцы стали первыми в христианском Средиземноморье, кто формулировал квази-этнический концепт «тюрок» как общее родовое именование, маркирующее целый ряд родственных племен и народов. Византийцы впервые стали применять этникон Τοῦρκοι (VI в.) к подданным Тюркского каганата, квалифицируя их как разновидность «скифов» и «гуннов».[1] Этникон Τοῦρκοι был заимствован греками из среднеперсидского языка (именно так именовали иранцы подданных Тюркского каганата), на что указывал Феофилакт Симокатта: «...гунны, живущие на севере восточных областей, — а персы обычно называют их тюрками...».[2] От иранцев же этникон «тюрк» примерно в то же время проник и в арабскую среду, где он впервые фиксируется письменно в доисламской поэзии начала VII в. (ترك).[3] Европейские культура и наука восприняли именование «тюрок» именно от византийцев.

Можно констатировать, что на протяжении всего раннего Средневековья Византия находилась в непрекращающемся и весьма интенсивном контакте с тюркскими народами. Однако в большинстве случаев довольно сложно выделить какую-либо специфику этих контактов в общем потоке взаимоотношений византийцев с северными кочевниками и полукочевниками как тюркского, так и нетюркского происхождения. Ниже будут представлены наиболее значимые события во взаимоотношениях византийцев с тюрками в ранний период, которые следует, однако, толковать с теми оговорками, что мы представили выше: под тюркскими племенными именами практически всегда скрывались конгломераты народов различного этнического происхождения. При этом если в V и VI вв. в этих конфедерациях преобладали германцы, то с конца VI в. — славяне.

[1] Подробнее о византийских классификациях тюрок см.: *Шукуров* 2017, 52—79. См. также: *Шувалов* 2017, 79—123.

[2] *Simocat.* III. 6. 9: «...τῶν Οὔννων τοιγαροῦν τῶν πρὸς τῷ βορρᾷ τῆς ἕω, οὓς Τούρκους ἔθος Πέρσαις ἀποκαλεῖν...»; *Симокатта*, 77. Это повторено и Константином Багрянородным: *Const. Porphyr.* Excerpta, 1:223.1—2.

[3] *Doerfer* 1963—1975, 2:490.

Гунны и германцы

Возможно, уже во II в. н. э. Клавдий Птолемей фиксирует присутствие гуннов на Танаисе, именуя их Χοῦνοι.[4] Под именованием «гунны» скрывалась конфедерация кочевых и полукочевых племен различного происхождения (алтайцев, тунгусцев, индоевропейцев), населявших обширные пространства Срединной Евразии. Аристократическое ядро этого конгломерата племен, возможно, было тюркским (прототюркским) или тюрко-монгольским. Гуннские племена предположительно включали в себя кочевые племена хунну, известные по китайским источникам. В первые века нашей эры они откочевали из Центральной или Восточной Евразии к Черному морю, покорив алан на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, а также причерноморских готов. По мере продвижения гуннов на запад удельный вес в их среде кочевого индоевропейского (скифо-сакского), а в Северном Причерноморье в особенности германского элемента увеличивается.[5]

В непосредственное соприкосновение с гуннами греко-римляне вошли позже — в IV в., с их вторжением в Северное Причерноморье и переселением части живших там готов (так называемые вестготы) во Фракию (376 г.). Византийские источники именуют их Οὖννοι. В атаках готов на империю в конце 370-х гг. участвовали и гунны, однако после 380 г. они отошли за Дунай. На рубеже IV и V вв. гунны угрожают империи сразу с двух направлений. Сначала на Кавказе, прорвавшись через Дербент, они дошли до Антиохии Сирийской. Лишь в конце 390-х гг. византийцам удалось вытеснить гуннов из Армении и отбросить их на север за пределы кавказских проходов. На Востоке гунны и позже — на рубеже V и VI вв. — эпизодически беспокоили границы империи. На Западе в начале V в. гунны располагались в Паннонии. Воины гуннского предводителя Ругилы привлекались полководцами империи для операций в регионе. Наследниками Ругилы, умершего в 434 г., стали его племянники Аттила и Бледа; однако скоро Аттила избавился от брата и стал единоличным правителем. Несмотря на прежние соглашения с империей, новый гуннский предводитель Аттила (434—453) опустошил в 442 г. Фракию. В 447 г. на Фракию и Македонию обрушивается новое гуннское нашествие, им-

[4] *Ptol.* Geogr., 1.1:III. 5, 10. 21.

[5] Из богатой литературы, посвященной гуннам, следует назвать: *Гумилев* 1960; *Менхен-Хельфен* 2014; *Kim* 2015.

перии вновь пришлось откупаться от гуннов, за огромную дань согласившихся уйти за Дунай. Глава византийского посольства к гуннам Приск оставил подробный отчет о дворе Аттилы, нравах и обычаях гуннов. Вскоре гунны поворачивают в западную часть империи. В Галлии в июне 451 г. они потерпели поражение в великой битве на Каталаунских полях. Вскоре после этого Аттила скоропостижно скончался (453 г.). В 460-х гг. один из сыновей Аттилы попытался вновь возложить дань на империю, однако не достиг успеха и погиб в борьбе с императорскими войсками.

Знаменательно, что в германских и гуннских нашествиях (а также и во многих последующих) неизменно участвовали и иранские кочевники, именовавшиеся греческими и римскими авторами сарматами, аорсами, сираками, роксоланами, язигами, аланами и др. Присутствие сармато-аланов фиксируется на большей части территорий, охваченных Великим переселением народов — от Дуная и Балкан до Галлии, Пиренеев и Северной Африки.[6]

В последующие годы гунны сошли с исторической сцены как политическая сила, оставив, однако, о себе яркую память в византийской литературе на века. Между тем они продолжают упоминаться в источниках. В разные годы множество гуннов, как пленников, так и добровольных переселенцев, расселилось во Фракии. Они, равно как и те их соплеменники, что находились за пределами дунайской границы, эпизодически упоминаются как участники внутриполитической борьбы в империи.

Гунны упоминаются в византийских источниках и в правление Анастасия, и в эпоху Юстиниана I (527—565). Они набирались в армии Юстиниана I и участвовали в операциях в Северной Африке и Италии. Тут под гуннами подразумевались, скорее всего, тюркские кочевники и полукочевники Северного Причерноморья, именовавшиеся в источниках также утигурами, кутригурами (Οὐτίγουροι, Κουτρίγουροι[7]), булгарами, которые прежде, возможно, входили в гуннскую кочевую державу. К какой именно тюркской ветви относились кутригуры и утигуры, — сказать трудно. В середине VI в. кутригуры кочевали между Днепром и Доном, утригуры — восточнее Дона. В 551 г. они откликнулись на просьбу германцев-гепидов о помощи в борьбе с империей и совершили рейд на Балканы. Империи удалось на время остановить набеги

[6] *Бахрах* 1993.

[7] Вариантные именования см.: *Moravcsik* 1983, 2:171, 218, 238.

кутригуров, спровоцировав против них поход их соседей утигуров. Однако тюрки, увидев богатство империи, стремились к новым набегам. В 559 г., пройдя по льду замерзшего Дуная, они совершили новый набег во главе с вождем Заберганом, на этот раз подступив к самому Константинополю. Другие их отряды разграбили Грецию до Фермопил и полуострова Галлиполи. Набег тюрков был отбит уже постаревшим Велисарием, прославленным византийским полководцем. Кутригуры продолжали враждовать с утигурами в последующие десятилетия. Часть кутригуров слилась с аварами, другая их часть вошла в Западнотюркский каганат, а позже присоединилась к булгарской конфедерации, кочевавшей севернее Азовского моря.[8] Для защиты столицы от северных варваров император Анастасий (491—518) в 65 км от Константинополя возвел «длинные стены», простиравшиеся от черноморского побережья до Мраморного моря.

Авары и славяне

С середины VI в. в отношениях Византии с северными народами Подунавья на первый план выдвигаются авары (Ἄβαροι), подчинившие своей власти народы в Паннонии и Северном Причерноморье. Возможно, авары изначально были племенами тюркского происхождения, связанными с тюрками-огурами Средней Азии, вытесненными на запад расширением Тюркского каганата. Однако, как и в случае с гуннами, аварская держава представляла собой полиэтнический организм, в котором тюркские элементы отнюдь не являлись преобладающими.[9] Отношения Византии с аварами поначалу развивались мирно. В 550-х гг. аварский хан Кандик, уходя от гёк-тюрок Средней Азии, приблизился к кавказской границе империи. В 558 г. он прислал многочисленное посольство в Константинополь. Юстиниан I щедро одарил послов и заключил с аварами союз. По договору с Юстинианом авары подвергли страшному разгрому встретившиеся им тюркские племена савиров, утигуров, кутригуров, а также антов. Около 562 г. авары во главе с новым ханом Баяном (562—602) через Подунавье двинулись далее на запад и столкнулись с франками в Тюрингии.

[8] О взаимоотношениях Римской империи и гуннов см.: *Вольфрам* 2001; ССАА; *Heather* 2010.

[9] Классическое исследование об аварах: *Pohl* 2002; о взаимодействии аваров и славян см.: *Pritsak* 1982.

Во второй половине 560-х гг., после разгрома ими в союзе с лангобардами гепидского королевства, авары водворились в придунайских землях и начали военные действия против империи. В 567 г. хан Баян осадил Сирмий (Митровица), который авары посчитали частью своего удела на территории империи, поскольку он прежде принадлежал гепидам, чьи земли авары заняли. В результате был заключен унизительный для империи мир (570 г.), по которому византийцы выплачивали аварам ежегодно 80 000 солидов. Сирмий еще на несколько лет остался в пределах империи.

Между тем в Паннонии появляется новая сила — славянские племена, начавшие грабительские походы на правый берег Дуная. Византийцам поначалу удалось воспользоваться помощью аваров: после разрушительного славянского нашествия на Фракию, Македонию и Фессалию в 577 г. Тиверий II (578—582) обратился за помощью к аварам. Аварское нашествие нанесло урон славянам, и они, по всей видимости, признали верховную власть аваров. Это, однако, не остановило славянские набеги на Балканы.[10]

В 580 г. авары, захватив Сирмий и сделав его своей столицей, усилили свое давление на Константинополь: хан Баян потребовал увеличить дань до 200 000 номисм. Послам было отказано, и осенью 583 г. авары опустошили балканские провинции, дойдя до Анхиала. Император Маврикий (582—602) в конце концов пошел на уступки и по настоянию хана увеличил дань по сравнению с прежней суммой до 100 000 номисм. Вопреки миру, заключенному с аварами, славяне продолжали опустошать Фракию и Македонию. Наступление славян не без оснований связывали в Константинополе с происками аварского хана.

В годы правления Маврикия проблема славян становится главной на Балканах. Военные кампании проводились практически ежегодно, но достичь принципиального перелома императорским силам долго не удавалось. Дело осложнялось тем, что аварский хан, чьими подданными были славяне, избегая крупномасштабных военных столкновений с империей, вместе с тем всеми средствами препятствовал разгрому славян. Лишь в результате эффективных действий талантливого полководца Приска в 590-х гг. византийцам удалось приостановить миграцию славян. Более того, Приск в 601 г. нанес чувствительные поражения самим аварам, поставившие под сомнение само господство аваров на Дунае. Однако после восстания и провозглашения Фоки и начала персидских войн в 602 г. византийцы потеряли преимущество, обретенное благодаря походам Приска. Отныне империя всеми силами избегала крупномасштабной войны с аварами. В первое десятилетие VII в. хаос на Балканах, вызванный переселением славян и аварскими рейдами, усиливается. Автохтонное население — греческое и латинское — концентрируется в прибрежных зонах. В связи с началом персидских войн правительство было не в состоянии сконцентрировать достаточные силы на Балканах.

[10] Основные проблемы славянских завоеваний Балкан и посвященную им обширную литературу см. в: СДПИС; *Curta* 2001; *Curta* 2006.

Беспомощность власти демонстрирует эпизод июня 617 г., когда в ознаменование мирного договора с новым аварским ханом, сыном умершего Баяна, были назначены личная встреча хана с императором Ираклием (610—641) и игры у Длинных стен Анастасия. Авары на самом деле намеревались заманить императора в западню, из которой тот чудом спасся и с большим трудом вернулся в Константинополь. В сложившейся неразберихе авары в течение нескольких дней грабили окрестности Константинополя и даже проникали в отдельные городские районы, опустошив Перу и Влахерны. Даже это беспрецедентное вероломство аваров оставалось безнаказанным, а в 620 г. к ним было отправлено посольство, которое возобновило мирный договор и обеспечило безопасность столицы от аварских набегов. Цель Ираклия состояла в том, чтобы любой ценой сохранить мир с аварами для концентрации усилий на войне с Ираном, который по праву считался много более серьезным противником. Ираклий согласился увеличить ежегодную дань до 200 000 номисм и отослал к аварам знатных заложников, в числе которых были и его родственники.

В византийско-аварских отношениях сложилась довольно причудливая политическая конфигурация. С одной стороны, аварский хан признавал символическое главенство византийского императора: император именовал хана своим сыном, а тот величал императора отцом. Более того, отправляясь на восток, Ираклий назначил аварского хана опекуном своего сына Константина, оставшегося в Константинополе. С другой стороны, лояльность аваров похоже только и ограничивалась символическими жестами: они не только не сдерживали славян от набегов на имперские территории, но и сами не гнушались разбоя. После отъезда Ираклия на восток хан продолжал отправлять на балканские территории империи разбойничьи дружины славян.

Высшей точкой в византийско-аварском противостоянии явились события 626 г., когда Константинополь был осажден одно-

временно аварами и персами. Иранский полководец Шахрвараз, пройдя через всю Малую Азию, взял Халкидон и встал лагерем на берегу напротив Константинополя. Во вторник 29 июля 626 г. войско хана подошло к сухопутным стенам Константинополя. Воинство хана преимущественно состояло из славян, а также самих аваров, булгаров и гепидов. Несмотря на начало враждебных действий, хан потребовал присылки провианта, что было исполнено сыном Ираклия Константином, отправившим вино и пряности. Хан, видимо считая судьбу Константинополя предрешенной, высокомерно требовал сдачи города.

7 августа 626 г. авары предприняли общий штурм. Большую надежду они возлагали на славянский флот — множество лодок, спущенных на воду в северной части Золотого Рога. Со стороны Золотого Рога морские стены города были не столь мощны в сравнении с тремя рядами сухопутных укреплений, поэтому расчет аваров на успешную атаку со стороны Золотого Рога был вполне логичен. Однако византийский флот с легкостью топил славянские лодки, а те булгарские и славянские отряды, которым удалось высадиться, были целиком уничтожены. Защитники открыли городские ворота и бросились на аваров. Преследовали неприятеля даже женщины и дети. Потери врага были колоссальны. Авары разобрали и сожгли многочисленные осадные орудия вокруг стен города, разорили округу и отступили. Защитники города приписывали чудесное спасение Константинополя заступничеству Богородицы.[11]

Первое Болгарское царство

Катастрофа под Константинополем в 626 г. подорвала власть аваров. В Аварском каганате начались междоусобицы. Сначала в Придунавье разразилась тяжелая война с отложившимися славянами, а затем в Паннонии восстали булгары. Вскоре в 632 г. в Причерноморье от аваров отложились тюркские племена во главе с ханом Кубратом (632—665), который в качестве заложника провел детство в Константинополе. Он заключил союз с императором Ираклием и был удостоен титула патриция. Под его властью объединились тюрки-булгары. Владения аваров теперь ограничивались Паннонией.

[11] О перипетиях византийско-аварских отношений см. обобщающую монографию: *Kardaras* 2018.

Хазарские завоевания в Северном Причерноморье вытолкнули на запад около 668 г. ряд тюркских булгарских племен во главе с ханом Аспарухом. Булгары водворились к северу от устья Дуная во время арабской осады Константинополя 674—678 гг. Поход императора Константина IV (668—685) против булгар в 679 г. завершился полным провалом, за которым последовало булгарское вторжение на Балканы. К началу 680-х гг., в течение всего нескольких лет, булгары, войдя в союз с местными славянами на землях между Одиссом (Варной) и Дунаем, прочно обосновались на северо-востоке Балкан и создали там собственное государство, так называемое Первое Болгарское царство. Аспарух укрепил Варну и, возможно, именно Варна стала первой болгарской столицей. Одновременно с этим булгары двинулись на запад и отобрали у авар земли вдоль южного берега Дуная. Константинополю ничего не оставалось, как признать право булгар на захваченные земли и согласиться выплачивать ежегодную дань.

Булгары (Βούλγαροι) — народ, как принято считать большинством исследователей, по происхождению тюркский. Возможно, они были связаны с уногундурами (Ὀνογούνδουροι), кутригурами и утигурами, кочевавшими в степях на север от Черного моря и Кавказа. Однако тюркская идентичность булгар и связанных с ними племен не является неоспоримой: высказываются предположения о преобладании в их среде иранского сармато-аланского этнокультурного элемента. Данные археологии протобулгар позволяют думать, что еще до своего появления в южнорусских и украинских степях протобулгары, даже если они и были изначально тюрками, подверглись существенной ассимиляции со стороны иранских кочевников.[12] Как и в случае с гуннами и аварами, оказавшиеся на Дунае булгары консолидировали полиэтническое сообщество народов и племен, в котором этнически, в наших терминах, преобладали индоевропейцы.[13]

Тюркский каганат

В раннюю эпоху, помимо непосредственного столкновения с кочевниками на своих границах, византийцы вступали с отдаленными тюркскими державами в сношения, состоявшие исклю-

[12] См., например: *Смирнов* 1951; *Бурмов* 1948.

[13] О ранних булгарах, а также их отношениях со славянами и Византией см.: *Рашев* 2005; *Рашев* 2008; *Sophoulis* 2012, 51—103.

чительно из дипломатической коммуникации. Яркую страницу истории византийской дипломатии представляют собой дипломатические связи с Тюркским каганатом, созданным в Средней Азии гёк-тюрками, которых также называют тюркютами. Основатель каганата и вождь гёк-тюрок Бумын-хан из рода Ашина в середине VI в. отложился от тюркского кочевого государства Жужаней (Роу-ран) в степях севернее Китая. Ханы гёк-тюрок, низвергнув жужаней, двинулись на запад и уже к 555 г. достигли Аральского моря, а еще через несколько лет — Волги, которую переходить не стали. Во власти гёк-тюрок оказались обширнейшие степные пространства от Китая до Каспия, они покорили городские культуры восточных иранцев в Средней Азии (согдийцев, хорезмийцев и др.). Именно эти племена впервые стали именовать себя тюрками. Вернее, по всей видимости, имя «тюрк» (т. е. «сильный», «могучий») возникло как почетное именование аристократической верхушки гёк-тюрок.[14] Соответственно с этого времени именование «тюрок» появляется в пехлевийских, а затем и в византийских текстах (Τοῦρκοι). Позже оно было распространено иранцами и византийцами на родственные гёк-тюркам племена, став своего рода генерализирующим этнонимом.

Вскоре тюрки вошли в конфликт с Сасанидским Ираном, что наносило урон прибыльной шелковой торговле, находившейся под контролем согдийцев. Хан гёк-тюрок, по совету согдийца Маниаха, решил установить связь с Византийской империей, продавать шелк византийцам напрямую и обрести в них политический противовес Сасанидскому Ирану. Посольство во главе с Маниахом через степи и Кавказские горы при помощи алан достигло восточной границы империи, а затем и самого Константинополя. Как сообщили послы, имя верховного хана было Сильзивул (Σιλζίβουλος), а каганат состоял из четырех провинций. Ответное византийское посольство к хану было отправлено Юстином II (565—578) в августе 569 г. Во главе него находился комит Востока Зимарх. Иранцы, обеспокоенные складывающимся союзом, пытались подкупить алан, чтобы те уничтожили послов. Однако посольству удалось избежать опасностей и добраться до хана на гору Эктаг. Впечатления от ханского приема, обычаи и нравы тюрок описаны Менандром со слов Зимарха. В последующие годы обмены посольствами продолжались. Менандр приводит список посольств и императорских послов, отправленных к тюркам.

[14] *Гумилев* 2002; *Golden* 1992, 115—154.

Посольства обычно плыли морем от Синопа в Херсон, затем к Таманскому полуострову, а оттуда через степи во владение гёк-тюрок.[15]

В правление Юстина II в 576 г. тюрки выходят к восточной оконечности Черного моря и берут город Боспор. Однако их дальнейшее продвижение на запад было остановлено внутренними раздорами. Каганат распадается на два государства — Восточнотюркский и Западнотюркский каганаты. Последнее посольство от гёк-тюрок прибыло в Константинополь от западного кагана в эпоху Маврикия в 598 г., подтверждая союзническое отношение каганата к империи. Союз с тюрками действительно оказался полезным византийцам в эпоху персидских войн Ираклия. В 627 г. хазары, тогда еще подданные гёк-тюрок, совершили набег на кавказскую Албанию и участвовали в византийском завоевании Тифлиса. Ираклий I отправил свою дочь Эпифанию в жены тюркскому хану Тун-Ябгу, но тот умер до женитьбы, и императорская дочь вернулась в Константинополь.

Хазары

Хазары (в византийских источниках Χάζαροι) по языку принадлежали к тюркам, по всей видимости огузской группы. Первоначально хазарские племена находились под верховенством савиров и вместе с ними совершали набеги на Закавказские владения Сасанидов. Позже они входили в Тюркский каганат, а затем в Западнотюркский каганат. В VI в. хазары занимали территорию современного Дагестана. После 630 г., когда власть Западного каганата пришла в упадок, они сформировали собственное государство. В это же время из Западнотюркского каганата выделилась Великая Булгария во главе с ханом Кубратом. В 660-х гг. после смерти Кубрата хазары атаковали булгар, часть из которых во главе с Аспарухом откочевала к Дунаю, а оставшаяся часть признала главенство хазар. В хазарский каганат вошли территории от восточной части Северного Причерноморья до Восточного Кавказа. Во второй половине VII в. хазары столкнулись с экспансией на север арабов-мусульман. Поначалу хазары оказались сильнее и остановили на некоторое время их продвижение. Борьба с халифатом продолжалась в первые десятилетия VIII в., причем хаза-

[15] *Blockley* 1985, 171—179 (frag. 19.1—2); *Сорочан* 2013, 2/3:24—32.

ры действовали в союзе с Византией. Однако разгром и разорение каганата, осуществленные 120-тысячным корпусом Марвана б. Мухаммада в 737 г., положили конец завоевательным амбициям хазар. Они практически прекращают набеги на мусульманские территории, центр их административной и экономической жизни смещается на северо-запад к низовьям Волги и в Подонье. К этой эпохе относится установление власти хазар над славянами Древней Руси. Тогда же, в середине VIII в., хазары приняли иудаизм.[16]

Отношения между Византией и хазарами были по преимуществу дружественные. Выход хазар в Причерноморье привел к тому, что однажды им пришлось поучаствовать и во внутренней борьбе в империи. Свергнутый император Юстиниан II (685—695 и 705—711) был отправлен в ссылку в Херсон. Ок. 705 г. он обратился к хазарскому кагану Ибузиру Главану с просьбой о помощи. Каган согласился помочь и укрепил союз, выдав за Юстиниана II свою дочь. Однако императору Тиверию III (698—705) удалось расстроить союз. Каган отдал приказ убить Юстиниана. Тот бежал к болгарам и с их помощью вернул себе престол. Жители Херсона перешли под власть хазарского кагана, опасаясь мести императора. Попытка последнего взять город окончилась неудачей. В 711 г. Юстиниан вновь был свергнут, а императором стал Вардан Филлипик (711—713), которому оказали помощь хазары.

Добрые отношения между Византией и Хазарским каганатом сохранялись и далее. В 732 г. будущий император Константин V (741—775), сын Льва III Исавра (717—741), женился на хазарке Чичак, дочери кагана Вирхора, принявшей при крещении имя Ирины. Их сын Лев — будущий император Лев IV (775—780) — получил прозвище Хазарин по происхождению матери. В 787 г. хазары по просьбе Константина VI (780—797) подавили восстание епископа Иоанна в византийских владениях в крымской Готии. Хазарское присутствие в Восточном Крыму сохранялось вплоть до середины XI в.

Византия существенно помогла своим хазарским союзникам в середине IX в., когда в Великой степи вновь происходят масштабные кочевые миграции, а на Руси под воздействием варягов возникают новые государственные образования. Ок. 834 г. император Феофил помог возвести крепость Саркел на левом берегу Дона, которая стала ключевым стратегическим оплотом в регионе. По-видимому, с помощью византийцев хазары возводят цепь укреплений и крепостей на притоках Дона.

[16] Добротный очерк по истории хазар см.: *Плетнева* 1976. Подробнее см.: *Артамонов* 1962; *Golden* 1980; World of the Khazars.

Однако во второй половине IX в. византийские приоритеты на севере меняются. Византия усилиями дипломатии пытается подорвать власть хазар. Византия направляет против хазар союз степных тюрок — печенегов, черных булгар и др. Хазарам удалось справиться с кочевниками только благодаря аланам. И все же Византии вскоре удалось расстроить хазаро-аланский союз. В начале X в. греки подстрекают против хазар русов, и это привело к хазарским набегам на византийские владения в Крыму.[17]

Древнерусское государство положило конец Хазарскому каганату. В 965 г. князь Святослав разбил хазарское войско и покорил Саркел. В последующие годы русы в союзе с кочевыми тюрками разорили хазарские города Итиль и Семендер. На этом история Хазарского каганата как самостоятельного государства завершается, хотя и позже хазары продолжают сохранять некоторое влияние как политическая сила. После поражений, понесенных от русов, хазары попадают в зависимость от мусульманских государей, а хазарская аристократическая верхушка переходит в мусульманство. Хазарские общины эпизодически упоминаются в источниках еще в XI в.

Венгры

Существование Хазарского каганата в определенной мере сдерживало приток новых кочевников из глубин евразийских степей в Европу. Одновременно с ослаблением каганата усиливается давление на него кочевых племен. Первая массовая миграционная волна была представлена угорскими племенами венгров, живших восточнее Урала. Венгры признавали главенство над собой хазар, их предводитель Леведия был женат на знатной хазарке. В 830-е гг. венгры появились в Северном Причерноморье. В византийской литературе их именовали Οὖγγροι, Τοῦρκοι, Μάτζαροι и др.[18] В 837 г. венгры впервые входят в соприкосновение с византийцами — они были призваны болгарами в качестве союзников для подавления мятежа византийских пленных на Дунае, однако византийский флот отбил их атаку. В византийско-болгарской

[17] О византийско-хазарских отношениях см.: *Zuckerman* 2007; *Huxley* 1990.
[18] Другие именования см.: *Moravcsik* 1983, 2:360 (Ungarn).

Рис. 1. Крещение венгерского вождя Булчу (Bulcsú). Миниатюра из Мадридского Скилицы (*Tsamakda* 2002, 173, fig. 323).

войне 894—896 гг. они выступают уже как союзники империи. В 896 г. семь венгерских племен и три хазарских рода каваров во главе с Арпадом (889—907) переселились в Трансильванию и Паннонию. Они были вытеснены из Великой степи тюрками-печенегами, которые бежали от завоеваний огузов, а те в свою очередь — от половцев. Вместе с венграми двигались на запад и многочисленные орды иранских кочевников аланов, оставивших значительный след в венгерской средневековой и современной топонимике, а также и в венгерском языке.[19] В первой половине X в. венгры совершили несколько набегов на балканские провинции Византии. В 940-х гг. несколько венгерских вождей были крещены в Константинополе (рис. 1), а в 953 г. византийцы поставили в Венгрии епископа.

Византийское христианство было влиятельным в восточных и южных частях Венгрии до эпохи Иштвана I (1000—1038), который избрал проримскую ориентацию. Тем не менее греческое присутствие в религиозной жизни Венгрии фиксируется вплоть до начала XIII в.[20]

[19] *Бубенок* 2004, 253—261.
[20] *Moravcsik* 1970; *Róna-Tas* 1999, ch. 2, 8—10.

Особенности ранних контактов

Контакты с северными народами оставили многие следы в жизни византийцев. Представители северных народов, как индивиды, так и более или менее многочисленные их группы, переселялись в империю и становились римскими гражданами. Варварская элита отправляла в заложники к византийцам на многие годы своих детей, которых воспитывали в греческих традициях. Специфические способы ведения войны, практикуемые варварами, их экипировка были восприняты византийскими полководцами и зафиксированы уже как свои в военных трактатах. Даже стили одежды, причесок, расхожие у варваров ткани проникали в местную моду.[21]

Однако выделить какую-либо «тюркскую» специфику в общем потоке взаимоотношений византийцев с северными кочевниками в большинстве случаев не просто. Лишь в одной сфере византийской культуры можно обнаружить однозначно тюркские элементы — в греческом языке того времени. Византийцы зафиксировали небольшой пласт тюркизмов в качестве специфических для кочевников терминов, включавших слова из аристократического, хозяйственного и военного быта, личные имена и племенные названия. Большая часть этих тюркских языковых элементов собрана выдающимся венгерским ученым Дьюлой Моравчиком.[22]

Вместе с тем попытка описать весь спектр взаимоотношений Византии с северными народами как встречу греко-римлян с тюркским миром наталкивается на ряд методологических трудностей. Проблема заключается в том, что современные представления об этнической идентичности в корне отличались от древних. Перечисленные в источниках «тюркские» народы включали в себя не только тюрок, а часто — не столько тюрок, сколько индоевропейские племена, консолидированные тюркской аристократической верхушкой. Согласно современным исследованиям, в эпоху раннего Средневековья в Северном Причерноморье и — шире —

[21] Прецеденты влияния северных народов на римскую и византийскую жизнь до сих пор изучены недостаточно. Большой вклад внес Дь. Моравчик в его «Byzantinoturcica», собравший лексические следы этих контактов в среднегреческом; но в других областях культуры эта работа не имела систематического продолжения. См. о воздействии варваров на византийскую культуру: *Dagron* 2012, 1:305—328 («Ceux d'en face»); *Kolditz* 2017. Намного лучше разработана тема византийского влияния на степняков: *Gandila* 2018.
[22] См.: *Moravcsik* 1983.

во всей Внутренней Евразии мы имеем дело с полиэтничными конгломератами племен, включавшими в себя множество кочевых и полукочевых народностей как алтайского (тюрко-монгольского), так и индоевропейского происхождения (иранцы аланы, германцы, славяне). «Готы», «гунны», «славяне», «авары» и др. именования «северных народов», в письменных источниках оседлых, ни в коем случае не являлись этнической маркировкой в современном смысле, но скрывали под собой некие протогосударственные или квазигосударственные образования, отличавшиеся чрезвычайной этнической пестротой. Эти образования, между прочим, включали в себя и ту или иную меру латинского, греческого, фригийского, иллирийского и других автохтонных элементов. Эти конгломераты племен получали название по господствовавшей в них народности, которая, как правило, не была самой многочисленной. Весьма показателен в этом смысле феномен иранских кочевников аланов, неизменно составлявших в IV—VI вв. многочисленный и культурно влиятельный элемент в завоевательных миграциях, направленных из степной Евразии в Европу и Переднюю Азию.[23]

Отмеченная гибридность этих обществ ярко проявилась на их духовной и материальной культуре. Современная наука в последние десятилетия, в попытках адекватно описать сложный и противоречивый степной мир, накопила значительный фактический и аналитический материал. В кочевнической степи сформировалось гибридное, по преимуществу ирано-тюркское культурное пространство, в котором уже трудно было отделить «этническое» индоевропейское от «этнического» алтайского — это касается и хозяйственных практик, и социальной организации, и материальной культуры, и религиозных представлений и ритуалов.

Однако дело не только в этом. Ныне вполне очевидно, что между цивилизацией (Рим/Византия, Западный и Восточный Иран, Китай) и степью не существовало непроницаемой границы. Ремесленные технологии оседлых широко использовались степняками. Оседлые техники организации и управления обществом заимствовались и адаптировались в степных пространствах. Догосударственные и квазигосударственные модели имели своим истоком практики, изобретенные и развитые оседлой цивилизацией. Более того, именно в евразийской степи встречались и амальгамировались элементы разных оседлых культур — греко-римской, иранской, китайской. Степь посредничала в передаче культурной и материальной информации из одного цивилизационного ареала в другой. Зачастую степь заимствовала из цивилизации, трансформировала и вновь возвращала в нее техники и практики (как например использование длинного кавалерийского меча и стремени).

[23] *Pohl* 1998, 13—24; *Gillett* 2002.

Вместе с тем кочевое пространство оставалось принципиально многоязыким как в лингвистическом, так и в более широком, культурном смысле. Долговременному сохранению полиглоссии способствовала «варварская» парадигма культуры, в которой не существовало развитых, институциональных инструментов аккумуляции и воспроизводства знания, а значит, отсутствовала и центрированность на один язык, который бы выполнял функцию накопительного «банка» для развивающейся традиции. Полиглоссия и выраженная гибридность препятствовали и «этнизации» социокультурного пространства — обнаруживаемые нами практики вряд ли можно привязывать к тому или иному этносу[24].

Таким образом, до XI в. тюрки как политические и культурные контрагенты редко выступали в одиночку и самостоятельно. Тюрки являлись одним из элементов государственных образований (причем чаще не самым многочисленным) наряду сначала с германцами, а позже славянами, а также кочевыми и полукочевыми индоевропейцами. Безусловное преобладание индоевропейцев в государственных и протогосударственных образованиях со времени Великого переселения народов и до XI в. демонстрируется итогами этнических трансформаций в этот продолжительный период: в результате великих миграций произошла славянизация Балкан, а германцы освоили обширные кельтские и латинские территории в западной части империи. Пожалуй, единственным исключением являются венгры, появившиеся в Европе в IX в. Только они из всех неиндоевропейских кочевников этнически возобладали в созданном ими государственном образовании и сохранили собственную языковую идентичность. Однако венгерский элемент, хоть и вошел в соприкосновение с Византией, оставил мало следов во внутренней жизни империи.

Тюркское этническое начало в Тюркском и Хазарском каганатах в VI—VII вв. было выражено в большей степени, чем в государствах гуннов, аваров или дунайских булгар. Однако визан-

[24] Обсуждение этих проблем см., например, в: *Khazanov* 1984; Strategies 1998; *Khazanov* 2001; *Kradin* 2003; *Sneath* 2007; *Curta* 2008; *Di Cosmo* 2010; *Di Cosmo & Maas* 2018.

тийские контакты с ними носили преимущественно дистанционный характер, опосредованный дипломатической коммуникацией. Таким образом, можно констатировать, что в этот период воздействие северных азиатских народов на внутреннюю жизнь империи носило весьма ограниченный характер. Вместе с тем оно дало византийскому миру начальное знание о тюрках, которое окажется востребованным в будущем, когда тюрки окажутся внутри империи.

Глава 2

КОЧЕВНИКИ НА БАЛКАНАХ (XI—XIV вв.)

В XI в. характер взаимоотношений Византии с азиатскими кочевниками кардинально меняется. Кочевники становятся одним из влиятельных элементов политического, экономического и культурного ландшафта византийских территорий как на Балканах, так и в Анатолии. С середины XI и по начало XII в. разрушительные набеги кочевников на балканские и анатолийские провинции империи временами полностью парализуют там традиционные формы жизни (как социальной, так и экономической), делая эфемерным византийский контроль над землями, занятыми тюрками. На протяжении более чем полувека Византия теряла на Балканах и в Анатолии многие свои армии, некоторые были полностью уничтожены пришельцами. Огромные суммы в золоте были выплачены завоевателям в качестве даров или выкупа за пленных. В некоторых районах Балкан и Анатолии полностью прекратилось оседлое земледелие, а крестьяне покинули их, т. е. произошла так называемая *номадизация* территорий.

Вместе с тем не следует забывать, что, как и в раннем Средневековье, орды печенегов, узов и половцев, наводнявшие Балканы, в этническом смысле не были гомогенными. В их среде легко могли быть и индоевропейские кочевники, а также оседлые индоевропейцы (аланы, влахи), по той или иной причине оказавшиеся подданными тюркских вождей. Иранский историк Рашид ал-Дин (XIII в.) сообщает о захвате на Волге монгольским кааном Мунке в 1236/1237 г. мятежных кыпчакских (т. е. половецких) вождей Баджмана (بجمان) и Качир-укула (قاچیراوکوله). При этом историк отмечает, что Баджман принадлежал к кыпчакскому племени олбирлик, а Качир-укула был из племени асов, т. е. иранских кочевников алан. Следовательно, аланы были частью половецкой конфедерации. Были ли сподвижники упомянутых Баджмана и Качир-укула по крови преимущественно кыпчаки или аланы, сказать трудно.[1]

[1] *Рашид ал-Дин* 1980, 2/1:129—132.

Этот пример привел венгерский историк Иштван Вашари, делающий справедливое заключение, что нельзя говорить о моноэтничности тех тюркских конфедераций, которые действовали на Дунае и Балканах.[2]

Очевидно, что в конфедерациях печенежских, узских и половецких племен тюрки все же составляли преобладающее большинство, в отличие от предыдущей эпохи. Так позволяет думать, в частности, то обстоятельство, что окружающие народы лингвистически определяли их как говорящих на тюркских наречиях.

Лицом к лицу

В XI в. тюрки двигались в пределы Византии двумя мощными потоками, которые мы условно назовем (1) *северным* — через Северное Причерноморье к Дунаю и далее на Балканы и (2) *восточным* — через Северный Иран в Армению, Сирию и далее в Анатолию. Причем если «северный» путь был освоен тюркскими и союзными им племенами еще со времен гуннов, то на «восточном» направлении, за редкими исключениями, вплоть до XI в. Византия не сталкивалась с тюркской угрозой. Это было связано с тем, что на северных степных пространствах, в «Скифии», как говорили византийцы, не возникало сколько-нибудь устойчивых оседлых государственных образований, способных остановить шедших с востока кочевников. На «восточном» направлении господствовали развитые оседлые цивилизации (Сасанидский Иран, а затем мусульманский халифат), которые играли роль щита, защищавшего византийскую границу от кочевых нашествий. Ситуация изменилась лишь в середине XI в., когда кочевые тюрки, консолидированные сельджуками, прорвались в Северный Иран и очень скоро дошли до византийской границы[3].

Начало тюркских нашествий с севера и востока совпало с коренной политической и экономической перестройкой Византийской империи, которая выражалась в своего рода «демилитаризации» экономики, начавшейся вскоре после смерти Василия II (976—1025). Империя при Василии II, отвоевав Балканы и Армению на Западе и часть Сирии на Востоке, достигла естественных

[2] *Vásáry* 2005, 10.

[3] Полезный политико-географический обзор степных зон на севере и востоке в контексте византийской истории см.: *Whittow* 1996, 15—37.

пределов своего расширения на текущий исторический момент. Дальнейшее расширение империи на запад и восток вряд ли было возможным и целесообразным. Милитаризированная экономика, нацеленная на решение масштабных военных задач, которая была унаследована от Василия II, не отвечала насущным потребностям империи. Страна неизбежно вступала в период стабилизации и более не нуждалась в огромной полевой армии. Преемники Василия II уже не строили — вероятно, вполне обоснованно — столь амбициозных завоевательных планов. В провинциальной администрации военные уступают место гражданским чиновникам. Параллельно проводились попытки реформировать военную машину. Однако ее перестройка проводилась спонтанно, интуитивно и непоследовательно. Сокращалось финансирование армии и численность войск, стратиотские хозяйства переводились в статус обычных крестьянских. Такого рода «демилитаризации» была подвергнута ключевая пограничная зона в Великой Армении, что оказалось фатальным для византийской Анатолии с началом сельджукских набегов. Возросла роль наемников, которые заменили собой фемное войско. Это приводило, с одной стороны, к восстаниям недовольных реформами военных, а с другой — к резкому снижению обороноспособности империи, поскольку готовой модели нового устройства вооруженных сил не существовало. Наемники, игравшие все более важную роль в византийском войске, из-за частых невыплат руги бунтовали, разоряли территории, их усмирение влекло новые человеческие и материальные потери.[4]

Обострение системного кризиса в правление Константина IX Мономаха (1042—1055), который в наибольшей степени ответственен за демилитаризацию страны, усугублялось одновременными мощными тюркскими ударами с севера и востока. Византийская военная машина и дипломатия далеко не сразу смогли приспособиться к особенностям кочевого нашествия. Византийские полевые части оказывались неэффективными против специфически кочевой военной тактики тюрок, которая напоминала скорее «партизанскую войну» и осуществлялась небольшими мобильными группами воинов. Византийская дипломатия во многих случаях терпела неудачу, ибо вливавшиеся на Балканы и в Анатолию тюркские группы в XI в. не объединялись в централизованные политии по типу оседлых государств, с которыми византийцы

[4] Подробное обсуждение предшествующей историографии относительно «кризиса XI в.» см.: *Holmes* 2005, 538—541.

привыкли иметь дело. Как мы увидим ниже, нельзя обвинить их в полной военной и дипломатической беспомощности перед лицом кочевой угрозы. Как уже говорилось, всю свою историю Византия имела дело с кочевниками, в особенности на своей дунайской границе, и этот опыт аккумулировался в военных трактатах и дипломатических руководствах. Однако особенность XI в. заключалась в неподготовленности государственной машины к масштабным и долговременным кочевым атакам, а также и в необычайной силе кочевой миграционной волны. К этому надо добавить и необходимость со второй половины XI в. воевать с кочевниками на два фронта (балканский и анатолийский) одновременно.

К этому надо прибавить нараставшее распространение влияния нормандцев в византийской Италии, начавшееся в 1030-х гг. и с течением времени поглощавшее все больше денежных и людских ресурсов Константинополя. В самом начале XI в. в Южную Италию устремляются наемники нормандцы, служившие как византийцам, так и их соперникам. К середине столетия окончательно вызревает их намерение покорить Южную Италию и Сицилию, в чем они преуспели под водительством знаменитого Робера Гвискара († 1085). К 1071 г. Византия потеряла свой последний оплот в Южной Италии, а в 1081—1085 гг. пережила жестокую войну с нормандцами уже на западе Балкан и с большим трудом отбила у них важный стратегический порт Диррахий.[5]

Вероятно, перечисленные выше обстоятельства и обусловили тяжелые поражения империи на Балканах от кочевых тюрок и стратегический провал на восточной анатолийской границе. Государственная машина империи не выдержала перегрузки, как внутренней, так и внешней.

Византийские Балканы

Для византийцев естественная граница их мира на севере проходила по Дунаю. Поэтому выход имперской армии на нижнее течение Дуная в эпоху Иоанна Цимисхия (969—976) и последующее закрепление там (с 971 г. и далее) имели не только стратегическое значение, но и идеологическое. В конце X—начале XI в. в нижнем и отчасти среднем течении реки (до Железных Ворот и Сирмия) восстанавливаются пограничные дунайские крепости

[5] *Theotokis* 2014.

и города, которые играли как военную, так и важную торговую роль, привлекая купцов из обширного региона Центральной и Восточной Европы. К южному берегу Нижнего Дуная примыкали обширные равнинные пространства Паристрия, называемые также Дунайской или Мизийской равниной. Дунайская равнина покрыта холмами, достигающими на западе высоты 100—380 м, а на востоке — до 500 м; на востоке к черноморскому побережью равнина переходит в плато Добруджа. В эту эпоху административная и экономическая карта Восточных Балкан во многом была предопределена присутствием кочевников на Дунае и их стремлением на юг, в области развитой городской и земледельческой цивилизации. Для кочевников Подунавья в XI—XIII вв., стремившихся в богатую Фракию и далее — в Македонию, река с ее укрепленными фортами редко оказывалась серьезным препятствием. Если побережье Дуная благодаря фортам довольно прочно контролировалось византийцами, то равнины Паристрия в XI—XII вв. были малонаселенными; огромные пространства, особенно в восточной их части, были совершенно безлюдны. Из-за кочевой угрозы византийцы не в состоянии были эффективно контролировать эти территории. Наиболее надежная коммуникация между дунайской границей и Константинополем осуществлялась по морю, в обход безлюдных равнин Паристрия. Равнины Паристрия ограничены с юга горами Гемус (Балканские горы, Стара-Планина). Средняя и западная части этих гор достигают высоты 1500—2000 м (наибольшая 2376 м), а на востоке они значительно ниже (600—1100 м) и сильно расчленены. Горы Гемус были естественной преградой, защищавшей плодородный юг от северных варваров. Однако и эта преграда не была непреодолимой: на востоке в сторону черноморского побережья горы, понижаясь, сменяются невысокими холмами. На западе и в средней части Гемус пересекали многочисленные горные дороги и тропы, которые, при наличии местных проводников (как правило, влахов), позволяли легко их пересечь.

Мир городской и земледельческой цивилизации начинался южнее Гемуса во Фракии, ограниченной на востоке Черным морем, на юге Мраморным и Эгейским морями и на западе — Родопскими горами. Между Анхиалом на побережье Черного моря и долиной р. Марицы (Эвр) и далее на юг по Марице и ее притокам находились главные городские центры (Адрианополь, Филиппополь, Аркадиополь, Веррия и т. д.), бывшие одновременно и военными опорными пунктами для защиты Фракии от прорывавшихся через Гемус чужеземцев. Обширные равнины Фракии, и особенно

Верхнефракийская низменность, вдоль Марицы были густонаселены и активно культивировались. Долины Марицы от Причерноморской низменности отделены Тунджанскими холмистыми областями и невысокими горами Странджа (до 1000 м).

Две главные магистрали, в первую очередь военного, но также и торгового значения, вели через Фракию на запад. Первый путь вел через Аркадиополь на Адрианополь и Филиппополь по р. Марице, далее — через Сардику к р. Мораве и затем на север по Мораве к дунайскому берегу. Знаменитая Via Egnatia вела от Константинополя на запад по фракийскому побережью и далее по южной кромке Родоп в Македонию через Христуполь (Кавала) — важный стратегический пункт, своего рода ворота на запад из Фракии. Македония ограничена на западе и северо-западе — горами Пинд (высотой до более чем 2000 м), на северо-востоке — Пиринскими горами (почти до 3000 м), на севере — Македонскими горами и на востоке — Родопскими горами. На юге Македонию омывает Эгейское море. Значительную часть Македонии занимают горы и предгорья, рассеченные долинами рек — на западе Алиакмона, на севере — Вардара (Аксий), на востоке — Стримона. В долинах рек жила основная масса населения Македонии и находились важнейшие городские центры: с запада на восток — Кастория, Эдесса, Веррия, Скопье, Серры, Драма и, наконец, Фессалоника в заливе Термаикос — второй город империи после Константинополя. Рельеф и долины рек предопределили и дорожную систему Македонии. Эгнатиева дорога вела через Серры на Стримоне к Фессалонике, после чего раздваивалась: на запад через Эдессу и Охрид дорога вела к Диррахию, а на север вдоль р. Вардар шел путь на Скопье и далее на Ниш на Мораве.[6]

Печенеги

О взаимоотношениях между Византией и печенегами написано много — это и специальные работы, и разделы в трудах по общей истории Византии.[7] Внешняя фактическая сторона отношений известна хорошо, будучи реконструированной в целом в классической монографии В. Г. Васильевского и уточнявшаяся в последующей историографической традиции. Однако в большинстве случаев авторы не идут далее перечисления событий, рассматривая печенежские войны как одно из обстоятельств, усугублявших кризис в империи. Принципиально новый подход предложил румынский исследователь П. Диакону в 1970 г., попытавшийся синхронизировать богатые данные археологии византийских дунайских крепостей с сообщениями письменных источников. Однако увязка нарратива и археологии не везде удавалась П. Диакону, рисуемому образу взаимоотношений не всегда хватает целостности и систематичности[8]. Более концептуальными и систематичными оказались исследования Пола Стивенсона о балканской границе Византии. Английский исследователь, широко используя междисциплинарный подход и привлекая широкий круг источников (письменные, археологические, нумизматика и сигиллография), убедительно реконструирует логику и мотивацию как византийской стороны, так и печенежской.[9]

Этногенез печенежских племен, по всей видимости, протекал в Приаралье в тесном взаимодействии с местными иранскими кочевыми племенами, включая в частности и аланов. Не исключено, что изначала в печенежской общности преобладали иранцы, которые в какой-то момент восприняли тюркский язык. По крайней мере краниология показывает, что в антропологическом облике печенегов преобладал европеоидный тип с примесью монголоидного. По всей видимости, в последующие века и по своей культуре печенеги были весьма близки к иранским кочевникам. До сих пор остается неразрешенным вопрос о печенежском языке — часть ученых относят его к кыпчакской ветви тюркских языков, а другие — к огузской.[10]

С середины IX в. печенеги (в византийских источниках Πατζινάκοι, Πατζινακῖται, а также родовое именование «скифы») продви-

[6] Подробное историко-географическое описание Балканского полуострова в связи с историей Византии см.: *Hendy* 1985, 78—90.

[7] См. важнейшие специальные исследования: *Васильевский* 1908; *Kurat* 1937; *Malamut* 1995. Общие обзоры: *Ostrogorsky* 1963, 276—286, 296—298; *Васильев* 1998, 1:470—471; История Византии, 2:263, 270—279, 289, 315; *Treadgold* 1997, ch. 18—19; *Angold* 1997, 37—40; CHBE, 586—626.

[8] *Diaconu* 1970. Работа П. Диакону хороша привлечением материала раскопок в византийских дунайских городах. Однако он не использовал труд А. Курата, который в анализе нарративных источников местами более подробен и точен, чем румынский исследователь (*Kurat* 1937).

[9] *Stephenson* 2000, 81—107; см. также значительно сокращенный и обновленный очерк П. Стивенсона в коллективном труде: *Stephenson* 2008.

[10] См.: *Golden*, Pečenegs. Не потеряла своей значимости давняя работа, посвященная языку и ономастике печенегов: *Щербак* 1959. О внутренней жизни печенежских обществ см.: *Агаджанов* 1969, 130—132; *Pritsak* 1976.

гаются из Приаралья на запад в результате войн с узами (огузами, см. ниже с. 40), хазарами и венграми. К середине X в. они приближаются к Пруту и устью Дуная. Пока печенеги не соприкасались с границами империи, они рассматривались византийцами как важные посредники для торговли с Севером, а в еще большей мере как могущественная политическая сила, союз с которой позволил бы Византии защититься от всех ее северных врагов.

Восемь начальных глав и 37-я глава трактата Константина VII Багрянородного (913—920) «Об управлении империей» посвящены описанию печенегов и их важности для империи. Константин VII поучал своего сына: «Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом печенегов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т. е. заложников, и апокрисиария, которые прибудут в богохранимый этот град вместе с исполнителем сего дела и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса». Как далее утверждает Константин Багрянородный, печенегов боятся все окружающие народы — русские, болгары, венгры, ни один из них не посмеет напасть на империю, будучи во враждебных отношениях с печенегами.[11]

Эти рассуждения Константина Багрянородного обычно рассматриваются как квинтэссенция византийской дипломатической стратегии — защита империи от набегов варваров руками других варваров, подкупленных и ублаженных византийскими дипломатами. Нет сомнений, что византийцы сознательно реализовывали подобную политику и до Константина Багрянородного, и после него, часто достигая в ней успеха.[12] Однако, что касается печенегов, то на деле те выступали в союзе с болгарами и русскими чуть ли не чаще, чем с византийцами. Так, они поддержали византийские походы русских князей Игоря (879—945) и Святослава (945—972) на Константинополь. Печенеги бывали и союзниками болгарского царя Симеона Великого (864—927).

Печенеги составили непосредственную угрозу византийским владениям на Балканах с начала XI в. Выход Византии на Дунай в правление Иоанна I Цимисхия (969—976), дальнейшие завоевания Василия II в Подунавье и, наконец, разгром Болгарского царства к 1018 г. вернули империю на дунайскую границу. Оборотной стороной этого успеха явилось то, что империя вступила в непосредственный контакт с кочевым миром, до тех пор отделенным от Византии болгарским буфером. Возможно, уже в 1017 г. печенеги угрожали дунайской границе. В 1027, 1032—1036 гг. прорывы печенежских орд не только ударили по византийским опорным пунктам на Дунае, но и разорили Фракию и Македонию вплоть до Фессалоники. Так началась вековая эпопея борьбы между византийцами и печенегами за Балканы.

[11] *Константин Багрянородный*, 36—40/37—41.
[12] Byzantine Diplomacy, 27, 59, 119—125.

Меры византийского правительства на начальном этапе соприкосновения с печенегами нельзя не признать осмотрительными, исходящими из хорошего понимания образа жизни кочевников. Как показал П. Стивенсон, Михаил IV (1034—1041) и его брат и временщик Иоанн Орфанотроф выработали своего рода программу умиротворения печенегов. Заключив мирный договор с кочевниками, византийцы укрупнили и укрепили стратегические твердыни на Дунае, концентрируя население в меньшем количестве городов, которые, однако, были лучше защищены. Южнее Дуная на Мизийской равнине была сохранена «карантинная зона» — отсутствие там поселений и какой-либо оседлой инфраструктуры делало ее естественным препятствием на пути кочевой орды. Наконец, была осуществлена и другая масштабная и эффективная мера — печенегам дали доступ к тому, за чем они и совершали набеги на оседлых, а именно к продуктам оседлого ремесла и земледелия. Рынки дунайских городов были искусственно насыщены монетой, ремесленным и сельскохозяйственным товаром. Дунайские рынки привлекли не только печенегов, но и русских купцов. Рост торговли привел к экономическому буму в регионе, хорошо отраженному данными археологии.[13]

Однако мир на дунайской границе вскоре был нарушен. Около 1045 г. два улуса печенегов (около 20 000 человек) во главе с Кегеном, восставшим против печенежского кагана Тираха, приблизились к Дунаю и попросили византийского подданства. Константин IX Мономах (1042—1055) принял Кегена в Константинополе, почтил его титулом патрикия и назначил печенегам для поселения в качестве федератов области в Паристрии. Кеген был крещен в Константинополе и наречен Иоанном, а монах Евфимий, присланный из Константинополя, крестил его печенегов на Дунае. Между

[13] *Stephenson* 2008, 673—674 (со ссылками на археологические публикации румынских исследователей).

тем Иоанн Кеген продолжал набеги на своего врага Тираха, совершая походы за Дунай. Тирах потребовал от Константина IX остановить Кегена, но получил отказ. Зимой 1046/47 г. печенеги Тираха совершили набег на византийские территории, перейдя через замерзший Дунай. Кегену и византийским войскам удалось нанести поражение хану и захватить его в плен вместе с множеством печенегов. Победе способствовали повальные болезни в среде атакующих печенегов, возможно, вызванные незнакомой пищей и переизбытком вина.

Захваченные печенеги были расселены в районе Сардики, Ниша, Средца и Эвцапела. Тирах и его печенеги крестились и получили византийские титулы. При крещении Тирах был наречен Иоанном. Плененным печенегам выдали оружие, коней и отправили на восточную границу на борьбу с сельджуками во главе с четырьмя предводителями. Однако, вскоре после высадки в Скутарии, печенеги восстали. Они организовали общее собрание, на котором решили порвать с византийцами и вернуться к своим соплеменникам. В источнике «собрание» передано словом κομέντον (←*лат.* conventus), под которым, может быть, подразумевалось тюрк. kengaş «совет, собрание».[14] Переправившись на конях через Босфор, они перешли через Гемус и встали недалеко от Великого Преслава. Некоторые печенеги Иоанна Кегена, поначалу сохранявшие лояльность императору, также перешли на сторону восставших соплеменников. Причиной смуты была избыточная изощренность византийцев, которые по схеме «разделяй и властвуй» хотели сделать печенегов более управляемыми, пользуясь враждой Тираха и Кегена. Однако эта политическая уловка дала прямо противоположные результаты.[15]

В восточной части Балкан воцарился хаос на несколько последующих лет. В 1049—1053 гг. печенеги разоряли Фракию и Македонию, громили византийские корпуса, отправленные против них. После нескольких крупных сражений, в которых попеременно одерживали верх то византийцы, то печенеги, последние пошли на уступки и заключили мир на 30 лет, который предусматривал, как видно, ежегодные выплаты («дары») кочевникам. Византийцы признали за печенегами земли южнее Дуная в Паристрии.

Константин IX, которому так и не удалось вытеснить кочевников за Дунай, признал за печенегами земли между Дунаем и

[14] *Scylitz*., 460.6. О kengaş см.: *Doerfer* 1963—1975, 3:613 (Nr. 1651).
[15] *Васильевский* 1908, 9—17; *Malamut* 1995, 116—123.

Гемусом. Параллельно с этим жителям дунайских городов были назначены ежегодные выплаты, чтобы обеспечить их лояльность и дать им возможность содержать собственную армию как вспомогательные полки вдобавок к византийским регулярным частям, расквартированным там. По-видимому, к этому времени или несколькими годами ранее восходит создание пограничной фемы Парадунавий (Παραδούναβον).[16] Таким образом, Константин IX, убедившись в невозможности решить проблему военным путем, попытался перейти к прежней схеме умиротворения печенегов с некоторыми модификациями. В отличие от первого периода, византийцам пришлось допустить печенегов в «карантинную зону» южнее Дуная (чего они опасались делать с самого начала, чтобы не повторилась история с болгарами в VII в., создавшими там собственное государство). Столпами политики умиротворения было обеспечение печенегов необходимыми средствами через раздачу титулов вождям (а это предполагало и денежное довольствие), прямые денежные выплаты им в виде «даров» и поддержание развитой торговой инфраструктуры на Дунае, которая открывала печенегам мирный доступ к продуктам оседлой экономики. В этих условиях у печенегов не было бы нужды в набегах.

Однако существовал, вероятно, и психологический аспект, урегулировать который византийской администрации было много сложнее: кровопролитные войны 1049—1053 гг. не были забыты печенегами, теперь они вряд ли могли оставаться полностью лояльными Византии. В 1059 г., воспользовавшись войной Византии с венграми, печенеги вновь опустошают византийские владения. Исаак I Комнин (1057—1059) в ответ возобновляет репрессивную политику. Экспедиция к Дунаю, возглавленная самим императором, принесла частичный успех — решивший оказать активное сопротивление вождь Селте был разгромлен. Однако эта кампания не принесла серьезных результатов, но лишь острастила кочевников. Попытки Исаака I дать генеральное сражение печенегам оказались безуспешными — печенеги рассеялись и стали наносить удары малыми группами. Не добившись ничего существенного в открытом сражении, Исаак I вернулся в Константинополь.

Последующие несколько лет печенеги соблюдали мир, чему, вероятно, способствовало продвижение к Дунаю давних их врагов — кочевых узов (Οὖζοι). Греческое именование Οὖζοι, по-ви-

[16] *Stephenson* 2000, 92—93.

димому, передавало тюркское именование oğuz.[17] Узы, упоминавшиеся в византийских источниках, принадлежали к тюркам из могущественной в X в. огузской конфедерации, которая кочевала в южнорусских степях и хорошо известна из русских источников. Они именовались в русских источниках торкъ, торчинъ, торци, а в хазарских землях — ṭwrqw/ṭwrqia (טורקיא, טורקו). Во второй половине X в. узы/торки в союзе с русскими князьями воевали против хазар и булгар. В середине XI в., под давлением половцев, часть огузов двинулась на русские княжества, а затем далее на запад к Дунаю.[18] Зимой 1064 г. узы хлынули в Паристрий и далее во Фракию и Македонию. Их набеги докатились до Фессалоники и почти до самого Константинополя. В конце концов византийцам золотом удалось внести раскол между узскими вождями. Одновременно с этим среди узов начались повальные болезни, вызванные непривычной пищей и питьем. Довершили дело атаки византийских войск и их печенежских союзников. Остатки узов бежали за Дунай, а часть из них перешла на сторону империи. Некоторые бежавшие за Дунай узы в голодные годы также приняли византийское подданство и были расселены на Балканах. Вожди узов получили высокие дворцовые титулы. В византийской армии в качестве наемников (μισθοφόροι) появились печенежские и узские подразделения, именовавшиеся общим именем «скифы»; это была легкая кавалерия, конные лучники. Не исключено, что в XI в. эти «скифы» были расселены, в частности, в районе Охрида и именно их потомки позже будут названы Анной Комниной «охридскими тюрками».[19]

Константин X (1059—1067), учтя уроки предшественников и в первую очередь Исаака I, вновь вернулся к политике умиротворения печенегов. Археология указывает на рост торговой активности в дунайских городах в это время. Одним из признаков экономического подъема было увеличение выпуска местной монеты в Дристре. Не прекращались и вливания в дунайскую экономику константинопольской монеты. В период 1059—1072 гг. не было значительных восстаний печенегов, что подтверждает эффективность политики умиротворения.[20]

Однако через десятилетие установившаяся стабильность в регионе вновь нарушилась. Похоже, что истинные причины тому

[17] Oğuz ← *тюрк.* *oğ / uq «родство», следовательно, oğuz обозначало «род», «племя», «союз племен» (*Golden* 1992, 206).

[18] *Агаджанов* 1969, 150—162; *Golden* 1994, 275—277.

[19] *Анна Комнина*, 145—146.

[20] *Stephenson* 2000, 96—98.

были сугубо экономического характера. При Михаиле VII (1071—1078) руководивший правительством логофет дрома Никифорица отменил ежегодные субсидии дунайским городам и «дары» печенегам, тем самым невольно разрушив главные столпы прежней политики умиротворения. Возможно, прекращение выплат было частью неудавшихся экономических реформ Никифорицы, вынужденного перейти к политике жесткой экономии. Из-за неурядиц в Анатолии в империи образовался острый бюджетный дефицит. Возможно, Никифорица в рамках бюджетной экономии стремился минимизировать затраты и установить более жесткий фискальный контроль над рынками дунайских городов. Дунайские города и печенеги ответили мятежом. В 1072 г. Дристра отложилась от империи. Дунайское ополчение и печенеги во главе с катепаном Нестором разграбили окрестности Адрианополя и дошли до самого Константинополя. После переговоров осада столицы была снята, а Нестор вернулся на Дунай.[21] Однако, судя по всему, выплаты так и не были возобновлены, что заставило кочевников перейти к набегам и грабежам. В 1077—1080-х гг. равновесие между кочевниками и оседлыми на Балканах было окончательно утрачено, что усугублялось частыми мятежами там византийских полководцев. Печенеги продолжали свои набеги на мирное население, охотно выступали в качестве наемников то на стороне мятежников, то на стороне центральной власти. На Балканах с каждым годом усугублялся хаос, осложненный и активизацией в 1080-х гг. богомилов Филиппополя.[22]

В 1077 г., когда в империи произошло сразу несколько мятежей против власти Михаила VII, печенеги поначалу выступили на стороне императора и осадили мятежного Никифора Вриенния в Адрианополе. Однако в последовавшей затем смуте печенеги выступили на стороне мятежников и, пользуясь безвластием, подвергли разорению Фракию и Македонию. Вместе с печенегами в набегах участвовали половцы, впервые появившиеся тогда на Балканах.

В правление Никифора III Вотаниата (1078—1081) устанавливается связь между павликианами Филиппополя, переселенными сюда из Малой Азии в X в., и богомилами дунайских городов. Результатом был печенежский набег на окрестности Ниша и Средца в 1080 г., спровоцированный богомилами. Однако печенеги по-

[21] *Malamut* 1995, 130—132. О реформах Никифорицы см.: ЕНВ, 2:453, 742—743.

[22] *Malamut* 1995, 132—135.

лучили отпор от Алексея Комнина, тогда еще находившегося на службе Никифора III.

К восшествию на престол Алексея (1081—1118), когда казна окончательно опустела, для экономического «умиротворения» печенегов не было свободных средств. Единственный выход, который был у Алексея I, — война до победного конца. Поначалу он попытался комбинировать методы дипломатии с силовым решением печенежской проблемы.

Попытки Алексея I подавить мятеж павликиан у Филиппополя в 1086 г. привели к новому набегу печенегов, которые были отогнаны византийцами во главе с Татикием, византийским военачальником тюркского происхождения. В 1087 г. печенеги хана Челгу в союзе с половцами и низложенным венгерским королем Соломоном опустошили Фракию вплоть до побережья Мраморного моря, но потерпели поражение в решающей битве, в которой погибли Челгу и Соломон.

В 1087 г. Алексей I заключил с кочевниками мирный договор, а также привлек на свою сторону некоторые дунайские города. Император планировал защищать Фракию и Македонию, блокировав для печенегов проходы через Гемус. Сам тем временем стал готовить крупномасштабный поход на печенегов со всеми находившимися в его распоряжении силами. Летом 1088 г. Алексей I собрал значительные военные силы и отправил черноморский флот на Дунай. Печенеги, устрашенные приготовлениями, запросили мира, но император отверг предложение и арестовал послов. Император во главе многочисленной армии приблизился к Силистрии и взял город. Однако в сухопутном сражении с печенегами Алексей I потерпел поражение и с трудом избежал плена. Громадный выкуп за пленных византийцев, высланный Алексеем I печенегам, стал причиной разгрома последних. В преддверии большой войны печенеги запросили помощи у половцев, кочевавших по ту сторону Дуная. Половцы, пришедшие на помощь печенегам с опозданием, потребовали часть добычи себе. Печенеги отказались поделиться и подверглись страшной резне со стороны половцев.

Однако ни это, ни попытки императора откупиться уже не могли остановить печенежские набеги в 1089—1090 гг. Дело осложнялось и тем, что мятежник Чага (Τζαχᾶς ← *тюрк.* çaqa «дитя»[23]),

[23] *Rásonyi & Baski* 2007, 187, а также ср. с древнерусс. ꙗгꙗ «дитя» от того же тюрк. слова (*Попов* 1949, 116).

византийский полководец тюркского происхождения, захватил в Малой Азии Смирну, Фокею, Клазомены, острова Лесбос и Хиос и женился на дочери сельджукского султана. Чага хоть и опирался на своих тюркских собратьев, налаживая контакты с печенегами, сельджуками в Анатолии, а также и тюрками на службе Алексея I, но действовал скорее по византийской модели мятежного полководца, объявив себя римским императором. Выдвинув претензии на византийский трон, Чага установил контакт с печенегами и рассчитывал организовать совместный с ними поход на Константинополь.[24]

В 1090 г. 500 рыцарей, прибывших на помощь от Робера Фландрского, были отправлены в Анатолию против Чаги. Сам император Алексей I в 1090 г. успешно отбивал атаки печенегов на Чурул. Весной 1091 г. император с весьма малочисленными силами попытался противостоять печенегам во Фракии и на подходах к столице. Благодаря изобретательности императора, ему удалось нанести поражение печенегам под Хироваккхом (городок, в нескольких десятках километров от столицы). Сначала было успешное и неожиданное нападение императора с несколькими сотнями смельчаков на полупустой печенежский лагерь, а затем, переодевшись в печенежское платье, византийцы нанесли чувствительные удары по кочевникам, занимавшимся грабежом в округе. Однако замирить печенегов и выдворить их из Фракии и Македонии с теми немногими силами, которые были в распоряжении Алексея I, не удавалось.

Тем временем весной 1091 г. ожидалась высадка сил Чаги на Балканах и объединение его с печенегами. По его мысли, печенегам следовало захватить полуостров Галлиполи, чтобы стало возможным установить прямую коммуникацию с ними из Малой Азии.

Находясь в безвыходном положении, Алексей I просил о помощи потенциальных союзников, в частности Рим и половецких вождей. Дунайские города поддерживали печенегов. Область Дристры контролировалась Татом (или Хали), а Вицина — Сеславом и Саджой, независимыми от византийцев местными вождями. Алексей I не мог допустить объединения его врагов, что поставило бы Константинополь в весьма сложное положение. Император отозвал из-под Никомидии 500 фландрских рыцарей и собрал остатки войска. В ожидании приближавшегося подкрепления Алексей устроил лагерь у Эноса. Было очевидным, что с

[24] *Anna Comn.* VII. 8, IX. 1.

наличествующими силами Алексею I не выстоять против печенегов, весть о наступлении которых он вскоре получил. Помощь пришла от половцев, внезапно появившихся у лагеря Алексея I. Половецкие вожди, наиболее значительными среди которых были Маниак (в русских летописях Боняк) и Тугоркан, были приняты императором и богато одарены; в подтверждение союза половцы прислали в лагерь византийцев заложников.

Алексей опасался сговора между печенегами и половцами, однако выбора у него не было, и он дал генеральное сражение печенегам 29 апреля 1091 г. у горы Левуний. Печенеги, неожиданно для себя оказавшись в роли защищавшихся, оборонялись в собственном лагере, огражденном опрокинутыми телегами. Битва вскоре обратилась в поголовное уничтожение как печенежских воинов, так и их женщин и детей. Резня длилась до заката солнца. Половцы и греки захватили огромное число пленных и богатую добычу. Пленных печенегов было слишком много, чтобы обеспечить их надежную охрану. В следующую ночь значительная их часть была вырезана греками, как утверждает Анна Комнина, вопреки воле Алексея I, посчитавшего это бесчеловечным. Часть половцев, потрясенная жестокостью расправы, бежала без оглядки за Дунай. Алексей I отослал их часть добычи им вслед.

Таков был конец печенежской орды. В припеве к песне, сложенной греками по поводу этой победы, пелось: διὰ μίαν ἡμέραν οἱ Σκύθαι τὸν Μάϊον οὐκ εἶδον («Из-за одного только дня скифы так и не увидели мая»).[25] Оставшиеся в живых печенеги были расселены в области Моглен, севернее Водена/Эдессы в Македонии. В войске Алексея I они служили в качестве легкой кавалерии. После победы над печенегами византийцам удалось полностью восстановить свой контроль на Дунае и в Паристрии.

Однако какие-то печенежские группы продолжали существовать за Дунаем. В 1122 г. кочевники пересекли Дунай с намерением совершить набег на византийские территории. Иоанн II (1118—1143) зимой и весной 1123 г. готовился к отражению атаки, встав в районе Веррии (Стара Загора). В результате двух упорных сражений византийцам удалось разгромить кочевников. По словам Киннама, пленные печенеги были внесены в воинские списки (т. е., скорее всего, принуждены к оседлому образу жизни) и долго прослужили в византийской армии.[26] Пленники были наделены землей, по словам Хониата, «на западных границах» империи, т. е., вероятно, где-то в Западной Македонии, где они, возможно, жили и в начале XIII в. Довершению разгрома печенегов сам Иоанн II придал большое значение — он учредил «Печенежский праздник» (ἡ τῶν Πετζινάκων τελετή) в честь этой победы, который справлялся еще в начале XIII в.[27]

[25] *Anna Comn*. VIII, 5.
[26] *Cinn*. I. 3 (p. 8—9).

Большинство историков считает, что в 1123 г. империя подверглась нападению тех остатков печенежских племен, которые продолжали кочевать на севере от Дуная. П. Диакону выдвинул предположение, что на самом деле Иоанн II имел дело в 1123 г. с половцами, ибо печенеги были почти полностью уничтожены в 1091 г. у горы Левуний, а те, кто выжил, были посажены на землю. Как показывает археологический материал, куманы к этому времени уже расселяются в долине нижнего Дуная. Более того, хроника монофизитского патриарха Михаила (XII в.) утверждает, что в 1123 г. Иоанн II столкнулся именно с куманами. Румынский историк предполагает, что Никита Хониат ошибся, связав происхождение праздника с победой Иоанна II в 1123 г., но не Алексея I в 1091 г.[28] Последнее замечание П. Диакону представляется в высшей степени маловероятным: вряд ли Хониат, профессиональный историк, мог ошибиться в этом. Тем более что праздник справляли еще во времена Хониата, следовательно, сохранялась общеизвестная и общепринятая традиция о его происхождении, которая не могла быть ошибочной. Сомнения П. Диакону правомерны, но недостаточны для ревизии сообщений Киннама и Хониата.

Суммируя сказанное, можно предположить, что в набеге печенежских племен могли участвовать и половцы, которые начинают в этот период преобладать в придунайском регионе. Сами византийцы расценили победу Иоанна II как окончательный разгром печенегов.

Последние упоминания печенегов связаны с их участием в войске венгров — в первый раз в составе венгерского войска, пришедшего на помощь сербам во время византийско-сербской войны в 1150 г.[29], а во второй раз между 1208 и 1211 гг. в составе венгерского войска, участвовавшего в подавлении восстания в Видине по приглашению болгарского царя Борила (1208—1218).[30] Как видно, какие-то остатки печенежских племен все еще коче-

[27] *Nic. Chon*, 16.12—14.
[28] *Diaconu* 1978, 62—71.
[29] *Cinn*. III. 8 (p. 107).
[30] *Vásáry* 2005, 58—60.

вали на венгерской территории.[31] После этой даты печенежские набеги на Балканы источниками более не фиксировались. Однако в 1230-х гг. в районе византийской Смирны (Анатолия) в одном из документов в качестве свидетеля упоминается некий Михаил по прозвищу Печенег (Πατζινάκης).[32] Этот человек был либо иммигрантом-печенегом, возможно, вольноотпущенником, либо сыном эмигранта. Вероятно, отдельные представители печенежских племен в эту эпоху время от времени продолжали попадать на византийскую территорию в качестве либо переселенцев, либо перебежчиков или рабов.

Печенежские портреты

До появления на византийской территории печенеги, как утверждают греческие авторы, исповедовали язычество. Что подразумевалось под их «язычеством», сказать трудно. Есть сведения, что в недалеком прошлом какая-то часть печенегов обратилась в мусульманство. Однако вряд ли те кочевники, которые пересекли Дунай, были мусульманами. Возможно, они практиковали шаманизм; не исключено, что в их среде были и манихеи, исповедующие религию, которую они восприняли в бытность свою в Средней Азии. На приверженность печенегов манихейству, возможно, указывает их союз с балканскими павликианами, а также и то, что к XII в. в районе их расселения в феме Моглен расцвело родственное манихейству богомильство.[33] Не исключено и то, что в период пребывания в Средней Азии печенеги обращались в христианство (скорее всего, несторианство). В любом случае очевидно, что те печенеги, которые перешли в римское подданство, были крещены (или перекрещены) по православному обряду, однако это не означает, что все они стали верными адептами византийского православия.

О повседневной жизни и внешности печенегов византийцы пишут мало. Обширный пассаж Михаила Пселла о печенегах

[31] О печенегах в Венгрии см.: *Pálóczi Horvath* 1989. Общий обзор и локализацию археологических находок в Венгрии, связанных с печенегами, см.: *Hatházi & Szende* 2003.

[32] MM, 4:33 (№ VII).

[33] *Щербак* 1959, 371—372. О соотношении павликианства, богомильства и манихейства см.: *Stoyanov* 2000, 126—128, 162—163.

(«мисах») изобилует многими неточностями и вымыслами,[34] однако содержит и несколько правдоподобных замечаний: печенеги жили в шатрах, могли при необходимости утолять жажду кровью коня, отворяя мечом его вены, а также и питались кониной. Византийцы упоминали умение печенегов использовать набитые соломой кожаные мешки для преодоления широких рек (Никита Хониат), их страсть к кобыльему молоку и конине, их равнодушие к хлебу и льняным или шелковым одеждам, которым они предпочитали шкуры; скифы не берут приданого, но обеспечивают невесту брачным даром; вызывала уважение верность печенегов клятвам, которые они скрепляли своими варварскими ритуалами; они чтут евангельские заповеди относительно нестяжательства лучше римлян, как некое «природное наследие» (Михаил Хониат).[35] Анна Комнина многократно упоминает укрепленные телегами лагеря печенегов, а также, что у них были характерные и легко узнаваемые одежды — τὰ σκυθικὰ ἄμφια (не уточняя, какие именно).[36] Анна отмечает, что лицо скифянок «имело удлиненную форму»,[37] что вполне отвечает нашему знанию об антропологическом типе печенегов.

Печенеги, естественным образом, были простодушны и чужды рафинированной мудрости византийцев, чем последние не прочь были воспользоваться. Однажды (возможно, в 1087 г.) в момент переговоров Алексея I с печенегами слуги сообщили императору, что сегодня ожидается солнечное затмение. Алексей I ловко воспользовался этим, убедив печенегов принять его условия, в случае если вскорости на небе будет какое-то знамение. Через пару часов началось затмение, а печенеги были обескуражены.[38] Им было невдомек, что римляне способны предсказывать небесные явления.

Хотя у нас, как кажется, нет никаких шансов выяснить хотя бы примерную численность печенегов на византийских Балканах, однако их орды, судя по всему, были весьма многочисленны. В од-

[34] Пселл почти везде неубедителен в описании вооружения и тактики печенегов: он утверждал, что они вооружены только копьями, не имеют ни мечей, ни шлемов и лат, ни щитов, а также не знают укрепленных лагерей. Византийский историк явно ошибался и в «атеистических» воззрениях печенегов: «никакого божества, я не говорю уже о Боге, они не почитают: все, по их мнению, происходит само по себе, и смерть для них конец всякому существованию» (*Psel.*, 7. LXVIII—LXIX; *Пселл,* 161).

[35] *Крюков* 2009.

[36] *Анна Комнина*, VIII. 1.

[37] *Анна Комнина*, III. 3.

[38] *Анна Комнина*, VII. 2.

ном месте Анна Комнина говорила, что численность печенежской орды составляла отнюдь «не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах».[39] На многочисленность скифов косвенно указывает и большое их число, оказавшееся внутри византийского общества и оставившее яркий след в памяти современных им поколений греков. Византийские авторы создали весьма красочные и запоминающиеся образы скифов.

Один из вождей печенегов — Иоанн Кеген — был, пожалуй, наиболее яркой личностью, по крайней мере таковым его представляли византийские историки Иоанн Скилица и Иоанн Зонара. Как говорилось выше, именно он первым из печенегов перешел в византийское подданство, принял христианство и был почтен византийским титулом патрикия и должностью «магистра и архонта Печенегии». Одержав вместе с византийцами победу над своим врагом Тирахом и захватив его самого, его знать и множество печенегов в плен, он советовал императору всех их казнить. Кеген ссылался на печенежскую пословицу, согласно которой следует убить змею зимой, пока она не в состоянии двинуть хвостом, ибо согретая солнцем она принесет много несчастий. Однако это предложение было расценено византийцами как «варварское, нечестивое и недостойное римского милосердия». Вопреки настояниям Кегена Тирах и другие знатные печенеги не были казнены, но, напротив, взяты на службу империи. Сам же Кеген частью продал в рабство, а частью казнил захваченных им пленников. Этим, как видно, он нажил много кровных врагов среди своих единоплеменников. Для византийцев же проявленная ими гуманность по отношению к печенегам, как мы видели выше, принесла большую смуту.

В 1049 г. Кеген по призыву императора Константина IX отправился к Константинополю и расположился на ночлег у столицы, чтобы наутро отправиться на встречу с самодержцем. Однако ночью во сне он был атакован тремя печенегами. Кеген был лишь легко ранен, а его старший сын Валчар (Βαλτζάρ ← *тюрк.* Balçar) захватил нападавших. Наутро Кеген в колеснице вступил в город и направился на Константинопольский ипподром для встречи с императором, волоча за собой неудачливых заговорщиков, привязанных к колеснице. Однако император поверил навету преступников, показавших на допросе, что истинным намерением Кегена

[39] *Anna Comn.* VIII. 5. 8. 10: «... οὐ μυριάνθρωπον, ἀλλ' ἀριθμὸν ἅπαντα ὑπερβαῖνον...»; *Анна Комнина*, 237.

было разграбление Константинополя, чему они и попытались помешать. Когда василевс спросил Валчара, почему тот немедленно не убил заговорщиков, тот ответил, что они выкрикивали имя императора и он не посмел лишить их жизни. Кеген и его сыновья (Валчар и Кулин) на некоторое время попали в темницу.

Однако вскоре Константин IX освобождает Кегена и отправляет его на переговоры к враждебным печенегам, разорявшим византийские земли. Но счастье отвернулось от Кегена — как только он прибыл к ним, печенеги убили его, нарушив данную ими клятву, и разорвали его тело на куски (1051 г.).[40]

Сохранилась византийская печать Кегена, на аверсе которой изображен Иоанн Предтеча с начертанным именем святого (Ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος), а на реверсе надпись — Κύριε βοήθει Ἰωάννῃ μαγίστρῳ καὶ ἄρχοντι Πατζινακίας τῷ Κεγένῃ, т. е. «Господи, помоги Иоанну Кегену, магистру и архонту Печенегии» (рис. 2).

Рис. 2. Печать Иоанна Кегена, найденная в Силистре (*Jordanov* 2003—2009, 2: N 307).

Враг Кегена Тирах недолго находился на службе императора. Уже в 1049 г., отправленный на Балканы усмирять враждебных печенегов, Тирах перешел на сторону врага. В связи с событиями 1053 г. он в последний раз упоминался Иоанном Скилицей как вождь враждебных печенегов, нанесший поражение византийцам при Великом Преславе. Между тем сохранилась печать Иоанна Тираха от времен его службы у византийцев. На аверсе печати изображен св. Михаил с подписью Μιχαήλ, а на реверсе содержатся имя и титул хозяина печати: Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἰωάννῃ

[40] *Zonar*., 641—643; *Scylitz*., 471—472 (смерть Кегена).

Рис. 3. Печать Иоанна Тираха, примерно датируемая 1047—1049 гг. (Думбартон Оукс, BZS. 1958. 106.5725).

πατρικίῳ καὶ στρατηγῷ τῷ Τυράχ, т. е. «Господи, помоги рабу Своему патрикию и стратегу Иоанну Тираху» (рис. 3).

Византийцы восхищались печенегами как искусными стрелками из лука и великолепными наездниками. Они служили в византийском войске в качестве легкой кавалерии и конных лучников, греки именовали их «скифскими полками», «скифскими союзниками».[41] Причем при использовании этих скифских полков (печенегов, а также аланов, узов и половцев) византийцы активно применяли специфические для кочевников приемы боя — массированные неожиданные обстрелы неприятеля конными лучниками, заманивание врага в засаду и т. д. Распространенный кочевнический прием скорого тактического отступления особо красочно описал Михаил Пселл: встретив отпор, печенеги «отступают в беспорядке и рассеиваются кто куда: одни бросаются в реку, выплывают или тонут в водоворотах, другие скрываются от преследователей и исчезают в гуще леса, третьи придумывают еще что-нибудь. Разом рассеявшись, они потом снова отовсюду незаметно сходятся в одно место, кто с гор, кто из ущелий, кто из реки».[42] При столкновении с западноевропейскими тяжеловооруженными всадниками целью византийских скифов были вражеские кони, ибо, спешившись, франки становились много более уязвимыми.[43]

Один из печенежских воинов на византийской службе изрядно рассмешил греков. Хотя он и был весьма низкого роста, ему

[41] См., например: *Анна Комнина*, 64, 336—337.

[42] *Psel.*, 7. LXVIII; *Пселл,* 161. Хотя, как кажется, Пселл так и не увидел в этом приеме печенегов специфическую военную тактику.

[43] *Анна Комнина*, 357.

удалось пленить в сражении франка-исполина — кузена Боэмунда Тарентского в ходе неудачного похода последнего на Балканы (1106—1108). Анна преувеличивает, говоря, что франк был ростом в 10 футов (εἰς δέκατον πόδα), т. е. более трех метров (10×31.23 см), но очевидно, что он был очень высок, ибо печенег «не доставал ему даже до ягодиц». Гротескный вид огромного пленника, ведомого скифенком-пигмеем (πυγμαίου Σκυθιδίου), вызвал бурное веселье сначала у Кантакузина, непосредственного командира печенега, а потом и во дворце Алексея I, куда пленник и его хозяин были присланы ради смеха.[44]

Печенежские воины далеко не всегда были верны византийцам. 26 августа 1071 г. в судьбоносной битве при Манцикерте печенежские и узские полки перешли на сторону сельджукского султана Алп-Арслана, внеся существенную лепту в поражение византийцев. Печенеги охотно поддержали восставших в 1084 г. манихеев (вероятно, павликиан) во главе с Травлом. В 1086 г. в битве с восставшими у Белятово (около Пловдива) погиб Григорий Бакуриан — знаменитый византийский военачальник и меценат армяно-грузинского происхождения, щедрый даритель афонскому Иверскому монастырю и основатель Иверского монастыря в Петрицосе (Бачковский монастырь).[45] В 1090 г. двое «скифов», вероятно печенегов, из армии Константина Далассина в Хиосе перебежали на сторону мятежника Чаги и сообщили ему о планах византийцев.[46] Печенежский перебежчик к византийцам Неанц оказался весьма хитрым человеком: в 1091 г. перед битвой у Рузия, будучи приближенным Алексея I, он под предлогом рекогносцировки приблизился к печенежским порядкам и сообщил врагам-печенегам о слабости императорских войск. Он дал совет укрепить печенежский лагерь повозками, а с началом сражения перешел на сторону сородичей и обратил оружие против греков. Но справедливость восторжествовала — когда коварный Неанц вновь решил перебежать на сторону греков перед знаменитой битвой при Левунии, он был арестован Алексеем и закован в кандалы.[47] Поведение Неанца, менявшего враждующие стороны, не было уникальным. Похоже, это было довольно распространенной схемой поведения: так, например, поступал и печенег Татран, который «неоднократ-

[44] *Анна Комнина*, 355. Я. Н. Любарский ошибочно понимает под τὸν τοῦ Βαϊμούντου ἐξάδελφον указание на «брата Боэмунда».

[45] *Анна Комнина*, 180—181, 201—202.

[46] *Анна Комнина*, 219.

[47] *Анна Комнина*, 221—223, 235.

но переходил к самодержцу и вновь возвращался домой; Алексей каждый раз прощал его, и скиф горячо полюбил императора за его долготерпение».[48] В целом в источниках часто упоминается о переходе именно печенегов на сторону врага, особенно если последний оказывался явно сильнее: так, в самом начале битвы при Левунии один из печенежских вождей вместе со свитой перешел на сторону половцев, союзных грекам.[49] Подобная схема поведения характерна для акритских пограничных зон и хорошо известна из примеров анатолийского пограничья в X—XI вв. Эта знаменательная проницаемость границы ярко отражена в художественном обобщении византийским эпосом «Дигенис Акрит», который посвящен предыдущей эпохе византийско-арабских войн.[50]

Как и многие другие народы Евразии, греки заметили особую склонность тюркских кочевников к грабежам — обратив в бегство врага, они немедленно рассыпались по территории, захватывая пленников и добычу. Анна Комнина точно отмечала в этой связи: «Таково скифское племя: не разбив до конца неприятеля, не закрепив успеха, они, предаваясь грабежам, губят победу».[51] Интересно, что греки не препятствовали союзным скифам в грабежах.

Печенеги упоминаются и среди домашних рабов при дворах знатных византийцев. Михаил V окружил себя печенежскими юношами (Σκυθικὰ μειράκια), купленными для него и обращенными в евнухов. Эти печенеги получили высокие титулы; из них состояло и подразделение императорских телохранителей.[52]

Были в византийском обществе и отпрыски смешанных печенежско-греческих браков: один из таких полуварваров, знавших скифский язык, открыл императору козни предателя Неанца.[53]

Половцы (куманы)

Половцы принадлежат к кыпчакской (восточно-тюркской) ветви тюрок. В IX—X вв. кыпчаки кочевали в долинах рек Тоболя и Ишима на юго-западе Сибири. Позже они двинулись на юг и

[48] *Анна Комнина*, 224.
[49] *Анна Комнина*, 236.
[50] Дигенис.
[51] *Анна Комнина*, 66. См. также: *Шукуров* 2017, 468—459 (наш коммент. к слову διαγουμά «грабеж, опустошение» ← *тюрк.* yaghmā).
[52] *Psel.*, 5. XV; *Пселл*, 57.
[53] *Анна Комнина*, 222.

заняли обширные территории современного Казахстана. В середине XI в., в эпоху новых волн миграции в Великой степи, кыпчаки пошли на запад в южнорусские степи. Они занимали огромные пространства от Волги (или даже от Яика) и до Дуная. Тут они стали известны византийцам, западноевропейцам и русским как куманы (Κούμανοι, Κόμανοι, Comani, Cumani). В качестве родового названия византийцы применяли к половцам обобщенное именование «скифы». Русские источники именуют их также половцами, а немецкие — Valwen. Восточные авторы называют их преимущественно «кыпчак» (قبچاق/قپچاق), а армянские — Ղփչաղ ([Łpʿčʿał] ← *перс.* قپچاق). Именование «куманы», вероятно, происходит от самоназвания, означавшего на тюркском «бледный». Разные именования, прилагавшиеся к ним, возможно, в некоторых случаях маркировали разные группы тюрок, из которых эта конфедерация состояла. История половцев вообще, равно и их «балканская эпопея», их роль в возникновении Второго болгарского царства и взаимоотношения с Византией хорошо изучены в новейшей литературе. Для ранней истории куман многое сделано П. Голденом; деятельность половецких кочевников на Балканах хорошо освещена в работах упоминавшихся П. Диакону и П. Стивенсона и, в особенности, в монографии И. Вашари.[54]

На византийской территории половцы эпизодически появлялись с 1077 г., выступая то на стороне печенегов, то в качестве союзников Византии. После упоминавшегося разгрома печенегов в апреле 1091 г. у горы Левуний половцы недолго были верны союзу с Византией. Около 1092 г. к ним бежал заключенный в Херсоне Лже-Лев, объявивший себя сыном императора Романа Диогена. Под предлогом восстановления на престоле законного наследника половцы осенью 1094 г. двинулись на империю. Алексей I был в нерешительности относительно того, какую тактику выбрать для отражения половецкого нашествия: либо отсиживаться в крепостях и ждать удобного случая для нанесения удара, либо же встретиться с противником в открытом поле. Свои сомнения Алексей I разрешил гаданием: на ночь, на время всенощного бдения, на алтаре были оставлены две записки; утром патриарх вскрыл одну из них, она предписывала выступить в поход навстречу половцам.

[54] *Golden* 1992, 270—272; *Golden* 1994, 277—284. До сих пор не потерял своего значения фундаментальный труд: *Расовский* 1935—1940. См. также: *Diaconu* 1978 (по преимуществу о половцах Подунавья); *Плетнева* 1990 (преимущественно о половцах южнорусских степей); *Vásáry* 2005 (о половцах на Балканах).

Однако судьба распорядилась иначе, и в последовавшей войне император был вынужден реализовать первую тактическую модель.

Свой лагерь Алексей I устроил рядом с Анхиалом на берегу Черного моря. Император решил следовать той же тактике, что и в борьбе с печенегами — перекрыть горные проходы через Гемус в западной и центральной части горной цепи и не дать им войти во Фракию. В составе византийских войск, по всей видимости, были тюркские подразделения: узы во главе с Узой (Ουζᾶς), печенеги во главе с Караджой (Καρατζᾶς) и миксоварвары тюрка Монастра (Μοναστρᾶς). Вопреки усилиям императора, половцы все же пересекли Гемус благодаря влашским проводникам. Тогда Алексей не стал вступать с ними в открытое сражение, но позволил им осадить Анхиал, а затем Адрианополь, чтобы те распылили свои силы в ходе осад. Удачей императора был захват и ослепление Лже-Льва. Ослепил Лже-Льва тюрок на службе Алексея I Камир (Καμύρης). Поход половцев таким образом потерял политическую подоплеку и превратился в обычный грабительский набег. Византийцы нанесли несколько ударов по половецким отрядам, во время самого значительного из которых было уничтожено 7000 половцев в их лагере у Малой Никеи, недалеко от Адрианополя; 3000 половцев тогда же было пленено. Половцы с награбленной добычей, отбиваясь в мелких стычках от византийцев, ушли за Гемус. По ту сторону гор византийцы их не преследовали. Как видно, Алексею I, вопреки результатам гадания, пришлось опереться на крепости — сил для открытого сражения не хватало.[55]

Половцы не беспокоили пределы империи последующие 20 лет, вплоть до осени 1114 г., когда Алексей I получил известие о готовящемся набеге. Император со всей серьезностью отнесся к известию и выступил в Филиппополь. С приближением половцев император двинулся к Видину, желая дать открытое сражение кочевникам. Однако те неожиданно повернули назад и бежали за Дунай. Попытки византийских подразделений их догнать не увенчались успехом.[56] Похоже, половцы просто-напросто страшились императора, которого знали хорошо еще с событий прошлых лет, и до самой смерти Алексея I не беспокоили пределы империи. Со времени войн Алексея I с печенегами за Фракию и Македонию соотношение сил в борьбе византийцев и кочевников, равно как и тактика противников в ходе столкновений, диаметрально изменились. Теперь половцы избегают крупномасштабных битв в открытом поле, а византийцы, напротив, ищут их. Эта модель будет повторяться весь XII век в последующих столкновениях греков с дунайскими кочевниками. Причина успешности византийского оружия заключается в том, что начиная со времени правления Алексея I византийский способ ведения войны существенно изменился, вполне приспособившись к противоборству с кочевниками. Многочисленная тюркская легкая кавалерия стала неотъемлемой частью византийской армии, а традиционные подразделения греческой пехоты и тяжеловооруженной конной рати стали использоваться рационально и с осторожностью.

[55] *Anna Comn.* X. 2—4.
[56] *Diaconu* 1978, 61.

Как уже говорилось, в 1123 г. половцы, возможно, участвовали в рейде печенегов на Фракию, но были разбиты и изгнаны Иоанном II (см. выше). Следующий набег половцев случился только через 25 лет — в 1148 г. Когда Мануил I (1143—1180) направлялся через Фракию на освобождение Керкиры (в 1147 г. захвачена нормандцами), в Филиппополе он получил известие о том, что половцы захватили город Демницик (совр. Зимнича в Румынии) на Дунае, пересекли реку и опустошают византийскую территорию. Мануил I повернул из Филиппополя на север. Одновременно он приказал флоту отправиться к Дунаю. Перейдя через Гемус, он занялся охотой в степях южнее Дуная в ожидании прибытия флота. По словам Киннама, эти земли уже давно были необитаемы.[57] Однако, когда императору сообщили о том, что половцы покидают византийские пределы и переправляются через Дунай с добычей, он бросился вслед за ними. В войске Мануила I были также «скифские» (половцы или печенеги) отряды под предводительством Алексея Гифарда (Γιφάρδος). Переправившись через Дунай в местности Телеорман, византийцы дали сражение половцам в открытом поле. Половцы были опрокинуты и разгромлены, награбленное было отобрано, захвачено множество пленных, а среди них знатный половецкий вождь Лазарь. Половцы явно стремились избежать открытого столкновения с византийцами и вступали в битву скорее вынужденно, Мануил I же, напротив, не собирался отсиживаться в крепостях. Между 1151 и 1155 гг. половцы, переправившись через Дунай, не встретили отпора. Посланное Мануилом I войско во главе с Каламаном было разбито, а он сам умер от полученных ран. Через несколько лет, в 1159 г., когда Мануил I

[57] *Cinn.* P. 93.9—11: «συμβαίνει γὰρ αὐταῖς ἅτε ἐρήμοις παντάπασι καὶ ἀοικήτοις ἐκ παλαιοῦ προκειμέναις ἀγεληδὸν ἀγρίων τι χρῆμα ζώων ἐντρέφεσθαι».

находился в походе против сельджуков, половцы вновь совершили набег на южный берег Дуная. Мануил I, возвращаясь из Малой Азии, направился к Дунаю, но половцы почли за благо скрыться за рекой.[58] До 1180-х гг. половцы были заняты борьбой с русскими княжествами и не беспокоили владения византийцев.

Несмотря на существенное снижение угрозы со стороны кочевников после событий 1091 и 1094 гг., византийская власть на Дунае и в Паристрии, по всей видимости, была достаточно эфемерной. Судя по немногим данным нарративных источников, в первой половине XII в. дунайские города от Железных Ворот до Доростола не были в достаточной мере защищены гарнизонами. Не исключено, что дунайские города или какая-то часть из них контролировались половцами. Вместе с тем византийцы, следуя экономической, политической, а также и идеологической целесообразности, продолжали сохранять контроль над устьем Дуная. Возможно также, что в 1160-х гг. половцы вообще покинули регион Паристрия, будучи в значительной степени заняты борьбой с русскими княжествами.[59]

Новое появление половцев на Дунае связано с антивизантийским восстанием влахов и болгар в Балканских горах во главе с Петром и Асенем в начале правления Исаака II Ангела (1185—1195). Вытесненные за Дунай Петр и Асень запросили помощи у половцев и вскоре вернулись на Балканы в сопровождении кочевого войска. Связи между влахами, болгарами и половцами были весьма тесными. Считается, что имя одного из братьев — «Асень» — восходит к тюркскому, скорее всего кыпчакскому, имени Esen «здоровый, крепкий». Из этого, как предполагают, не обязательно следует, что Петр и Асень были по происхождению половцы, хотя некоторые исследователи этого не исключают.[60]

Действия византийских войск в 1186—1187 гг., возглавляемых самим императором, хотя и были в целом небезуспешны, однако не привели к капитуляции ни восставших влахов и болгар, ни половцев. В 1190 г. Исаак II высадился в Анхиале и направился с войском на запад в Балканские горы. Однако, осознав, что он не в состоянии разгромить врага в горах, он повернул в сторону Веррии по узким горным ущельям. Противник воспользовался ошиб-

[58] *Cinn.*, 93—95.

[59] *Diaconu* 1978, 93 и след.

[60] Разбор точек зрения на происхождение братьев Петра, Асеня и Калояна см.: *Vásáry* 2005, 33—42; о возможном куманском происхождении их см.: ibid., 38—42.

кой императора и нанес большой урон византийской армии, зажатой в горных теснинах. Сам Исаак II с трудом избежал гибели.

Влахи и болгары, ободренные успехом, разорили несколько городов, включая Анхиал, Варну, Триадицу, Стумпий и Ниш. Из Триадицы они вывезли мощи святого Иоанна Рильского в свою столицу Тырново. Ситуация не улучшилась и при Алексее III (1195—1203). Армии, высланные им против повстанцев, были разбиты. Убийства Асеня (1196 г.) и Петра (1197 г.) не привели к дезинтеграции повстанцев, которых объединил третий брат Калоян, женатый на половчанке.

В византийско-болгарской войне половцы несомненно играли решающую роль. С 1197 и по 1202 г. Фракия и Македония подвергаются частым набегам половцев и влахов, опустошавшим земли вплоть до побережья Мраморного моря и Константинополя. Набеги в этот период становятся особенно жестокими. Византийцы, как некогда в эпоху печенежских набегов, перешли к обороне, удерживая в своей власти лишь города и крепости. Наиболее разрушительные набеги происходили в 1199—1201 гг., и только вмешательство галицкого князя Романа, совершившего походы на половецкие земли зимой 1201/1202 и 1203/1204 гг., спасло Константинополь от осады.[61]

Латиняне, болгары, греки

Взятие Константинополя латинянами в 1204 г. и смена власти в Константинополе принципиально не изменили прежней картины в отношении половецкого присутствия на Балканах. Однако парадоксальным образом половцы теперь выступили на стороне греков, которые восстали против латинян во Фракии. Греки захватили Адрианополь, Дидимотих, Аркадиополь, Визие, Цурул и призвали на помощь болгар. Латинские войска во главе с императором Балдуином, графом Людовиком Блуаским и венецианским дожем Энрико Дандоло двинулись во Фракию и осадили Адрианополь. При Адрианополе 14 апреля 1205 г. болгарский царь Калоян в союзе с половцами и никейскими греками нанес тяжелое поражение латинянам, в котором решающей силой вновь оказались именно половцы. В ходе сражения половцы притворным бегством повлекли за собой латинян, а затем, неожиданно атаковав расстроив-

[61] *Vásáry* 2005, 13—56.

шего свои ряды противника, уничтожили значительную часть войска и многих взяли в плен. Во главе 14 000 половцев был хан Коджа (Κοτζᾶς). В ходе сражения граф Людовик Блуаский погиб от рук половцев, а император Балдуин был пленен и заключен под стражу в Тырново. С поля боя смог спастись только Энрико Дандоло. После этой победы половецкие погромы во Фракии и Македонии продолжились. Калоян пожаловал половцам в качестве награды те города, которые признали власть латинян. Сам Калоян вторгся в Македонию, захватил Серры и угрожал Фессалонике. В начале лета 1205 г. половцы, по своему обыкновению, ушли за Дунай на летние кочевки.

Весьма показательными являются события весны 1206 г. Половцы и влахи Калояна после победы над 120 латинскими рыцарями у Рузия (1 февраля 1206 г.) подвергли страшному разорению всю Фракию, приблизившись вплотную к Константинополю. Половцы захватили и разорили на берегу Мраморного моря Апр и Редесто, города Перинф, Даоний, Аркадиополь, Мессену, Цурул и Афир. Набеги сопровождались массовыми убийствами, грабежами и захватом жителей. Ужасы половецкого разгрома описаны Никитой Хониатом.[62] По всей видимости, разрушительные последствия половецкого нашествия в 1206 г. были сравнимы с печенежскими набегами конца XI в. Местные греки запросили помощи от половецких набегов у латинян. Ожесточение Калояна по отношению к грекам (с которыми, однако, он не прочь был заключать временные политические союзы) отразилось в «титуле», изобретенном для себя болгарским царем, — Ῥωμαιοκτόνος (т. е. «погубитель римлян» по аналогии с прозвищем императора Василия II Βουλγαροκτόνος). Греки же именовали его Σκυλοϊωάννης, буквально «Собака-Иоанн», причем первая часть прозвища в то же время указывала на Σκύθαι, т. е. половцев, с которыми болгары были так близки в ту эпоху.[63]

Весной 1207 г., в начале Великого поста, Калоян собрал значительную армию из половцев, влахов и болгар и собирался вновь осадить Адрианополь, ключевой стратегический пункт во Фракии, с потерей которого он смириться не мог. Однако половцы неожиданно покинули болгарского царя и вернулись за Дунай. По-видимому, это произошло ближе к лету, когда половцы обычно возвращались в свои кочевья. Калоян не решился продолжать

[62] *Nic. Chon*., 630.
[63] *Acrop*., 23.19, 24.2.

осаду Адрианополя без половцев. Осенью 1207 г. Калоян двинулся к Фессалонике, но был убит, по всей видимости, каким-то половецким воином в октябре этого года.[64] Болгарский трон занял племянник Калояна, сын его сестры Борил (1208—1218), который женился на куманской вдове своего дяди Калояна. На некоторое время опустошительные набеги на Фракию и Македонию прекращаются, а Болгарское царство переживает годы внутренних неурядиц.

На смену Борилу пришел его двоюродный брат Иван II Асень, сын Асеня — основателя Второго болгарского царства. Дети Асеня Иван и Александр после гибели отца жили сначала у половцев, а потом, по-видимому, в Киеве. Именно их многие болгары считали законными наследниками престола, но не Борила. Иван II утвердился на престоле при помощи половцев и русских (вероятно, бродников). Как и прежде, ядром воинства Ивана II были половцы. Иван II был озабочен расширением своей державы и сохранением внутри страны стабильности и процветания. Иван II, заключив союз с никейским императором Иоанном III Ватацем (1222—1254), подчинил своей власти всю северную часть Фракии вплоть до Цурула, находившегося в руках никейцев, и земли на запад от Марицы. Мечтая о дальнейшем расширении государства, болгарский царь не был заинтересован в опустошительных грабежах кочевников; время кочевой вольницы, как средства решения политических проблем, казалось, ушло в прошлое[65].

В войнах на стороне болгар половцы не преследовали каких-либо специфических политических целей для себя. Как видно, единственно значимым мотивом для них являлась добыча, которую они в избытке вывозили с Балкан после набегов. Центры расселения половцев, равно как и главные направления их внешнеполитических интересов, простирались далеко на северо-восток от Дуная. Не исключено, что в период с 1180-х по 1220-е гг. некоторые группы половцев оседали на Балканах; о таких случаях мы можем лишь предполагать, так как о них ничего достоверно не известно. Если какие-то половцы и оставались на Балканах, они не были многочисленны.

Ситуация кардинально меняется с началом монгольских завоеваний. Монголы нанесли тяжелое поражение половцам и русским на р. Калке в 1223 г., и было ясно, что этим монголы не огра-

[64] *Vásáry* 2005, 53.
[65] *Vásáry* 2005, 57—68.

ничатся. Именно в это время, в 1227 г., доминиканские монахи крестят половцев и создают диоцез Кумания с центром в Милкове (венг. Milkó, ныне рум. Milcovul) в исторической Молдавии. Был сделан важный шаг в инкорпорировании половцев в европейскую цивилизацию, причем в ее западном варианте. Однако монгольское нашествие прервало эту тенденцию: в 1236 г., двинувшись с востока по Кыпчакским степям, монголы разгромили Волжскую Булгарию и опустошили половецкие земли.

Половцы бегут из степи на запад. Первая их волна летом 1237 г. пересекла Дунай и, пройдя через Болгарию, обрушилась на Фракию, подвергнув ее давно тут не виданному опустошению. Болгары воспользовались нашествием для того, чтобы в союзе с половцами и латинянами попытаться отбить у никейцев Цурул, византийский оплот во Фракии.[66] Тогда попытка не удалась. Однако в 1240 г. латинский император Балдуин II заключил союз с половцами и с их помощью взял город и другие никейские крепости во Фракии. В марте 1241 г. новая волна половецких переселенцев достигла Болгарии. На этот раз половцы пришли из Венгрии. В 1238 г. разбитый в Астраханских степях монголами Бату половецкий хан Котен (или же Котян Сутоевич — под этим именем он упоминался в русских летописях) с 40 000 половцев бежал в Венгрию. Венгерский король Бела IV (1235—1270) крестил его, женил его дочь Елизавету на собственном сыне (будущий король Стефан V) и назначил половцам земли для расселения. Недоверие венгерской знати к половцам вылилось в предательское убийство хана Котена в Пеште в 1240 г. Разъяренные половцы опустошили Венгрию и ушли в Болгарию. Не исключено, что половцы расселились в районе Браничево и Видина.[67]

Атаковавшие Балканы половцы в конце концов инкорпорировались в местную политическую жизнь. Заключенный между латинянами и половцами союз в 1237 г. был укреплен союзами матримониальными. Вскоре после середины 1241 г. половецкие союзники латинян вожди Иона (Jonah) и Сароний (Saronius) — так они именовались в латинской хронике Альберика — выдали своих дочерей за сыновей влиятельных рыцарей при дворе Балдуина II.[68]

С этих же пор половцы встречаются и в никейской армии. 10 000 половцев, прибывших, по-видимому, с первой миграционной волной в 1237 г. и оказавшихся в Фессалии, были приняты Иоанном III Ватацем в византийское подданство и расселены в приграничных районах во Фракии и Македонии (источники не сохранили более точной локализации этих поселений). Другая часть этих половцев была поселена в Анатолии на Меандре и во Фригии.[69]

Еще одно упоминание многочисленной группы половцев (около 2000) на византийской территории связано с 1320-ми гг.: в 1327 г. Андроник III Палеолог, подозревая половецкие отряды в нелояльности, распорядился передислоцировать их на Лемнос, Фасос и Лесбос.[70]

[66] Дж. Лэнгдон датирует это событие 1238 г., см.: *Langdon* 1992., 19.
[67] *Vásáry* 2005, 65.
[68] *Alberic.*, 950; *Vásáry* 2005, 66.

Половецкие портреты

По эксплицитным высказываниям современников известно, что половцы в большинстве своем держались язычества, т. е. собственных верований, принесенных ими из причерноморских степей. Например, Жоффруа де Виллардуэн сообщал, что воевавшие в 1205 г. под Адрианополем половцы не были христианами (bien quatorze mil Cumains, qui n'estoient mie baptezié), а, как можно думать, язычниками.[71] Одно из весьма смутных замечаний Никиты Хониата, относящееся к событиям этих лет, позволяет думать, что язычники-половцы совершали человеческие жертвоприношения: «...некоторых [греческих] пленников, выделявшихся красотой, после бичевания приносили в жертву своим богам, вешая [их]».[72] Альберик сообщает, что когда умер половец Иона, бывший союзником латинян, он был погребен за пределами Константинополя по языческому обряду, восемь добровольцев из числа его воинов и 26 коней были погребены вместе с ним.[73] Это еще одно указание на то, что половцы практиковали человеческие жертвоприношения.

Половецкие нашествия предыдущих десятилетий оставили свой след в этнической карте Византии. Интересно, однако, что половцы встречаются довольно редко в среде византийской знати, хотя известно, что их широко привлекали в византийское войско

[69] *Nic. Greg.*, 1:37; *Acrop.*, 1:65; *Pachym.*, 1:27.23.
[70] *Cantac.*, 1:259; *Asdracha* 1976, 82.
[71] *Villehard.*, LXXIX. 352 (p. 208).
[72] *Nic. Chon.*, 618.5—7: «Σκύθαι... καί τινας τῶν κάλλει διαπρεπῶν αἰχμαλώτων μετὰ μαστίγωσιν τοῖς ἑαυτῶν ἐπέθυσαν δαίμοσιν ἀναρτήσαντες...»
[73] *Vásáry* 2005, 66.

на разных условиях — и как союзников, и как воинов, принявших римское подданство. Никита Хониат сообщает о половецком военачальнике в 1180-х гг. — Алпамыше (Ἀλπουμής ← Alpamış), который, по всей видимости, принял византийское подданство. Алпамыш упоминается среди прочих предводителей в войске Алексея Враны, который восстал против Исаака II Ангела, но был разбит в 1187 г.[74] Тот же Никита Хониат сообщает, что в эпоху Алексея III Ангела некоторые половцы покупали за деньги титул *севаста*, который в комниновские времена был весьма престижным. Очевидно, что претендовать на достоинство *севаста* могли только богатые и знатные половцы.

Что касается XIV в., нам известно о знатном скифе, т. е. половце на византийской службе, Сичгане (Συτζιγάν ← *тюрк*. siçğan «мышь»); Сичган был крещен и стал именоваться Сирьяннис.[75] Имя Сирьяннис превратилось в родовое и перешло к потомкам Сичгана. Старший Сирьяннис, как предположил И. Вашари, возможно, был на самом деле тем же самым Саронием/Saronius, которого упоминал Альберик.[76] Сичган/Сирьяннис прибыл на Балканы в 1241 г. или же, может быть, с первой волной половцев в 1237 г., из которой Иоанн III Ватац набирал воинов для своей армии. Внук Сичгана — весьма знатная персона первой половины XIV в., породненная с правящим домом Палеологов и другими аристократическими фамилиями: Иоанн Сирьяннис Филантропин Комнин Палеолог.[77]

Много больше известно о незнатных половцах, расселившихся в Византии. Половецкие поселения на византийской территории прослеживаются для весьма продолжительного периода — с XII по XIV в. По-видимому, по преимуществу это были половецкие солдатские поселения в Македонии, но не только. Одно из самых ранних таких поселений находилось в феме Моглен. Прямые упоминания о нем сохранились в двух документах — *практиконе* Андроника Ватаца (1181 г.) и в *простагме* Андроника I Комнина (1184 г.).[78] Из *практикона* Андроника Ватаца от 1181 г. следует, что в некоей деревне Хостианы, формально принадлежавшей афонской лавре Св. Афанасия, группа из 16 половецких воинов владела 62 зевгаратскими крестьянскими хозяйствами в рамках дарованной «половецкой пронии *фемы* Моглен». Термин *зевгарат* подразумевал крестьянское хозяйство среднего достатка, располагавшего одной парой волов. *Прония* — это назначенная государством плата за военную службу в виде налогов с крестьянских хозяйств и крестьянских отработок. Причем половцы пользовались землей и повинностями париков на условиях узуфрукта, ибо настоящим собственником земли была лавра. Более того, как следует из документов, половцы имели в Хостианах дома, а также загоны для скота. Последнее обстоятельство указывает, что половцы, по всей видимости, жили в этой деревне и занимались там оседлым скотоводством. По императорскому распоряжению половцы обязаны были покинуть деревню Хостианы, находящуюся во владении лавры, ибо уже получили другие земли с париками согласно условиям их пронии.[79]

Скотоводческий промысел половцев-прониаров фемы Моглен подтверждается и данными в *простагме* Андроника I Комнина, составленной тремя годами позже. Согласно документу, споры между половцами и монахами лавры продолжались. Как жаловались монахи, половцы не платили аренду монастырю за пользование горным пастбищем (*планина*), именуемым Пузухия (возможно идентичным горе Кожух/Кожуф в Македонии), которое принадлежало монастырю. Половцы воздвигли там загоны для своих животных, а также пытались «присвоить» тамошних влахов или болгар, которые, вероятно, были париками монастыря. Император распорядился взыскать с половцев арендную плату, защитить от них местных влахов, а если они не подчинятся, то изгнать их оттуда силой. *Простагма* разрешает и другой конфликт: половцам были по ошибке назначены в рамках их пронии двое париков-дулевтов, живших рядом с монастырем Св. Иоанна Предтечи в уже упоминавшейся выше деревне Хостианы. *Простагма* исправляла ошибку и назначала этих париков лавре.[80]

[74] *Nic. Chon*., 386: чтение издателем имени половецкого полководца как Ἐλπούμης менее предпочтительно; у Дь. Моравчика дается более правдоподобный вариант Ἐλπουμής, принятый нами (*Moravcsik* 1983, 2:124). Ансберт, один из историков Третьего крестового похода, сообщает, что в 1190 г. Дидимотика находилась во владении греков и куман, подробнее см.: *Vásáry* 2005, 45.

[75] *Cantac*., 1:18; PLP. № 27233, 27167. Обе интерпретации принадлежат И. Вашари: *Vásáry* 2005, 68. Идентификация Сичгана как монгола, встречающаяся в литературе, — ошибочна.

[76] *Vásáry* 2005, 68.

[77] *Шукуров* 2107, 246, 327.

[78] ALav., 1:334—341 (№ 65), 341—345 (№ 66).

[79] Подробный анализ документа см.: *Bartusis* 2012, 50—55, 62—63, 173. См. также: *Бибиков* 1999, 64—66.

[80] Подробный анализ документа см.: *Bartusis* 2012, 55—58, 62—63, 173. См. также: *Бибиков* 1999, 64—66.

В *практиконе* Андроника Ватаца «куманы» из Хостиан упоминаются по именам, из которых поддаются чтению только некоторые, ибо текст грамоты значительно поврежден. Приведем их так, как они транскрибированы издателем. На половцев однозначно указывают три имени, имеющие в своем составе прозвище Κομανόπουλος, т. е. «сын половца». В имени Βαλτζαντάρης ὁ Κομανόπουλος первый элемент (личное имя) я затрудняюсь растолковать, но он вполне может оказаться не тюркского, а влашского или славянского происхождения. Точно так же и в имени Τζ...τρ ὁ Κομανόπουλος первый элемент мог быть как тюркским, так и славянским или влашским. В имени Μιχαὴλ ὁ Κομανόπουλος первое имя является крестным именем, однозначно указывая на христианское вероисповедание его носителя.

Два имени являются, скорее всего, тюркскими. В словах ὁ...τοῦ Ταρτζῆ[81] личное имя или прозвище утрачено, но сохранилось, по всей видимости, лишь тюркское имя предка. В имени Ταπτοῦκος[82] τοῦ Κομπ... целиком сохранилось только тюркское личное имя.

В двух других именах присутствуют нетюркские элементы. В имени Βωλκάνος[83] ὁ Ἀσούρης[84] первый элемент либо славянский, либо тюркский, а второй — по-видимому, арабский. Более того, в имени Μασούτ[85] ὁ Ἀρμενόπουλος нет вообще тюркских элементов — личное имя является по происхождению арабским, а прозвище переводится, скорее всего, как «сын армянина».

Частично сохранившееся имя Βιτολ... вряд ли указывает на тюркский источник, но скорее на один из индоевропейских языков, имевших хождение в регионе. В Ἰσαάκιος ὁ τοῦ Ἴσα... первый элемент «Исаак» является крестным именем, а второй, от которого сохранились только три первые буквы, вряд ли можно идентифицировать. Также не поддаются этимологизации фрагменты имен ...γγρονομ, Ἀσα... и Μως...

[81] Ταρτζῆ ← *тюрк.* tercı «наемный работник», см.: *Clauson* 1972, 534.

[82] Ταπτοῦκος ← *тюрк.* taptıq «рожденный, добытый», см.: *Баскаков* 1979, 189 (№ 157); *Rásonyi & Baski* 2007, 711—712.

[83] Возможная славянская этимология: Βωλκάνος/Βολκάνος/Βουλκάνος ← слав. имя Влкан/Волкан (*Ђоковић* 2006, 188, 201, 237). Возможная тюркская этимология: Βωλκάνος ← *тюрк.* bolgan/bulgan «стал [помощником]», «[сын] родился» (*Rásonyi & Baski* 2007, 176: Bulgan, 815: Ul-Bolgan).

[84] Ἀσούρης ← *араб.* عشور ʿashīr «месяц мухаррам» или же «десятый день месяца мухаррама» (см.: *Steingass* 1984, 850).

[85] Μασούτ ← *араб.* masʿūd «счастливый», распространенное мусульманское имя (*Moravcsik* 1983, 2:183).

В итоге, как видно из вышеприведенных рассуждений, только часть прониаров «половцев» может быть привязана к тюркской среде, а именно трое носителей прозвища Κομανόπουλος и еще двое с тюркскими именами. Прониары с арабскими именами Ἀσούρης и Μασούτ ὁ Ἀρμενόπουλος, вероятно, были выходцами из Анатолии, причем второй из них, скорее всего, армянин с востока Малой Азии. Это обстоятельство указывает, скорее всего, на то, что держателями «половецкой пронии» могли быть не только этнические половцы, но все те, кто служил в половецких полках. В половецких же полках, как видно, служили также и анатолийцы, а возможно, и местные славяне и влахи.

От XII в. до нас дошло еще несколько афонских актов, упоминающих воинские пронии в феме Моглен. Хотя половцы-прониары в них напрямую и не упоминаются, однако весьма вероятно, что в каких-то случаях авторы документов подразумевали именно их.

В 1260—1270-х гг. половцы были, в частности, расселены в Малой Азии в районе Смирны. Со смирнскими половцами связаны два весьма интересных документа, дающих яркое представление о повседневной жизни в Византии, о месте в ней половцев, а также и о юридической практике того времени.[86] Некий парик монастыря Лемвиотиссы у Смирны по имени Кутул купил участок земли у монаха того же монастыря Николая Критика и владел им в течение шести лет. Участок приглянулся его соседу Керамару, который в какой-то момент и захватил землю. Керамар был близок к весьма знатному лицу — великому друнгарию Гавале, поэтому Кутул ничего с захватом поделать не смог. Кутул, однако, отправился к тамошним половцам и с их помощью увел у Керамара упряжку волов. Керамар отправил к половцам посредника с поручением вернуть волов. Посреднику удалось успешно выполнить это поручение благодаря только необычайно большому объему вина, стоимостью аж в две золотых монеты (иперпер), которым он напоил половцев. Керамар, потратив сумму в два золотых, по-видимому, вернул волов и решил, что он также и выкупил этот участок. Однако через некоторое время дело было поднято вновь, и суд постановил, что собственность монастырского парика Кутула должна быть возвращена обители. Поскольку во втором судебном процессе не упоминается присутствие Кутула, то возможно, что он к этому времени либо покинул эти места, либо скончался, а его

[86] ММ, 4:165—169 (№ XCI, XCII); *Медведев* 1988, 189—190.

земля, похоже, формально превратилась в выморочную. Поэтому и отошел участок к монастырю — ведь изначально он принадлежал монаху, затем перешел к монастырскому парику, а Керамар захватил ее незаконно.

Как следует из документов Лемвиотиссы, половцы легко брались за не вполне законные дела, нападали на обывателя (пусть даже и правонарушителя) и чинили самосуд, захватывая его имущество. Не исключено, что находившиеся в окрестностях Смирны половцы были военными прониарами, однако каких-либо указаний на это документы не содержат. Знаменательно и упоминание тут пьянства половцев, о котором в документах настойчиво говорится дважды: «ибо этот народ привержен пьянству так, как никто другой» и «вино, которое так любо половцам».[87] О приверженности кочевников (печенегов, анатолийских тюрок, половцев) пьянству также говорят, в частности, Скилица и Анна Комнина.

Половцы обнаруживаются на византийской территории вплоть до середины XIV в. — они встречаются по всей Македонии, преимущественно в ее северной и западной частях. Как правило, это люди из низших (крестьяне, парики) и средних (солдаты) классов. Среди них почти не встречаются чиновники, интеллектуалы, торговцы, клирики.[88] Другими словами, половцы не демонстрируют заметной способности к адаптации в изначально чуждой им византийской цивилизации. Данные XIV в. вкупе с рассмотренными выше четырьмя документами XII и XIII вв. рисуют их как маргинальную группу в византийском обществе, склонную к асоциальному поведению и нарушению закона.

Византия и Золотая Орда

Монгольские завоевания оказали значительное и долговременное воздействие на Византию, хотя и не столь катастрофическое, как для судеб Большого Хорасана и Ирана. Монголы продвигались на запад по двум направлениям — в Западный Иран и далее в Анатолию (о чем будет подробнее рассказано в следующей главе) и через Северное Причерноморье. Как уже упоминалось выше, в 1236—1242 гг. Западный поход чингизида Бату (1227—1255/1256), хана улуса Джучи, инициировал бегство орд кочевников к Дунаю и далее на Балканы. Со стабилизацией западных границ Золотой Орды монголы оказались близкими соседями Византии через Черное море, а в Добрудже второй половины XIII в., возможно, границы двух держав соприкоснулись. Золотоордынцев византийцы именовали «скифами» и «татарами».

[87] «φίλοινον γάρ ἐστι τουτὶ τὸ γένος ὡς ὑπὲρ ἕτερον» (MM, 4:166.6—7) и «τοῖς μὲν δι’οἴνου, ὃ φίλον τοῖς Κομάνοις ἐστί» (Ibid., 4:167.25—26).

[88] Подробнее см.: *Шукуров* 2017, 224—251 (особенно с. 243—245).

В отличие от печенежских и половецких орд, монголы создали могущественные империи с обширными международными амбициями. Золотая Орда вступила в соперничество с образовавшимся в 1256—1261 гг. государством Хулагуидов (Ильханов), что вовлекло Византию в дипломатические интриги двух монгольских государств. В 1260-х гг. складывается антихулагуидский союз между мамлюкским султаном Байбарсом (1260—1277) и золотоордынским ханом Берке (1257—1266). Султан Байбарс предложил золотоордынцам действовать совместно против иранских монголов на кавказо-ближневосточном фронте. Помимо того мамлюки были заинтересованы в массовых поставках дешевых рабов из Северного Причерноморья в Египет. Обмен посольствами между Байбарсом и ханом Берке происходил начиная с 1261 г. через Константинополь. Византийцы пытались балансировать между иранскими и северными монголами. Тем не менее, держась проиранского курса, в 1263 г. Михаил VIII задержал в Константинополе египетских послов в Золоту Орду, но в конце концов позволил им добраться до Берке.[89]

Довольно скоро византийские территории, в особенности Фракия, все чаще становятся объектом разрушительных набегов татар, которые зачастую действовали в союзе с болгарами. Зимой 1264 /1265 г. во Фракию совершили набег татары Ногая — чингизида и влиятельного золотоордынского полководца — в союзе с болгарами, а также, возможно, и тюрками Добруджи; их совместная операция преследовала целью не только захват добычи, но и освобождение из византийского плена сельджукского султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса. Этот первый набег Ногая на византийские земли имел долгосрочные последствия для Балкан. Прежде всего, монголы, по всей видимости, были крайне впечатлены богатством добычи, взятой во Фракии. В 1271 г. татары в союзе с болгарами вновь опустошают Фракию. Однако Михаилу VIII удается решить проблему дипломатией и матримониальным союзом с Ногаем, ставшим к тому времени фактическим правителем Золо-

[89] См. недавние работы с дальнейшей богатой библиографией: *Broadbridge* 2019; *Favereau* 2019.

той Орды. В 1272 или 1273 г. Михаил VIII выдал свою побочную дочь Евфросинию за Ногая. Союз с татарами Ногая позволил Византии активно вмешаться в дела Болгарии, куда союзные греки и монголы совершили несколько походов в 1278—1280 гг. В 1282 г. Михаил VIII попытался использовать татарский союзный корпус в усмирении севастократора Иоанна, правителя Фессалии, однако смертельно заболел в ходе уже начавшейся кампании. Его сын Андроник II (1282—1328) отправил простаивавших союзных монголов против сербов. В эпоху союза с Ногаем обмены посольствами между Византией и Золотой Ордой стали исключительно частыми.[90]

Со смертью Ногая в 1300 г. северная граница Византии оказалась незащищенной от татар. С конца правления Андроника II татары возобновили набеги на византийские земли. Временами эти набеги повторялись каждый год: в 1320, 1321, 1323/1324, 1328, 1331 гг. Усилия Андроника II дипломатическим путем урегулировать проблему набегов не увенчались успехом: посольство ок. 1325—1326 гг. в Золотую Орду, по-видимому, не дало результатов.[91] Вероятно, ради прекращения этих набегов и возобновления полноценного союза с монголами, ок. 1331 г. Андроник III (1328—1341) выдает свою побочную дочь за Узбек-хана (1313—1341). Византийская жена хана Узбека, известная в Золотой Орде под именем Байалун (بيلون — что, наверно, было ее почетным титулом), упоминается в сочинении Ибн Баттуты, которое подробно описывает ее путешествие в Константинополь на встречу с родными (ок. 1334 г.). В свите ханской супруги заметное место занимали греки. В том числе упоминается множество греческих рабынь (جارية روميات) и греческих пажей (الفتيان الروميين), греческих управителей (الحجاب من رجال الروم), 200 греческих воинов эскорта, во главе которых был грек Михаил Лулу, а также греческого поверенного Саруджу (ساروجة الرومى). Таким образом, жены-гречанки могли иметь в своем окружении множество греков, как женщин, так и мужчин, разных статусов — от рабов до воинов.[92]

[90] *Vásáry* 2005, 72—91. Византийские посольства в Золотую Орду нередко доставлялись на венецианских судах по Черному морю, см.: *Карпов* 2021, 42.

[91] *Kourousis* 1988, 372—376.

[92] *Bosch* 1965, 64—65; *Weller* 2016, 185—186; ср.: *Korobeinikov* 2022. Судя по одному из писем Акиндина, в начале 1341 г. Байалун была еще жива (*Akindynos*, 56—57). *Ibn Batoutah*, 2:394, 413—414, 417. В сочинении Ибн Баттуты содержится описание его путешествия в свите Байалун-хатун, однако вряд ли его совершил сам Ибн Баттута — слишком много в рассказе хронологических и географических несуразностей.

Несмотря на установление добрых отношений с Узбеком, новые татарские набеги на византийские территории временами случались. Скорее всего, их совершали татары юго-западного пограничья Золотой Орды, слабо контролируемого верховным ханом, а именно татары Добруджи и Буджака. Так, в начале 1337 г. золотоордынцы, пройдя набегом от Дуная до Фракии, столкнулись там с пиратами из анатолийских эмиратов. К удивлению греков, золотоордынцы напали на анатолийских персов, «как собаки на мертвое тело» (ὥσπερ κύνες τεθνηκότι σώματι... ἐπεισπίπτοντες), и частью вырезали их, а частью пленили. «Скифы» оставались во Фракии в течение целых 50 дней, грабя уже и без того разоренную землю, — как отмечает Григора, это было необычайно долгим сроком для кочевого набега. Причиной татарского набега, по словам Григоры, было то, что византийцы не выслали обычных даров правителю «скифов», а затмения луны и солнца, случившиеся с промежутком в 16 дней, загодя указывали на это страшное нашествие. Возможно, именно в 1337 или 1338 г. флот Умура — эмира Айдын и верного союзника византийцев, пройдя через проливы в Черное море, по просьбе византийцев атаковал золотоордынские владения. В 1341 г., с появлением слухов о готовящемся набеге золотоордынцев, отец Димитрия Кидониса был отправлен в Золотую Орду.[93]

Аланы

С XI в. удельный вес тюркского этнолингвистического элемента в среде завоевателей, вторгавшихся на Балканы, значительно возрос. Однако это не отменяло культурную гибридность прибывавших из-за Дуная кочевых групп. Особенно это касается печенегов, этногенез которых, как отмечалось, включил в себя и иранский элемент. Евразийские кочевники продолжали воспроизводить социокультурные структуры, в основе которых лежал иранский кочевой субстрат. Однако в отличие от прежних «скифских» завоевательных миграций, в XI—XII вв. в составе кочевников, пришедших из-за Дуная, не фиксируются сами иранцы — аланы. После падения Хазарского каганата, на рубеже IX и X вв.,

[93] *Greg.*, 1:535—536; *Григора*, 1:409; *Vásáry* 2005, 122—133; *Alexandrescu-Dersca* 1959.

аланы создали собственное царство в предгорьях Северного Кавказа, что, вероятно, и объясняет их неучастие в печенежских и половецких походах на Запад.

В начале X в. Аланское царство входит в круг интересов византийской геополитики. Начиная со времен константинопольского патриарха Николая Мистика (901—907 и 912—925) и благодаря его миссионерским усилиям в царстве распространяется христианство и учреждается Аланская митрополия под эгидой Константинополя.[94] Параллельно с христианизацией алан развивались и византийско-аланские дипломатические связи. Хотя аланы относительно часто упоминаются в византийских источниках X—XII вв., развернутые и подробные свидетельства современников о них редки.[95] Лишь Константин Багрянородный уделил особое внимание аланам. Венценосный автор отметил вражду владыки (*эксусиократора*) Алании к хазарам, его добрые отношения с Константинополем и возможную помощь аланов в защите византийского Херсона от хазарских набегов.[96] Союзная Алания, как видно, представлялась весьма важным элементом «Византийского содружества» народов (если воспользоваться термином, введенным князем Д. Д. Оболенским), обеспечивая культурное и политическое влияние Константинополя в Кавказском регионе наряду с православными Грузией и Абхазией, а также армянами Апостольской церкви и армянами-халкедонитами.

Любопытно, что наиболее подробные сообщения об аланах в византийской письменности связаны с участием знатных женщин аланского происхождения как во внешней политике, так и во внутренней жизни Византии. Эти аланские аристократки временами представляли интересы Грузинского царства, с которым Алания находилась в близких союзнических отношениях, а в других случаях осуществляли связь Византии непосредственно с Аланским царством. Для XI в., пожалуй, не было другого «варварского» народа, женщины которого бы столь ярко засверкали в византийской дворцовой жизни.

В 1033 г. царица Альда — аланка по крови и вдова царя грузин и абхазов Георгия I (1014—1027) — бежала в Константинополь со своим сыном Деметром в поисках византийской поддержки в политической борьбе внутри Грузии. Альда и Деметр владели важным абхазским портом Анакопией. Деметр претендовал на грузинский трон, но проигрывал противостояние со своим сводным братом грузинским царем Багратом IV (1027—1072). Бежав в Константинополь, царица и ее сын передали Роману III (968—1034) Анакопию. Василевс в ответ на этот дар пожаловал Деметру титул магистра. Альянсом с Византией Альда надеялась усилить позиции Деметра как претендента на грузинский престол. С 1039 г. Деметр дважды пытался водвориться в Грузии и захватить трон с помощью византийских войск, но вскоре умер. Альда с его сыном Давидом нашла убежище в Аланском царстве.[97]

Одним из безошибочных признаков развития дипломатических связей именно с Аланским царством стало появление в Константинополе аланских заложников — гарантов соблюдения заключенных договоров. Очевидно, что источники сохранили сведения только о самых примечательных из них, но далеко не обо всех, ибо заложничество было вполне рутинным элементом дипломатических отношений. Византийцев весьма впечатлила судьба благородной аланки, жившей при дворе в качестве заложницы в правление императора Константина IX Мономаха (1042—1055). Девушка была дочерью одного из аланских владык, слуги которого посещали ее в Константинополе от одного до трех раз в год. Пселл утверждает, что в ней текла «царская кровь», и однажды называет ее «дочерью царя». Нет оснований не доверять весьма информированному ученому: скорее всего, она действительно принадлежала к аланскому царскому роду и была дочерью царя, имени которого мы не знаем. Византийский историк описывает ее как «ничем особо не отличавшуюся», а в другом месте отмечает, что аланка «красотой не отличалась, заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами». Однако ее история при дворе свидетельствует о том, что молодая заложница была весьма привлекательной особой, пользовавшейся успехом у мужчин. Константин IX очаровался аланской княжной, сделал своей любовницей, а после смерти императрицы Зои в 1050 г. намеревался жениться на ней. К ней же воспылал страстью и Роман Воила — влиятельный фаворит василевса и двух императриц (Феодоры и Зои). Роман, не зная, как заполучить аланку, возна-

[94] *Виноградов* 2006; *Иванов* 2003, 178—223.

[95] Сводку сведений из источников см.: *Кулаковский* 1899; *Алемань* 2003, гл. 5.

[96] *Константин Багрянородный*, 50—53 (гл. 10—11); анализ этих и других отрывков из трудов Константина VII см.: *Алемань* 2003, 239—245.

[97] *Алемань* 2003, 296; *Skylitzes* 2010, 367; Картлис Цховреба, 153—156 (Летопись Картли); *Thomson* 1996, 288, 290—291.

мерился даже покуситься на жизнь Константина, дабы завладеть женщиной и занять императорский трон, но его план провалился. Константин IX, все же не решившись на женитьбу, облек княжну титулом севасты, дал ей почетную стражу и осыпал несметным богатством, которое кораблями переправлялось в Аланию. Женщина получила и обширные земельные владения, в частности на Пелопоннесе (в Гелосе, возможно, у Патр). Связь продолжалась до самой смерти Константина IX. После кончины василевса аланка вновь перешла в статус знатной заложницы.[98]

Константин X Дука (1059—1067) женил своего сына и будущего императора Михаила VII на Марии Аланской († после 1103), дочери грузинского царя Баграта IV Куропалата. Марию называли «Аланкой» (ἐξ Ἀλανῶν) по крови ее матери — аланской принцессы Борены, дочери аланского царя Урдура († 1029). Мария Аланская уже бывала в Константинополе — в 1050-х гг. родители привозили ее еще ребенком ко двору Феодоры (1054—1056), чтобы оставить ее тут на воспитание василиссы (возможно, тоже в качестве заложницы). Однако Феодора вскоре скончалась и дочь Баграта IV вернулась домой.[99] Политический смысл брака Марии с Михаилом VII Дукой, конечно, находится в контексте византийско-грузинских отношений того времени, однако то, что византийской василиссой стала наполовину аланка, с гордостью носившая прозвище «Аланки», само по себе знаменательно.

Мария Аланская отличалась исключительной красотой и замечательным характером. Анна Комнина, которая была обручена с ее сыном Константином Дукой и по обычаю воспитывалась Марией, так описывала ее:

«Была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению. Ни Апеллес, ни Фидий, ни какой-либо другой скульптор никогда не создавали подобных статуй. Как говорят, голова Горгоны превращала всех смотрящих

[98] PBW, Anonyma 210; *Пселл*, 114—117; *Алемань* 2003, 299—300.

[99] Грузинские источники именуют ее Марфой до замужества с Михаилом VII: *Thomson* 1996, 377—378 (no. 33); *Нодия* 1978, 146—155.

на нее в камни, всякий же, кто случайно видел или неожиданно встречал императрицу, открывал от изумления рот, в безмолвии оставался стоять на месте, терял способность мыслить и чувствовать. Такой соразмерности членов и частей тела, такого соответствия целого частям, а частей целому никто никогда не видел в человеке. Это была одухотворенная статуя, милая взору людей, любящих прекрасное, или же сама Любовь, облеченная плотью и сошедшая в этот земной мир».[100]

А так описывал Марию Аланскую другой, хорошо знавший ее автор — Михаил Пселл, который играл ключевую роль при дворе Михаила VII Дуки:

«Не стану воздавать царице хвалу за ее род, богатством и древностью превосходящий любой царский, хватит с нее нрава ее несравненного и красоты неподражаемой. А если, как говорится в трагедии, молчание красит женщину, то оно — лучшее из ее украшений, ибо никто, кроме мужа, не слышал звука ее голоса, и без украшений она прекрасней, чем когда по необходимости их надевает»[101].

После низложения Михаила VII василисса Мария Аланская стала женой Никифора III Вотаниата (1078—1081), в обмен на провозглашение ее сына Константина Дуки соправителем (рис. 4). Однако Никифор III нарушил обещание, и тогда Мария способствовала приходу к власти Алексея I Комнина. Она усыновила Алексея Комнина, а тот, придя к власти, сделал Константина своим соправителем и обручил его с дочерью Анной. Однако после рождения в 1087 г. Иоанна, старшего сына Алексея, Константин Дука был низложен, а Мария отправлена в монастырь (рис. 5).[102]

Мария была грузинской принцессой и, можно думать, вносила значительный вклад в византийско-грузинский союз. В частности, она активно покровительствовала грузинскому Иверскому монастырю на Афоне.[103] Однако на ее тесную связь с Аланией, родиной ее матери, указывает не только ее прозвище. По крайней мере в эпоху Никифора III Анна Комнина упоминает нескольких аланов, служивших во дворце. Одного из них звали Иоанн, и он водил дружбу с представителями византийской военной элиты,[104] дру-

[100] *Анна Комнина*, III. 2 (с. 119).

[101] *Пселл,* 192.

[102] PBW, Maria 61, Michael 7, Nikephoros 3, Konstantinos 62; *Алемань* 2003, 300—301.

[103] AIv., 2:8 № 133, 23—24, 33 (синодик монастыря).

[104] *Анна Комнина*, I.16 (с. 88).

Рис. 4. Никифор III (или Михаил VII) и Мария Аланская, между 1074 и 1081 гг. (BnF. Coislin 79. Fol. 2bisv).

гой назван только по титулу — магистр, принадлежавший к числу «домашних» императора.[105]

При посредничестве Марии Аланской Исаак Комнин, брат будущего императора Алексея I Комнина, в 1072 г. женился на

[105] *Анна Комнина*, I.4 (с. 97).

Рис. 5. Печать императрицы Марии Аланской.

Ирине Аланской († 1104), дочери аланского царя и двоюродной сестре Марии. По всей вероятности, Ирина была дочерью ее дяди Дорголела, аланского царя.[106] Не исключено также, что Ирина находилась до замужества в статусе заложницы при константинопольском дворе (см. рис. 6).

Рис. 6 . Печать Ирины Аланской (DO Seals, 5:№ 116.1).

От брака Исаака Комнина и Ирины Аланской родилось 8 детей — четверо мальчиков и четверо девочек, дав начало многолюдной ветви Комнинов, просуществовавшей многие поколения и породнившейся с другими знатными родами (Дуками, Аксуха-

[106] *Nic. Bryen*., 143.10 Греческий термин ἐξαδέλφη, употребленный Вриенним для описания родственных отношений Марии Аланской и Ирины, мог означать и «двоюродную сестру», и «племянницу». Об этой Ирине см. также: PBW, Eirene 65; *Алеманъ* 2003, 306—307, 318, № 5.40.

ми, Докианами и др.).[107] Так аланская кровь влилась в жилы византийских аристократов.

Двоюродная сестра Ирины Аланской, имени которой мы не знаем, была замужем за Феодором Гаврой. Гавра был всевластным византийским наместником в Трапезунде в 1080-х и до 1099 г., и это был его второй брак. Его жена-аланка и Ирина Аланская «были дочерьми двух сестер».[108] Аланские женщины оказались весьма популярными в среде византийской высшей знати и сыграли исключительную роль в событиях того времени.

В конце XI—XII вв. на византийской службе появляются аланские воины, которые прибывали напрямую из Аланского царства, возможно, не только сухим путем через Грузию, но и через порт Анакопию, который, впрочем, в 1077 г. вновь вернулся под власть грузин.[109] Первые сведения об аланских воинах в византийской армии обнаруживаются в эпоху правления Михаила VII Дуки. По-видимому, аланские воины появились в Византии не без связи с Марией Аланской и Ириной Аланской. Наиболее раннее сообщение — когда аланы упоминаются в окружении братьев Исаака и Алексея Комнина в 1073 г. — дает яркую картину деятельности этих воинов. После ослепления Романа IV Диогена людьми Михаила VII в 1072 г. сельджуки устремились в Анатолию, считая заключенный ими мирный договор с низложенным Романом недействительным (см. ниже следующую главу).

Аланские воины отличились в одной из стычек с превосходящими силами тюрков, которые атаковали Исаака и Алексея Комнинов, уходивших с малочисленным отрядом от р. Сангарий в сторону Никомидии. Наемный алан Арават, служивший у Исаака, спешился в равнинной местности и в одиночку, орудуя лишь коротким копьем, отогнал часть тюрков; затем он поднялся на крышу близлежащей постройки и обстрелял отошедших тюрков из лука. Тюрки были устрашены его мужеством. Тем временем отряд братьев Комнинов продолжил отступление к некоей теснине. Когда тюрки решили атаковать отряд, отличился другой алан — Хаскар, служивший у Алексея. Отряд отбился от тюрок без потерь убитыми и плененными. Мотивация Аравата и Хаскара весьма показательна: нельзя допустить, чтобы знатные Комнины «подверглись опасности в присутствии аланов, ибо срам падет тогда на

[107] *Barzos* 1984, 1:79, 134—174 (№ 12, 23—30); *Алемань* 2003, 305—306.
[108] *Анна Комнина*, VIII.9 (с. 243); PBW, Anonyma 15020.
[109] Картлис Цховреба, 163; *Thomson* 1996, 308.

весь аланский народ». Типично также и упомянутое вооружение аланских всадников — копье и лук.[110] Аланы были благородными, отважными до отчаянья и умелыми воинами.

Михаил VII, по-видимому, всерьез надеялся с помощью аланов поправить положение в развалившейся византийской военной машине. Около 1074 г. восстал Руссель де Байоль — нормандец, находившийся на службе у византийцев еще со времени Романа IV. В конце концов нормандец закрепился в феме Арменияк в Понтийской области. Для его нейтрализации император отправил влиятельного царедворца Никифора Палеолога к аланскому царю за помощью. Никифор нанял и привел с собой 6000 аланских всадников, но бóльшая их часть, не получив обещанной платы, отказалась воевать и отправилась восвояси. Те немногие, что остались с Палеологом, были обращены в бегство Русселем. Только 150 из них остались в области Амасии. Вскоре они присоединились к Алексею Комнину, который был отправлен василевсом на борьбу с Русселем (1075).[111]

С этого времени и на протяжении последующих почти трех столетий присутствие алан в византийском социуме сохраняется. Аланы весьма часто фиксируются в армиях Комниновских императоров, в битвах нередко играя роль элитного резерва. Аланские контингенты участвовали в войнах Алексея I Комнина и Мануила I Комнина. В конце XII в., как свидетельствует Иоанн Цец, на константинопольских улицах легко было услышать аланскую речь.[112]

Монгольское нашествие и разгром Аланского княжества в конце 1230-х гг. повлекло за собой рассеяние алан и миграцию многих из них на запад в Подунавье. Кардинально изменился и статус аланских контингентов — теперь они выступают в качестве своего рода независимых «военных компаний» — союзников или наемников на службе у золотоордынских татар и балканских государей. В XIII—XIV вв. аланские отряды упоминаются и в составе византийской армии. Однако в отличие от тюрков практически никто из алан не стремился отказаться от статуса наемников и в полной мере встроиться в византийскую жизнь.[113]

[110] *Nic. Bryen.*, 163—167; *Beihammer* 2017, 209. Ср.: *Алемань* 2003, 307—309 (предложенная хронология не кажется убедительной).
[111] *Nic. Bryen.*, 183—185; *Beihammer* 2017, 212. Ср.: *Алемань* 2003, 309—311 (предложенная хронология не кажется убедительной).
[112] *Kim* 1999; *Kim* 2003; *Алемань* 2003, 279—283, 294—295, 306—313.
[113] *Vásáry* 2005, 35, 93, 108—112, 123—124; *Бубенок* 2004, 261—268; *Алемань* 2003, 286—294.

Особенности азиатского проникновения на Балканы в XI—XIV вв.

Степняки из Подунавья совершали набеги обычно в зимнее и весеннее время. Лето и осень они, как правило, проводили на своих кочевьях. Главной целью набегов был грабеж оседлого населения Македонии и Фракии. Византийцы, если располагали достаточными силами, стремились встретить кочевников на территориях непосредственно южнее Балканских гор. Если сил было недостаточно, греки запирались в городах и совершали локальные вылазки против разрозненных групп кочевников. Комнинам удалось полностью нивелировать кочевую угрозу на Балканах, однако в эпоху Ангелов, в связи с общим политическим кризисом в империи, кочевники вновь превращаются в разрушительную силу.

Подводя итог предшествующему обзору азиатских нашествий на Балканы в XI—XIV вв., следует подчеркнуть, что непрестанные нашествия «северных» тюрок, судя по всему, не привели к сколько-нибудь значительной тюркизации Балкан. В силу различных обстоятельств тюрки — печенеги, узы, половцы — не стремились обосноваться на Балканах и создавать там собственные государственные образования. Этому было несколько причин, среди которых необходимо упомянуть несколько важнейших. Во-первых, тюрки южнорусских степей и Причерноморья по способам хозяйствования и своей социальной организации, а вместе с тем и моделям политической самоорганизации были сугубо кочевыми, степными народами, чуждыми городской и оседлой жизни. Они могли сохранять собственную идентичность и воспроизводить себя лишь на степных просторах, в аморфных протогосударственных образованиях, чуждых строгой структурированности.

Как показывал еще Майкл Хенди, наиболее урбанизированными и заселенными районами на Балканах были Македония, Фракия, Фессалия, в особенности их прибрежные части и равнинные территории. Территории от Балканских гор до Дуная были слабо урбанизированными и с относительно незначительным населением.[114] В урбанизированной части Балкан, занятой оседлым населением, степняки были не в состоянии создать жизнеспособные государственные организмы в силу их иной экономической, социальной и политической стратегии. Ощущая принципиальную чуждость оседлого балканского пространства, кочевники и не пытались закрепиться там надолго.[115] Они использовали Балканы как резервуар легкой добычи, как неисчерпаемый источник богатств. Что же касается менее урбанизированной центральной части Балкан, то преимущественно гористый и лесистый ландшафт также не благоприятствовал массовому расселению тут степняков. Возможно, степняки расселялись на постоянной основе лишь в Добрудже, да и то только в отдельные периоды. Вполне парадоксально, что тюркизация Добруджи во второй половине XIII в. началась не в результате переселения северных «скифов», но благодаря константинопольским властям, направившим туда анатолийских тюрок.

Второе обстоятельство, препятствовавшее тюркизации Балкан кочевниками, тесно связано с первым. Византийская власть, для которой Балканы, а в особенности прибрежные районы, Фракия и Македония, в стратегическом смысле были своего рода продолжением Константинополя, никогда не капитулировала перед кочевниками и даже в самые худшие периоды кочевых набегов прочно удерживала важнейшие городские центры региона. Кочевники были не в состоянии уничтожить городские оплоты византийцев, потому и их завоевание Балканских провинций всегда оставалось не только эфемерным, но и в принципе неосуществимым.

Таким образом, кочевники так и не смогли ни преодолеть чуждую им урбанизированность Балкан, ни приспособиться к местному урбанизму. Плененные или перешедшие на византийскую службу кочевники раньше или позже переходили к оседлости и, как видно, довольно быстро ассимилировались и растворялись в местном оседлом населении.

Вместе с тем бросается в глаза различие между печенежским и половецким типами, нашедшее яркое, хотя и имплицитное отражение в византийских источниках. Очевидно, что печенеги поразили воображение греков, византийские историки посвятили обширные пассажи описанию их деяний, нарисовав их яркие и запоминающиеся портреты. Удивительно, что многие представители печенежской знати вошли в константинопольскую элиту, т. е. оказались способными понять и принять строго регламентированные, изощренные правила византийского дворцового, аристократического и чиновного быта. Более того, по всей видимости, источником весьма структурированной и детальной аналитики в отношении печенегов, содержащейся в труде «Об управлении им-

[114] *Hendy* 1985, 78—90.

[115] *Расовский* 1940, 97.

перией» (см. выше), возможно, являлся Иоанн Богас (Βογᾶς или Βωγᾶς ← *тюрк.* bugha «бык»), херсонский стратиг и предположительно печенег по происхождению. Его влияние на византийскую политическую экспертизу говорит о высокой степени его адаптации в византийском обществе и его элите.[116]

В противоположность печенегам половцы заняли весьма скромное место в воображении и реальной жизни византийцев. Половцы активно расселялись в империи и превратились в один из элементов византийской обыденности, однако за немногим исключением так и не продемонстрировали социальной успешности и не были допущены в византийскую элиту.

Причина, по всей видимости, кроется в цивилизационных различиях между печенегами и половцами: хотя оба народа и были кочевыми, однако это не делало их культурно равнозначными. Поскольку на момент встречи с греками и те и другие были бесписьменными народами, вряд ли возможно дать предметную оценку того, в чем же именно крылась разница в их цивилизационном уровне. Тем не менее сравнительное прочтение византийских сведений о тех и других позволяет предположить наличие качественного отличия между печенежской и половецкой культурами. Печенеги были несомненно более культурно развитыми и рафинированными, нежели половцы, более открытыми и чуткими к превосходящему их «чужому», что и позволяло им успешно встраиваться в мир оседлой цивилизации.

[116] *Козлов* 2013, 112—114.

Глава 3

ВИЗАНТИЯ И АНАТОЛИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В XI—XIII вв.

Так же как и в случае с Балканами, особенности византийско-тюркских военно-политических отношений были тесно связаны с особенностями ландшафта и климата в разных частях Малоазийского полуострова. Однако Малая Азия по площади значительно больше Балкан и с природно-климатической точки зрения много более разнообразна. Бóльшая часть Анатолии представляет собой обширное Малоазийское нагорье, находящееся на высоте в среднем 1000 м над уровнем моря. Внутренняя часть Малоазийского нагорья — Анатолийское плоскогорье, включающее в себя исторические области Анатолик, Каппадокию, Харсиану, Арменияк. Оно граничит с обширным Армянским нагорьем на востоке, представляющим собой наиболее высокую, а зачастую и труднодоступную часть Малой Азии. Высоты на плоскогорье увеличиваются с запада (800—1000 м) на восток (до 1500 м). Климат на Анатолийском плоскогорье засушливый континентальный: летом во многих районах средняя температура до +30° и выше, зимой, особенно на востоке и в горных районах, в среднем до –15°. Наиболее засушливые и каменистые области плоскогорья плохо пригодны или вовсе не пригодны для земледелия. Однако в некоторых областях оно было возможным и даже процветало (Пафлагония, Каппадокия).

С севера Анатолийское плоскогорье ограничено Понтийскими горами, а с юга — горами Тавра. Понтийские горы, протянувшиеся на 1000 км вдоль черноморского побережья, достигают высоты до 3937 м. Почти на всем своем протяжении Понтийские горы отвесно обрываются в Черное море; лишь на некоторых участках между морем и горами расположены более или менее обширные равнинные пространства, пригодные для земледелия (как, например, в прибрежной части Халдии с городом Трапезундом). Весьма плодородны долины вдоль больших и малых рек (Галис/Кызылырмак, Ирис/Ешильирмак, Акампсис/Чорох и др.), разрезающих Понтийские горы.

С юга Анатолийское плоскогорье ограничивают горы Тавра — непрерывный ряд горных цепей вдоль средиземноморского побережья, покрытых лесом от Евфрата на востоке до исторической области Карии на западе (высотой до 2000—3000 м).

С запада к Анатолийскому плоскогорью примыкают обширные преимущественно гористые пространства, выходящие к Средиземному, Эгейскому и Мраморному морям — Вифиния, Мизия, Иония, Кария, Ликия, рассеченные множеством рек и обширными плодородными долинами: на севере богатыми долинами Сангария (Сакарья), Масесты (Сусурлу) и Граника (Коджабаш); на западе — Каика (Бакыр), Гермеса (Гедиз), Каистра (Кючюк Мендерес) и Меандра; на юго-западе — Индуса (Даламан), Ксантуса (Коджа), Кеструса (Аксу) и Эвримедона (Кёпрю). Наиболее урбанизированными областями были примыкающие к морю регионы (там, где горные гряды это позволяли), в особенности западная часть Малой Азии, а также Восточная Анатолия. В связи с высокой степенью урбанизации в этих регионах сложилась и наиболее густая сеть дорог как магистрального, так и местного значения.

Уже к концу XI в. Анатолийское плато оказалось под властью тюрок, византийская власть сохранилась лишь в прибрежных ареалах Малой Азии. Прибрежные земли вдоль Черного и Средиземного морей были отделены естественной преградой из горных гряд от центрального плато, что затрудняло для тюрок проникновение в прибрежные районы. Благодаря Понтийским горам и Тавру в прибрежных районах Северо-Восточной Анатолии консолидируются греки — в Понтийской области с центром в Трапезунде, а на юго-востоке — армяне и греки Киликии, которые долгое время успешно отражали атаки тюрок с внутреннего плато.

В западной части Анатолии географическая структура была сложнее: не существовало столь же существенных естественных преград для проникновения с анатолийского плато в плодородные долины Эгейского региона и Пропонтиды. Находящиеся на севере и западе Анатолийского плоскогорья засушливые равнинные области, включающие часть исторической Пафлагонии, Лидии и Писидии, на протяжении XII в. представляли собой ничейную землю между византийскими и мусульманскими владениями, почти полностью покинутые оседлым населением и занятые кочевниками. Византийцы эти пространства использовали как буфер, препятствовавший тюркским прорывам к Эгейскому и Средиземному морям и к Пропонтиде. Тюрки из внутренней Анатолии стремились в свою очередь прорваться через него, чтобы достичь

богатых добычей урбанизированных долин, спускавшихся к побережью. Во второй половине XIII в., когда этот буфер был наконец прорван тюрками, судьбы Эгейского региона и Пропонтиды были предрешены — византийская власть там пала в одночасье.[1]

Государство сельджуков

Византийцы не знали обобщенного именования «сельджуки» и именовали их по-разному: Τοῦρκοι, Οὖννοι, Σκύθαι, Πάρθοι и др., но чаще всего Πέρσαι — «персы».[2] В современную науку именование «сельджуки» пришло из мусульманских — персидских и арабских — источников, так обозначавших правящую династию в Сельджукском государстве. Сельджуки относились к огузской ветви тюрок. Византийцы с середины XI в. знали тюрок-огузов (торков) под именем Οὖζοι, которые совершали набеги на Балканы (см. выше гл. 2); несомненно, Οὖζοι на Дунае и те огузы, от которых произошли сельджуки, принадлежали к одной конфедерации племен. Однако сами византийцы не располагали сведениями о наличии такой связи и не ассоциировали персов Анатолии с балканскими узами. История формирования Сельджукского султаната, охватившего обширные территории от Средней Азии до Анатолии, в целом изучена хорошо. Исследования отечественной школы востоковедения были подытожены и развиты в трудах С. Г. Агаджанова, работавшего в конце 60—80-х гг. прошлого века. История анатолийских сельджуков в их взаимоотношениях с Византией детально рассматривалась в трех классических монографиях Клода Каэна, Спироса Врониса и Османа Турана.[3] Не потерял ценности и труд русского тюрколога В. А. Гордлевского — первая в историографии попытка дать систематическое научное описание истории Сельджукидов Рума.[4] Эти монографии сохраняют свою значимость до сих пор; рисуемая ими картина

[1] Полезное описание исторической географии Анатолии см. в: *Hendy* 1985, 90—131.

[2] *Шукуров* 2017, 79—85.

[3] *Агаджанов* 1973; *Агаджанов* 1969; *Peacock* 2010a; *Peacock* 2015; *Vryonis* 1971; *Cahen* 1988. Эта книга Кл. Каэна существует еще в двух английских переложениях, оба из которых по научной значимости уступают французскому оригиналу: *Cahen* 1968; *Cahen* 2001; *Turan* 1971. См. также соответствующие разделы в: CHI, vol. 5: The Saljuq and Mongol Periods.

[4] *Гордлевский* 1941.

военно-политических взаимоотношений анатолийских сельджуков с византийцами редко нуждается в серьезных поправках. Тем не менее естественным образом знание продолжает аккумулироваться, обнаруживаются новые источники, меняются аспекты и интерпретации — весьма полезный и глубокий обзор современных концепций истории Византии и Сельджукского султаната в XI—XII вв. и столкновения двух этих миров издан не так давно Александром Байхаммером.[5]

В X в. огузская держава сырдарьинских ябгу контролировала обширные степные пространства на север от владений бухарских Саманидов — от р. Волги до оз. Балхаш в современном Казахстане; на юг зона их расселения простиралась до Приаралья и среднего течения Сырдарьи.[6] Как принято считать, огузы пришли туда предположительно из Монголии или соседних регионов не ранее конца VIII в. в связи с распадом Великого тюркского каганата.[7] В Средней Азии к огузской конфедерации племен примыкали и другие тюрки — печенеги, халаджи, чарук, карлуки, восточные тюрки байундур, имуры и каи; помимо того огузская конфедерация включала в себя, по-видимому, и иранских кочевников — аланов и асов. Тюркские этнические группы в лимитрофных зонах Средней Азии, смешанные с автохтонным индоевропейским, а по преимуществу — иранским населением, именовались туркменами. Туркменами называли также и исламизированных тюрок в лимитрофных зонах, принявших под влиянием местного иранского населения ислам. Именование «туркмены» прилагалось не только к огузам, но также к метисированным и принявшим ислам группам из карлуков, халаджей и других тюркоязычных племен, обитавших в лимитрофных зонах Средней Азии.[8]

В конце X в. против власти ослабевших огузских ябгу восстала часть огузов во главе с родом Салджука (Сельджука) из огузо-туркменского племени кыник. Сельджуки-огузы служили иранской династии Саманидов в Бухаре (IX—XI вв.), а потом тюркской династии Караханидов, которая отобрала междуречье между Амударьей и Сырдарьей у Саманидов в начале XI в. В начале XI в. бóльшая часть сельджуков-огузов попала в зависимость от Газневидов, правителей Хорасана. Бесчисленные мятежи огузов в 1020— 1030-х гг. завершились их консолидацией под властью Мухаммада Тугрул-бега (1037—1063) из рода Салджука. В 1040 г. после знаменитой битвы при Данданакане, в результате которой огромное войско газневидского султана Масʿуда I было разгромлено, огузы провозгласили Тугрул-бега верховным правителем. В последующие годы сельджуки быстро завоевали обширные территории, от Мавераннахра и до границ Византийской империи в Сирии и Армении. В 1058 г. аббасидский халиф в Багдаде официально облек Тугрул-бега титулом султана.[9] Как и в обсужденных выше случаях, сельджуки, давшие имя завоевателям-тюркам XI в., составляли лишь движущую силу нашествия. К роду Салджука принадлежали лишь вожди (а позже — султаны) наступавших тюрок. Беки правого крыла сельджукских войск назначались из каи и байатов, а левого — из печенегов и чавундаров.[10] Тюркские орды включали в себя племена не только огузского, но и кыпчакского происхождения.[11]

Не исключено, что первое появление сельджуков-огузов поблизости от восточной границы Византийской империи относится уже к 1038/1039 г., когда какие-то тюркские отряды, находившиеся на службе мусульманских князей, опустошили армянские земли в районе Васпуракана. По сообщению армянского источника, тюрки были лучниками и отличались длинными, как у женщин, волосами.[12] Возможно также, что это были тюрки, поступившие на службу Газневидов.[13]

Формирование государства Сельджукидов на Ближнем и Среднем Востоке привело к нараставшему давлению тюрок на восточную византийскую границу в 1040—1070-х гг. Это несчастливо совпало со структурным кризисом в империи в XI в., а также разорительными набегами печенегов и узов на балканские провинции, которые нередко составляли угрозу самому Константинополю. Кроме того, как показал Александр Байхаммер, не так давно присоединенные Византией восточные регионы Анатолии, Великой Армении и Сирии не вполне были освоены империей за

[5] *Beihammer* 2017, 6—20.
[6] *Агаджанов* 1969, 72—80.
[7] *Агаджанов* 1969, 127—128; *Golden* 1992, 206—207.
[8] *Агаджанов* 1969, 80—85, 147.

[9] *Bosworth* 2000.
[10] *Агаджанов* 1969, 238.
[11] *Агаджанов* 1969, 211 и след.
[12] *Beihammer* 2017, 62—68; *Агаджанов и Юзбашян* 1965, 149; *Vryonis* 1971, 80—81; см. также: *Kafesoğlu* 1953.
[13] *Cahen* 1954; 1991.

первые десятилетия XI в., а восточное пограничье так и не удалось стабилизировать. Эти территории представляли собой весьма разношерстный конгломерат разрозненных районов, населенных обществами, обладавшими различным историческим опытом, религиозной идентичностью и институциональными традициями. Возможно, что византийские административные механизмы того времени просто не в состоянии были объединить в одночасье этот обширный, социально и культурно фрагментированный регион, обладавший к тому же и сложным гористым ландшафтом.[14] Нестабильные восточные границы империи спасало лишь то, что сельджуки не собирались вести полномасштабную войну с Византией.

Поначалу сельджукские рейды развивались по моделям кочевнического набега, носили локальный характер и имели целью грабеж населения. Конечно же, де-факто это была и разведка обороны империи. Главным объектом рейдов была Византийская Армения: в 1046 г. тюркские отряды вторглись в Васпуракан, но были отбиты; следующий туркменский набег в 1048 г. во главе с Ибрахимом Иналом докатился до Арце, важного торгового центра, который был взят и разграблен. В 1049/1050 г. в Константинополь прибывает посольство Тугрул-бега с целью заключить мирный договор и разрешить проблему плененных в 1048 г. Помимо прочего послы предложили отремонтировать константинопольскую мечеть и потребовали, чтобы в ней читалась *хутба* с именем багдадского халифа и Тугрул-бега, хотя с 987 г. главой мусульманского мира в ней признавался фатимидский халиф. Новый кризис в отношениях грянул через четыре года: в 1054 г. сам султан Тугрул-бег возглавил набег на область вокруг озера Ван, осадил Манцикерт и дошел до Пайперта. В 1055 г., казалось, византийцы и сельджуки Ирана пришли к соглашению — в Константинополь прибыло посольство Тугрул-бега, и императрица Феодора (1055—1056) подтвердила византийский союз с сельджуками и аббасидскую ориентацию константинопольской мечети. Тем самым Византия признала Тугрул-бега верховным правителем мусульманского мира, под чьим покровительством находился сам халиф. Отношения Константинополя с Фатимидами — со второй половины X в. главными контрагентами Византии в мусульманском мире — отходят на второй план. Это изменение статуса Фатимидов не преминуло отразиться на резком ухудшении положения христиан на

[14] *Beihammer* 2017, 53—57.

фатимидских территориях, в то время включавших в себя и Иерусалим (до 1071 г.).[15]

Однако надежда на мир с мусульманским соседом не оправдалась. Сельджукская центральная власть оттесняла кочевые орды в пограничье, чтобы уберечь оседлую экономику от кочевых грабежей. Вытесненных на западную границу туркмен центральная администрация слабо контролировала, и те совершали рейды на византийскую территорию на свой страх и риск. Уже в 1056—1057 гг. тюркский вождь Самух на некоторое время водворился в Великой Армении. Несомненно, свои грабительские походы тюрки соотносили с внутренними неурядицами в империи. Так, не исключено, что разрушительный тюркский набег на области Камахи, Колонии и Милитены в октябре 1057 г. стал результатом кровавой бойни между самими византийцами, инициированной восстанием Исаака I Комнина. Кровавое сражение между Исааком Комнином и правительственными силами под Никеей оголило восточные провинции империи и внесло свою лепту в подрыв византийской военной мощи в Анатолии.[16] В последующее десятилетие в восточно-анатолийских провинциях, параллельно с усугублявшимся кризисом власти, обострились этноконфессиональные противоречия между греками, армянами и сирийцами. В конце 60-х гг. восточное приграничье Византии оказалось охваченным анархией, тюрки беспрепятственно разоряли пограничные районы в Армении, Ивирии, Месопотамии, все более углубляясь в своих набегах вплоть до центральных районов Анатолии, — подверглись атаке Хоны, Севастия, Ани, Милитена и многие другие города. Туркменские орды вторгались на византийские территории преимущественно по двум коридорам — через Северную Сирию на Каппадокию и через Великую Армению южнее Понтийской области. Тем временем верховная сельджукская власть в лице самого султана Алп-Арслана (1063—1072), преемника Тугрул-бега, планомерно подчиняла себе пограничные с Византией территории Грузии и Великой Армении, тем самым фактически обеспечивая успех туркменских рейдов на территорию империи.[17]

[15] *Beihammer* 2017, 74—102; *Peacock* 2010, 128—151; *Reinert* 1998, 137—139.

[16] *Beihammer* 2017, 104—109; *Vryonis* 1971, 86—88.

[17] *Beihammer* 2017, 109—124; *Vryonis* 1971, 92—95; *Korobeinikov* 2008, 700—701.

Первая волна миграции

Усугублявшийся внутренний кризис привел к тому, что к началу правления Романа IV Диогена (1067—1071) войска хронически страдали от нехватки элементарного снаряжения (даже оружия и коней), анатолийские провинции терпели бедствия от частых тюркских набегов и восстаний наемников, напряженность между православными, армянами и сирийцами в восточном приграничье достигла опасного предела. Торопясь исправить ситуацию на восточной границе, император уже в 1068 г. предпринимает масштабный поход на восток страны, собрав значительную армию, состоявшую из гвардейских частей, балканских «скифов», франкских и армянских наемников, *тагм* восточных провинций и ополчения каппадокийцев (т. е. своих земляков). Это была значительная сила, числом, вероятно, 30—40 тысяч воинов, а военные операции длились с весны до зимы, охватив огромную территорию от припонтийской области до Евфрата. Весьма тревожным обстоятельством было то, что рейды независимых туркменских орд вглубь византийской территории продолжались и в ходе этих походов — тюрки, избегая прямых столкновений с византийскими войсками, продолжали свои набеги на мирные города (Неокесария, Аморий). В следующем году Роман Диоген совершил новый поход на Восток, но уже без выходов в Сирию, ограничившись операциями в Восточной Анатолии. Он вновь попытался блокировать туркменские грабежи, но не достиг решающего успеха, ибо туркмены прорывались именно там, где в тот момент византийских войск не было. Становилось совершенно очевидным, что император в его попытках перекрыть границу развивает (вольно или невольно) ошибочную стратегию, не эффективную против импровизированных атак кочевников.[18]

После разорения Хон разрушительным туркменским набегом, а также захвата Манцикерта и Арджиша самим султаном Алп-Арсланом летом-осенью 1070 г. Роман IV Диоген решил предпринять масштабную кампанию против тюрок. Султан Алп-Арслан, похоже, не собирался начинать полномасштабную войну с византийцами. По всей видимости, сельджукский султан лишь намеревался подчинить себе и тем самым умиротворить фрагментированное и бурлящее западное пограничье своей державы — армянские и грузинские территории, Северную Сирию, Верхнюю Месопотамию, — которые фактически оказались во власти независимых туркменских кочевых вождей. Возможно, делал он это с далекой целью создать плацдарм для войны с Фатимидами.

[18] *Beihammer* 2017, 137—149.

Летом 1071 г. византийские войска двинулись по северо-анатолийской военной дороге через Дорилей к Севастии и далее к Феодосиополю. Император намеревался укрепить границу в Армении, установив прочный контроль над северным берегом озера Ван. Для этого он отправил бóльшую часть войска на осаду Хилата, а сам атаковал Манцикерт. Тем самым Роман IV планировал перекрыть главные пути туркменских набегов из Азербайджана. Алп-Арслан с небольшими силами решился перехватить василевса, расположившегося рядом с Манцикертом с меньшей частью своей армии. 26 августа 1071 г. Роман IV, отказавшись от переговоров о мире с Алп-Арсланом, вступил в сражение с сельджукским воинством. В результате двухдневного сражения василевс оказался в тюркском плену, а его войско было рассеяно. Роман IV Диоген провел восемь дней в ставке Алп-Арслана, который отнесся к пленнику с исключительным уважением. После заключения мирного договора император отправился в Константинополь.

Катастрофический для византийцев исход сражения был обусловлен цепью несчастливых случайностей. Не получая достоверной информации о передвижениях султана, Роман IV рассеял свои силы и оставил при себе лишь меньшую их часть; некоторые этнически близкие сельджукам византийские печенеги и узы перешли на сторону врага; уже выигранное византийцами сражение обратилось поражением только потому, что войско неверно интерпретировало возвращение Романа IV в лагерь как бегство (возможно, благодаря предательству Андроника Дуки, распространившего весть о гибели василевса). Как показал ход сражения, сельджуки не выдерживали фронтального натиска византийской военной машины, и лишь стечение обстоятельств позволило им одержать победу. Ход Манцикертского сражения не выглядит закономерным результатом упадка, охватившего империю в предыдущие десятилетия. Если с военной точки зрения поражение византийцев вовсе не было катастрофическим (слишком малый урон военному потенциалу в целом), то в совокупности с анархией, царившей в административных и военных делах империи, оно имело катастрофические последствия для судеб византийской власти в Анатолии. Империя, оказавшаяся в тот судьбоносный

момент на пике структурного кризиса, оказалась не в состоянии противостоять хлынувшим в Анатолию тюркам.[19]

Начало тюркского нашествия на Анатолию следует привязать к смерти низложенного и ослепленного Романа IV Диогена († 4 августа 1072). Султан Алп-Арслан, узнав о смерти василевса, посчитал себя свободным от заключенного с ним договора о мире. Тюркские набеги опустошали Анатолию с удвоенной силой, не встречая серьезного сопротивления со стороны византийской власти. К концу правления Михаила VII Дуки (1071—1078) практически во всей Анатолии от Великой Армении на востоке и до Эгейского побережья на западе орудовали тюркские грабительские отряды. В конце 1077 г., когда Никифор Вотаниат, восставший против Михаила VII, пытался из Анатолика через Никею достичь Константинополя, все дороги в регионе были наводнены тюрками, и Никифор не смог избежать плена. Не исключено, что между 1072 и 1075 гг. тюрки временно заняли даже Трапезунд,[20] хотя, как известно, в 1070-х гг. они еще не трогали защищенные города, ограничиваясь разорением сельской округи.

Однако очень скоро тюрки получили доступ и в города, причем без осад и кровопролитных штурмов. Будущий император Никифор III Вотаниат, попав в 1077 г. к тюркам в плен, убедил их поддержать его мятеж. Заняв с их помощью города Пропонтиды и Вифинии, Никифор оставил в них гарнизоны тюркских союзников. Как отметил Спирос Врионис, это был первый случай водворения тюрок в византийских городских центрах, инициированный самими византийцами. То же произошло и во время мятежа Никифора Мелиссина, восставшего в 1079 г. против Никифора Вотаниата (1078—1081): в верных ему городах на территории Фракисийской фемы, во Фригии и Галатии Мелиссин ставил гарнизоны из союзных тюрок, которые продолжали контролировать города и после поражения мятежника.[21]

С 1072 г. византийскую Анатолию наводняют массы тюркских кочевников (часто называемых в исследованиях «туркменами»),

[19] Из множества работ, посвященных сражению, см. наиболее значимые: *Beihammer* 2017, 155—161; *Leveniotes* 2007. Дата сражения при Манцикерте: *Gautier* 1966, 157. Описание обстоятельств битвы и ее последствий: *Cahen* 1934; *Vryonis* 1971, 96—103; *Vryonis* 1992; *Vryonis* 2000, 439—450; *Vryonis* 2005; *Cheynet* 1980; *Cheynet* 1991; *Korobeinikov* 2008, 702—703; а также СНВЕ, 608—609. О восточных источниках по битве см.: *Hillenbrand* 2007; *Sevim* 1972.

[20] *Карпов* 2017, 87—88; *Leveniotes* 2007, 263—268.

[21] *Vryonis* 1971, 112—113; *Korobeinikov* 2008, 706—707.

численность которых оценить не так просто. Очевидно, что пришельцев было много меньше, чем исконных жителей Анатолии, подавляющее большинство из которых были греками и армянами. В середине XIII в. Гийом Рубрук определил численное соотношение между местными «христианами» и пришлыми «сарацинами» как 10:1. Это соотношение принимал как правдоподобное Клод Каэн — большой знаток мусульманской Анатолии.[22] Если действительно оценки Рубрука хотя бы примерно соответствовали реалиям XIII в. (а у нас нет веских причин отвергать их), то в конце XI в. пришлых мусульман было еще меньше в сравнении с местными. Обращение к типологически близким примерам также подтверждает правдоподобность оценок Рубрука: по авторитетному мнению Жака Ле Гоффа, расселившиеся в Римской империи в V в. варвары составляли не более 5 % населения захваченных ими территорий.[23] Если предположить, что к середине XIII в. мусульмане действительно составляли лишь 10 % населения, то весьма вероятно, что мигрантов в конце XI в. могло быть в два раза меньше. Уоррен Трэдгольд оценивал население византийской Анатолии ок. 1025 г. в 12 миллионов человек.[24] В таком случае можно предположить, что первая тюркская миграционная волна с Востока могла насчитывать до 600 тысяч человек, составляя ок. 5 % от автохтонного населения.

Около полумиллиона пришельцев — в своем абсолютном выражении цифра представляется внушительной, но только не в сравнении с огромной численностью местного населения. В действительности же не так важно, на сколько больше было местных в сравнении с захватчиками, а важно то, насколько быстро и эффективно пришельцы разрушали коммуникационные нити в действующей административной и экономической сетке связей. Византийская власть рухнула в одночасье именно потому, что административно-полицейская и экономическая коммуникации оказались парализованными как на макроуровне провинций, так и на микроуровне городских и сельских общин. Кроме того, тюркское вторжение инициировало помимо естественной убыли населения (убитые и проданные в рабство) также и массовые переселения — панический отток автохтонов из атакованных кочевниками

[22] *Рубрук*, 193 (LIII): «О Турции знайте, что там из десяти человек один не Саррацин, а все это — Армяне и Греки». См. также: *Cahen* 1988, 111.

[23] *Ле Гофф* 2005, 42.

[24] *Treadgold* 1997, 570.

зон. Это также усугубило и ускорило коллапс коммуникационной сетки, поддерживавшей целостность византийского общества в Анатолии.

Результаты кочевой миграции не преминули проявиться в скорой депопуляции целого ряда анатолийских районов, в особенности на Центрально-Анатолийском плато и по его внешнему периметру. Причем депопуляция территорий временами происходила взрывным образом в силу столкновения двух типов хозяйствования — оседлого земледелия автохтонов и кочевого скотоводства пришлых. Те регионы, где стада кочевников кормились урожаем зерновых и весной (озимые), и осенью (яровые), крестьяне покидали очень скоро, зачастую не выдерживая и одного года. Следующий этап в освоении пришлыми территорий заключался в их номадизации, т. е. заселении на постоянной основе покинутых земель кочевниками, либо пришлыми оседлыми земледельцами. С точки зрения этнокультурной, описанные процессы приводили к деэллинизации (деармянизации) территорий и их тюркизации. Так постепенно менялась этническая карта Анатолии. Процессы депопуляции, номадизации и тюркизации, обозначенные тут вкратце, были вскрыты и описаны в классическом исследовании Спироса Вриониса.[25]

Потерянная Анатолия

Ко времени восшествия на престол Алексея I Комнина (1081—1118) тюркский эмир Сулайман б. Куталмуш (1077—1086), выходец из младшей ветви правящего дома иранских Сельджуков, действовавший в Анатолии на свой страх и риск, уже прочно утвердился в Никее, а вся прибрежная территория Пропонтиды и Босфора находилась под контролем тюркских групп. Современники считали Анатолию навсегда потерянной для империи.[26] Располагая совершенно неопытным и малочисленным войском и весьма ограниченными материальными возможностями, Алексей I все же сумел на время отогнать тюрок от побережья вглубь материка, а затем (до 17 июня 1081 г.) заключил договор с Сулайманом о византийско-тюркской границе по р. Дракон (Beyoğlu deresi, Gölcük Belediyesi), который, впрочем, тюрки вскоре нарушили. В самом

[25] *Vryonis* 1975, 43—71.
[26] *Vryonis* 1971, 114.

начале своего правления Алексей I полностью сконцентрировался на отражении угрозы со стороны италийских нормандцев.

Важно отметить, что тюрки-завоеватели в Анатолии отнюдь не были едины, представляя собой отдельные группы, более или менее многочисленные, действовавшие часто без связи друг с другом и каким-либо политическим центром. В 1080-х гг. разлившиеся по Анатолии тюрки начинают группироваться вокруг нескольких центров власти, разбросанных по Анатолии. Именно Сулайману б. Куталмушу, распространившему свою власть также и на часть Киликии, и даже на Антиохию, принадлежит заслуга в формировании первого мусульманского квази-государственного образования в урбанизированных зонах Малой Азии.[27] Однако сущностная фрагментированность тюркской Анатолии не была преодолена Сулайманом, что стало вполне явственным после его смерти в 1086 г. Никейский центр власти перешел к Абу ал-Касиму, одному из эмиров и преемнику Сулаймана. В последующие годы начинается медленный процесс политической консолидации тюркских групп вокруг нескольких тюркских вождей, власть которых, как правило, опиралась на захваченные ими городские центры. Византийский тюрок Чага, восстав против Алексея I и войдя в контакт с тюрками-мусульманами, установил контроль над Смирной, Клазоменами, Фокеей, Самосом, Митиленой и Хиосом. Вожди Тангрибермыш и Марак (Барак) утвердились в Эфесе. На берегах Пропонтиды заправляли эмир Илхан (Аполлония, Кизик), Скалиар и др. Эмир Каратегин кратковременно взял под свой контроль Синоп и округу, однако к 1085 г. Синоп был возвращен Алексеем I.[28]

Очевидно, что в этих центрах власти, большинство из которых не просуществовало долго, могли преобладать разные субэтнические и племенные группы тюрок, включавшие в себя не только огузов, но и кыпчаков. Эти центры власти могли также развивать разные политические и культурные стратегии по отношению к местному византийскому населению и константинопольской власти, о чем мы можем ретроспективно предполагать и по более позднему материалу. В этом смысле тюркская Анатолия на рубеже XI и XII вв. была весьма фрагментирована. По традиции ныне мы объединяем всех завоевателей, пришедших в византий-

[27] Весьма подробная реконструкция ранней истории родовой ветви Куталмуша и его сына Сулаймана: *Beihammer* 2017, 172—192, 204—207, 226—234.
[28] Ibid, 265—303.

скую Анатолию в XI в., под общим именованием «сельджуки». Однако надо всегда помнить, что подавляющее большинство самих тюрок вряд ли осознавало себя «сельджуками», да и вообще частью чего-то целого. Проблемы политической и культурной фрагментированности тюркской Анатолии в XI—XII вв. и влияния ее на судьбы византинизма выходят за рамки нашей работы и ждут специальных исследований.[29]

Стабилизация при Алексее I и формирование пограничных зон

Во второй половине 1080—начале 1090-х гг. Алексей I достиг некоторого прогресса в Северо-Западной и Западной Анатолии на южных берегах Пропонтиды, оттесняя тюрок вглубь материка. В 1092 г. византийский флот отнял у Чаги острова Митилену и Хиос и блокировал тюркского вождя в Смирне. Однако настоящий перелом в пользу Византии в анатолийских делах наступил много позже благодаря рыцарям Первого крестового похода. Сама идея крестового похода, по всей видимости, принадлежала Алексею I, методично пробовавшему все вообразимые средства для спасения империи и восстановления ее мощи.[30] В 1097—1098 гг., когда крестоносцы изгнали тюрок из Никеи, Алексей выслал Иоанна Дуку к Смирне, находившейся под контролем тюрок во главе с Чагой или его преемником. В Смирне уже знали о падении Никеи и город был сдан без боя. Далее Иоанн Дука возвращает Эфес, находившийся в руках тюркских вождей Тангрибермыша и Марака. Вслед за этим Иоанн Дука повернул в материковые области и занял Сарды, Филадельфию, Лаодикию, Хоны, Лампи, а затем севернее взял Поливот. Тем временем сам Алексей выдвинулся к Филомилию на юго-восток от Поливота. Это был исключительный успех византийцев, разом изменивший соотношение сил в Анатолии в пользу греков. Византийцы вновь заняли важнейшие стратегические пункты, прикрывавшие западную часть Анатолии, — Сарды, Филадельфию, Лаодикию, Лампи, Поливот. Около 1099 г. Алексей I вернул практически все средиземноморское побережье

[29] См. дополнительные замечания по этому поводу: *Шукуров* 2015; *Шукуров* 2001а.

[30] Это ярко и убедительно показано в популярной по жанру, но весьма добротной по содержанию книге: *Франкопан* 2018.

Анатолии вплоть до Киликии. В мае 1101 г. крестоносцы в Северной Анатолии отбили у тюрок Анкиру и передали ее византийцам.[31]

Другим важным направлением восточной политики Алексея I было возвращение Юго-Восточной Анатолии и Сирии с Антиохией. В 1108 г., с заключением Девольского соглашения с Боэмундом, Византия формально закрепила свои права на Антиохию, однако борьба за реализацию этих прав развернется позже в правление преемников Алексея I.[32]

Однако тюрки отнюдь не были сломлены победами крестоносцев и греков. В последующие годы разворачивается затяжная борьба за западную часть Анатолии. Тюрки непрестанно тревожили стратегические опорные пункты в Лидии и Писидии, стремясь пробиться к Никее, Эгейскому морю и Пропонтиде. Важные оплоты на западе Анатолийского плато Филомилий и Поливот многократно переходят из рук в руки. Походы 1109—1116 гг., которые нередко возглавлял сам император, были направлены на стабилизацию пограничной зоны в Лидии, Писидии и Фригии и защиту внутренних районов Западной Анатолии от тюркских набегов.[33]

Военная активность Алексея I в последние годы его правления в Анатолии привела к формированию там достаточно стабильной пограничной (акритской) зоны, прежде, естественно, не существовавшей в этих частях Анатолии. Следует отметить, что для XI—XIII вв. византийско-тюркская граница отнюдь не была некоей линией, подобной современным межгосударственным границам, но именно зоной, буфером.[34]

Сложение пограничной зоны несомненно положительно сказывалось на остальных византийских территориях в Анатолии, которые теперь оказались недостижимыми для кочевой вольницы и перманентной нестабильности. Большая часть византийской Малой Азии впервые за последние десятилетия обрела покой и за-

[31] *Beihammer* 2017, 309—332; *Korobeinikov* 2008, 708—710; *Belke & Restle* 1984, 79; *Whittow* 1996a.

[32] Литература по взаимоотношениям Алексея I и крестоносцев и, в частности, проблеме Антиохийского княжества чрезвычайно обширна. См., например: *Франкопан* 2018; *Любарский и Фрейденберг* 1962; *Lilie* 1993, 1—95; *Magdalino* 1993, 30—34.

[33] *Beihammer* 2017, 315—318. Монография Джона Биркенмайера (*Birkenmeier* 2002), касающаяся военной активности Комнинов в Анатолии, несет мало нового, содержит неточности, ее следует использовать с осторожностью.

[34] О границе как зоне, но не линии, см.: *Hendy* 1985, 108—114 (с весьма содержательными картами). См. также: *Wittek* 1938, 23; *Charanis* 1947, 60.

щиту, необходимые для нормального функционирования социума и экономики. Именно возвращение плодородных долин и портов Анатолии к мирной созидательной жизни, возрождение городской экономики и земледелия сыграли решающую роль в восстановлении финансовой стабильности империи при Алексее I, а при его преемниках и в стремительном росте благосостояния — как государственной казны, так и граждан империи. Через одно или два поколения Византия вновь заблещет золотом, изумрудами и шелками, превосходя своим экономическим потенциалом, а значит и геополитическими возможностями, большинство народов Восточного Средиземноморья.

Для анатолийской ситуации XI—XIII вв. нужно говорить не столько об одной буферной зоне, сколько о целой системе взаимосвязанных пограничных зон. Центрально-анатолийские пограничные зоны протянулись по долготе примерно от Дорилея до Атталии, а по широте от верховьев Меандра (Лаодикия, Хоны, Лампи) и Котиэя (Кютахьи) до Амория, Филомилия и Пусгусского озера. Это было довольно обширное по площади пространство, по большей части слабо населенное из-за постоянных военных столкновений и засилья кочевников, контроль над которым, однако, являлся критически важным для противников. Пограничные зоны структурировались многими десятками фортифицированных поселений, опорных крепостей (фортов) — Лаодикия, Хоны, Апамея, Лампи, Сувлей, Созополь, Антиохия, Поливот, Сантаварий, Наколея и многие другие безымянные твердыни, о которых мы знаем только по археологическим остаткам. Опорные крепости в Западной Анатолии, вмещавшие в себя от нескольких десятков до нескольких сотен человек, начал строить Алексей I еще до начала Первого крестового похода. Именно эта система мелких фортов, опирающихся на укрепленные «военные базы», и составила единственно эффективную стратегию борьбы с кочевыми набегами.[35]

Интересно, что типологически сходные стратегии борьбы с кочевыми набегами создавались и другими оседлыми обществами на протяжении истории. К примеру — система фортов в пограничной с индейскими территориями зоне в Северной Америке

[35] О строительстве крепостей Алексеем I см.: *Beihammer* 2017, 363—369; о датируемых крепостях других Комнинов: *Foss* 1982; *Foss* 1998; *Foss & Winfield* 1986, 139—140, 145—146; *Glycatzi-Ahrweiler* 1960, 183—185. Общие замечания о структуре византийско-сельджукской границы см.: *Ahrweiler* 1974, 220—221, 228—229; *Удальцова, Каждан, Бартикян* 1974; *Pertusi* 1974.

(XVII—XIX вв.). Это была система взаимосвязанных «станций» и небольших фортов, поначалу окруженных стенами, но в течение XIX в. превратившихся в практически нефортифицированные военные базы. «Станции» и форты расставлялись так, чтобы прикрыть районы, заселенные колонистами, и контролировать не только транспортные артерии, но и традиционные пути кочевок враждебных индейцев. По-видимому, по той же логике строилась система и византийских укреплений в Анатолии. В качестве другого примера можно привести русскую оборонительную систему, противостоявшую тюркским набегам на южных границах и в Сибири. В XVI—XVII вв. это были «засечные черты», состоявшие из засечных линий, укрепленных крепостей и поселений засечной стражи. Оборонительная система эволюционировала при Петре I в сторожевые линии, включавшие в себя земляные валы, рвы, засеки в лесах, опирающиеся на наблюдательные пункты и форты с гарнизонами.

Интересно, что византийцы так же, как и русские, применяли в качестве преград засеки — укрепления из деревьев, поваленных крест-накрест и ветвями направленных против неприятеля. Пахимер, рассказывая об укреплении границы по р. Сангарий Михаилом VIII Палеологом в 1281 г., упомянул, помимо возведения там фортов, также и защиту берегов реки срубленными деревьями (δένδρα), ветви которых были так густо переплетены, что и змея не проскользнет сквозь них. Другими словами, это было то, что русские называли засекой, но у византийцев, как кажется, не было специального термина для такого рода укреплений.[36]

Контроль над центрально-анатолийским пограничьем открывал путь в плодородные и густонаселенные долины Меандра, к побережью Эгейского моря, а главное — к стратегической магистрали через Никею и Никомидию на Константинополь. С другой стороны, именно из этой зоны открывались пути на Анатолийское плато, где находились жизненно важные для мусульманской власти в Анатолии городские центры, и в первую очередь Иконий, Аксарай, Кайсери, Нигде. Стратегически менее значимой цепью пограничных зон была северо-анатолийская, протянувшаяся от Дорилея на восток через южную Пафлагонию и далее к Халдии, которая блокировала подходы из Центральной Анатолии к Черному морю. Именно здесь, в центрально-анатолийском и северном пограничье мусульманской Анатолии, концентрировались

[36] *Pachym.,* 2:635.33—637.3.

тюркские кочевники. Именно эти зоны, судя по топонимике, подверглись раньше всего тюркизации.[37]

Борьба была наиболее упорной в центрально-анатолийском пограничье. Непрестанное давление тюрок на византийские оплоты от Дорилея до Атталии требовало от византийцев чрезвычайных усилий; многие походы в эту зону в эпоху Алексея I, Иоанна II и Мануила I возглавляли сами императоры. Эта конфигурация византийско-тюркской пограничной зоны в общих чертах оформилась уже к концу правления Алексея I. Благодаря стабилизации византийской власти в пограничной зоне западная и северо-западная часть Анатолии, включая Эгейское побережье, Пропонтиду и Босфор, были надежно защищены Алексеем I и более не подвергались тюркским набегам. Однако такие оплоты, как Аморий и Анкира, многие века служившие византийцам как важнейшие военные базы в Анатолии, были навсегда потеряны — в силу их географического положения они оказались за пределами досягаемости греков. Борьба за пограничье временами достигала невиданного накала и ожесточения. Около 1109 г., когда византийцы взяли город Лампи во Фригии, то, как говорит Анна Комнина, «зверски обошлись с тюрками и даже бросали новорожденных детей в котлы с кипящей водой. Многих врагов они убили, многих взяли в плен и с ликованием отправились назад...».[38]

Формирование византийцами пограничья парадоксальным образом поспособствовало кристаллизации и мусульманской власти на Центрально-Анатолийском плато. В самом конце XI и начале XII в. мусульманская Анатолия оказывается поделена между устойчивыми мусульманскими княжествами, которым удалось консолидировать разношерстную массу кочевников и с большим или меньшим успехом направить ее прочь от городских центров в формировавшееся между византийскими и мусульманскими владениями пограничье. Решающий вклад в кристаллизацию Сельджукского государства внесла деятельность Сулаймана б. Куталмуша, а далее его сына Кылыч-Арслана I (1092—1107), установившего прочный контроль над серединной Анатолией с центром в Конье (Иконий). На рубеже XI и XII столетий еще один значительный центр силы — эмират Данишмандидов — формируется вокруг значительных городских центров Северо-Восточной Анатолии — Сивас (Севастия), Амасья (Амасия), Никсар (Неокесария).

[37] *Wittek* 1935.
[38] *Анна Комнина*, 374.

Княжество было основано Данишмандом (перс. dānishmand دانشمند «ученый, знающий, мудрый человек»), одним из эмиров Сулаймана б. Куталмуша, после смерти последнего. В первой трети XII в. багдадский халиф облекает сына Данишманда Гюмюштегина Гази (1104—1135) почетным титулом «царя» (араб. malik ملك). В первой половине XII в. Сельджуки Коньи и Данишмандиды ожесточенно соперничают за власть в мусульманской Анатолии. Помимо этих двух главных центров силы на самом востоке Малой Азии в первой половине XII в. возникает эмират Мангуджаков с центром в Эрзинджане (Кельцина) и Дивриги (Тефрика) и эмират Салтукидов с центром в Эрзеруме (Феодосиополь).[39] Сельджукиды и Данишмандиды стали главными контрагентами византийской политики на Востоке в XII в., в то время как Мангуджаки и Салтукиды играли в большой политической игре весьма скромную роль, находясь в фарватере своих более могущественных соседей.

Иоанн II и Мануил I Комнины

Хотя к концу правления Алексея I у Византии появилась реальная надежда вернуть под свою власть Анатолию, в правление Иоанна II (1118—1143) не делалось сколько-нибудь серьезных попыток в этом направлении.[40] Иоанн II ограничился лишь закреплением завоеваний своего отца в центрально-анатолийских пограничных зонах. Им были защищены подходы из материка к Пропонтиде постройкой крепостей Лопадия и Охиры.[41] В 1119—1120 гг. он совершает походы в западную часть центрально-анатолийской пограничной зоны, прикрывавшей верховья Меандра — на Лаодикию и Созополь, которые оказались к тому времени в руках тюрок, а также берет Иерокорифит и другие крепости в южной части зоны у Атталии.[42] К концу правления в 1142 г. Иоанн II возвращает вновь потерянный Созополь, а также восстанавливает контроль над восточной частью зоны, граничащей с Сельджукским султанатом, — над греческими фортами на островах Пусгусского озера (Beyşehir Gölü), признавшими власть сельджуков.[43]

[39] *Cahen* 1988, 11—21.
[40] Ср. с противоположной оценкой П. Магдалино: *Magdalino* 1993, 35.
[41] *Glycatzi-Ahrweiler* 1960, 185—186.
[42] *Cinn.*, I, 2—3.
[43] *Cinn.*, I, 10; *Nic. Chon.,* 1:37—38. Об укреплениях на Пусгусском озере, которые, по всей видимости, брал Иоанн II, см.: *Foss* 1998, 158—160.

Иоанн II приложил заметные усилия для укрепления северо-анатолийского пограничья: в 1132—1135 гг. он захватывает у Данишмандидов Кастамон и Гангру (хотя Гангра была вскоре вновь потеряна). Однако попытка Иоанна II в 1140 г. вернуть дальше на востоке Неокесарию (Никсар), прикрывавшую выходы к Черному морю по р. Ирис, потерпела неудачу.[44] Пожалуй, главной заслугой Иоанна II в анатолийских делах было то, что он восстановил византийское присутствие в Юго-Восточной Анатолии, усилил византийское влияние на Антиохию и на многие годы вперед обеспечил безопасную коммуникацию между Западной Анатолией и Антиохией на Оронте.[45] Возможно, в этом просматривается масштабная стратагема Иоанна II, предполагавшего в далеком будущем отрезать территории анатолийских тюрок от Сирии и Армении, одновременно выдвинувшись на юг из Понтийской области и на север из Сирии. Если бы это осуществилось, то мусульманская власть в Анатолии была бы обречена. Однако даже если такой стратегический план и существовал, он был вряд ли исполним за короткий промежуток времени.

Между тем, пока Иоанн II был занят решением масштабных стратегических задач в Анатолии и Сирии, обстановка во всем западно-анатолийском пограничье приобрела устойчивую тенденцию к ухудшению в силу преобладания там тюркского кочевого элемента, не контролируемого мусульманскими оседлыми правителями, а также и в результате отсутствия у византийцев эффективной тактики борьбы с кочевниками. Периодические походы византийцев в пограничье на время уравновешивали соотношение сил. В эпоху Иоанна II позиции Византии в центрально-анатолийском пограничье несомненно ослабли.[46]

Для начала правления Мануила I (1143—1180) источники отмечают, что Филомилий вновь оказался в руках тюрок, а кочевники беспокоили верховья Меандра. Более того, тюркские набеги вновь доходят до Вифинии — прикрывавшие ее форты пришли к тому времени в полный упадок. Это было, как представляется, прямым следствием политики Иоанна II. Мануилу I пришлось возвести форты: Малагину южнее Никеи у Сангария, Пифику у подножья Олимпа и Пилы у Эленополя. В 1144—1146 гг. анатолийские дела вызывают серьезную озабоченность Мануила I: тюрки захватывают Пракану севернее Селевкии (в Исаврии), совершают набеги на Южную Вифинию, а в Западной Анатолии доходят до плодородных долин Кельвиан в верховьях р. Каистр,[47] куда можно добраться с востока только пройдя мимо Филадельфии. Эти рейды показали, что центрально-анатолийская пограничная зона уже не контролируется византийцами, а Эгейское побережье и пути к Константинополю через Вифинию находятся под угрозой. Выступивший в поход Мануил I сталкивается с тюрками уже в непосредственной близости от Никеи. Византийцы дали сражение тюркам при Акроине и захватили Филомилий. Далее Мануил I спускается на юг почти до самой Атталии и, повернув к Иконию, захватывает соседнюю с ним Каваллу. В нескольких мелких сражениях византийцы одержали верх, однако события на западе отвлекли Мануила I от осады Икония. Отход византийского войска из пограничной зоны, сопровождаемый частыми столкновениями с тюрками (как султанскими войсками, так и кочевыми группами), показал, что византийцы не обладают тут безусловным военным превосходством.[48] Из сообщений Киннама и Хониата явствует, что византийцы плохо контролировали территории южнее Дорилея и окончательно отказались удерживать Филомилий на восточной окраине пограничной зоны. Мануил I в 1146 г., не имея планов закрепиться в Филомилии, сжег его, а пленных греков, освобожденных там, вывел и поселил в Вифинии. Крестоносцы Второго крестового похода в 1147 г. намеревались дойти до Филомилия, однако уже южнее Дорилея встретили столь упорное сопротивление тюрок, что решили изменить свой маршрут.[49] Угрожающая ситуация в северном пограничье, где Данишмандиды беспокоили приморские крепости Иней и Павры, решилась в пользу Мануила I, который заключил антисельджукский союз с Данишмандидским правителем Йагы-Басаном (1142—1164).[50]

Несомненно, Мануил I уделял тюркской проблеме в Анатолии много больше внимания, нежели его отец, и в особенности он был более внимателен к поддержанию «микроструктуры» византийского пограничья — повседневному восстановлению фортов и строительству новых. Вместе с тем очевидно, что он имел в

[44] *Cinn.*, I, 5—6, 9—10.
[45] *Magdalino* 1993, 40—41.
[46] Ср. с иной точкой зрения: *Korobeinikov* 2008, 710—712. О роли анатолийской политики в восприятии самого Иоанна II и его современников см.: *Magdalino* 2016, 53—70.

[47] *Ramsay* 1890, 130 и карта “Asia, Lydia and Caria”.
[48] *Cinn.*, II, 5—9; *Nic. Chon.*, 1:52—53; *Foss* 1990, 163—164; *Glycatzi-Ahrweiler* 1960, 186.
[49] *Cinn.*, II, 16; *Nic. Chon.*, 1:67; *Lilie* 1993, 156—158.
[50] *Cinn.*, IV, 16; *Nic. Chon.*, 1:117—118.

своих долгосрочных планах окончательное отвоевание Анатолии. Несмотря на неспособность полностью защитить центрально-анатолийское пограничье от кочевых рейдов, Мануил I не упускал возможности продемонстрировать там свою силу. Возвращаясь из похода на Антиохию в Сирии в 1158 г. и намереваясь отомстить за нападения на его воинов, которые незадолго до того возвращались домой из сирийского похода, он направился в Ликаонию вопреки протестам султана. Мануил I прошел в непосредственной близости от Икония, много севернее обычного маршрута, освоенного еще его отцом (из Киликии на запад до Памфилии с последующим поворотом на север к Вифинии). Сельджуки были напуганы и в знак своего дружелюбия присылали византийцам провиант. Однако у Котиэя, южнее Дорилея, греки были атакованы кочевниками, что вновь показало, насколько шатким был контроль над пограничной зоной как византийцев, так и оседлых мусульман.[51]

В 1159—1161 гг. Мануил I, вновь озаботившись делами на анатолийской границе, совершает походы в Центральную Анатолию. В конце 1159 г. он предпринимает безрезультатный поход через Вифинию на юг, но не может продвинуться далее Дорилея, окрестности которого заняты кочевниками и их стадами. В конце следующего года Мануил I высаживается на Эгейском побережье и через Филадельфию направляется на восток в пограничную деревню Милон (предположительно, в районе совр. Сандыклы) в верховьях р. Главк (Куфи), т. е. примерно между Поливотом и Созополем. В последующих военных действиях тюркам во главе с сельджукским эмиром Сулайманом был нанесен значительный урон, но Мануил I вновь не смог достичь сколько-нибудь существенных результатов и ушел в Константинополь. Сельджуки в ответ захватили Филлиту юго-западнее Атталии и атаковали Лаодикию, уведя из окрестностей множество пленных. Крепость была восстановлена лишь в конце 1161 г.[52]

Мануил I стал готовиться к крупномасштабной акции против сельджуков, собирая войска повсюду на Балканах, в Анатолии, Сирии, переманивая врагов султана на свою сторону. Приготовления василевса совпали с блестящей победой византийского полководца Иоанна Контостефана, который вел из Сирии в Западную Анатолию латинских рыцарей. Сражение Контостефана с тюрками произошло где-то на пути — либо на юге Анатолии, либо в

[51] *Cinn.*, IV, 20—21; cf.: *Nic. Chon.*, 1:110; *Korobeinikov* 2008, 714.
[52] *Korobeinikov* 2015, 55.

центрально-анатолийском пограничье. Султан Кылыч-Арслан II (1156—1192), прознав о подготовке Мануила I и об этой победе Контостефана, запросил о мире. В 1161 г. случился знаменитый визит сельджукского султана в Константинополь, во время которого Кылыч-Арслан II дал клятву о соблюдении вечного мира. Он обещал вернуть захваченные города и всех пленных римлян, присылать вспомогательное войско по требованию, наказывать кочевников-туркменов, совершавших набеги на византийские земли, и т. д. Более того, при посредничестве василевса были урегулированы споры между Сельджуками и Данишмандидами. Как казалось Мануилу I, ему удалось инкорпорировать анатолийских тюрок в византийский мир в качестве зависимого народа. Причем из Константинополя верховным правителем тюрок виделся сельджукский султан Кылыч-Арслан II, которому подчинялись другие мусульманские правители Анатолии, а сам он стал чем-то вроде подданного византийского императора.[53] Однако, как показали последующие события, эта конфигурация политического порядка в Анатолии оказалась эфемерной и нежизнеспособной. Политическое чутье, как кажется, подвело Мануила I.

В течение нескольких лет на византийско-сельджукской границе сохранялось относительное спокойствие. Однако довольно скоро стало ясно, что Кылыч-Арслан II не собирается исполнять свои клятвы, данные в 1161 г. Ощущая свою силу, султан не стал возвращать захваченных городов и даже более того — занял новые. Особенно чувствительными для Мануила I были события вокруг Амасии, которую Данишмандиды уступили Византии. Сельджуки вошли в город и отказались передать его византийцам во главе с Михаилом Гаврой. Румский (Иконийский) султанат в правление Кылыч-Арслана II вступал в период своего расцвета. Кылыч-Арслан II объединил под своей властью (не без помощи Византии) практически всю мусульманскую Анатолию, отняв у Данишмандидов Сивас и Малатью и нанеся им фатальный урон.

Давление Сельджуков на византийскую границу постепенно нарастает. Между 1172 и 1174 гг. тюрки вновь опустошают Лаодикию, которая все же остается под византийским контролем и, более того, по всей видимости, заново отстраивается. В 1175 г. Мануил I предпринимает поход в центрально-анатолийское пограничье. Источники не сообщают названия спорных городов, но, скорее всего, многие из них находились в центрально-анатолий-

[53] *Magdalino* 1993, 76—78.

ской зоне: к 1175 г. Дорилей — важнейший оплот византийской обороны, прикрывавший подходы к Вифинии, — был разрушен тюрками, а на его месте греки нашли равнину, занятую кочевниками и их стадами. Несмотря на постоянные тюркские набеги, за 40 дней Мануил I восстановил город и двинулся далее на юг по р. Риндак. Выйдя к верховьям Меандра, он восстановил пришедшую в упадок крепость Сувлей.[54]

Весной 1176 г. Мануил I, осознав необходимость решительных действий против Сельджуков, планирует масштабный поход на Иконий. Двигаясь через центрально-анатолийское пограничье с севера на юг, он проходит через Лаодикию и Хоны в верховья Меандра и далее направляется к Иконию. Однако 17 сентября 1176 г. в ущелье Циврица (Τζιβρηλιτζημανί / Cybrilcymani ← тюрк. Cebrailçimani или Çivrilçimani) у брошенной крепости Мириокефал тюрки атакуют на марше византийскую армию, растянувшуюся на несколько километров. Византийцы терпят большой урон, который заключался, вероятно, не столько в людских потерях, сколько в уничтожении врагом всего обоза, включая осадную технику для штурма Икония. Мануил I был вынужден повернуть назад. Психологический урон от разгрома при Мириокефале многократно превосходил военные потери. По условиям мира, заключенного в результате сражения, Мануил I обязывался срыть Сувлей и Дорилей. Сувлей был срыт на обратном пути, но ключевой Дорилей василевс не тронул.[55]

По мнению Майкла Хенди, Комнины не ставили перед собой задачи полного уничтожения тюркских государств во внутренней Анатолии, и в первую очередь Иконийского султаната.[56] Похоже, эта оценка справедлива в отношении анатолийской политики Алексея I и Иоанна II, которые не делали серьезных попыток окончательно расправиться с Сельджуками или Данишмандидами. Перед ними стояли другие задачи — Алексей I сначала отвоевывал Анатолию у тюрок, а затем укреплял границу. Иоанн II в

[54] *Cinn.*, VII, 3; *Nic. Chon.*, 1:176—177; *Wirth* 1962 (в статье обсуждаются и дополнительные источники, повествующие о событиях 1175 г.); *Magdalino* 1993, 95—96; *Korobeinikov* 2015, 57—59; *Stone* 2003; *Spingou* 2011.

[55] *Cinn.*, VII, 3; *Nic. Chon.*, 1:178—195. Наиболее убедительная реконструкция сражения при Мириокефале и его локализация принадлежат М. Хенди: *Hendy* 1985, 126—131, 146—154. М. Хенди отождествляет горный проход Циврица с Bağırsak Boğazı, около местечка Kızılören на пути между Йунуслар и Коньей (передача М. Хенди турецких названий не точна). См. также: *Lilie* 1977; *Korobeinikov* 2008, 717; *Shlyakhtin* 2008.

[56] *Hendy* 1985, 130—131.

большей степени был занят балканскими и сирийскими делами, стремясь лишь не растерять в Анатолии завоеваний его отца, а может быть, и создать предпосылки для решающего наступления на сельджуков в отдаленном будущем. Однако в отношении оценки деятельности Мануила I с М. Хенди вряд ли можно согласиться. Точка зрения Спироса Вриониса и Поля Магдалино представляется более обоснованной: именно в 1176 г. Мануил I пытался кардинально решить сельджукскую проблему посредством захвата самого Икония. Как утверждает Хониат, василевс намеревался истребить персов, уничтожить стены Икония и низвергнуть султана. Однако удача отвернулась от Мануила I, и этот самый значительный византийский поход против тюрок, по масштабам сравнимый с кампанией Романа IV Диогена в 1071 г., закончился провалом.[57]

Отказ императора уничтожить Дорилей вызвал новые набеги на верховья Меандра и далее по Меандру к Эгейскому побережью: тюрки взяли Фригийскую Антиохию, Траллы, а также еще ближе к побережью Луму, Пентахир.[58] Однако на обратном пути из набега сельджукское войско было уничтожено. В последующие годы Мануил I попытался нивелировать последствия поражения и отбить натиск сельджуков на Западную Анатолию. Император возглавил операции в районах Лакерия и Панасия и отправил войска в область Харакса (все три города находились в верховьях Меандра и его притоков в западной части пограничной области), где византийцы имели дело, по всей видимости, с туркменами-кочевниками.[59] Подвергся атаке тюрок и Клавдиополь на границе Вифинии и Пафлагонии, однако Мануил I в 1080 г. (не позже сентября), будучи уже смертельно больным, быстрым маршем достиг города и снял осаду.[60] Как видно, Мануил I ожидал усиления тюркских атак и жестко реагировал на попытки сельджуков изменить соотношение сил в пограничных зонах.

Вопреки распространенному в историографии мнению, постулирующему коллапс византийской обороны в Анатолии в результате Мириокефала, Мануилу I несомненно удалось нивелировать неблагоприятные военно-политические последствия. Византийцы сохранили за собой ключевые твердыни Дорилей и Клавдиополь на севере и продолжали удерживать линию Харакс—Лакерий—Панасий—Котиэй—Дорилей. Тем самым Мануил I практически

[57] *Nic. Chon.*, 1:178.9—12; *Vryonis* 1971, 123; *Magdalino* 1993, 96—98.

[58] *Ramsay* 1890, 134.

[59] *Nic. Chon.*, 1:195—197; *Vryonis* 1971, 281, n. 791.

[60] *Nic. Chon.*, 1:197—198; *Wirth* 1957.

восстановил статус-кво на границе, благодаря чему пути во внутреннюю Анатолию для византийцев оставались потенциально открытыми.[61]

Эпоха Ангелов (1185—1204)

Неблагоприятные для греков изменения на границе произошли лишь после смерти Мануила I, а катастрофа 1204 г. сделала их необратимыми. Обострение борьбы между греками и тюрками на Востоке в эпоху Комнинов сменилось после смерти Мануила I спадом военной активности в Анатолии: в последующую эпоху не было крупных военных столкновений с сельджуками. Однако неурядицы во внутренней политике и ослабление центральной власти в Константинополе привели к катастрофическому ослаблению позиций Византии в Малой Азии. Источники уделяют мало внимания положению дел на византийско-тюркской границе, однако, как представляется, именно в эту эпоху Византия потеряла многие свои позиции в большей части пограничья.

Уже в год смерти Мануила I (1182 г.) тюрки захватывают Созополь и Котиэй.[62] Глухие указания источников свидетельствуют о тюркской активности на границе в короткое правление Андроника I (1182—1185).[63] Сменившие Андроника I Ангелы явно недооценили важность анатолийской политики. Пассивность Константинополя в Анатолии в сочетании с мятежами против центральной власти и привели к резкому ослаблению позиций Византии в ее противостоянии с Иконием. Около 1185 г. сельджуки опустошили Кельвианы в верховьях р. Каистр, но византийцы откупились от захватчиков.[64] По всей видимости, в долину Каистра тюрки прорвались с северо-востока мимо Филадельфии, минуя бывшую пограничную линию Лакерий — Панасий, на поддержание которой Мануил I положил много сил. Какие-то попытки поправить положение дел в восточном пограничье были предприняты Исааком II Ангелом, который до 1187 г. совершил поход в Анатолию, сражался с кочевыми туркменами и восстановил ключевую крепость

[61] Тут мы солидаризуемся с оценками Майкла Хенди и Пола Магдалино, призывавшими не преувеличивать последствия битвы при Мириокефале: *Hendy* 1985, 130—131; *Magdalino* 1993, 99. Противоположную точку зрения см.: *Vryonis* 1971, 125; *Brand* 1968, 16—18.

[62] *Nic. Chon*., 1:262.

[63] *Merianos* 2005, 215—220.

[64] *Nic. Chon*., 1:367—368.

Хома в верховьях Меандра.[65] К торжеству греков, на их сторону вскоре перешел один из сельджукских полководцев (αὐτόμολος στρατηγὸς Πέρσης), имени которого мы не знаем.[66] Впоследствии Исаак II выплатил значительные суммы денег тюркам, откупаясь от набегов и в качестве ежегодных выплат.[67]

В 1188—1189 гг. в Филадельфии восстал Феодор Манкафа, но был вынужден бежать к сельджукам. Тюрки во главе с Манкафой подвергли неслыханному разорению верховья Меандра, а особенно города Хоны и Лаодикию, пленили множество местных греков и продавали их в рабство. По просьбе василевса в 1193/1194 г. Манкафа все же был выдан византийцам султаном Гийас ал-Дином Кайхусравом I (1192—1196, 1205—1211).[68]

Весной 1190 г. крестоносцы Фридриха I Барбароссы (1152—1190) нашли Филомилий и окрестности Лаодикии уже занятыми тюрками.[69] Филомилий был сожжен крестоносцами, но, по всей видимости, сам город и контролируемый им регион остался под властью тюрок.[70] По-видимому, уже к началу 1190-х гг. конфигурация византийско-сельджукского пограничья существенно изменилась не в пользу греков. Параллельные свидетельства Хониата и Ибн Биби указывают, что примерно к 1192 г. — при разделе Румского султаната между сыновьями Кылыч-Арслана II — Котиэй, Созополь и Дорилей находились в руках тюрок.[71]

Примерно в это же время другой мятежник — Лже-Алексей II (убит в 1192 или 1195 г.) — обратился за помощью к сельджукам. Сельджукский султан Кылыч-Арслан II формально отказал ему в помощи, но предоставил право набирать «добровольцев» на своей территории, для этого снабдив мятежника специальной грамотой (μουσούριον ← араб. *manshūr* منشور). Войско Лже-Алексея было сплошь «персидским», т. е. тюркским, и состояло по преимуществу из кочевников уджа. Тюрки Лже-Алексея опустошили земли по Меандру, пролив много крови и учинив большое разорение,

[65] О деятельности Исаака II Ангела в Анатолии известно по большей части из панегириков: *Bachmann* 1935, 58f; *Bachmann & Dölger* 1940; *Ahrweiler* 1966, 281—283; *Hendy* 1985, 112, 117—118.

[66] *Browning* 1958, 40.

[67] *Brand* 1968, 110.

[68] *Nic. Chon*., 1:399—400; *Korobeinikov* 2015, 64—66; *Prinzing* 1998, 162. Ср.: *Savvides* 1987, 173—179.

[69] *Belke & Mersich* 1990, 121, 324.

[70] *Nic. Chon*., 1:413.

[71] *Nic. Chon*., 1:521; *Charanis* 1947, 59.

особенно в Хонах, где был сожжен собор Архистратига Михаила.[72] В 1195 г. ссора между императором Алексеем III Ангелом (1195—1203) и султаном Кайхусравом I привела к набегу тюрок во главе с самим султаном на города по Меандру. Тюрки дошли до самой Антиохии Фригийской, но осаждать город не стали. Султан заселил Филомилий множеством греческих пленных, снабдив их необходимым для обустройства и освободив их на несколько лет от налогов; весть об этом разнеслась по округе, и в Филомилий стали стекаться греки-поселенцы с византийских территорий.[73] Ок. 1200 г. правитель фемы Миласса и Меланудий Михаил Комнин Ангел Дука восстал против Алексея III, вероятно, не без поддержки Сельджукского султаната, куда он и бежал после своего поражения. Султан Рукн ал-Дин Сулайман II (1196—1204) снабдил его армией, которая некоторое время опустошала верховья Меандра. Осенью 1200 г. Алексей III предпринял поход в Вифинию, но так и не сразился с сельджуками, которые заключили с ним мир.[74]

В эпоху Ангелов византийцев потеснили и в Северной Анатолии. Сначала очередной Лже-Алексей III, пришедший из Киликии, нашел поддержку у владыки Анкары Мас῾уда и с помощью сельджуков летом 1195 г. начал военные действия на границах Вифинии и Пафлагонии. Попытки Алексея III Ангела остановить мятежника не давали результата, пока Лже-Алексей не погиб в Гангре при таинственных обстоятельствах.[75] Однако неурегулированные отношения с покровителем Лже-Алексея Мас῾удом в конце 1196 г. привели к захвату тюрками крепости Дадивры (Деврек), находившейся на пути из внутренней Пафлагонии к черноморскому побережью.[76] По всей видимости, ок. 1194 г. сельджуки захватывают черноморский порт Амис (Самсун), открыв для себя прямой доступ к торговле на Черном море. Посланный Алексеем III ок. 1200 г. Константин Франкопул, имея под своим началом военный флот, начал пиратствовать в Черном море и захватывать корабли торговцев, как византийцев, так и мусульман, направлявшихся в

[72] *Nic. Chon*., 1:421.47—50 и далее; *Korobeinikov* 2014, 142; *Prinzing* 1998, 162—163; *Brand* 1968, 86; *Belke & Mersich* 1990, 122; *Savvides* 1987, 196—200. Не исключено, что Кылыч-Арслан II, по просьбе Мануила I, был одним из гарантов и своего рода «опекуном» власти Алексея II. Именно поэтому Лже-Алексей надеялся получить помощь у сельджуков. См. об этом: *Brand* 1968, 27.

[73] *Nic. Chon*., 1:493—496; *Brand* 1968, 137; *Korobeinikov* 2014, 124—126.

[74] *Nic. Chon*., 1:529—530; *Prinzing* 1998, 163; *Brand* 1968, 138—139.

[75] *Nic. Chon*., 1:461—463; *Savvides* 1987, 201—203; *Belke* 1996, 91.

[76] *Nic. Chon*., 1:474—475; *Brand* 1968, 135—137. К локализации Дадивры см.: *Belke* 1996, 91, 186—187, а также 118.

порт Амиса. В ответ на возмущение сельджукского султана Алексей III подослал к нему наемного убийцу («асасина», χασίσιος), который был схвачен мусульманами и изобличен как агент греков.[77]

Подытоживая обзор византийско-сельджукских отношений в последние два десятилетия XII в., следует подчеркнуть, что провал в византийской обороне в западно-анатолийском пограничье произошел не столько вследствие битвы при Мириокефале в 1176 г., сколько из-за ошибок Ангелов, в правление которых ситуация на анатолийской границе неуклонно ухудшалась. Земли по Меандру подвергаются неоднократному опустошению, под ударом оказываются Лаодикия и Хоны, более того — тюрки доходят до верховий Каистра (как это было в самом начале правления Мануила I), район Филомилия — некогда пограничной крепости — оказывается прочно освоенным сельджуками. Сувлей, Котиэй, Дорилей и, скорее всего, Клавдиополь перешли под власть сельджуков.[78] В то же время активность как кочевников в пограничье, так и султанской власти требовала неустанного внимания к себе со стороны центрального правительства. Всего несколько лет игнорирования проблем восточной границы привело к резкому ухудшению позиции империи.[79]

После событий 1203—1204 гг. и падения Константинополя под ударами крестоносцев Византия распадается на три соперничающих между собой государства (Никейскую и Трапезундскую империи и Эпирский деспотат). Кроме того, Армянская Киликия на юго-востоке Анатолии, в которой незадолго до того армяне провозгласили собственное царство, обрела полную независимость от Византии. Это, казалось бы, должно было ослабить позиции византийского мира в противостоянии с тюрками.[80] Однако обстоятельства сложились так, что катастрофа, постигшая Византию, не сразу и отнюдь не прямо сказалась на ходе греко-тюркского и армяно-тюркского соперничества. На рубеже XII—XIII вв. Сельджукский султанат — наиболее мощное государство в мусульманской Анатолии — вступил в период нестабильности и внутренних неурядиц. Могущественный султан Кылыч-Арслан II незадолго до своей смерти, по древнему тюркскому обычаю, разделил свои

[77] *Nic. Chon*., 1:529.7; *Wittek* 1935, 41—45; *Brand* 1968, 138—139.

[78] О Клавдиополе см.: *Charanis* 1947, 60; ср.: *Foss* 1990, 173—174.

[79] Ср. с противоположной точкой зрения на политику Исаака II Ангела на Востоке: *Brand* 1968, 115.

[80] О последствиях Четвертого крестового похода см.: *Angold* 2003; *Laiou* 2005. См. также: *Васильев* 1998, 2:98—121.

владения между девятью своими сыновьями, братом и племянником. Султан раздал земли в соответствии с дедовскими законами наследования, бытовавшими среди тюркских кочевников-степняков, но вряд ли пригодными для социума оседлого типа, тем самым обрекая султанат на годы внутренних распрей. Признаки стабилизации наметились лишь в начале XIII столетия, когда один из его сыновей Рукн ал-Дин Сулайман смог воссоединить под своей властью почти все уделы. Однако после неожиданной смерти султана Рукн ал-Дина Сулаймана в июле 1204 г. более полугода царствовал его малолетний сын Кылыч-Арслан III, не обладавший поддержкой знати. Положение султаната упрочилось лишь с 1205 г., со времени вторичного правления одного из сыновей Кылыч-Арслана II — Гийас ал-Дина Кайхусрава I (1205—1211).

После падения Константинополя

Благодаря ускоренной консолидации власти как в Никейской, так и в Трапезундской империи, грекам в Анатолии удалось стабилизировать и укрепить границу, ослабленную в предыдущие десятилетия, и поставить крепкий заслон кочевым рейдам вглубь своей территории. Однако парадигмы взаимоотношений с тюркскими соседями и двух центров византийской власти существенно разнились. Трапезундская империя с самого начала своего существования находилась в конфликте с Сельджукским султанатом, затронув торговые и политические интересы султаната на Черном море (см. ниже в следующей главе). Напротив, никейцы находились по большей части в союзных отношениях с сельджуками.[81] Для развития преимущественно мирных отношений между никейцами и сельджуками было много причин, а в частности, глубокие персональные связи между греческой и сельджукской элитами и даже культурная близость между ними (см. об этом ниже, с. 136—146). Однако дружественные отношения между византийской и сельджукской знатью никак не смягчали воинственности кочевников в пограничье, грабительские атаки которых на византийские земли продолжались, хотя и не с такой интенсивностью, как в первой половине XII в. Кочевники продолжали составлять главнейшую проблему для безопасности византийской границы.

[81] Ср.: *Pachym.*, 1:29.10—12: «предпочитали вступать в союз с персами, соглашаясь им платить ежегодно дань» (ἐσπένδοντο μὲν πλέον τοῖς Πέρσαις... ἐτήσιον τέλος τάξαντες διδόναι).

Уже в 1204—1205 гг. братья Константин и Феодор Ласкари, которые, действуя от имени Алексея III Ангела, пытались консолидировать византийскую власть в анатолийских провинциях, находились в тесном контакте с иконийскими султанами — сначала Рукн ал-Дином Сулайманом II, умершим в июле 1204 г., затем ʿИзз ал-Дином Кылыч-Арсланом III (1204—1205) и, наконец, Гийас ал-Дином Кайхусравом I. Византийцы присылали частые посольства к сельджукам, в некоторых из них участвовал сам Феодор Ласкарь. В 1204 г. направлявшийся из византийского изгнания домой Гийас ал-Дин Кайхусрав I (сопровождаемый византийским вельможей Мануилом Маврозомом) в обмен на помощь обещал передать грекам находившиеся под контролем тюрок ключевые пограничные твердыни Хоны и Лаодикию. Как видно, Хоны и Лаодикия перешли под контроль тюрок уже в 1203—1204 гг. Весной же 1205 г. Феодор Ласкарь посетил вернувшего себе престол султана Гийас ал-Дина Кайхусрава I и заключил с ним союз. В 1205 г. именно с помощью сельджукского войска, присланного Кайхусравом I, Феодор Ласкарь начал свое восхождение к власти и подчинил Прусу и другие земли.[82] Не исключено, что не без подстрекательства Ласкаря сельджуки атаковали в 1205 или 1206 г. Трапезундскую империю, развивавшую тогда наступление в западном направлении и угрожавшую самому существованию Никейского государства.[83]

Однако активность сил, союзных сельджукам в пограничной зоне, доставила немало проблем грекам. Наиболее серьезная угроза исходила от византийских же мятежников, не желавших признавать легитимность власти Никеи и привлекших на свою сторону тюркские отряды — преимущественно, как можно понять, кочевников-туркменов. Весной 1205 г. территории вокруг среднего течения Меандра (т. е., по-видимому, фема Меандр) оказались под властью Мануила Маврозома, который, опираясь на помощь тюркского войска, заявил претензии на императорский престол. Маврозому сочувствовал женатый на его дочери султан Гийас ал-Дин Кайхусрав I. По всей видимости, поддержка Маврозому оказывалась султаном по уже хорошо известной схеме — султан позволял мятежнику набирать «добровольцев» на своей территории. В 1205—1206 гг. Феодор Ласкарь нанес несколько пораже-

[82] *Жаворонков* 1977, 30—37; *Korobeinikov* 2014, 134—137; *Acrop.* 1:10.26—11.4, 14.20—23 (русский комментированный перевод: *Акрополит*; английский комментированный перевод: *Akropolites*).

[83] Подробнее: *Шукуров* 2001, 88—92.

ний Мануилу Маврозому, но в конце концов, по договору с султаном 1206 г., признал власть Мануила над Лаодикией и Хонами, а также всеми землями по Меандру. Однако, по всей видимости, устье и среднее течение Меандра все же осталось под властью никейцев. Как и прежде в подобных конфликтах, война с мятежником не переросла в открытое столкновение между империей и султанатом, поскольку формально султан не вступал в войну с Феодором Ласкарем. В конце концов Феодору удалось пленить Маврозома и, возможно, забрать и его владения. Однако к июлю 1207 г. Лаодикия и Хоны окончательно перешли под власть тюрок.[84]

Борьба на границе и разгром дружественного тюркам Мануила Маврозома создавала напряженность в отношениях между Никеей и Иконием. Через несколько лет эта напряженность в отношениях вылилась в масштабный конфликт, спровоцированный интригами экс-императора Алексея III Ангела и, возможно, латинян Константинополя. В июне 1211 г. состоялось последнее в истории крупное военное столкновение между византийцами и войсками сельджукского султана в Западной Малой Азии. Войска Феодора Ласкаря и Гийас ал-Дина Кайхусрава I сошлись у Антиохии на Меандре (тюрки осадили эту византийскую крепость) южнее Филадельфии (Алшехира). Не исключено, что конфликт подогрели и кочевые туркмены, бесконтрольные набеги которых издавна были главным дестабилизирующим фактором в пограничье. В ходе сражения греки были разбиты, однако исход битвы был предрешен гибелью султана Гийас ал-Дина Кайхусрава I, убитого в бою неким франком или даже, как утверждали греки, самим Феодором I Ласкарем.[85] Алексей III оказался в плену у Ласкаря и впоследствии закончил жизнь в одном из монастырей в Никее (ок. 1212 г.). Вскоре по инициативе Феодора Ласкаря был заключен мирный договор. Восточная граница Никейской империи проходила тогда, скорее всего, у Антиохии на Меандре.[86]

После кризиса 1211 г. Никейская империя и Сельджукский султанат вступают в долгий период мирных, а временами и союзных отношений, продолжившийся многие десятилетия. По

[84] *Nic. Chon*., 1:626, 638; *Wittek* 1935, 24—30; *Savvides* 1987, 231—245; *Жаворонков*, 31—36; *Жаворонков* 1980, 184; *Cheynet* 1996, 146; *Korobeinikov* 2014, 120—147; *Korobeinikov* 2015, 67.

[85] Наиболее важные источники: *Nic. Chon*. Or., 172; *Acrop*. 1:16—17; *Greg*. 1:19—21; *Ibn Bibi*, 101—110; Tarix, 86.

[86] *Cahen* 1988, 68; *Жаворонков* 1976, 48—51; *Korobeinikov* 2014, 148—151.

всей видимости, в 1214 г. никейцы и сельджуки в согласии друг с другом разделили между собой западную часть Трапезундской империи, угрожавшей интересам как никейцев, так и сельджуков. В результате осады Синопа во второй половине 1214 г. сельджуки пленили трапезундского императора Алексея I Великого Комнина и заняли не только Синоп, но и прилегающие к нему с востока земли вплоть до Амиса. В это же время Феодор I Ласкарь совершил молниеносное вторжение в трапезундские пределы и занял всю прибрежную Пафлагонию вплоть до Синопа (см. ниже гл. 5).

Наличие союзных отношений между никейским и иконийским дворами, повторимся, отнюдь не означало, что в пограничных зонах установился полный мир. Кочевники-туркмены, слабо контролируемые центральной властью в Иконии, продолжали составлять серьезную угрозу грекам в приграничной зоне.[87] Так, в период совместных действий никейцев и сельджуков в Пафлагонии в 1214 г., уже после ее раздела зимой того же года, грекам пришлось отражать атаку неких агарян, атаковавших долину Сангария; очевидно, это были кочевники уджа, которых греки отогнали назад «в горы и ущелья».[88] Проблема кочевников, угрожавших плодородным долинам Меандра и стремившихся к Эгейскому побережью, была решена лишь в первые годы правления Иоанна III Ватаца в 1225—1231 гг. В результате деятельности Иоанна III Ватаца земли по Меандру были возвращены греками, а ключевым греческим оплотом в регионе стала крепость Триполи севернее Лаодикии.[89]

[87] Акрополит говорит о кочевых туркменах в пограничной зоне, что «они питали непримиримую ненависть к римлянам» (*Acrop*. 1:136.12—15; *Акрополит*, 114). См. также: *Langdon* 1992, 42 n. 2.

[88] *Heisenberg* 1922—1923, 33.18—22.

[89] *Langdon* 1992, 25—33. Сведения о греко-тюркских столкновениях сохранились преимущественно в агиографии — в двух житиях василевса Иоанна III, одно из которых написано в XIV в. митрополитом Георгием Пелагонийским, а другое восходит к XVII в. и дошло до нас в версии Никодима Агиорита († 1809). Дж. Лэнгдон, приводя параллели из несколько современных Иоанну III Ватацу текстов (как греческих и латинских, так и восточных), показал относительную достоверность содержащихся в агиографиях рассказов о войнах императора в долине Меандра.

В целом принимая реконструкцию Дж. Лэнгдона, вместе с тем следует отметить, что исследователь напрасно отождествляет борьбу греков против приграничных кочевников с полномасштабным конфликтом с самой Сельджукской державой. Дж. Лэнгдон явно преувеличивает градус враждебности между византийским и сельджукским дворами, называя походы Иоанна III против туркмен даже «крестовым походом». Как хорошо показывает история византийско-тюркских отношений в предыдущую эпоху, карательные экспедиции против

Однако Лаодикия и Хоны так и остались в руках тюрок.[90] В 1257 г. султан ʿИзз ал-Дин Кайкавус II передал Лаодикию (а также близлежащие Хоны, Сакену и Гипсилу[91]) Феодору II, однако у греков не было достаточно сил, чтобы удержать регион, и вскоре города вновь перешли под власть тюрок.[92]

При Ласкарях-Ватацах восточная граница стабилизировалась во многом благодаря дальнейшему укреплению фортификации, а в особенности — планомерному выстраиванию фортификационной и коммуникационной инфраструктуры как во внутренних районах страны, так и в пограничье. Наиболее значительными военными центрами империи были Магнезия и Нимфей, которые находились на пересечении важнейших военно-торговых магистралей с запада на восток и с севера на юг. Именно поэтому хорошо укрепленная Магнезия стала фактической столицей никейских императоров. Именно из Магнезии шла на восток в сельджукские владения важнейшая магистраль, на которой находились также хорошо укрепленные и обширные военные базы Сарды и Филадельфия. По всей приграничной зоне и в глубине византийской территории по направлению к прибрежным районам строилось множество фортов, большинство из которых не упомянуто в письменных источниках. Остатки фортификационных сооружений той эпохи сохранились вплоть до наших дней. Названий многих из этих крепостей мы не знаем, идентифицирована лишь меньшая их часть. Это были как крупные крепости, представлявшие собой византийские военные базы и места укрытия для окрестного населения во время тюркских набегов, так и мелкие безымянные форты, вмещавшие лишь несколько десятков воинов.[93]

кочевников отнюдь не всегда влекли к открытому конфликту с Иконием. Очевидно, что в эпоху Иоанна III Ватаца греческие экспедиции в пограничье вряд ли рассматривались султаном ʿАла ал-Дином I Кайкубадом как агрессия против его державы — восточные источники, как анатолийские, так и сирийские, хорошо осветившие его завоевательную деятельность, не сообщают о масштабных конфликтах на западной границе султаната. Критику оценок Дж. Лэнгдона см. также: *Hopwood* 1999, 156—157.

[90] Утверждение Дж. Лэнгдона, что эти крепости были под контролем никейцев со времени Феодора I или же были отбиты у тюрок Иоанном III, не подтверждается материалом источников. См.: *Korobeinikov* 2014, 156—159.

[91] Последние две крепости мы затрудняемся идентифицировать; не локализованы они и комментаторами Скутариота — П. И. Жаворонковым и Р. Макридис: *Акрополит*, 274—275; *Acropolites*, 327.

[92] *Skoutar.*, 530—531; *Acrop.* 1:143—144.

[93] См. в первую очередь работы Клайва Фосса: *Foss* 1976, 78; *Foss* 1998, 160—166 (Хлиара, то же, что Тархала), 166—171 (п-ов Трахейа в Карии);

Стратегический прорыв мусульман

События первых десятилетий XIII в. явились прямым продолжением упадка византийской обороноспособности в Анатолии в 1180—1190-х гг. Несмотря на относительно низкую военную активность на границах и успешную консолидацию локальных центров власти в Никее и Трапезунде, именно в первые два десятилетия XIII в. произошел важный перелом в стратегическом положении анатолийских тюрок, который во многом предопределил полное вытеснение византийцев из Анатолии в будущем. Сельджукам удалось прорваться к Средиземноморскому и Черноморскому побережьям и укрепиться там. В 1204 г., в краткое правление малолетнего ʿИзз ал-Дина Кылыч-Арслана III (1204—1205), сельджуки заняли Патару (Сапарата سپرته на персидском),[94] однако район не обладал стратегической и торговой значимостью. В 1207 г. Гийас ал-Дин Кайхусрав I внял жалобам обиженных купцов и 5 марта захватил Атталию, принадлежавшую эллинизированному итальянскому семейству Альдобрандини примерно с 1204 г.[95] Сельджуки, покорив Атталию (Анталью), прорвались к Средиземному морю и окончательно разрушили тем самым смычку между греками и армянами на юге.[96]

Кроме того, западно-анатолийские греки окончательно утратили контроль над прежней пограничной зоной, простиравшейся от Лаодикии до Пусгусского озера. Трудно точно локализовать пограничную зону для первых десятилетий XIII в., однако очевидно, что она вплотную приблизилась к Филадельфии и Антиохии Фригийской, а верховья Меандра и его притоки уже находились под контролем тюрок; далее на север граница проходила через Каламус к Прусе и далее на восток к Малагине и Тарсу.[97] Хотя

Foss 1987, 94—99 (Метеорий); *Foss* 1979 (Триполи, Тавала, Меония, Сатала, Магнезия, Нимфей, Палеаполис, Асар); *Foss & Winfield* 1986, 153 (Меланудий в Карии); *Foss* 1990 (форты на Сангарии). См. также суммирующий обзор всей анатолийской границы Никейской империи: *Korobeinikov* 2014, 218—220. См. также об оборонительной системе Вифинии: *Lefort* 1993; *Giros* 2003.

[94] *Ibn Bibi*, 76.1 и далее; *Ibn Bibi* (Duda). S. 36.

[95] *Nic. Chon*., 1:528—529; *Ibn Bibi*, 95—100; *Ibn al-Athir*, 12:160; *Redford & Leiser* 2008, 90—91; *Brand* 1968, 137—138.

[96] Ср. со сходным замечанием: *Hendy* 1985, 118.

[97] *Hendy* 1985, 120 (map 30); *Foss* 1990, 164—165, 173—174. Обзор византийско-тюркской границы с полезной библиографией см. также: *Hopwood* 1999, 154—156. См. также карту в: *Langdon* 1992. Ср.: *Wittek* 1935, 23.

Иоанну III Ватацу и удалось стабилизировать границу, а в верховьях Меандра даже передвинуть ее чуть дальше на восток к Триполи, однако византийцы уже никогда не смогут угрожать мусульманским городским центрам на Анатолийском плато — Конье, Кастамону, Гангре, Анкаре. Напротив, в бывшей пограничной зоне в середине XIII в. консолидируются новые эмираты туркменских кочевников, все более усиливающие давление на византийские владения. Анатолийское плато с главными городскими центрами становится абсолютно недостижимым для византийцев. Это ясно понимали как никейские императоры, так и Палеологи, не предпринявшие ни одной попытки атаковать сердцевину мусульманских владений в Анатолии. Таким образом, западно-анатолийский анклав византийской цивилизации оказался прочно блокирован тюрками, а греки окончательно лишаются шансов для реконкисты Анатолии, столь реальной на протяжении всего XII в.

В 1214 г. сельджуки отнимают у трапезундцев стратегически важный военный и торговый порт Синоп в Южном Причерноморье (подробнее см. ниже в главе 5). В результате потери Синопа впервые сфера господства византийской власти в Анатолии оказалась расколотой надвое — на два изолированных друг от друга крупнейших анклава — Западно-Анатолийский и Понтийский. Оба анклава были прочно блокированы туркменскими кочевыми уджами. В первую половину XIV в. западно-анатолийский оплот византинизма перестал существовать, поделенный между тюркскими эмирами; судьба остававшихся в руках византийцев нескольких городских центров была, по существу, предрешена.[98]

Вторая волна миграции

К началу XIII в. разрушительные последствия кочевой вольницы первой волны начали постепенно идти на убыль — многие из кочевников перешли к оседлой жизни, другие понесли фатальный ущерб в борьбе с византийцами на западе и севере Анатолии, армянами на юге и грузинами на северо-востоке, равно как и с самими сельджуками в оседлых районах. Однако новый виток кочевой миграции в пределы Анатолии начался примерно в 30-е гг. XIII в. в связи с монгольскими завоеваниями. Вытесненные монголами из

[98] Идея этого стратегического прорыва тюрок впервые сформулирована нами в: *Шукуров* 1999.

Восточного Туркестана, Средней Азии и Ирана многочисленные туркменские и иные тюркские племена вновь наводнили Малую Азию. Их приток в регион был одинаково разрушителен как для оседлых мусульман в земледельческих районах, так и для местных греков, армян и грузин. Волны кочевых племен прокатились через всю Анатолию с востока на запад, дезорганизуя традиционные формы жизни. На сельджукско-никейской границе весьма высокой степени концентрации кочевники достигли в 50—60-х гг. XIII в., где они как бы уперлись в конец «анатолийского коридора», в византийскую границу. По свидетельству Пахимера, Михаил VIII Палеолог (1261—1282) принимал их на службу, желая создать буфер на своих границах в случае атаки монголов.[99]

Появление монголо-татар на восточных границах Анатолии в 1230-х гг. существенно изменило и византийско-сельджукские отношения. Перед лицом наступавших завоевателей две державы сближаются еще при жизни ʿАла ал-Дина Кайкубада I. В 1243 г. никейский отряд участвовал на стороне сельджуков в битве с иранскими монголами при Кёседаг (26 июня 1243 г.), однако объединенные силы потерпели сокрушительное поражение. В этой ситуации никейцы, не избегая контактов с татарами, продолжают оказывать поддержку сельджукскому султанату, рассматривая его как заслон между собственными владениями и монгольским Ираном. В конце 1243 г. Иоанн III Ватац встречается с султаном Гийас ал-Дином Кайхусравом II в Триполи на Меандре и подтверждает заключенный прежде союз. Вместе с тем ок. 1253 г. монгольское посольство было принято в Никее, а в 1254 г. никейское посольство посетило ставку хана Менгу, продемонстрировав лояльность греков верховной монгольской власти. Феодор II Ласкарь (1254—1258) в 1257—1259 гг. обменивается посольствами с Хулагу — будущим ханом в 1261—1265 гг. и основателем государства Ильханов, — в результате чего между никейцами и монголами Ирана установились дружественные отношения. Михаил VIII Палеолог (1259—1282) укрепил связь с монголами Ирана, которые были важны византийцам для защиты их анатолийской границы. В конце 1264 или начале 1265 г. Михаил VIII выдал замуж за хана Абака (1265—1282) свою побочную дочь Марию, которая будет прозвана византийцами позже «Царевной монголов». А через несколько десятилетий в 1320 г. Андроник II (1282—1328) заключит

[99] *Pachym.*, 1:185.25—187.10; *Korobeinikov* 2014, 222—234.

союз с ханом Газаном (1295—1304), а его побочная дочь будет отдана в жены Ильхану Улджайту (1304—1316).[100]

Несмотря на дружественную связь с иранскими монголами, в политической борьбе в Сельджукском султанате, расколовшей сельджукскую элиту на антимонгольскую и промонгольскую партии, византийцы последовательно поддерживали антимонгольские группировки. В период обострения гражданской войны в султанате Феодор II однозначно принимает сторону султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, возглавлявшего антимонгольскую партию: известно по меньшей мере о трех никейских посольствах к Кайкавусу II в 1254, 1255 и 1256 гг. В 1257 г. император дал султану в помощь 400 воинов во главе с *примикирием* Исааком Дукой Мурчуфлом. Бежавший в 1256 г. в султанат Михаил Палеолог — будущий император — в качестве полководца участвовал в войне с монголами на стороне султана Кайкавуса II. В Румском султанате *примикирий* Исаак, по всей видимости, получил придворную должность *кундастабла* и в 1260—1262 гг. активно участвовал во внутренних распрях и интригах.[101]

Эти новые тенденции в византийско-тюркских отношениях совпали с кардинальным изменением в приоритетах византийской политики. В июле 1261 г. видный никейский полководец *кесарь* Алексей Стратигопул с небольшим отрядом византийцев и «скифов» оказался недалеко от Константинополя. Местные жители ему сообщили, что латинское войско покинуло город, отправившись на захват никейского острова Дафнусий в Черном море. *Кесарь* Алексей решился на захват города и в ночь на 25 июля 1261 г. тайно вошел в город и овладел им, легко расправившись с немногочисленным и деморализованным противником. 15 августа 1261 г. Михаил VIII Палеолог торжественно вошел в Город, а вслед за императорским двором туда вернулся и патриарх. После возвращения в Константинополь Михаил VIII Палеолог все меньше внимания уделяет восточным провинциям империи, стремясь восстановить ее позиции на Балканах, а также вернуть престиж в западноевропейской политике. Этот поворот в политике Михаила VIII был неизбежен, поскольку после уничтожения Латинской

[100] *Lippard* 1984, 176—232; *Weller* 2016. См. также: *Андреева* 1926; *Runciman* 1960; *Жаворонков* 1978, 94—95; *Коробейников* 1999; *Korobeinikov* 2020, 385—424; *Korobeinikov* 2022.

[101] *Acrop.* 1:144; *Акрополит*, 118; *Pachym.*, 1:187.22-189.30; *Aqsarayı*, 65—66; *Lippard* 1984, 176—232; *Жаворонков* 1978, 96—97; *Korobeinikov* 2020, 399—401, 406.

империи вероятность того, что Запад предпримет реванш, была весьма высока. Особенно реальной эта угроза стала в связи с деятельностью Карла Анжуйского, провозглашенного сицилийским королем в 1266 г. и желавшего восстановить и даже расширить Латинскую империю с центром в Константинополе. Михаил VIII был полностью погружен в западную политику и мало уделял внимания малоазийским провинциям.[102]

Ослепление малолетнего императора Иоанна IV Ласкаря и заключение его в крепости Дакивиза под Никомидией, а также и последовавшая затем ссора с патриархом Арсением, расколовшая церковь, сделали Михаила VIII Палеолога непопулярным в Анатолии. Недовольство усугублялось и Лионской унией с Римской церковью (1274 г.), организованной и поддержанной императором. Одно из наиболее опасных восстаний имело место юго-восточнее Никеи в районе Трикоккии (возможно, Koçhisar), где весьма воинственное местное население объединилось вокруг Лже-Иоанна (1261 или 1262 г.).[103] Михаил VIII, опасаясь нелояльности со стороны анатолийских провинций, провел ряд ответных мер в отношении могущественных акритских родов — наиболее мятежной части населения. Он отменил налоговый иммунитет акритов в пограничных районах, конфисковал их богатства (как движимые, так и недвижимые), выплатив компенсацию в 40 номисм; акритов, живших прежде военной добычей, теперь внесли в армейские списки и платили им государственное довольствие за военную службу. Таким образом, Михаил VIII предпринял реформу анатолийской оборонительной системы, попытавшись перевести фемные подразделения (обеспечивавшие себя благодаря земельным владениям и добыче) в статус полевой армии, получавшей фиксированное жалованье. Однако вскоре обобранные акриты перестали получать и жалованье. В результате пограничные крепости пустеют — разоренные жители либо переходят на сторону врага, либо отселяются во внутренние районы империи. Политика императора фактически начала разрушать оборонительную систему, сложившуюся при Ласкарях-Ватацах, хотя о полном ее коллапсе для этого времени говорить рано.[104]

[102] *Geanakoplos* 1959. О восточной политике Михаила VIII Палеолога см.: *Vryonis* 1971, 136—137; *Wittek* 1934; *Arnakis* 1947, 37—48.

[103] *Pachym.*, 1:258—267; *Lindner* 1983. P. 15, n. 62.

[104] *Pachym.*, 1:31—35; *Lefort* 1993, 104. Ср.: *Arnakis* 1964; *Lindner* 1983, 14—15; *Vryonis* 1971, 136.

Нельзя сказать, что Михаил VIII Палеолог не уделил никакого внимания анатолийской границе. Еще до его возвращения в Константинополь в 1259—1260 гг. обостряется обстановка на Меандре. Лаодикия, которую в 1257 г. султан ʿИзз ал-Дин Кайвакус II вернул по договору Феодору II Ласкарю, вскоре вновь оказывается в руках тюрок. Город и прилегающие районы были заняты неким Мухаммад-бегом Уджи. Мухаммад-бег восстал против центральной власти в Конье, отложившись сначала от ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II, а потом и от его преемника и брата Рукн ал-Дина Кылыч-Арслана IV. В 1261 г. он получил инвеституру от Хулагу-хана, первого из Ильханов Ирана, на владение районом Денизли (Лаодикии), Хон и Даламана (долины реки Индус).[105] Тюрки Мухаммад-бега Уджи, по всей видимости, двинулись по Меандру и за реку на север, вглубь византийских территорий. Если верить Мануилу Оловолу и автобиографии самого Михаила VIII, осенью 1260 г. император совершает поход против тюрок, который закончился для греков победой и захватом каких-то территорий южнее Меандра.[106] Хотя оба риторических повествования лишены деталей, в любом случае ясно, что Михаилу VIII удалось остановить Мухаммад-бега. Последний был окончательно разгромлен в результате совместной сельджукско-монгольской экспедиции в 1262 г.[107] В отношении Сельджукского султаната Михаил VIII продолжает политику своих предшественников. С одной стороны, в 1262 г. он принял бежавшего от монголов султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II с семьей и многочисленной свитой.[108] Одновременно император вопреки обещаниям не помог султану вернуть власть в султанате и строго контролировал все его передвижения; параллельно Михаил VIII развивал дружественные отношения с ханом Хулагу, под чьим контролем находился тогда Сельджукский султанат.[109]

После отвоевания Константинополя первый крупный поход византийских войск под командованием деспота Иоанна Палеолога (брата императора) имел место ок. 1264 г. и был направлен на сдерживание кочевого давления в долине Меандра. При этом

[105] *Baybars*, 73. 8—13; *Korobeinikov* 2014, 222—234; *Cahen* 1951; *Cahen* 1939, 136; *Lippard* 1984, 24—25.

[106] *Man. Holob.*, 47.35—48.24. Комментарий к отрывку: *Wirth* 1962a, 36—37; *Grégoire* 1959—1960, 457; *Жаворонков* 1978, 99—100.

[107] *Aksarayi*, 71; *Baybars*, 76. 14—22; *Korobeinikov* 2014, 236—251.

[108] *Pachym*., 1:181—187; *Abu al-Faraj* 1932, 1:442; *Tarix*, 99; *Turan* 1971, 497; *Шукуров* 2017, 148—155.

[109] *Жаворонков* 1978, 100—101; *Коробейников* 1999, 442—447.

Рис. 7. Анатолийский всадник, посл. четв. XIII в. (BnF, Persan 174, fol. 18). Это изображение может отображать внешний вид как мусульманского, так и византийского воина того времени.

сообщивший об этом походе Пахимер отмечал, что в это время дела империи на Востоке были плохи — многие земли оказались во власти кочевников, а некоторые местности отложились от императора. Войска деспота Иоанна действовали в долине р. Каистр и в окрестностях Тралл на Меандре; деспот также укрепил тылы пограничной зоны в районе Магедона (севернее р. Герм, рядом с древними Сетами), раздавая деньги и чины местным жителям, известным как отменные стрелки.[110] Не исключено, что деспот

[110] *Pachym*., 1:285—291, особенно 291. Датировка: *Failler* 1980, 92—93.

Иоанн и позже посещал Анатолию, заботясь об укреплении границы и успешном противодействии кочевым атакам, однако непрозрачность Пахимерова повествования и его хронологическая непоследовательность не позволяют вынести однозначное суждение о времени и количестве этих посещений.[111] Как продолжает Пахимер, не в меньшем упадке находилась и северо-восточная оконечность пограничной зоны — по р. Сангарий, область Ираклии Понтийской и византийские владения в Пафлагонии. По-видимому, к 1260-м гг. относится крупное поражение византийских войск где-то в Пафлагонии и последующий прорыв тюрок к Сангарию, подробно описанные Никифором Григорой.[112] Таким образом, видимо, к рубежу 1260-х и 1270-х гг. тюрки вышли к Сангарию и распространили свои набеги на западный берег реки. Как можно понять из текста Пахимера, из-за нелояльности местного населения Михаил VIII не оказал им должной помощи, но, напротив, разорял денежными поборами. В результате население либо перебегало к тюркам, становясь их соратниками и проводниками, либо эмигрировало в другие области империи.[113] Говоря о событиях 1267 г., Пахимер отмечает воинские таланты деспота Иоанна, но сетует, что тот больше времени проводил на западе, в то время как состояние восточных дел непрестанно ухудшалось. К этому времени владения Византии в Пафлагонии сводились лишь к прибрежным крепостям Ираклии Понтийской, Амасры, Кромны и Тиона, а до Ираклии уже нельзя было добраться сухим путем.

На южной границе к 1267 г. тюрки вновь хозяйничали на Меандре, в долине Каистра, доходя на север вплоть до крепости Тавала в верхнем течении р. Герм, Магедона за Гермом и даже до Зигоса в верхнем течении р. Каик; о Стровиле и Стадиотрахии и территориях напротив Родоса Пахимер говорит как о безнадежно потерянных греками.[114] Как видно, отсутствие деспота Иоанна позволяло тюркам совершать весьма далекие рейды вглубь византийской территории. Таким образом, в 1260-х гг. практически вся линия восточной границы Византии — от Меандра через верховья Герма и Каика до Сангария — оказалась под ударом.

[111] См., например: *Pachym*., 1:317.14—17; 2:591.28—29: оба отрывка, вопреки толкованиям А. Файе (Ibidem), можно понять в том смысле, что деспот Иоанн посещал Анатолию и после 1264 г., и самое имя его наводило страх на тюрок.

[112] *Greg*. 1:138—140; *Arnakis* 1964, 39—40.

[113] *Pachym*., 1:291—293; 2:407.4—21 (о причинах невнимания императора к нуждам Пафлагонии и области Сангария).

[114] *Pachym*., 2:403—405.

Во вторую половину правления Михаила VIII Палеолога проблемы на Востоке приобрели хронический характер, однако нам зачастую трудно восстановить событийное наполнение византийско-тюркского противостояния в эту эпоху. Как византийские, так и восточные источники содержат весьма скудную информацию о событиях тех лет в пограничной зоне. Одним из объяснений этому является то, что с тюркской стороны главным действующим лицом были независимые кочевники, информация о рейдах которых была малодоступна в центрах оседлой жизни. Император надеялся на заключенную им Лионскую унию, на помощь нового крестового похода к Иерусалиму через Анатолию, чтобы, как это уже происходило в 1097—1098 гг., руками крестоносцев расширить и обезопасить анатолийские границы империи. Однако судьба не дала Византии второго такого шанса. Эта идея Михаила VIII, изложенная его посольством к папе Григорию X (ок. 1275 г.), хоть и вызвала интерес у папы, однако так и не была осуществлена.[115]

«Персидские» портреты

На эпоху Михаила VIII приходится закат могущества Сельджукского султаната. Монголы Ирана превратили Сельджуков в своих марионеток, а мощная волна переселений из Ирана в Анатолию кардинально изменила демографию, а вслед за ней и культуру Анатолии. В последние десятилетия XIII в. «сельджукский» период в анатолийской истории завершается. Почти двухвековая история взаимоотношений византийцев с анатолийскими тюрками оставила яркий след в византийской традиции. Это и длинная вереница анатолийских персонажей, сыгравших заметную роль в византийской жизни, это и влияние на высокую культуру и повседневный быт греков, и многие десятки «варварских» слов, вошедших в греческий язык. В этой книге нет места для исчерпывающего анализа этих влияний, которые между тем уже были предметом целого ряда частных исследований.[116] Тут я лишь обозначу типологию персон и значимых контактных феноменов, иллюстрируя некоторыми примерами.

1. Византийцы были весьма впечатлены предводителями анатолийских мусульман, некоторые из которых посещали византий-

[115] *Korobeinikov* 2014, 236—251; *Geanakoplos* 1959, 287—289.

[116] *Brand* 1989; *Balivet* 1994; *Шукуров* 2017, 411—515.

ские территории. Еще в 1093 г. гостем Алексея I Комнина в Константинополе оказался могущественный и воинственный сельджукский эмир Абу ал-Касим, имевший своей столицей Никею и контролировавший западную и центральную части Анатолии между 1084 и 1096 гг. Сельджукский султан Маликшах (1110—1116) посетил Константинополь после заключения мира с Алексеем I Комнином. А следующий султан — Масʿуд I (1116—1155) был первым из мусульманских государей из длинного ряда мусульманских анатолийских правителей, бежавших в Константинополь в качестве политических эмигрантов.[117] Хрестоматийным примером является яркое описание Никитой Хониатом и Иоанном Киннамом сельджукского султана ʿИзз ал-Дина Кылыч-Арслана II и особенно его официального визита ко двору императора Мануила I Комнина. Византийцы безусловно признавали удачливость и управленческие таланты султана, расценивая его как весьма серьезного противника. Хониат видел в нем скрытного, двоедушного и коварного правителя, жестокого к своим царственным родственникам, жадного до богатств и весьма охочего до грабежа и захвата византийских земель.

В 1161 г. ʿИзз ал-Дин Кылыч-Арслан решил посетить Константинополь и заключить с василевсом Мануилом I долговременный мирный договор. Мануил расценил этот визит как большую свою удачу, служащую прославлению империи. Предполагалось, что Мануил и Кылыч-Арслан вместе войдут в Константинополь в рамках пышной церемонии триумфа, в которой обычно задействовались чуть ли не все жители Города. Однако задуманный триумф не удался. Патриарх Лука Хрисоверг воспротивился участию мусульманина-султана в церемонии, ибо в ней по византийскому дворцовому протоколу должна присутствовать христианская символика — образы святых и Христа, хоругви и другое. Как бы небесным подтверждением правоты патриарха оказалось сильное землетрясение, произошедшее незадолго до церемонии в Константинополе, что было расценено как плохое предзнаменование. Византийцы были весьма чувствительны в вопросах веры, и отказ от триумфа с участием мусульманина вполне для них естественен.

Как бы то ни было, прием Кылыч-Арслана в Константинополе был обставлен с невиданной роскошью, приличествующей

[117] О сельджукских султанах, посетивших византийский двор, см.: *Balivet* 2008; *Beihammer* 2011, 612—613, 633—648.

беспрецедентности события. Мануил дал первую аудиенцию султану, сидя на роскошном золотом троне, весьма возвышавшимся над полом и ярко сияющим от изобилия драгоценного металла и украшавших его драгоценных камней. Сам император был одет в багряное платье, густо декорированное рубинами и жемчугами, а на груди его красовался драгоценный камень величиною с яблоко, свисавший с шеи на золотой цепи. По сторонам престола стояли рядами высшие сановники в надлежащем им порядке, одетые, как можно полагать, в роскошное церемониальное платье. Пораженный великолепием Кылыч-Арслан, как утверждает Киннам, удовольствовался лишь низеньким сиденьем, да и то решился сесть на него только после долгих уговоров. Мануил в этом эпизоде продолжал давнюю стратегию византийских государей — первая аудиенция всегда считалась самой важной и предполагала безоговорочное психологическое подавление визитеров-иностранцев.

Два государя весело проводили время вместе, пируя в Большом Дворце в южной части города, сжигая греческим огнем ботики для забавы и до пресыщения развлекаясь конскими скачками и другими зрелищами на константинопольском ипподроме. Хониат в связи с ипподромом упоминает об удивительном случае. Некий анатолийский мусульманин («агарянин») решил спрыгнуть с большой высоты в специальной очень широкой рубахе, перехваченной во многих местах ивовыми кольцами, что создавало многочисленные широкие складки.[118] По мысли агарянина, этот костюм позволил бы ему плавно спланировать над ареной ипподрома (т. е. около 400 м или больше). Он явно намеревался получить тот же эффект планирования, которого добиваются сейчас с помощью костюма-крыла (wingsuit). Прыгал агарянин с башни над Карцерес, той самой, которая была украшена «Квадригой» Лисиппа (рис. 8) — т. е. с одной из самых высоких точек ипподрома. Он долго ждал подходящего ветра, поднимал руки, как бы набирая ветер в складки рубища. Зрители отнеслись с большим недоверием к затее и встретили ее шутками, а Мануил I через слуг пытался отговорить смельчака. Наконец агарянин прыгнул, распластавшись как птица, и... предсказуемо разбился. Хотя опыт современных прыгунов с костюмом-крылом позволяет думать, что агарянин в своих прежних попытках (если они были) мог добиваться успеха — слишком большое сходство между его экипировкой и современным костю-

[118] *Nic. Chon.*, 1:119.24: «λύγοι δὲ εἰς κύκλον περιαχθέντες ἐποίουν κολπῶδες τὸ ἄμφιον».

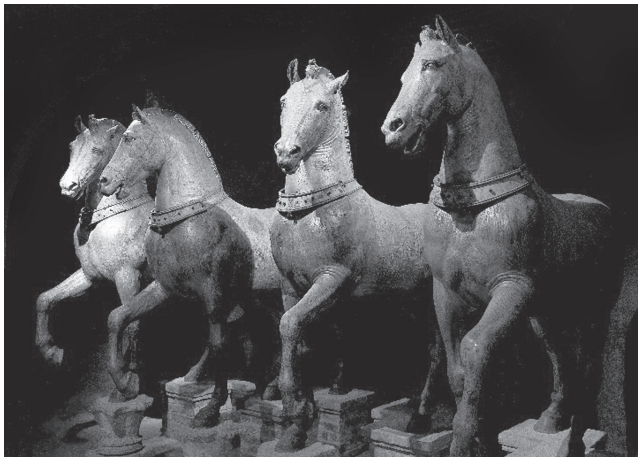


Рис. 8. «Квадрига» Лисиппа.

мом-крылом. Жестокая константинопольская толпа осмеяла неудачника и продолжала издевательски напоминать свите султана о смертельном провале агарянина.

Мануил I стремился демонстративной роскошью психологически обезоружить султана. Наполнив один из покоев дворца разными сокровищами (драгоценные монеты, одежды, посуда), он привел султана туда и спросил, что бы тот пожелал из этого богатства. Султан скромно ответствовал, что ему хватит и того, что подарит василевс. Мануил продолжил розыгрыш, осведомившись, может ли хоть кто-нибудь из врагов противостоять Римской империи, если ему — Мануилу — вздумается на все эти сокровища нанять и снарядить армию? Султан с удивлением отозвался, что, будь у него самого эти сокровища, он бы расправился со всеми своими врагами. Услышав этот вполне ожидаемый ответ, Мануил победоносно объявил все содержимое этих покоев своим даром султану. Меж тем Кылыч-Арслан в его ответе василевсу, похоже, не лукавил — вернувшись из Константинополя, возможно благодаря и этим непомерным дарам, султан весьма скоро расправился со своими мусульманскими соперниками в Анатолии, вышел на границу с Сирией и объединил огромные территории под своей властью.

Константинопольцы были весьма остры на язык. В связи с приездом Кылыч-Арслана более всех отличился императорский кузен и будущий василевс Андроник Комнин — блестящий аристократ, интеллектуал, удачливый воин, сердцеед и остроумец. Кылыч-Арслан страдал физическими недостатками — похоже, у него были больны суставы рук, и он сильно хромал. Андроник, насмехаясь над этим, переиначил византийское произношение его имени «Клицаслан» (Κλιτζιασθλάν) на «Куцаслан» (Κουτζασθλάνης), т. е. «Хромой Арслан» (κουτζός «хромой»).[119]

Византийцы донесли до нас описания и других сельджукских правителей, а наиболее подробно — двух султанов, нашедших политическое убежище в Константинополе: Гийас ал-Дина Кайхусрава I (с 1196 г.) и его правнука ʿИзз ал-Дина Кайкавуса II (с 1262 г.). Гийас ал-Дин Кайхусрав, оказавшись в Византии, был крещен (или перекрещен) императором Алексеем III и женился на дочери византийского аристократа Мануила Маврозома. ʿИзз ал-Дин Кайкавус II переселился в Византию со всей своей семьей и многими тысячами своих подданных, включая кочевых тюрок. Его дети (как, может быть, и он сам) были крещены и трое из них остались в Византии после бегства их отца в Золотую Орду.[120]

2. В византийское общество вошло много знатных мусульман, перешедших на сторону греков и ставших, как я их называю, «византийскими тюрками».[121] В 1031 г. тюркский эмир Эдессы Сулайман (Σαλαμάνης) б. Курджи (т. е. «сын Грузина») сдал город византийским войскам под предводительством Георгия Маниака. Судя по имени, Сулайман был по происхождению грузином, он изначально находился в рабстве у жены прежнего мусульманского правителя Эдессы. Перейдя на сторону греков, он удостоился титулов *анфипата* и *патрикия* и соответствующего денежного содержания.[122]

Другой весьма знатный перебежчик — высокопоставленный тюркский эмир Арисги (Arīsghī), именовавшийся византийцами Хрисоскулом (Χρυσόσκουλος), который приходился свояком

[119] Описание пребывания султана в Константинополе: *Nic. Chon.*, 1:118—122; *Cinn.*, V.3 (p. 204—208).

[120] *Korobeinikov* 2014, 118—134; *Korobeinikov* 2007; *Шукуров* 2017, 148—196. О Маврозомах смотри также: *Métivier* 2009; *Yıldız* 2011.

[121] О тюркской по происхождению знати в XI—XII вв. см. подробнее: *Kazhdan & Ronchey* 1999 (первый, менее подробный вариант книги: *Каждан* 1974); *Brand* 1989. См. также: *Beihammer* 2011, 597—651.

[122] PBW. Salamanes 101.

сельджукскому султану Алп-Арслану (муж его сестры). В 1070 г. в стычке при Севастии он пленил византийского полководца *куропалата* Мануила Комнина, старшего брата будущего василевса Алексея I Комнина, который лишь недавно был назначен в Анатолию императором Романом Диогеном. Однако Арисги находился в конфликте с султаном Алп-Арсланом и, по совету своего пленника Мануила Комнина, перешел на сторону византийцев. Арисги отправился в Константинополь вместе с Мануилом, где был принят императором и облечен титулом *проэдра*. Его внешность вызвала интерес у византийцев — он был молод, низкорос, как пигмей, а лицом походил на скифа. Несмотря на это, как видно, он легко влился в византийскую жизнь. Чуть позже он прославился участием в восстании Никифора Вотаниата в 1077—1078 гг.: действующий василевс Михаил VII отправил против мятежников наемных анатолийских тюрок, а Хрисоскул, вступив с ними в переговоры, убедил их не вмешиваться в это дело.[123]

В эпоху Алексея I на сторону византийцев в ходе одной из кампаний перешло сразу несколько эмиров. Эмир Илхан (Ἐλχάνης), захвативший Аполлонию и Кизик в Западной Анатолии, в 1085 г. потерпел сокрушительное поражение от византийского полководца Опоса и перешел на сторону императора. Два других тюркских эмира из окружения Ильхана, увидев, как щедро последний был одарен, также перешли к грекам, за что получили чины и дары. Один из них по имени Скалиар (Σκαλιάρης, Σκαλιάριος) стал византийским полководцем и участвовал во многих кампаниях, а другой, чье имя не сохранилось, получил титул *иперперилампра* (ὑπερπερίλαμπρος). Скалиар служил верой и правдой императору, пока не погиб от рук нормандцев Боэмунда Тарентского при осаде Диррахия в 1108 г.[124]

В XIII в. появляется несколько знатных фамилий анатолийского происхождения — а именно, Султаны и Мелики, — вошедших в высшую элиту византийского общества. Они были породнены с правящим домом Палеологов и другими аристократическими фамилиями, владели обширными землями. Они легко вошли в византийскую элиту благодаря их происхождению из султанского рода анатолийских Сельджуков.[125]

Это только несколько примеров адаптации иностранной знати в византийском обществе и, что примечательно, в византийской

[123] PBW. Chrysoskoulos 101; *Beihammer* 2017, 150—151.
[124] *Анна Комнина*, 200, 268, 351.
[125] *Шукуров* 2017, 256—266.

элите. Переходы знатных варваров на строну византийцев были нередкими. Тюрки и другие варвары стремились обрести в империи не только высокое положение в обществе и связанное с ним благосостояние, но и окунуться в «другую», рафинированную и утонченную, жизнь. Во всех этих случаях главным и непреложным условием адаптации для иноверцев — будь то язычники или мусульмане — был переход в христианство.

3. Среди анатолийцев, успешно адаптировавшихся в византийском обществе, было немало людей из низших классов. Яркими примерами этому являются бывшие рабы, сделавшие головокружительную карьеру в империи. Пожалуй, наиболее примечательный пример — знаменитый царедворец Иоанн Аксух († ок. 1150), захваченный ребенком в Никее, когда город взяли византийцы и крестоносцы в 1097 г. Алексей I поселил Аксуха у себя и определил его сотоварищем своему сыну и наследнику Иоанну. Аксух достигает самой верхушки византийской иерархии при Иоанне II, почтенный достоинством *севаста* и назначенный великим доместиком всего Востока и Запада (т. е. главнокомандующим всего византийского воинства), кем он оставался и при Мануиле I. Иоанн Аксух проявил себя как опытный политик и талантливый командир, воевавший практически на всех границах империи и даже совершивший морские походы к Сицилии и Керкире. Он не был чужд и интеллектуальной жизни — в его честь богослов и ритор Никифор Василак написал *энкомий*, а богослов и ученый Михаил Италик (род. ок. 1090 — † до 1157) обращался к нему за помощью.[126] Печатей Иоанна Аксуха сохранилось несколько, что вполне понятно в силу его выдающегося положения в империи на протяжении многих десятилетий. Судя по печатям, покровителем Иоанна был св. Димитрий, всегда изображавшийся на аверсе (см. рис. 9). Печати Аксуха несут на себе идентичные надписи: на аверсе — «Св. Димитрий» (Ὁ ἅγιος Δημήτριος), а на реверсе — «Иоанн, *севаст* и *великий доместик* всего Востока и Запада» (Ἰωάννης σεβαστὸς καὶ μέγας δομέστικος πάσης Ἀνατολῆς καὶ Δύσεως).[127]

Иоанн Аксух стал родоначальником прославленного аристократического рода Аксухов, породненного с правящим домом Комнинов.[128] Его сын *протостратор* Алексей Аксух был видным

[126] PBW. Ioannes 293.
[127] Приведенная здесь печать доступна в электронной версии: URL: https://www.doaks.org/resources/; см. также: DO Seals, 3:N 99. 8 (p. 175—176).
[128] *Barzos* 1984, 2:117—135.

Рис. 9. Печать Иоанна Аксуха
(Думбартон Оукс, BZS.1958.106.3227).

полководцем и ближайшим сподвижником Мануила I. Его, правда, осуждали за то, что он украсил свой дом росписями воинских побед персов. Сын Алексея — Иоанн Комнин Толстый, который в июле 1200 г. едва не сверг императора Алексея III Ангела. Род этот знаменателен также и тем, что его кровь текла в жилах Великих Комнинов, государей Трапезундской империи. Основатель Трапезундской империи Алексей I Великий Комнин был женат на Феодоре Аксух, дочери или племяннице Иоанна Комнина Толстого, а их старший сын император Иоанн I именовался современниками Аксухом.[129]

Из рабов-азиатов происходил и другой знаменитый царедворец, правда был он арабского происхождения. Около 1050 г. великий доместик Иоанн Комнин, отец Алексея I Комнина, пленил в набеге (προνομή), т. е. в нападении на врага с целью наживы, некоего «сарацина», т. е. араба-мусульманина.[130] По всей видимости, сарацин был захвачен ребенком, который вырос и получил воспитание в семье Иоанна Комнина. Сарацинов сын Татикий (Τατίκιος) рос вместе с Алексеем I, а впоследствии стал ближайшим его сподвижником и видным полководцем, удачливо воевавшим и на Балканах, и в Анатолии, многократно доказавшим свою верность бывшему хозяину, в частности, подавив мятеж узурпатора Никифора Диогена (1097 г.). Татикий сопровождал крестоносцев в Первом походе вплоть до Антиохии. По сообщению западных авторов, у Татикия был усечен нос, который он прикрывал золо-

[129] *Barzos* 1984, 2:886; *Barzos* 1975, 173.
[130] *Анна Комнина*, 145—146.

той пластиной.[131] Татикий положил начало знатному роду, который хоть и был скромнее Аксухов, но тем не менее отслеживается вплоть до конца XII в.[132]

Практика растить дома рабов-тюрок, по всей видимости, была весьма распространена в византийской аристократической среде. Полководец Кара — приближенный Алексея I — вероятно, был бывшим тюркским рабом. Судя по всему, он был тюрком, ибо носил распространенное среди них имя — Καρᾶς ← *тюрк*. qara «черный». Анна Комнина с симпатией говорит о нем, что он «с детства был приближен к императору и входил в число близких ему людей». Следовательно, Кара, скорее всего, вырос в доме Алексея I, как и другие дети-рабы. Кара погиб при осаде Диррахия в 1108 г.[133] По всей видимости, из тюркских рабов-детей были также и «по-римски взращенный» Иоанн Исис (Ἰσής ← *араб*. ʿĪsā عيسي «Иисус»),[134] выросший в императорском дворце Михаил Исхак (Ἰσάχ ← *араб*. Isḥāq اسحاق «Исаак»),[135] Просух (Προσούχης ← тюрк. *borsuq* «барсук»), с детства «получивший римское воспитание и образование».[136] Все трое были видными полководцами, сделавшими карьеру в византийской армии при Мануиле I.

Вообще, византийцы весьма полагались на свою способность «перевоспитать» варвара. Уже упоминавшийся выше мятежный византийский тюрок Чага, владевший Смирной и принесший много хлопот Алексею I, был также из пленников. В отличие от захваченных греками детей, Чага попал в плен хотя и молодым, но уже зрелым человеком, воином. Захвативший Чагу византийский полководец Александр Кавалика, по всей видимости, обратил его в рабство и подарил василевсу Никифору III Вотаниату. Последний же возвысил Чагу, почтил саном *протоновелиссима* и щедро одарил. Вероятно, уже при Никифоре III он стал наместником в анатолийской Смирне. Интересно, что Чага привлек на сторону византийцев и каких-то своих мусульманских родственников — под его началом служил его племянник Йалавач (Γαλαβάτζης). Однако смена власти в Константинополе не пришлась Чаге по душе, и он начал долгую войну с Алексеем I. В этой войне Чага, по всей видимости, пользовался поддержкой и местного греческого

[131] *Skoulatos* 1980, 287—292.
[132] *Barzos* 1984, 2:254 σημ. 38.
[133] *Анна Комнина*, 351.
[134] *Cinn.*, 238.13—14.
[135] *Cinn.*, 129—130, 298—299.
[136] *Cinn.*, 33, 71, 73; *Nic. Chon.*, 1:52, 64.

населения. По крайней мере благодаря местному греку Чага создал флот и захватил Митилену на Лесбосе, Хиос, Самос и Родос. Очевидно при этом, что команда кораблей была греческой. Несомненно, Чага был одной из интереснейших политических персон своего времени. С одной стороны, он играл по правилам византийской политики, объявив себя римским императором (1091 г.) и стремясь привлечь на свою сторону греков, недовольных властью. С другой стороны, он в полной мере реализовал свою тюркскую идентичность, привлекая к себе анатолийских сельджуков (выдал, например, свою дочь за Кылыч-Арслана I) и успешно интригуя как с балканскими печенегами, так и с анатолийскими тюркскими наемниками Алексея I. Таким образом, ассимиляция тюрка-пленника в византийской жизни оказалась неполной — Чага обрел византийскую идентичность, но при этом не отказался и от своей прежней, варварской. Эта двойственность, похоже, и погубила Чагу, который настроил против себя и греков, и тюрок. Чага погиб от меча Кылыч-Арслана I, который, впав благодаря интригам византийцев в подозрительность, пригласил его на пир, напоил вином, а потом убил (после 1098 г.).[137]

Значительное число бывших анатолийских тюрок встречается среди офицеров среднего звена, а также рядовых воинов, из которых, в частности, формировали особые подразделения, именовавшиеся в XIII в. «персидскими».[138] Причем, некоторые из них служили под началом знатных византийских тюрок первого поколения или их потомков. Так, например, телохранителем *великого доместика* Иоанна Аксуха был византийский тюрок Абу Бакр (Πουπάκης ← *араб*. Abū Bakr ابوبكر), упоминавшийся начиная с событий 1146 г.[139] В 1271 г. византийский тюрок Римпса командовал «персидскими» полками.[140] Так же как и печенеги и половцы, анатолийские тюрки за свою службу получали от византийского государства пронии.[141]

4. Византийские тюрки в XI—XII вв. по большей части становились военными. Только меньшинство из них пошли по интеллектуальной и духовной стезе. Это объясняется их относительно низким образовательным уровнем. Иммигрантам труднее было получить хорошее образование, да, похоже, и византийцы не особенно стремились их выучить, предназначая их скорее для неинтеллектуальных профессий. Однако из анатолийской среды все же выходили и образованные и благочестивые персоны. Скорее всего, к анатолийским тюркам принадлежал Чиканоглы (Τζίκνογλος ← *тюрк*. çıqan «племянник по материнской линии» + *тюрк*. oğlı «сын») — адресат в 1130—1140-х гг. и, возможно, ученик Михаила Италика. Несмотря на сугубо тюркское имя Чиканоглы (в Анатолии на протяжении XII в. и далее становилось все больше арабских и персидских имен), он вряд ли мог происходить из половцев, чей культурный уровень был слишком низок. Очевидно, он принадлежал к константинопольскому интеллектуальному кругу, и не исключено, что в каком-то качестве служил в штате собора Св. Софии.[142]

Другой пример — Куталмуш, который основал знаменитый афонский монастырь Кутлумуш (рис. 10). Помимо этого, о Куталмуше больше ничего не известно. Однако очевидно, что Куталмуш был благочестивым христианином, раз его имя ревностно

Рис. 10. Монастырь Кутлумуш на Афоне.

[137] PBW. Tzachas 61; *Kaldellis & Efthymiades* 2010, №. 77, 153.

[138] Подробнее и с дополнительными примерами из XIII—XIV вв. см.: *Шукуров* 2017, 325—330.

[139] *Nic. Chon.*, 1:83—85 (δορυφορῶν τὸν μέγαν δομέστικον); *Cinn.*, 48.2—9, 50.14—22. Статья в PBW. Poupakes 17001 смешивает и ошибочно объединяет двух разных Абу Бакров — византийского тюрка на службе Аксуха и племянника сельджукского эмира Сулаймана (см.: *Moravcsik* 1983, 2:256—257).

[140] *Шукуров* 2017, 191.

[141] *Шукуров* 2017, 320—325.

[142] *Ital.*, 201—203 (№ 31); *Brand* 1989, 6—7, 16.

сохранялось последующими поколениями иноков монастыря. Монастырь, скорее всего, появился в первой половине XII в., а упоминается он впервые в 1169 г. в одном из афонских документов[143].

Возможно, еще одним интеллектуалом из второго поколения анатолийских иммигрантов и бывших мусульман был некий Николай Мелик, служивший в византийской администрации. От него сохранилась только печать (рис. 11). На ее аверсе изображен св. Николай (?), а на реверсе надпись «Господи помоги *секретику* Николаю [сыну] Мелика» — Κ(ύρι)[ε] β(οή)θ(ει) Νικολάῳ σεκρετικῷ Μελήκ[η].

Рис. 11. Печать Николая Мелика (*Laurent* 1981, 2:674, № 1204).

Прозвище или же имя отца Николая — арабское, а это однозначно указывает на его либо арабское сирийское, либо анатолийское происхождение (Μελήκης ← араб. malik «князь, царевич»). Как объясняет издатель печати Витальен Лоран, в данном контексте титул «секретик» имеет генерализирующее значение «чиновник», «член какого-либо ведомства». Функции чиновника византийской администрации, конечно же, предполагали определенный уровень образования. В. Лоран датирует печать второй половиной XI в.

В XIII в. приток персов в византийское общество продолжится. В большинстве это были традиционные категории знати и военных, которые получали от византийцев чины и пронии. Также

[143] Этимология имени: Κουτλουμούσιος ← тюрк. qutal-mış «украсивший себя одеждой» или же ← тюрк. qut almış «обрел жизненную силу или счастье». Об истории монастыря см.: AKut., 1—5; BMFD, 1408—1409. Предположение, что Куталмуш имел отношение к одному из одноименных Великих Сельджуков середины XI в., пока не нашло подтверждения.

и в XIII столетии из их среды выйдет не много представителей интеллектуальных профессий.

Анатолийские мусульмане в эту эпоху повлияли и на византийское искусство. Однако в какой мере и в каком объеме присутствовало это влияние, остается малоизученным в силу того, что сохранилось слишком мало сведений. В любом случае ясно, что мода на анатолийское мусульманское искусство могла появиться в Византии только со второй половины XII в., по мере пробуждения культурной жизни в самой мусульманской Анатолии. Хрестоматийный пример сельджукского анатолийского влияния на архитектуру — постройка в «персидском стиле», именовавшаяся византийцами Мухрута и находившаяся в константинопольском Большом дворце. Название постройки происходит от μουχρούτιον, μουχρούτιν «глиняный сосуд для вина или еды» ← араб. مقراة miqrā(t) «сосуд или кубок для гостя». Название, возможно, пошло от функций здания — павильон мог предназначаться для винопития, или же он внешне как-то напоминал глиняный сосуд.[144]

В XIII—XIV вв. в византийскую моду входят многочисленные восточные («персидские» и даже монгольские) элементы, включавшие в себя кафтаны, халаты и разные головные уборы — чалмы (персидские) и сарагучи (монгольские).[145]

5. Конечно, в общем количестве анатолийских переселенцев знать составляла меньшинство — простых поселенцев было подавляющее большинство. Однако именно они, так сказать «безгласное большинство», наименее всего изучены в науке, и особенно для XI—XII вв. Как правило, византийские власти стремились рассеять незнатных инородцев в толще собственного населения для ускорения их ассимиляции. Однако в некоторых случаях пленные и иммигранты из Анатолии могли быть расселены либо компактными группами, либо на некоей ограниченной территории. Для XII в. существует хрестоматийный пример такого компактного расселения: в районе Фессалоники ок. 1178 г. жила большая группа «персиянок» из Анатолии. По-видимому, это были порабощенные женщины-работницы, занимавшиеся каким-то ремеслом.[146] С конца XIII в. сведений о компактном расселении анатолийских иммигрантов много больше. Их расселяли в отдельных

[144] *Shukurov & Asutay-Effenberger* 2016, 1125; *Asutay-Effenberger* 2004; *Walker* 2012, 144—164.

[145] *Шукуров* 2017, 424—436.

[146] *Шукуров* 2017, 331—332.

регионах Македонии — в районе Веррии, в прибрежных районах Каламарии и в Нижнем Стримоне. Это могли быть и свободные крестьяне, и парики, и получившие в этом регионе пронию военные.[147]

Ирано-греческая цивилизация

Несомненно, мера влияния анатолийской мусульманской культуры на Византию многократно превышает вклад балканских кочевников — печенегов, узов, половцев, а также и аланов, и монголов. Анатолийские мусульмане оказались цивилизационно и культурно много ближе к византийцам и встраивались в византийский мир в бóльших количествах и с замечательной легкостью. Это, конечно же, имеет свои вполне ясные объяснения. Дело в том, что культура и общество в анатолийских мусульманских государственных образованиях могут быть определены как «тюркские» лишь условно. Конечно, опыт доосманской Анатолии будет впитан впоследствии турецкой османской культурой, однако это отнюдь не означает, что типологически сельджукскую анатолийскую традицию следует безоговорочно определять как тюркскую. Проблема типологии анатолийской культуры в сельджукский период весьма неоднозначна и сложна, о чем и пойдет речь ниже.

Сложность типологии мусульманской анатолийской культуры в конце XI—XIII вв. проистекает из сложности социо-демографической структуры тех территорий, на которых она развивалась. Очевидно, что большинство населения на мусульманских территориях составляли греки и армяне, причем греческий элемент преобладал на большей части земель и был весьма влиятельным. Греческое население в Анатолии отнюдь не исчезло в одночасье. Вплоть до начала 1920-х гг. — до знаменитого «Обмена населением» между Турцией и Грецией — в Анатолии существовали многочисленные греческие общины. По османской переписи населения 1914 г. в Анатолии насчитывалось более 1 млн греков или же ок. 10 % населения.[148] Следовательно, можно думать, что в предыдущие столетия греков-христиан в процентном отношении к мусульманскому населению было значительно больше.[149] Вместе

[147] *Шукуров* 2017, 224—252.

[148] См., например: *Tetik* 2005. S. 607, 663—665.

[149] См. также выше высказанное Рубруком соотношение между христианским и мусульманским населением как 10:1 (с. 91). Разбор неполных и не всегда точных данных османских *дефтеров* XVI в., а также и другие численные оценки

с тем история анатолийского эллинизма в Средние века и раннее Новое время до сих пор не написана. В силу скудости источников особенно слабо освещена судьба греческого населения с XI и до середины XV в. Мы до сих пор не знаем хотя бы примерное соотношение между греческим населением и мусульманским, у нас нет детальной карты расселения греков в Анатолии, не вполне прояснена роль греков-христиан и новообращенцев в ислам в становлении мусульманской анатолийской культуры в сельджукский и османский периоды.

В то же время мы располагаем значительным набором косвенных свидетельств, которые в совокупности позволяют обрисовать истинную роль греческого элемента в Анатолии. Следует начать с того, что греческий язык играл роль lingua franca, т. е. языка межэтнического общения в обширном регионе, обнимавшем как анатолийские византийские, так и мусульманские территории, а также и армянские в Киликии. Именно распространенность знания греческого в среде анатолийцев-негреков решало проблему коммуникации между носителями разных культурных традиций. Причем греческий использовался негреками в разных культурных регистрах — это был и разговорный греческий, и письменный греческий. О роли греческого как «общего языка» в обширном восточно-средиземноморском регионе для более раннего времени (VII—XII вв.) впервые заговорил Н. Икономидис.[150] От XII—XIII в. известно множество примеров хождения греческого языка в мусульманской среде — при коммуникации мусульман с византийцами, использование его в канцеляриях мусульманских правителей, лексические грецизмы в литературных произведениях.[151]

Знание греческого языка местными мусульманами-негреками, и в особенности представителями высшей аристократии, обуславливалось характерным для региона специфическим социальным укладом. Так, гречанки в течение многих столетий рассматривались мусульманами в качестве наиболее престижных матримониальных партнеров. Именно через женщин мусульманские мужья надеялись наделить своих отпрысков рафинированной бытовой культурой. В результате бабки, матери и жены высшей анатолийской знати (включая также султанов) были гречанками, которые передавали знание греческого языка и христианской ре-

греческого населения в Анатолии в разное время см.: *Vryonis* 1971, 444—450; *Ménage* 1979, 52—67.

[150] *Oikonomidès* 1999, 9—22.

[151] *Шукуров* 2017а; *Bees* 192.

лигии своим детям. Во дворцах высшей знати существовали гаремные церкви, обслуживавшие гаремных дам-христианок и их слуг.[152] Множество греков обнаруживается в среде мусульманской аристократии, в знатных мусульманских домах в качестве слуг и рабов, а также в специальных христианских подразделениях мусульманского воинства (iğdiş).[153] На мусульман работали и местные греческие художники, архитекторы и другие ремесленники.[154] Греческие художники, в частности, участвовали в иллюстрировании астрологического трактата на персидском языке, рукопись которого создана в Аксарае в 1272 г. Более тридцати миниатюр принадлежат византийской школе живописи, одна из которых воспроизведена на рис. 12.[155]

К этому надо прибавить и сохранение в Анатолии активной византийской церковной жизни: общины православных христиан оставались многочисленными, сохранялась обслуживавшая культ институциональная и административная структура — церкви, монастыри, епископства и митрополии. Анатолийская православная церковь находилась в церковной юрисдикции Константинопольского патриархата.[156] Следовательно, в церковной и религиозной сфере Византия продолжала осуществлять контроль над тамошним греческим населением. Причем это не мешало тому, чтобы светскими покровителями христианских институций нередко выступали мусульманские власти.[157] Одним из знаменитых центров христианства являлась ныне хорошо изученная сельская Каппадокия, в которой в XII—XIII вв. существовало несколько крупных поселений греков-христиан, а также множество скальных церквей и монастырей. Каппадокийская церковная архитектура богато украшена христианской живописью.[158] Крупные городские центры Анатолии Конья, Кайсери и Малатья известны своей многочисленной православной общиной и монашеством, занимавшимся, в частности, и перепиской книг.[159]

Хотя обрисованная вкратце проблема эллинизма в мусульманской Анатолии до сих пор не подвергалась систематическому и

[152] *Шукуров* 2011; *Шукуров* 2011a; *Eastmond* 2010, 78—88.
[153] *Ананович* 2009, 72—117; *Шукуров* 2017a.
[154] *Asutay-Effenberger* 2012; *Uyar* 2015, 215—231.
[155] *Barrucand* 1991, 113—142 и особенно 117.
[156] *Korobeinikov* 2003; *Korobeinikov* 2005.
[157] *Шукуров* 2011, 83; *Métivier* 2012.
[158] *Jerphanion* 1925—1942; *Jolivet-Lévy* 2015; *Ousterhout* 2005.
[159] *Korobeinikov* 2009.

Рис. 12. Конъюнкция Луны и Марса (BnF. Persan 174. Fol. 110r.).

обобщающему анализу, тем не менее уже сейчас очевидно, что греческий этнический субстрат проявлял замечательную культурную активность и оказывал многообразное и существенное влияние на мусульманскую общину. К этому надо прибавить значительное влияние на мусульманскую культурную ситуацию армянского элемента в Великой Армении и в Киликии — это и присутствие армян во всех классах общества, и вклад в мусульманское искусство, особенно архитектуру. Однако специфическая проблема армянского следа в сельджукский период еще менее изучена и выходит за рамки нашей главной темы: эта книга в большей степени фокусируется именно на неармянских территориях Западной и Центральной Анатолии.

При обращении непосредственно к культуре «пришлых», т. е. тех, кто переселялся в Византийскую Анатолию с конца XI в. и далее, обнаруживается ее весьма сложная этнокультурная подоплека. В XI—XIII вв. в Анатолию пришли не только тюрки, но и иранцы. Наличие тюркских кочевников, а также тюркской военной знати представляется само собой разумеющимся, ибо хорошо документировано источниками с самых ранних этапов мусульманского завоевания Анатолии. Однако в отношении иранских переселенцев для XI и большей части XII в. мы имеем лишь немногочисленные и отрывочные сведения. Во второй же половине XII и особенно в XIII в., когда культурная жизнь в мусульманской Анатолии активизируется и порождает богатую текстуальную традицию, мы находим там развитый и уже устоявшийся слой этнических иранцев. Обнаруживается, в частности, что между тюрками и иранцами уже сложилось традиционное для Средней Азии и Северного Ирана разделение функций. Иранцы в большинстве своем — интеллектуалы, чиновники, ремесленники, а высшая военная элита и войско — по преимуществу тюрки. При этом тюркская высшая военно-административная элита селится в городах и переходит на тюркско-персидское двуязычие, а кочевые тюрки довольно скоро оттесняются на маргинальные территории, в пограничье (*удж*), удаленное от городских центров и зон оседлого земледелия.

Об иранцах в XI—XII вв. недостает информации, в частности, ввиду почти полного отсутствия собственной письменной традиции в мусульманской Анатолии, рождающейся именно в городах, в то время как сторонние наблюдатели — византийцы, армяне, арабы — замечали там почти исключительно только правителей и воинов, которые и были тюрками.

Персидская идентичность мусульман в Анатолии обсуждается в науке давно. Мусульманское искусство и архитектура тут представляли собой своего рода «расширение» иранской культуры сельджукского периода, развивавшейся как на территории современного Ирана, так и в Хорасане и Мавераннахре. Анатолийское искусство, восприняв свои базовые принципы из иранского мира, развивала их в активном взаимодействии с местными греческой и армянской традициями. Персидский язык, наряду с греческим (а в восточных регионах с армянским), главенствовал в городах, будучи языком не только высокой культуры, но и разговорным языком городского пришлого населения. Канцелярии мусульманских правителей пользовались персидским, арабским и греческим языками и никогда тюркским. На персидском велась официальная переписка сельджукского двора с чиновниками, а соответственно и письмовники — т. е. формуляры для официальной переписки, — а также и частноправовые акты, вакуфные грамоты и т. д. тоже были на персидском языке. Хотя богословие и юриспруденция, как и во всем исламском мире, пользовались арабским, однако литература, историография, наука, поэзия создавались исключительно на персидском языке.[160] А ведь именно язык литературы определяет господствующую этнокультурную идентичность. В этом смысле знаменательно, что не только официальным, но и разговорным языком сельджукского двора был персидский, а сельджукские султаны XIII в. (Гийас ал-Дин Кайхусрав I, к примеру) писали стихи на персидском.[161]

В отношении распространенности разговорного персидского в городских центрах не может быть сомнений. В этом смысле показательна микротопонимика Коньи в XIII в. Названия городских ворот, кварталов, площадей, улиц и других знаменательных мест сугубо персидские и отражают именно разговорную, так сказать «народную», идиоматику. Есть и другие подтверждения распространенности разговорного персидского в Анатолии, как, например, многочисленные разговорные языковые элементы в творениях великого суфия Джалала ал-Дина Руми и эксплицитные указания источников на то, что его повседневным языком был персидский (хорасанский/среднеазиатский диалект).[162]

---

[160] *Ateş* 1945, 94—135; *Köprülü* 1993; *Köprülü* 1992; *Riyāḥī* 1369; *Tahsin* 2010; *Melville* 2006; *Hillenbrand* 2005; *Hillenbrand* 2000.

[161] *Ibn Bibi*, 91—93; *Shukurov* 2011, 190—191.

[162] *Aflaki*; *Shukurov* 2020.

Анатолийские мусульманские архитектура и искусство по своей типологии относились к иранскому культурному кругу, хотя и развивались со своими особенностями под большим или меньшим влиянием местных греческой и армянской традиций.[163] В качестве одного из многих возможных примеров приведу тут образчик сельджукских люстровых изразцов из знаменитого дворца Кубадабад, построенного для султана ʿАла ал-Дина Кайкубада I на берегу оз. Бейшехир, в сотне километров от Коньи. Иранский субстрат этого искусства неоспорим (рис. 13).

Иранское присутствие в Анатолии имеет и весомое обоснование в анатолийской просопографии, предоставляющей наглядную информацию о множестве выходцев из Ирана, живших тут. В известных нам источниках упоминается по имени приблизительно 2000 человек, которые жили в мусульманской Анатолии в XII—XIII вв. Наиболее информативные для просопографии источники, в которых содержатся эти имена, — исторические сочинения Ибн Биби, Аксарайи и анонимного автора «Тарихи ал-и Салджук».[164] Из всего списка имен не менее 6 % персон носили *нисбу* (т. е. указание на место происхождения или этническую принадлежность), привязывающую их к иранским землям. Судя по *нисбам*, в Анатолии присутствовали выходцы из 1) Западного Ирана, как то: Тебриз, Урмия, Ардабиль, Хой, Нахчиван, Тифлис, Гянджа, Маранд, Сава, Занджан, Хамадан, Асадабад, Казвин, Рэй, Симнан, Табаристан; 2) из Центрального Ирана — Исфахан, Бам, Кирман, Шираз; 3) из Восточного Ирана — Хорасан, Нишапур, Тус (Мешхед), Балх, Фарьяб, Термез, Бухара, Самарканд, Фергана, Джанд, Худжанд, Хутан. Весьма примечательно процентное соотношение иммигрантов из разных областей Ирана: Северо-Западный Иран дает 55.8 %, Восточный Иран — 35.6 %, Центральный Иран — только 7.8 %. Что чрезвычайно интересно и даже неожиданно: среди анатолийских иранцев присутствовало большое число выходцев из Хорасана — их было более трети. Как кажется, Анатолия была весьма популярна среди хорасанских эмигрантов.

Профессиональная принадлежность обладателей иранских *нисба* весьма показательна. Большинство из них были интеллектуалами — улемы, кади, писцы, гражданские чиновники, но встречаются и военные. Хорасанцы были многочисленны среди улемов, в особенности суфиев, судей и других интеллектуалов.

[163] См., например: *Watson* 1975; *Redford* 1993; *Redford* 1991.
[164] *Ibn Bibi*; *Aksarayi*; *Tarix*.

Рис. 13. Фрагмент люстрового изразца из сельджукского дворца Кубадабад (*Arık & Arık* 2007, 328 res. 330).

Северо-западные иранцы чаще встречаются среди гражданских чиновников.

Как мы видим, в анатолийской культуре преобладают две идентичности — византийская/римская и персидская. Это была по преимуществу иранская культура, испытавшая на себе глубокое греко-византийское влияние. Итак, типологически можно охарактеризовать анатолийскую культуру XII—XIII вв. как ирано-греческую. Она составляет прямую параллель ирано-индийской культуре мусульманской Индии. В Средние века на окраинах иранского мира, таким образом, возникает два типологически схожих гибридных типа культуры — в одном случае иранский эле-

мент входит во взаимодействие с греческой местной основой, а в другом случае — с индийским субстратом.

Сказанное об ирано-греческой типологии анатолийской культуры отнюдь не стремится затушевывать и обесценивать наличие тюркской идентичности в Анатолии. Тюркская культура, тюркский язык, фольклор, традиции и обычаи действительно присутствовали, однако пребывали на маргиналиях (как географических, так и ценностных) господствующего ирано-греческого мира, будучи в статусе низовом и бесписьменном, привязанном к преимущественно моноэтничным группам кочевых тюрок. В цивилизационном анатолийском пространстве тюркская культура в силу низового статуса рассматривалась как непрестижная, а потому и нежелательная. Именно поэтому местная тюркская знать и средние слои (а может быть, и низшие тоже) пытались преодолеть свою «тюркскость» через женитьбу на невестах из «культурных» народов, изучали персидский и греческий языки, осваивали городскую культуру. Тюркская идентичность в Анатолии пройдет многовековой путь аккультурации и обретения собственной культурной значимости, прежде чем сравняется с древними греческой и иранской традициями.

Особенности мусульманских нашествий с Востока

Сельджукское нашествие на Анатолию в XI—XII вв. значительно отличалось от привычных парадигм варварских завоеваний, известных византийцам прежде. Парадигма персидских и арабских войн (IV—X вв.) представляла собой столкновение с оседлыми завоевателями, обладавшими профессиональной армией того же типа, что у византийцев. Вторжения варваров на Балканах (готов, славян, аваров, печенегов и половцев и т. д.) выглядели как кочевнические рейды и массовые миграции кочевых и полукочевых народов. В лице тюрок-сельджуков Византия столкнулась со сложным сочетанием кочевой миграции и оседлых завоевательных техник.[165] Византии противостояла не столько профессиональная вражеская армия, сколько кочевые племена,

[165] *Vryonis* 1975; см. также: *Vryonis* 1971, 169—194; 244—285. Известное исследование Ф. Сюмера (*Sümer* 1992) опирается по преимуществу на источники XV и последующих столетий и важно для локализации отдельных туркменских племен.

неконтролируемо растекавшиеся по обширным территориям в поисках пастбищ и добычи. Однако существенная черта, отличавшая тюркские нашествия на Анатолию от обычных кочевых набегов (известных, например, по Балканам), заключалась в большей структурной сложности сельджукских завоеваний. Кочевники составляли лишь один из элементов миграционной волны. Помимо кочевников в Анатолию влились иранцы, арабы и оседлые тюрки, расселявшиеся в городах и обладавшие существенным потенциалом социальной и политической самоорганизации.

Завоеватели с Востока отнюдь не избегали городов и городской жизни, как это было в случае печенегов, узов и половцев на Балканах. Уже в последних десятилетиях XI в. сельджуки, опираясь на покоренные городские центры, приступили к строительству мусульманской оседлой государственности в Анатолии. Присутствие в Анатолии мусульманского городского по типу этатического субстрата несомненно чрезвычайно осложнило для византийцев задачу отвоевания потерянных земель. Мусульманские оседлые государства в Анатолии придавали особую силу кочевым захватам, направляя векторы кочевых завоеваний и фиксируя их успех благодаря инкорпорированию новых земель в структуры оседлых государственных образований. Недооценка структурной сложности тюркского нашествия на Анатолию и была одной из причин неудачи византийской реконкисты Анатолии.

Первая волна кочевой миграции накрыла Анатолию в конце XI в. и привела к депопуляции, номадизации и последующей тюркизации обширных областей Анатолии, в особенности по периметру Центрально-Анатолийского плато. Однако в XII в. Комнинам удалось остановить экспансию кочевников и вернуть многие захваченные ими земли.

Вторая волна кочевой миграции, инициированная монгольскими завоеваниями, наполнила Анатолию как новыми ордами кочевников, так и оседлыми иранцами, осевшими в городах. Причем, судя по всему, кочевники численно превосходили не только современных им оседлых иммигрантов, но и тех тюрок, что влились в Анатолию в XI в. Кочевники привнесли мощный дезорганизующий импульс, в одночасье разрушивший привычные формы жизни, а главное — господствовавший тут ирано-греческой симбиоз. Этой разрушительной волне не могла противостоять ни сельджукская власть, предельно ослабленная иранскими монголами, ни Палеологовская Византия, только начавшая восстанавливать империю после изгнания латинян из Константинополя.

С конца XIII в. в Анатолии складывается абсолютно новая для этого пространства ситуация — огромные территории оказываются поделенными между мелкими и средними эмиратами, во главе которых находились тюрки, вчерашние кочевники. Малая Азия переживает глубинный кризис, проявившийся в обширной номадизации, экономическом и культурном регрессе, смене прежних этнических и демографических парадигм. Началась так называемая «Эпоха бейликов», которая в конце концов и тюркизирует бóльшую часть Анатолии. В истории региона открывается новый этап, положивший начало современной Турции.

Глава 4

ЗАКАТ ИМПЕРИИ

Закат и гибель Византийского государства с центром в Константинополе связаны с правлением там последней династии Палеологов, основанной Михаилом VIII. В эпоху Михаила VIII Палеолога, в особенности после возвращения Константинополя, статус империи кардинально изменился — она перестала быть региональной, преимущественно анатолийской силой и вновь настойчиво претендовала на участие в большой средиземноморской политике. Резкое расширение политического горизонта империи, а также необходимость упрочить свое положение на Балканах (в первую очередь, во Фракии и Македонии) привели к ослаблению византийской пограничной зоны в Анатолии. Этому способствовала и непопулярность Михаила VIII в восточных провинциях. Именно на это время, весьма несчастливо для византийцев, пришлась вторая волна кочевой миграции в Анатолии, которая повлекла за собой стремительную тюркизацию и номадизацию обширных территорий, особенно в византийско-тюркских пограничных зонах и по границам Анатолийского плато. Это было началом конца Византийской цивилизации. На этот раз византийцам не удалось найти адекватный ответ вызову истории. Вскоре византийская власть вынуждена была оставить Малую Азию, а тюрки прорвались на Балканы и прочно там закрепились.

Преддверие катастрофы

Участь византийских владений в Малой Азии была окончательно предрешена в правление Андроника II (1282—1328), сына Михаила VIII. Именно в его эпоху византийцы предприняли последнюю отчаянную попытку спасти положение в Анатолии и потерпели стратегическую неудачу, в результате которой греческие владения в Анатолии распались на мелкие анклавы, обреченные на скорую гибель. На 1280-е гг. приходится ускоренное форми-

рование в западной части Малой Азии независимых тюркских эмиратов. Именно в это время в византийские владения хлынули кочевые племена, вытесняемые из земледельческих районов мусульманской Анатолии совместными усилиями монголов Ирана и власти оседлых мусульман. Столь быстрое сложение новых государственных образований указывает на значительные людские силы кочевников, задействованных в освоении византийских территорий.

В начале 1280-х гг., вероятно уже после смерти Михаила VIII, тюрки во главе с Ментеше-бегом († до 1294) взяли Нису (восточнее Тралл) и пленили управлявшего ею *паракимомена* Ностонга. Траллы также недолго оставались в руках греков. В 1283—1284 гг. город, управлявшийся тогда *хартулярием* Ливадарием, был подвергнут долгой осаде тюрками Ментеше-бега. В Траллах закончилась пища и вода, горожане дошли до людоедства. В конце концов тюрки взяли город приступом и срыли его. В результате этих поражений византийские владения в Лидии остались беззащитными, а напор тюрок усилился. По-видимому, именно к этому времени относится первое появление Ментеше-бега в среднем течении Меандра. Предки Ментеше-бега — кочевые вожди, номинально признававшие власть Сельджуков, — еще в 1260-х гг., двигаясь с востока на запад, установили контроль над большей частью Ликии и Карии. К 1280-м гг. они распространили свою экспансию на север и вышли к Меандру.[1]

Для времени ок. 1285—1286 гг. тюрки водворяются в сельской округе Прусы, что указывало на усиление кочевого давления и на центральную часть анатолийской границы.[2] Активизация кочевников отмечена восточными источниками — именно к периоду 1286—1287 гг. относится неудачная карательная кампания сельджуков и монголов против тюрок гермиян, во главе которых, по всей видимости, был эмир Хусам ал-Дин б. ʿАли-Шер. Тюркам гермиян удалось отбиться и удержать контролируемые ими территории. Примерно к этому времени следует отнести оформление эмирата Гермиян с центром в Кютахье (Котиэй), занявшим бóль-

[1] *Pachym.*, 2:597—599; *Failler* 1984, 252—253, 258. У Пахимера Ментеше-бег назван Σαλάμπακις (вар. Σάλπακις) Μανταχίας; как показал Мишель Баливе, Σαλάμπακις было, скорее всего, искаженной греческой передачей тюрк. почетного титула Sāğlām-bēk «сильный бег», «могущественный бег», что полностью соответствует объяснениям самого Пахимера (ἀνδρεῖος): *Balivet* 1993, 139—141. Об эмирате Ментеше см., например: *Жуков* 1988, 16, 20—22; *Wittek* 1934.

[2] Подробнее см.: *Lindner* 1983, 17.

шую часть Фригии. Эмиры Гермиян впоследствии стремились расширить свои владения на юг к Меандру, на запад к Эгейскому побережью и на север к Вифинии.[3]

Может показаться, что в первую половину своего царствования Андроник II не в состоянии был уделять должное внимание восточным делам, полностью погруженный в разрешение арсенитских споров, в местные константинопольские интриги, борьбу в Фессалии и Эпире. Тем не менее, несмотря на скупость известий в источниках, есть основания думать, что в действительности центральная власть внимательно отслеживала события в Малой Азии. В течение 1280—1290-х гг. во главе анатолийских провинций находились, как правило, самые яркие полководцы и администраторы того времени — Константин Палеолог (младший сын Михаила VIII) и Михаил Стратигопул с 1280-х до 1293 г., а позже — *великий стратопедарх* Ливадарий и Алексей Филантропин (см. ниже).[4] Таким образом, Андроник II держал в анатолийских провинциях лучших командиров. По всей видимости, хотя долины в верхнем и среднем течении Меандра и были потеряны безвозвратно, прорыв тюрок в 1283—1284 гг. на север к Каистру удалось приостановить.

Сам Андроник II провел в анатолийских провинциях около трех лет — с весны 1290 по середину 1293 г., около года в Вифинии, а с 1291 г. в Нимфее.[5] Источники не сообщают о каких-либо активных действиях против кочевников за время столь долгого пребывания императора в Анатолии, однако, судя по одному из энкомиев Феодора Метохита, Андроник II все же внес некоторый вклад в укрепление обороноспособности восточных провинций, восстанавливая пограничные крепости и самим своим нахождением тут поднимая дух местных жителей.[6] Вместе с тем арест удачливых и популярных воинов Константина Палеолога и Михаила Стратигопула, обвиненных в заговоре, вряд ли способствовал укреплению обороны восточных провинций. Не исключено, что пребывание Андроника II в Анатолии было напрямую связано с крупномасштабной экспедицией монголов против кочевников в сопредельных районах. В конце 1291 и в начале 1292 г. монголь-

[3] *Cahen* 1988, 280; *Mélikoff* 1991.

[4] См.: PLP, № 14859, 21492, 26898, 29752. О византийских полководцах в Анатолии и, в особенности, в Вифинии см.: *Zachariadou* 1995, 72—73.

[5] *Pachym*., 3:171—181; Greg., 1:186—191; *Failler* 1990, 17—24.

[6] *Metoch*. Or., 286—421, анализ содержания см. в предисловии издателя: Ibid., 42—59; см. также: *Laiou* 1972, 77—79.

ский хан Кайхату громил кочевников уджа на обширной территории от Ларанды на востоке до Денизли (Лаодикия) на западе. Возможно, именно из-за карательных операций монголов в верховьях Меандра император перешел в Нимфей, ближе к южной границе.[7]

Алексей Филантропин

Ситуация на восточной границе вновь резко обострилась после ухода императора из Анатолии. В 1293 г. тюрки прорвались далеко на север вплоть до верховий Каика, район Ахирая также оказался в руках кочевников. Во главе Фракисийской фемы тогда находился талантливый полководец пинкерн Алексей Филантропин, а Неокастр, включая имперский город Нимфей, возглавлял *протовестиарит* Ливадарий. Ядром войска Филантропина были подразделения критян. В 1293 г. Филантропин вернул Ахирай, убив и захватив множество тюрок и большую добычу. Весной 1294 г. Филантропин уже действует на южной границе по Меандру, где он освободил от тюрок Милет. Он вступил вглубь вражеских территорий — на южный берег Меандра у Меланудия (у Ираклии на Латме, на озере Bafa-gölü), где покорил принадлежавшую тюркам Ментеше крепость Дио-Вуны и захватил несметную добычу. Оттуда происходила первая жена Ментеше-бега (к тому времени умершего), которая, как видно, была по происхождению гречанка. Поначалу Филантропин хотел взять Дио-Вуны обманом, обещав жениться на вдове Ментеше-бега, но, получив отказ, завоевал крепость приступом. Ко второй половине 1295 г. им также был освобожден Иерон (Енисихар) южнее Милета, очищены от противника оба берега среднего течения Меандра у Тралл и Нисы.

Филантропин был чрезвычайно удачлив, ясно показав, что тюркская проблема в византийской Анатолии отнюдь не является неразрешимой. Максим Плануд упоминает о множестве пленных тюрок, присланных Филантропином в Константинополь; рабов было так много, что их цена упала ниже стоимости овец. Воинские таланты Филантропина и огромные богатства, захваченные им в ходе войны, привлекли на его сторону и кочевников, которые переходили к нему целыми родами. Григора добавляет, что этих тюрок оттесняли с востока монголы, подтверждая сведения восточных источников о решимости Ильханов противостоять кочевой вольнице в Анатолии. Филантропин сформировал тюркский контингент в составе своей армии.[8]

Примерно в это же время — в 1294 г. — Андроник посылает на Вифинскую границу на Сангарий некоего Псевдо-Лахану, провозгласившего себя тем самым Лаханой, который восстал на Балканах против императора в 1277 г. и был убит (почему этот человек объявил себя именно Лаханой, остается загадкой). Псевдо-Лахане удается организовать целую крестьянскую армию в Вифинии и создать эффективную оборону против кочевников. Однако император, озабоченный чрезмерной популярностью Псевдо-Лаханы, вскоре отозвал его в Константинополь и арестовал.[9]

В 1295 г. соратники склонили Филантропина к мятежу против Андроника II. Филантропин, преданный критскими полками, был разгромлен *протовестиаритом* Ливадарием, арестован, ослеплен и в декабре 1295 г. отправлен в заключение в Константинополь. Союзные ему тюрки были частью уничтожены, а частью бежали. Как видно из истории Филантропина, несмотря на существенные победы греческого оружия, византийцы смогли установить временный контроль лишь над средним течением Меандра; верховья реки, давно занятые кочевниками, уже были в недосягаемости.[10]

За мятежом и разгромом Филантропина последовала новая волна кочевых набегов. Причину активизации кочевников Пахимер видит в их мести за жестокий разгром союзных Филантропину тюрок. Причем Пахимер, современник этих событий, считал эту новую волну исходной точкой последовавшего вскоре завоевания тюрками восточных провинций «от Понта Эвксинского до Родосского моря».[11] Также и многие современные исследователи вслед за Пахимером расценивают разгром Филантропина как поворотный пункт в позициях византийской власти в анатолийских провинциях. Вероятно, такая интерпретация событий вполне справедлива.[12] Трудно сказать, что именно происходило после 1295 г. в южной анатолийской границе империи. Очевидно,

[7] *Cahen* 1988, 287—288; *Lippard* 1984, 30—31.

[8] *Pachym*., 3:239. 8—26 (κατ᾽ ἀγάπην ἅμα γυναιξὶ μετῳκημένοι καὶ τέκνοις); *Greg*., 1:196. 8—14; *Planud.*, ep. 60, 71, 77, 81, 86, 91, 96, 105—107, 117, 119, 120; *Laiou* 1972, 81—83. Важные добавления из писем Максима Плануда проанализированы в: *Beyer* 1993. Более ранние попытки анализа сведений Плануда: *Laiou* 1978. К датировке событий см. также: *Failler* 1990, 28—37. О судьбах фемы Миласса и Меланудий см.: *Ragia* 2005; *Шукуров* 2017, 196—198.

[9] *Pachym*., 3:211 (VIII. 30); *Laiou* 1972, 79—80.

[10] *Pachym*., 3:251—253; *Laiou* 1972, 82—84; *Korobeinikov* 2014, 264—267, 269.

[11] *Pachym*., 3:257. 10—21.

[12] *Vryonis* 1971, 137; *Laiou* 1972, 85—86.

что положение греков становилось катастрофическим. Именно 1290-е гг. известны как очередной пик кочевой вольницы по всей Анатолии, что, скорее всего, сказалось на усилении кочевого давления на византийские территории по всей линии границы. 29 мая 1296 г. Андроник II решает вновь отправиться на Восток, однако серия землетрясений в июне-июле того года была истолкована как дурной знак, и поход императора не состоялся.[13]

В любом случае все силы империи в 1296—1302 гг., прекратившей в этот период какие-либо активные действия на Балканах, были брошены на спасение Анатолии. Внимание центральной власти с середины 1290-х все более переключается на ближнюю к Константинополю северо-восточную границу в Вифинии, о стратегическом значении которой уже много говорилось. Для самого выживания империи Вифиния была несомненно важнее, чем долины юго-запада Анатолии.

Выход тюрок к Эгейскому морю

Дальнейшие осложнения в Анатолии Пахимер привязывает к 1297 г.[14] В 1298—1299 гг. в Вифинии против тюрок действовал Иоанн Тарханиот, бывший лидер арсенитов, освобожденный из заключения. Он провел важные реформы, призванные укрепить и расширить благосостояние анатолийских прониаров. Было осуществлено так называемое «уравнение» прониарских хозяйств, сводившееся к урезке слишком крупных владений и расширению слишком мелких. Это сразу дало положительные результаты, и анатолийское войско стало расти за счет местных прониаров.[15]

Однако поначалу удачные действия полководца, подробности которых не известны, были нивелированы восстанием части войска, обвинившего Тарханиота в заговоре против императора. Возможно, как утверждает Ф. Тиннефельд, вифинские тюрки, против которых действовал Иоанн Тарханиот, были ранними османами — кочевыми и оседлыми тюрками, объединенными эмиром Османом б. Эртогрулом (1299—1324). Османский эмират, в конце концов уничтоживший Византию, формировался в среднем течении Сангария, возможно, вокруг местности Сёгюд (Söğüt). Как

[13] *Laiou* 1972, 86.
[14] *Pachym*., 3:299. 26 (IX. 30).
[15] *Ostrogorsky* 1954, 103—106; *Laiou* 1972, 88—89.

видно, уже к 1290-м гг. определилось главное направление экспансии османов — на северо-запад от их владений в Вифинию.[16]

Примерно в это же время, ок. 1300 г., в руки тюрок Гермиян перешел важнейший стратегический оплот Триполи на Меандре, который контролировал переход из долины Меандра к Герму, а также какие-то окрестные крепости.[17] Чуть раньше — к 1299 г. — под властью эмира Йакуба б. ʿАли-Шера территории Гермиян распространялись на восток до Анкары включительно. Эмират Гермиян становится наиболее мощным тюркским княжеством в Западной Анатолии, вассалом которого были и тюрки Айдын, а также, возможно, и Османский эмират.[18]

Новые жалобы Пахимера на сложную обстановку в восточных провинциях относятся к 1301 или 1302 г., ко времени перехода на сторону византийцев золотоордынских аланов числом ок. 10—16 тысяч. Эти аланы исповедовали христианство, они были восторженно приняты императором и согласились воевать на стороне византийцев в качестве наемников.[19] Аланы были разделены императором на три группы. Первая вместе с семьями, объединенная с греческим контингентом, была переправлена в Малую Азию у Галлиполи. Вторая группа — в Вифинию как подкрепление войскам Льва Музалона, нового командующего византийскими силами. Третья группа алан сопровождала Михаила IX, сына и соправителя Андроника II, отправившегося в Анатолию весной 1302 г. Первая партия аланов, переправившись через Проливы у Галлиполи, хоть и грабила местное население, но все же вместе с местными греческими отрядами смогла нанести поражение тюркам у Хены.[20] Это означает, что к этому времени кочевники уже вышли на северно-западную оконечность Малой Азии, вероятно, к самой древней Трое. Это косвенно подтверждается и другим отрывком Пахимера, сообщавшим с привязкой примерно к этому времени, что тюрки прорвались и опустошили Геллеспонт.

[16] *Pachym*., 3:285—289 (IX. 25); *Man. Phil.*, 2:8.27—35; *Tinnefeld* 1971. О ранних османах с подробными библиографическими отсылками см.: *Imber* 1995; *Ménage* 1991.
[17] *Pachym.*, 4:469, 475—479 (XI. 23, XI. 25); *Foss* 1979, 299—300; *Жуков* 1988, 23.
[18] *Uzunçarşılı* 1932, 25—44; *Cahen* 1951a; *Varlik* 1974; *Mélikoff* 1991.
[19] *Pachym*., 4:339. 2—3 (X. 16); *Laiou* 1972, 89 f.
[20] Хήν, букв. «гусь», возможно, подразумевается район горы Ида (у древней Трои), которая в XV в. именовалась по-тюркски Kazdağ, «Гусиная гора» (*Canab*., 47.26—48.3).

Что касается второй группы аланов, представлявшей собой элитные части, то они составили ядро войска Михаила IX, проведшего почти два года в Анатолии, с апреля 1302 г. по январь 1304. Михаил IX прибыл вместе с греческими подразделениями в Магнезию на Герме в конце апреля 1302 г. и соединил свои силы с местными греческими отрядами. Ему противостояли тюрки, относившиеся, вероятно, к бейлику Сарухан. Тюрки, озабоченные прибытием столь большого войска во главе с одним из императоров, на время прекратили набеги. Однако Михаил IX не решился дать генеральное сражение тюркам под Магнезией. В результате этого вся долина Герма вскоре была во власти тюрок, а Михаил IX оказался блокированным в Магнезии. Тюрки к этому времени уже овладели некоторыми фортами (χρωμένων τοῖς ὀχυρώμασι τῶν ἐχθρῶν), с опорой на которые они и повели войну против Михаила IX. Местные греки начали дезертировать из войска, поскольку их дома оказались под ударом тюрок. Аланы, нанятые на год, согласились продлить контракт лишь на три месяца, объясняя, что они нуждаются в отдыхе и так долго никогда не воевали. По истечении трех месяцев они покинули Анатолию, переправившись на европейский берег из Лампсака, возможно, зимой 1302/1303 г. На европейской стороне Геллеспонта они столкнулись с войсками великого доместика Алексея Рауля, которому было приказано воспрепятствовать переправе аланов. В последовавшем сражении (вероятно, весна 1303 г.) византийцы были разбиты, а сам Рауль пал на поле битвы.[21]

Тем временем весьма неблагоприятно развивались события и на северной части анатолийской границы. Оборонительная линия по Сангарию к тому времени была давно прорвана тюрками. Находящийся в Вифинии *этериарх* Лев Музалон возглавлял небольшую армию примерно в 2000 человек, из которых около половины были аланы. В связи с провалом экспедиции Михаила IX Пахимер сообщает о наступлении тюрок в Вифинии во главе с эмирами Ἀμούριος, Λαμίσης и Ἀτμᾶν — под Ἀτμᾶν подразумевался родоначальник османской династии эмир Осман I (1281—1326), под Ἀμούριος — некий эмир из Пафлагонии Умур, контролировавший нижнее течение Сангария[22], Λαμίσης до сих пор остается неидентифицированным, но возможно, это был какой-то предводитель тюрок Меандра, скорее всего тюрок ментеше. Весной 1302 г. из-за разлива Сангария и перемены его русла тюрки Умура (Ἀλῆς Ἀμούριος) перешли реку, миновав укрепления, выстроенные Михаилом VIII, и заняли Месонисий, оставленный приграничной охраной.[23] Поначалу тюрки Умура не были враждебны византийцам и не участвовали в набегах эмира Османа в районе Никеи, не нарушая соглашения с византийцами, о котором не известно никаких подробностей.[24] Позже в 1304 г. Умур просил Андроника II подтвердить его власть над оккупированным им Месонисием (тем самым показывая, что готов служить Константинополю), однако соглашение не состоялось, поскольку его люди продолжали грабить и убивать местных греков.[25]

Между тем Осман в союзе с тюрками из Пафлагонии и с Меандра нанесли несколько поражений грекам в мелких стычках в окрестностях Никеи и прорвались в Месофинию (Ализоны). 27 июля 1302 г. войско Османа численностью 5000 человек столкнулось с 2000 византийцев у Вафея (в 5 км северо-восточнее Никомидии) и обратило их в бегство по причине несогласованности действий пехоты и аланской конницы. Грекам удалось укрыться в Никомидии благодаря аланам, прикрывшим их отступление.[26]

[21] *Pachym*., 4:339—347 (X. 16—20); 351—353 (X. 22); *Failler* 1990, 44—53.

[22] По-видимому, это тот Умур (Ömer), дочь которого Мал-хатун была женой эмира Османа и матерью эмира Орхана (преемника Османа I). Он упомянут как тесть Османа в одном из вакуфных документов. См.: *Uzunçarşılı* 1941, 284—285; *Peirce* 1993, 33. Отождествления этого Умура с другими персонажами, известными из восточных нарративных источников того времени (в частности, с эмиром Кастамона ʿАли б. Йавлак-Арсланом), весьма гипотетичны: *Peirce* 1993, 295 n. 16; *Zachariadou* 1977, 63—65; *Korobeinikov* 2004, 103—106.

[23] *Pachym*., 4:363—365 (X. 25); *Failler* 1993. Под Ἀλῆς Ἀμούριος Ирен Бельдичиану понимает перс. и тюрк. *āl-i umūr*, «род Умура», т. е. «потомок Умура». Эта гипотеза не бесспорна, но *āl* «род, семья» лучше объясняет Ἀλῆς, чем общепринятое отождествление Ἀλῆς с арабским именем «ʿАли». См.: *Beldiceanu-Steinherr* 2000a, 431.

[24] Брат Умура Наср ал-Дин (Ναστράτιος), по словам Пахимера, долгое время прожил среди греков в качестве заложника (Pachym., 4:359 (X. 25): παρὰ Ῥωμαίοις ἐπὶ χρόνοις ὁμηρεύσαντι), следовательно, братья не были чужды византийской культуре.

[25] *Pachym*., 4:507 (XII. 1).

[26] *Pachym*., 4:367 (X. 25); *Lindner* 1983, 26; *Beldiceanu-Steinherr* 2003, 368—369 (автор предполагает, что Вафей располагался юго-западнее Никомидии, а именно между Никомидией и долиной Kazıklı, которые связаны старой римской дорогой); *Inalcık* 1993 (Х. Инальджик, сопоставляя данные Пахимера и османской историографии о войнах Османа I, приходит к мысли, что сражение на самом деле могло произойти в 1301 или 1304 г. Однако недатированные османские описания событий, приводимые как аргумент Х. Инальджиком, могут составлять параллель скорее для византийских описаний поражения у Никомидии Андроника III, шедшего на выручку Никеи в 1329 г.).

Хотя потери греков вряд ли были большими, однако неудача Музалона оказалась фатальной для обороны Вифинии, население которой, похоже, разочаровалось в способности Константинополя обеспечить тут безопасность, а тюрок убедила в полной доступности территорий. Именно с этого момента начинается усиленное проникновение тюрок эмира Османа во внутреннюю Вифинию, в которой через несколько лет в руках греков останутся лишь укрепленные города.

Зимой 1303 г. (после дезертирства греков и аланов и, вероятно, под воздействием поражения при Вафее) Михаил IX ушел из Магнезии в Пергам, а позже — в Адрамиттий и в Кизик, за ним потянулись толпы беженцев. Михаил IX вернулся в Константинополь в январе 1304 г.[27] Византийцы к этому времени не контролировали уже и долины Каистра и Герма. Кампания Михаила IX скорее ухудшила ситуацию в Анатолии: теперь тюрки, по утверждениям Григоры, хозяйничали на территориях вплоть до Лесбоса,[28] т. е. по всей Анатолии, включая долины Герма и Каика. Пахимер же сообщает, что огромные земли были потеряны всего в несколько месяцев (ἁπάντων ὀλίγων ἐξαπολωλότων μηνῶν) — бóльшая часть византийской Азии оказалась во власти тюрок, за исключением крупных городов; свободными от кочевников были только территории вокруг Кизика, Лопадия, Пиг и на юг вплоть до Ахирая, а также земли севернее Никомидии, но беда уже стучалась в ворота Никеи и Прусы.[29]

Вместе с тем остававшиеся в руках греков города и форты представляли собой значительный оплот, с которым тюркам приходилось считаться. На это указывает любопытный прецедент, случившийся с Сардами примерно в 1303 г. Окрестные тюрки, испугавшись слухов о грядущей карательной экспедиции монголов в этот регион, заключили соглашение с жителями Сард. Во главе тюрок был некий Ἀλάϊς (ʿAlāʾī, т. е. ʿАлайи) из эмиров Лидии. По договору тюркам была выделена половина городской цитадели, чтобы укрыться от монголов. Однако слухи о монгольской экспедиции не оправдались, и тюрки стали думать о том, как бы овладеть всем городом. Правитель Сард обратился за помощью к византийским войскам в регионе во главе с Ностонгом Дукой, которые неожиданной атакой отбили у тюрок контролируемую ими часть цитадели.[30]

[27] *Failler* 1990, 52—53.
[28] *Greg*., 1:207.10—12.
[29] *Pachym*., 4:369 (X. 26).

Положение усугублялось появлением у тюрок флота: ок. 1302 г. некие тюркские корабли стали опустошать острова на Эгейском море — Киклады, Родос, Карпафос, Самос, Хиос. Скорее всего, это были тюрки Ментеше-огуллары, контролировавшие прибрежные районы и порты Карии и Ликии. Именно к началу XIV в. оформляется территориальная конфигурация эмирата Ментеше с двумя главными центрами в Миласе в Карии и Финике в Ликии. Преемник Ментеше-бега эмир Масʿуд именно в эти годы захватил часть Родоса, однако госпитальеры изгнали его с острова в 1308 г.[31]

Поражения рубежа XIII и XIV вв. вызвали великий исход малоазийского населения (из Лидии, Мизии, Месофинии, Вифинии) на острова Эгейского моря, во Фракию и Константинополь. Кроме того, сельское население бежало в малоазийские укрепленные города, все еще находившиеся под властью греков; это, однако, приводило к тому, что жители городов и беженцы в них терпели большие лишения, поскольку провиант и другие необходимые товары более не поступали из разоренной округи. Великое переселение анатолийских греков зафиксировали как византийские, так и западные авторы. Мунтанер видел на улицах Константинополя толпы беженцев, лишенных каких-либо средств к существованию. Каталонец удивился безразличию константинопольцев к мольбам беженцев о подаянии, посчитав, что «в мире нет людей, более бессердечных к другим», чем константинопольцы. Пахимер подтверждает, что весь город и окрестное побережье были наполнены стенающими беженцами, лишенными средств существования. По всей видимости, ко времени появления каталонской компании в Константинополе в 1303 г. просящие подаяние беженцы стали для местных жителей привычной частью городского ландшафта.[32]

[30] *Pachym*., 4:441—443 (XI. 16); *Foss* 1976, 81—82; *Failler* 1994, 81.
[31] *Pachym*., 4:377.23—27 (X. 29); *Zachariadou* 1983, 6.
[32] *Pachym*., 4:319, 324—325, 327, 335, 336—337, 349, 357.32ff, 369, 388—390, 441; *Muntaner*, 387 (CCIII): «que han la menys charitat de llur prohisme que gents qui sien el sigle»; *Muntaner* 2002, 48—49; *Lefort* 1993, 105; *Beldiceanu-Steinherr* 2003, 368.

Каталонская экспедиция

Провал экспедиции Михаила IX и поражение Музалона знаменовали собой вступление греко-тюркской борьбы в Анатолии в новую фазу. Византийцы стремительно теряли контроль над своими анатолийскими территориями вне городов и фортов, которые им удавалось пока удерживать, опираясь на фортификацию, а также и благодаря общей дезорганизованности и разобщенности противника. Однако это не означало, что византийское присутствие в Анатолии было обречено. У византийцев оставался шанс отвоевать потерянные пространства, развернув контрнаступление с опорой на находившиеся в их распоряжении города и форты. И, казалось, византийцам такой шанс вскоре представился.

Андроник II, во вторую половину своего царствования отчаявшись решить внешние проблемы в Анатолии собственными силами, целиком положился на эфемерные надежды исправить ситуацию с помощью иностранцев. Григора формулирует это довольно резко, говоря, что император грезил об иноземной помощи, не веря более римлянам.[33] Не исключено, что Андроник II (как и его отец) стремился воспроизвести схему, некогда реализованную Алексеем I Комнином. Сходство между положением Византии в конце XI и в конце XIII вв. самоочевидно, и, конечно, современники событий так и видели это. Сначала такую спасительную иностранную помощь Андроник II увидел в аланах; в начале же 1300-х гг. он пытался заручиться помощью Ильханов.[34] В сентябре 1303 г., когда каталонская компания прибыла в Константинополь, император решил, что обрел спасителей в каталонцах.

Деятельность каталонской компании в Византии представляет собой одну из самых трагических страниц в поздневизантийской истории. Рожер де Флор — полунемец и полуитальянец, бывший тамплиерский офицер, пират и предводитель компании наемников — в 1302 г. предложил свои услуги Андронику II, обещая вернуть Анатолию под власть империи. Для себя он просил руки какой-либо родственницы императора и титул *мегадуки* (главнокомандующего византийскими вооруженными силами), а также достойного жалования для своих людей, которых было всего около 6—8 тысяч (пешие альмогавары, тяжелая конница и моряки)

[33] *Greg.*, 1:205.6: «διὸ καὶ συμμαχίας ὑπερορίους ὠνειροπόλει νυκτὸς καὶ ἡμέρας...»

[34] *Pachym.*, 4:441.20—28, 507.14—15, 647.14—25 (XI. 16, XII. 1, XIII. 13); *Коробейников* 1999, 428—473.

помимо их семей и слуг. Несмотря на скромную численность, это была серьезная сила — каталонцы прославились на все Средиземноморье как исключительно умелые воины, и на их услуги был большой спрос. Альмогавары воевали пешими и вооружались лишь коротким копьем и дротиками, а также широким и коротким тесаком. Они проявили высокую эффективность в борьбе с кавалерией (включая тяжеловооруженную), поражая в первую очередь коня, а затем добивая тесаком всадника.

История каталонской компании в Византии на широком фоне дипломатической борьбы в Северном Средиземноморье весьма обстоятельно описывалась у Ангелики Лайу, а последовательность и хронология событий наиболее детально реконструированы у Альбера Файе. Осенью 1303 г. каталонцы переправились в Азию и встали в Атраке (Эрдек), севернее Кизика. Вместе с каталонцами в поход отправились и 500 аланов и некоторое число греков, однако аланы после конфликта с каталонцами вскоре покинули Анатолию. Ко времени высадки каталонцев весь Геллеспонт вплоть до Кизика был в руках тюрок. Как говорил Мунтанер — хроникер каталонской экспедиции — в узких частях Пропонтиды с европейского берега были видны тюрки на азиатской стороне, а угроза тюркского нашествия нависла над самими европейскими провинциями. Византийская Анатолия, как выражался Мунтанер, была занята кочевниками «на 30 дней пути».

Делая вылазки из Атрака, каталонцы отогнали тюрок от Кизика, а в апреле 1304 г. двинулись походом на юг. Каталонцы совершали стремительные броски, иногда на довольно большие расстояния по всей византийской Анатолии. В мае из Ахирая они двинулись на юго-восток через Герме и Хлиару и нанесли серьезное поражение Йакубу б. ʿАли-Шеру, эмиру Гермиян, при Авлаксе. Далее они совершили марш к Филадельфии, с которой сняли осаду тюрок ментеше и айдын, по-видимому, подчинявшихся эмирату Гермиян. Оттуда, повернув на запад, они достигли Магнезии, а из Магнезии вновь через Филадельфию направились в долину Каистра, где под стенами Фиреи (Тире) нанесли еще одно тяжелое поражение тюркам. Из Фиреи каталонцы двинулись в Эфес навстречу прибывающему по морю подкреплению. Окрестности Эфеса находились под постоянной угрозой тюрок; каталонцы нанесли несколько чувствительных поражений кочевникам и заставили их отступить. Однако в этот момент Андроник II, не дав каталонцам закрепить успех, отозвал их назад в Европу.

Причин для отзыва каталонцев было много — это и явное намерение Рожера править самостоятельно в Анатолии (которую каталонцы именовали lo regne del Natuli, «Анатолийское королевство»), это и его не совсем прозрачные для греков контакты со своими бывшими покровителями — королем Арагона Хайме II и сицилийским королем Федериго III. Кроме того, экспедиция каталонцев носила более чем двойственный характер для греческого населения Анатолии. Их успехи сопровождались насилием над местным населением и денежными поборами — под давлением каталонцев Филадельфия, Пиргий, Эфес выплатили значительные суммы денег на обеспечение военной кампании. Византийскую Магнезию они подвергли неудачной осаде на обратном пути из Анатолии в августе или сентябре 1304 г., хотя тут правда была на их стороне, ибо греки отказались вернуть оставленную в городе на сохранение казну компании.[35]

Примерно к октябрю 1304 г. каталонцы переправились в Европу и оккупировали Галлиполи. После убийства Рожера в Адрианополе по приказу Михаила IX (30 апреля 1305 г.) каталонцы в отместку стали опустошать Фракию и Македонию (включая Афон), перешли в Фессалию и в конце концов захватили латинское Афинское княжество (1311), где осели на несколько последующих десятилетий.[36]

Более того, Фракия и окрестности Константинополя впервые оказались объектом атаки анатолийских тюрок. В середине 1305 г. закрепившиеся в Галлиполи каталонцы призвали на помощь около 2000 тюрок из Малой Азии во главе с неким Халилом, региональное или племенное происхождение которого неизвестно. 10 июля 1305 г. малоазийские тюрки участвовали в битве у Апра, в ходе которой еще 1000 туркопулов из византийского войска Михаила IX перешло на сторону каталонцев. Михаил IX потерпел сокрушительное поражение от каталонцев и тюрок и едва остался жив. Битва имела решающее значение: вся Фракия, а позже и Македония на несколько последующих лет становятся объектом непрестанных грабительских набегов каталонцев и тюрок. Фракия превращается в своего рода *удж*, подобный пограничным территориям Анатолии прошлых лет.

[35] *Pachym*., 4:431—531 (каталонская компания в Анатолии), 531—577 (до убийства Рожера де Флора); *Muntaner* 1860, 382—406 (CCI—CCXV); *Muntaner* 2002, 40—76; *Laiou* 1972, 134—242; *Failler* 1990, 53—87.

[36] *Setton* 1975; HC, 3:167—224.

Вместе с каталонцами в марте 1311 г. тюрки участвовали в разгроме Афинского княжества, а после этого отделились от своих союзников и двинулись назад. Туркопулы во главе с неким Меликом отправились в Сербию, а малоазийский контингент во главе с Халилом попросил у Андроника II свободного прохода через Македонию и Фракию и далее в Анатолию. Разрешение от императора было получено, а также и его обещание предоставить корабли для переправы в Азию. Весной 1311 г. тюрки двинулись со всем награбленным добром и семьями к Геллеспонту. Однако византийские войска, сопровождавшие тюрок Халила, уже на заключительной стадии перехода собрались отнять у тюрок их добычу — золото, лошадей и др. Те приготовились к обороне и вызвали подмогу из Западной Анатолии. В последовавшем сражении византийское войско во главе с Михаилом IX, состоявшее в основном из крестьян, разбежалось. В захваченной палатке Михаила IX тюрки нашли императорскую калиптру, украшенную дорогими камнями и нитками жемчуга. Халил надел ее на голову и отпускал насчет царя остроты. Тюрки укрепились в некоей крепости на геллеспонтском Херсонесе, возможно опять в Галлиполи.

Вновь повторилась недавняя история с каталонцами — нарушение греками собственных обещаний, а затем неспособность военной силой усмирить жаждущего мести партнера привели к очередной катастрофе. В последующие месяцы тюрки, получая пополнение из Анатолии, опустошали Фракию, прежде разоренную каталонцами и ими же самими. Лишь через два года (до октября 1313 г.) византийский полководец Фил Палеолог с помощью сербских всадников и греческо-генуэзского флота, который блокировал помощь тюркам с моря, сумел нанести поражение Халилу и осадить его в крепости. Паническая попытка тюрок переправиться в Анатолию закончилась плачевно — византийские и генуэзские моряки часть из них уничтожили, а часть обратили в рабство. Вероятно, что, развивая успех, греческо-сербский контингент высадился в Анатолии, однако последствия этой экспедиции не известны и вряд ли были значительны.[37]

[37] *Pachym.*, 4:591, 599—601 (XII. 29, 32); *Greg*., 1:228—232, 248, 254—258, 265—268; AChil., 205, 206—207 (nº 29); *Schreiner* 1975—1979, 1:194, 2:224—225 (поправки к комментарию П. Шрайнера см. в цитируемой ниже в этой сноске статье Н. Икономидиса); *Muntaner* 1860, 457—458 (CCXILI); *Muntaner* 2002, 150—151; *Laiou* 1972, 166, 232—233; cf.: *Gregoras*, 1:288, 292, 294, 297. Другие упоминания тюрок Халила см.: PLP, №. 30401. Подробности заключительной фазы каталонско-тюркского альянса см.: *Jacoby* 1974, 230—234; *Oikonomidès* 1993.

Потеря Анатолии

Итак, несомненно, что каталонцы нанесли значительный урон тюркским эмирам в Анатолии и продемонстрировали непрочность тюркских побед в регионе. Однако византийская власть не была в состоянии закрепить успех, сколько бы впечатляющим он ни был. Византийцы контролировали только крупные города и крепости, и у них не было сил восстановить пограничную линию и защитить пространства за пределами этих оплотов. Как только каталонская компания покинула Анатолию, тюрки обрушились на византийские территории, казалось, с удвоенной силой. Тюрки не только вновь вернулись в занимаемые ими прежде долины, но и начали активно захватывать города и крепости. Это был конец византийской Анатолии, в которой в последующие десятилетия сохранялись лишь отдельные византийские анклавы. Пахимер констатировал, что все побережье Малой Азии оказалось в руках тюрок, включая земли по Геллеспонту, за исключением береговой линии между Адрамиттием и Фокеей, которая контролировалась генуэзской семьей Заккария.[38]

Из-за скудости источников трудно восстановить в деталях картину происходившего в византийской Анатолии после ухода каталонской компании. До нас дошли лишь отдельные, часто случайные сведения о распространении тюркской власти. Мелкие крепости попадали под власть тюрок раньше крупных городов. Очень скоро после ухода каталонцев византийцы навсегда потеряли долину Каистра. Некий Саса — зять вождя тюрок ментеше, вторгся в долину Каистра и взял Пиргий и Фирею, а 24 октября 1304 или 1305 г. он покорил Эфес; часть жителей были убиты, другие переселены в Фирею. Под властью Сасы оказалась значительная территория, включавшая в себя долину Каистра, Эфес и низовья Меандра вокруг Магнезии и Приены. Через нескоторое время Саса перешел на сторону христиан, однако был разбит и убит тюрками айдын, которые основали тут эмират, просуществовавший более столетия. Вскоре после захвата Эфеса (1307 г.) Мухаммад-бег Айдыноглу захватил Пиргий (Бирги), сформировав ядро эмирата Айдын. К 1317 г. тюрки Айдына завоевали важнейший стратегический порт Смирну.[39]

[38] *Pachym*., 4:609.13—16 (XII. 34); *Cantac*., 1:370; *Balard* 1978, 1:119—121; *Laiou* 1972, 152—153.

[39] *Pachym*., 4:647—649 (XIII.13); *Uzunçarşılı* 1929, 106—145; *Foss* 1979a, 144. Обсуждение даты взятия Эфеса см. также: *Failler* 1996 (не лишены основа-

Чуть позже происходит формирование эмирата Сарухан: ок. 1313 г. Сарухан-бег б. Алпаги покорил Магнезию (Манису), а его брат ʿАли-паша занял Нимфей. Вероятно, тогда же оформляется наиболее северный из эмиратов — Караси, распространившийся со временем от Лампсака до Пергама. Эмиры Караси вели свою родословную от древнего рода Данишмандидов. Возможно, что в сложении эмирата участвовали и некоторые группы христианизированных тюрок, вернувшихся в Анатолию из Добруджи. Довольно скоро эмират был захвачен турками-османами и превращен в одну из провинций Османского государства (1330-е гг.).[40]

В Вифинии в 1306 г. пала Катойкия (Ките) и Велокомис, небольшие форты западнее Прусы, через год защитники Кувуклии между Катойкией и Прусой сдали крепость тюркам эмира Османа. В результате Пруса, оказавшись в полной изоляции, согласилась платить дань тюркам. Судя по церковным документам, к 1318 г. население Прусы резко сократилось и обеднело. 6 апреля 1326 г. после многолетней блокады Пруса наконец пала; в это время во главе турок был уже новый эмир Орхан б. Осман (1324—1362).[41] Никея сдалась эмиру Орхану 2 марта 1331 г.[42] Незадолго до того, в июне 1329 г., Андроник III и великий доместик Иоанн Кантакузин предприняли отчаянную попытку снять блокаду с осажденного города, столь много значившего для византийцев той эпохи, и высадились в Месофинии с войском. Однако император потерпел поражение от Орхана у Пеликана и Филокрина (западнее Никомидии, у Дакивизы). После взятия города тюрки распродали массу захваченных в городе книг, реликвий и церковных ценностей.[43] Очевидцы

ний сомнения А. Файе, предположившего, что взятие Эфеса тюрками относится скорее к 1305, а не к 1304 г.). Об эмире Саса см.: *Lemerle* 1957, 20—26, поправки к интерпретации П. Лемерля см.: *Жуков* 1988, 24—26. О Смирне см.: *Ahrweiler* 1965, 10.

[40] О возникновении и истории эмиратов Сарухан и Караси см.: *Uzunçarşılı* 1929, 58—104; *Жуков* 1988, 26—27; *Zachariadou* 1997; *Cahen & Planhol* 1997; *Zachariadou* 1993; *Beldiceanu-Steinherr & Ganchou* 2006, 74—80.

Возможно, что основатель правящей династии, Сарухан, был одним из хорезмийских эмиров, перешедших на службу к Сельджукам в 1230-х гг.: *Ibn Bibi*, 384; *Ibn Bibi (Duda)*, 181; *Emecen* 1993, 39.

[41] *Pachym*., 4:657.25 ff (Пруса долгое время откупалась от тюрок данью); *Schreiner* 1975—1979, 1:543 (№ 70/II); *Beldiceanu-Steinherr* 2003, 371—373; *Lindner* 1983, 28.

[42] *Schreiner* 1975—1979, 1:654 (101/III); *Greg*., 1:458.12—14.

[43] *Cantac*., 1:341—360; *Greg*., 1:433—436; *Schreiner* 1975—1979, 1:78 (8.21); *Gregoras*, 1:306—307; *Bosch* 1965, 152—156; *Foss* 1996, 84.

вновь констатируют почти полную депопуляцию Никеи в первые годы после завоевания; однако в последующее двадцатилетие население города, включая христианскую общину, постепенно восстановилось.[44] Как и в случае Прусы, население Никеи в период осады и захвата города почти полностью эмигрировало за пределы города, по всей видимости, частью в другие византийские города Анатолии, а частью — в европейские провинции Византии. Османы, овладев богатой и глубоко урбанизированной Вифинией, получили в свое распоряжение мощный экономический ресурс, который несомненно значительно поспособствовал становлению османского эмирата как полноценного государства.[45] С потерей Смирны, Никеи, Магнезии, Нимфея, Эфеса, Сард и других стратегических пунктов в первые десятилетия XIV в. закончилась византийская власть в Анатолии. Судьба оставшихся, стратегически малозначимых анклавов византийцев в Анатолии была предрешена. Единственным крупным владением Византии в материковых районах Западной Анатолии, избежавшим тюркского натиска, оставалась Филадельфия и, вероятно, ряд фортов в ее округе.[46]

Повествования Пахимера и Григоры — наиболее подробные источники для конца XIII в. — наполнены жалобами относительно неудач греков в анатолийских провинциях. Тревога по поводу усугубления положения в восточных провинциях проходит лейтмотивом через повествование обоих авторов. Победы византийских полководцев, а потом и каталонцев представлены как временные и частные успехи, которые не в состоянии изменить господствующую негативную тенденцию. Пахимер и Григора отразили распространенную в обществе того времени озабоченность судьбами византийской Анатолии; современники отдавали себе отчет, что без анатолийских провинций — главного резервуара людского и материального ресурса, империя не выживет. Это, видимо, хорошо понимали и при дворе. Ближайший друг и советник Андроника II, *месадзон* и *великий логофет* Феодор Метохит (1270—1332) был горячим сторонником активной политики империи в Анатолии, осознавая, что потеря азиатских территорий может поставить

[44] *Foss* 1996, 84—86. Многие города Западной Анатолии в последующие десятилетия подверглись в той или иной мере деурбанизации; см., например: *Foss* 1976, 90—92 (Сарды); *Ahrweiler* 1965, 77—78 (Смирна).

[45] *Beldiceanu-Steinherr* 2000; *Lefort* 1993, 101—117. Фундаментальное описание византийской и османской Вифинии см.: *Geyer & Lefort* 2003.

[46] *Ahrweiler* 1984.

империю на грань гибели.[47] Однако все усилия Андроника II исправить положение не давали желаемого результата.

В современной историографии присутствует тенденция в какой-то степени оправдать действия Андроника II в Малой Азии и придать им скорее позитивную окраску (Д. Николь, А. Лайу): потеря анатолийских провинций случилась вопреки его в целом разумным шагам лишь в силу сложившихся обстоятельств. Да, конечно, безопасность анатолийских провинций осознавалась, пожалуй, как главная политическая задача в эпоху Андроника II. Василевс отправлял в Анатолию лучших полководцев и лучшие армии, пытался финансово поддержать бедствующую провинцию, платил несметные деньги наемникам аланам и каталонцам, когда отчаялся в успехе византийского оружия. Походы Алексея Филантропина и Рожера де Флора показали, что тюрки в ту эпоху отнюдь не являлись непреодолимой силой, что грамотно построенная военная кампания против них давала в одночасье весьма впечатляющие результаты. Анатолийские тюрки, наседавшие на византийские владения, по преимуществу были всего лишь кочевниками-скотоводами, которые не могли противостоять регулярной армии, если последняя действовала по правилам военной науки. Проблема Андроника II состояла в его неспособности эффективно властвовать, а именно неумении адекватно оценивать ситуацию и качества тех людей, посредством которых он управлял.[48] История потери византийцами Анатолии — это долгая цепь неудачных, ошибочных решений, это цепь стратегических провалов, которые могут показаться нам (и казались современникам) роковым невезением.

Номадизм на море

После потери византийцами Анатолии в первое десятилетие XIV в. в Восточном Средиземноморье наступила новая эпоха — эпоха тюркского корсарства, так сказать «морского номадизма».

[47] *Laiou* 1972, 78; *Ševčenko* 1975, 46.

[48] Лаоник Халкокондил давал сходную, весьма нелицеприятную оценку правлению Андроника II: *Chalkokondyles* 2014, 1:29; см. также: *Флоринский* 1882, 1:6. Внутренняя политика Андроника II была столь же слабой — девальвация *иперпера*, увеличение налогов и сокращение налоговых льгот совпали с разорением каталонцами наиболее плодородных и густонаселенных европейских территорий во Фракии и Македонии. К списку роковых ошибок императора можно прибавить и его печально известное решение в 1285 г. упразднить византийский флот в целях экономии. См.: *Laiou* 1972, 74—76, 114—116.

Западно-анатолийские тюрки пересели на корабли или же, точнее, взошли на корабли вместе со своими конями. Они продолжили стратегию опустошительных кочевых набегов, но теперь, вооруженные морским флотом, они направили свои атаки на острова Эгейского архипелага. Парадоксальность ситуации заключается как раз в этом — номадический этос набега, воинской победы, и венчающий их захват добычи в виде ценностей и пленников — находят свое воплощение уже не на суше, но на море. Это при том, что тюрки никогда не были «морским народом»; и тогда — в начале XIV в., и впоследствии — в Османскую эпоху они с недоверием и опаской относились к морю. Это парадоксальное перенесение степной ментальности на морские пространства вряд ли изменило базовые степные ментальные структуры тюрок, как это хорошо видно в «Дюстур-намэ» Энвери, включившего в свою хронику эпизированную историю эгейских тюрок Айдын.[49] Моря как значимой, самоценной, самостоятельной стихии не найти в «Дюстур-намэ». Море — это продолжение суши, земной тверди, материализованной корабельной палубой. Или, скорее, море — это пропасть, провал в небытие, через который тюркский герой-степняк переходит по корабельной палубе как по мосту. В этом этос тюркских морских разбойников первой половины XIV в. противоположен этосу средиземноморских «морских наций» — пиратов-европейцев — греков, итальянцев, испанцев, французов, англичан. Тюрки рассматривали острова и прибрежные районы Эгейского моря как *удж*, пограничную землю, пространство воинской доблести и объект грабежа.[50]

Естественно, морской номадизм тюркского типа не был бы возможен без помощи анатолийских греков, инкорпорированных в тюркские западно-анатолийские общества: по всей видимости, преимущественно греки строили корабли и выполняли специфическую морскую работу — функции лоцманов, моряков, корабельной обслуги.[51] В этом сказалась характерная особенность тех ранних тюркских образований, бейликов, которые возникли на густонаселенных византийских землях в конце XIII в. В Эгейских эмиратах, а также в раннем Османском государстве те греки, которые не эмигрировали в Европу, на всех уровнях социальной лестницы от крестьян до местной знати органично встроились в новые структуры, став полноправными членами местных тюркских «племен».[52]

[49] *Mélikoff* 1954.
[50] *Hopwood* 1993, 132—133.
[51] Ср.: *Nicol* 1996, 14.

На сохранение значительного греческого населения на завоеванных тюрками землях в Западной Анатолии в течение ближайших полутора или двух столетий указывают ранние османские документальные источники.[53] По свидетельству информированного доминиканца Брокара (Бурхарда), в первой трети XIV в. в тюркских армиях преобладали купленные и взятые в плен греки, которых отпустили на волю тюркские хозяева;[54] очевидно, что к этим вольноотпущенникам на тюркской службе логично добавить и свободных местных греков. На греческих участников тюркских нашествий на Фракию указывает Пахимер, в частности, под 1305 г., когда компания разбойников, состоявшая из анатолийских тюрок и греков, высадилась во Фракии.[55] Возможно, уже тогда в начале XIV в. греческих участников тюркских отрядов стали называть martolos (مارتلوس), как именовались греческие ренегаты в эпоху османского завоевания Балкан в XIV—XV вв. и позже.[56]

История Эгейских эмиратов и их взаимоотношений с европейскими державами и Византией хорошо изучены в науке, начиная от классических монографий П. Виттека и П. Лемерля, посвященных эмиратам Ментеше и Айдын, и до более поздних работ Э. Захариаду и К. А. Жукова.[57] Как говорилось, уже ок. 1302 г. тюркские корсары из эмирата Ментеше начали набеги на ближайшие к Западной Анатолии острова. В ближайшие годы после разгрома Византии в Западной Анатолии тюркская угроза островам Архипелага нарастает. Главной целью тюркских морских рейдов

[52] *Hopwood* 1993, 129—138. О встраивании греков в тюркский социум на примере раннего Османского эмирата см. также: *Hopwood* 1992. Ср., однако, с критикой К. Имбера ранней историографии Османов, на которую опирался и К. Хопвуд: *Imber* 1993.
[53] *Beldiceanu-Steinherr* 1993.
[54] *Brocardus*, 2:512: «Grecos igitur empticios Vel captivos, quos Variis modis ad suam perfidiam pertraxerunt, libertati dederunt et eis in uxores suas filias tradiderunt».
[55] *Pachym*., 4:643.18: «ἐπιμιξάντων καὶ Ῥωμαίων ἐξ ἀνατολῆς». Типологически сходные примеры известны и из более ранних событий. Так, в XI в. Чага создал флот благодаря грекам (см. выше гл. 3). Как и в случае с Эгейскими эмирами XIV в., создание военного флота не было бы возможным без участия местных кораблестроителей. Хотя, как отмечал К. Хопвуд, создатель флота для айдынского эмира Умура и носил мусульманское имя Ходжа Салман, это не отменяет ни его возможного греческого происхождения, ни участия местных греков в строительстве и обслуживании кораблей (*Hopwood* 1993, 133).
[56] Об этом именовании см.: *Шукуров* 2017, 495, примеч. 350.
[57] *Wittek* 1934; *Lemerle* 1957; *Zachariadou* 1983; *Жуков* 1988.

становятся владения латинян в Северо-Восточном Средиземноморье. Наиболее сильны тут были позиции Венеции, которой принадлежали Негропонт (Эвбея) и Крит, а также ключевые порты в Южном Пелопоннесе — Корон и Модон. Бóльшая часть островов Архипелага контролировалась знатными венецианскими фамилиями: Санудо, обосновавшиеся на Кикладах (Наксос, Андрос, Парос, Милос, Сифнос и др.), Гизи — на Спорадах (Скирос, Скиафос, Скопелос, а также Тинос, Миконос) и т. д. Генуэзцы имели торговые колонии в северной части Архипелага, а в начале XIV в. знатная семья Заккария подчинила себе Хиос, Лесбос, прибрежную Фокею и др. Свои интересы имели в регионе госпитальеры, а также Лузиньяны Кипра, зависевшие от эгейской торговли. Однако наибольшую важность Архипелаг представлял для венецианцев. Поэтому, когда эгейские корсары-тюрки начали набеги на острова, разрушая инфраструктуру торговли и тысячами уводя пленников, понесла урон в первую очередь Венеция.

Тюрки Ментеше, Айдын и Сарухан на время почти парализовали торговлю в регионе. Практически все острова Эгейского моря оказались под ударом, а в начале 1330-х гг. корсары эмирата Айдын доходили вплоть до Мореи и угрожали византийской Мистре. Последние островки византийских материковых территорий в Анатолии также оказались под ударом в эту эпоху. Гермиянский эмир Йакуб-бег и айдынский эмир Мухаммад осадили Филадельфию в 1322 г. Осада длилась год и семь месяцев до тех пор, пока в Филадельфию не прибыл Алексей Филантропин. Андроник II вовремя вспомнил о Филантропине и на этот раз не ошибся. Мы не знаем подробностей о деятельности Филантропина в Филадельфии; однако нет сомнений, что его престиж среди тюрок как непобедимого противника и щедрого союзника был чрезвычайно высок. В результате усилий Филантропина осада была снята, а с тюрками был заключен договор относительно статуса Филадельфии, по которому город выплачивал дань сначала гермиянскому эмиру, а позже, примерно до 1335 г., — айдынскому.[58]

Серьезным препятствием на пути тюрок стало водворение в 1306—1309 гг. Ордена св. Иоанна на Спорадских островах, и в особенности на Родосе, откуда они изгнали тюрок Ментеше. Союзниками же тюрок нередко выступали корсары каталонского княжества в Афинах, сохранившие добрые отношения с ними со

[58] Историю византийской Филадельфии см. в: *Ahrweiler* 1983; *Ahrweiler* 1984, 9—125.

времен совместных набегов на Фракию и Македонию: в период с 1318 по 1331 г. западно-анатолийские тюрки активно участвовали в войне между Венецией и каталонцами на стороне последних. Госпитальеры нанесли на море первый чувствительный удар тюркам Ментеше (1312, 1318, 1320 гг.), в результате которого эмират несколько раз терял свой флот и, казалось, начал склоняться к упадку.

Решающее значение в борьбе против тюркского корсарства сыграла деятельность Священной лиги, созданной усилиями Венеции в сентябре 1332 г., в которую вошли помимо Венеции Византия и Орден госпитальеров, а с 1334 г. и кипрский король Гуго IV (1324—1358). Основной удар Священной лиги пришелся против эмиратов Айдын, Караси и Сарухан. В 1334—1338 гг. участники Лиги многократно топили и сжигали флоты эгейских эмиров, принудили их пойти на мирное соглашение и, более того, вообще воздержаться от постройки новых судов. С этих пор мощь эгейских эмиратов склоняется к упадку, хотя в последующие годы они продолжали оставаться значительной военной силой в регионе. Упадок эгейских тюрок косвенно способствовал быстрому усилению Османского эмирата, не участвовавшего в битвах на море и позиционировавшего себя скорее как материковое государство.[59]

Попытка новой стратегии

Неудачи на анатолийском фронте усугублялись внутренними распрями в империи. Причиной внутреннего кризиса, а потом и гражданской войны была по существу бытовая семейная ссора между Андроником II («Старшим») и его внуком Андроником III («Младшим»), который в 1320 г. оказался повинен в случайном убийстве своего младшего брата Мануила и в последовавшей смерти отца (Михаила IX), убитого горем. После смерти Андроника II его внук Андроник III (1328—1341) стал единоличным правителем. В своих решениях Андроник III опирался на совет своего ближайшего друга и сподвижника Иоанна Кантакузина, возведенного в сан *великого доместика*. Оба главных идеолога империи — Андроник III и Иоанн Кантакузин — многим отличались от Андроника Старшего: они не только были моложе духом, но и значительно изобретательнее, удачливее и прагматичнее,

[59] *Zachariadou* 1983, 3—16, 21—62; *Жуков* 1988, 32—35.

нежели старый император. Андроник III добился определенного успеха в стабилизации положения. Византия начала возвращать потерянные территории в Эгейском регионе, укрепила границу с Болгарией во Фракии, сдерживала сербов в Македонии. Византия наконец вновь обрела военный флот.

Отношение Константинополя к войне Священной лиги с тюрками в Западной Анатолии было двойственным, поскольку тюркские набеги в Архипелаге наносили наибольший урон латинским владениям, но не Византии. Византия поэтому не приняла сколько-нибудь деятельного участия в операциях Священной лиги. Однако было и другое обстоятельство, блокировавшее активность византийцев — уже в заключительной фазе каталонской кампании Византия столкнулась с тюркским пиратством в Геллеспонте и перенесением малоазийскими тюрками тактики набегов на саму Фракию, что непосредственно и весьма чувствительно затрагивало византийцев. Походы тюрок Халила (см. выше) были грозным предвестием будущих походов на европейский берег сначала тюрок эмиратов Караси, Сарухан и Айдын, а затем и османов. Византийцы, вынужденные защищаться на балканском побережье, ресурсом для операций в Анатолии попросту не обладали.

Как видно из повествования Григоры, уже к 1321 г. и Македония, и Фракия становятся объектами частых морских набегов анатолийских тюрок, которые заставили задуматься Андроника II об увеличении налогов для постройки нового флота, содержания войска в Европе и в Вифинии, а также для дани тюркам.[60] В ноябре 1326 г. Андроник III и Кантакузин отбили набег тюрок на Фракию, о котором сохранилось довольно смутное сообщение самого Кантакузина.[61] Присутствие малоазийских пиратов в Геллеспонте зафиксировано для 1328 г.[62] Трудно сказать, что за тюрки атакуют Фракию в этот период. Наиболее вероятна привязка этих походов к эмирату Караси, однако не исключено, что в них участвовали и тюрки Сарухан и Айдын.

Таким образом, Андроник III и Иоанн Кантакузин приняли ограниченное участие в Священной лиге и в последующих акциях латинян против тюрок. Тем более что объективно грекам было на руку ослабление тюрками латинян Архипелага. Одновременно с этим византийцы искали пути оптимизации обороны Фракии

[60] *Greg.*, 1:302, 317, 351
[61] *Cantac.*, 1:206—207; *Kantakuzenos*, 1:277, Anm. 288.
[62] *Шукуров* 2017, 201—204.

от тюркских налетчиков. С одной стороны, увеличилась превентивная военная активность византийцев, как, например, в 1325 г., когда *великий доместик* Кантакузин совершил поход против тюрок в Малую Азию, скорее всего против эмирата Караси, более всего досаждавшего империи.[63] С другой стороны, параллельно с военным противодействием Андроник III и Иоанн Кантакузин пытаются сменить тактику во взаимоотношениях с варварами — привлечь хотя бы некоторых из них к союзу с империей.

Попытки наладить контакт с эгейскими тюрками активизировались с началом единоличного правления Андроника III, когда он стал пытаться упорядочить дела в Эгейском регионе, ситуация в котором продолжала оставаться неуправляемой. Идея заключалась в том, чтобы, используя где-то силу, а где-то дипломатию, блокировать нарастающее давление тюрок на Фракию и эгейские островные владения империи, а также вернуть казне доходы с тех анатолийских территорий, которые Византия еще была в состоянии удерживать. В выстраивании этой программы несомненно активное участие принял *великий доместик* Иоанн Кантакузин.

В конце 1328 г. в Пигах император заключил мирный договор с эмиром Караси Тимур-ханом. Иоанн Кантакузин подробно описывает самоуничижение тюркского эмира при личной встрече с императором, демонстрацию им почтения и лояльности по отношению к василевсу.[64] Осенью 1329 г. Андроник III с флотом отправился к Хиосу, находившемуся по договору с греками в руках генуэзской семьи Заккария, чтобы вернуть остров и некоторые малоазийские земли, контролировавшиеся генуэзцами, под власть Константинополя. Экспедиция была удачной, был взят Хиос, а также Новая Фокея, находившаяся под властью генуэзца Андреоло Каттанео. Более того, в Старой Фокее произошла встреча между Андроником III и эмиром Сарухан-бегом, заинтересованным в ослаблении Заккария. К императору прибыли посланцы и айдынского эмира Мухаммад-бега.[65] Таким образом, в 1328—1329 гг. византийцы пытаются выстроить некий защитный дипломатический конструкт в западной части Малой Азии: признавая де факто легитимность эмиров Айдын, Сарухан и Караси, византийские власти стремились превратить их в союзные княжества, своего

[63] *Zachariadou* 1983, 37; *Nicol* 1968, 39, 37 n. 5; *Nicol* 1996, 23—24.
[64] *Cantac.*, 1:339—340; *Шукуров* 2017, 302—305.
[65] *Cantac.*, 1:388; *Zachariadou* 1983, 16—17, 31; *Жуков* 1988, 29. См. также: *Vismara* 1968.

рода буфер по отношению к потенциальной угрозе из внутренней Анатолии, а также противовес латинскому присутствию в Эгейском море.[66]

Такая стратегия, надо полагать, была единственно возможной в тех условиях. Кризис власти Андроника II и сопровождавшая его вялая гражданская война в 1320—1328 гг. имели результатом административный и военный паралич государственной машины. Разорение Фракии и Македонии внешними нашествиями и стычки между Андроником II и его внуком Андроником III поставили экономику на грань коллапса, исчерпали источники как денежных средств, так и человеческих ресурсов. Политика союзов с анатолийскими эмирами, к которой перешли Андроник III и Иоанн Кантакузин, дала положительные результаты, однако реальность оказалась много сложней, чем проекты византийских стратегов.

Несмотря на мирные соглашения с эмиратами Айдын, Сарухан и Караси, в 1329 г. тюрки высаживаются у устья Марицы и опустошают окрестные города.[67] Ранним летом 1330 г. тюрки атаковали Фракию, только часть из них была застигнута на обратном пути к морю греками и уничтожена.[68] Дело в том, что молодые сыновья эмиров Айдын и Сарухан (Умур-бег и Тимур-хан) не собирались соблюдать договоры с греками, заключенные их отцами, и вновь начали набеги на византийские территории. В 1330 г. тюрки Умура атаковали Лесбос. В августе 1331 г. молодые эмиры высадились во Фракии (Пору), однако в результате переговоров (которые, между прочим, велись на греческом языке) тюрки сели на корабли и вернулись в Азию.[69] В феврале 1334 г. Умур и тюрки Сарухан атаковали византийские владения в Морее.[70] Однако, как представляется, не только молодые эмиры Айдын и Сарухан участвовали в разграблении Фракии. По всей видимости, в набеги на европейские владения империи подключились и эмиры Караси.

В описаниях последующих набегов на Фракию и Македонию византийские источники, как правило, не сообщают о территориальной принадлежности тюркских пиратов. В начале того же 1334 г. некие тюрки атаковали Фракию, разделившись на две колонны — одна грабила район Редесто, а другая — окрестности Поливота (Кешан); под Редесто (Текирдаг) император одержал победу, но бывшие у Поливота тюрки успели уплыть в Азию, заслышав о приближении византийской армии.[71] Летом того же 1334 г. тюркские пираты на 60 кораблях атаковали Халкидику, но были разгромлены императором и великим доместиком.[72] Трудно сказать, кто были эти тюрки, разорявшие византийский берег — они могли быть корсарами из Караси, Сарухан или Айдын, или же какая-либо независимая «компания» бойцов (см. об этом ниже).[73] Ситуация усугублялась продолжавшимися разбойными набегами тюрко-монголов Золотой Орды, о которых уже говорилось выше в главе 2. Причем анатолийские и золотоордынские налеты иногда совпадали по времени, а иногда нет. В результате в византийской Фракии почти без перерыва орудовали грабительские банды.

Однако Андроник III и Иоанн Кантакузин продолжали следовать избранной стратегии. В мае 1335 г. Андроник III предпринимает поход к анатолийскому побережью, поскольку правитель Новой Фокеи генуэзец Доменико Каттанео в период активных действий Священной лиги отложился от Константинополя, а в 1333 г. еще и подчинил Лесбос. Оставив Алексея Филантропина осаждать Митилену, император высадился на малоазийском побережье у Новой Фокеи. В ходе кампании против генуэзцев Андроник III и Иоанн Кантакузин встречались с айдынским эмиром Умуром и его братьями Хизром и Сулайманом. Между Византией и эмиратом Айдын был заключен союз, возможно, закрепленный передачей тюркам некоторых налогов с Хиоса; Умур-бег в ответ перестал взимать дань с Филадельфии.[74]

Василевс и *великий доместик* нашли в айдынском эмире Умуре-беге верного союзника, однако это не остановило разорительные походы эмирата Караси на Фракию и Македонию, которые превратились в обыденность и продолжались с большей или меньшей частотой по крайней мере до начала 1350-х гг. Фракия превратилась по существу в «акритскую» землю (по-тюркски, *удж*), типологически сходную с пограничными зонами между оседлыми

[66] Еще В. Паризо предположил, что целью этих союзов Андроника III и западно-анатолийских эмиров было совместное противостояние нараставшей угрозе со стороны Османского эмирата (*Parisot* 1845, 132). Эта трактовка позже переходила из одного исследования в другое, однако она вряд ли правомерна: Османский эмират в ту эпоху не представлял существенной угрозы ни для западно-анатолийских тюрок, ни для Византии (см.: *Nicol* 1996, 173).

[67] *Cantac.*, 1:390; *Флоринский* 1882, 1:38.

[68] *Cantac.*, 1:427.

[69] *Cantac.*, 1:470—473; *Lemerle* 1957, 72—74; *Флоринский* 1882, 1:45.

[70] *Zachariadou* 1983, 23.

[71] *Cantac.*, 1:435—436.

[72] *Cantac.*, 1:470—473.

[73] См. также: *Zachariadou* 1983, 37—38.

[74] *Cantac.*, 1:479—495, особенно, 482—483; *Greg.*, 1:525—536; *Zachariadou* 1983, 38—40; *Жуков* 1988, 36—37; *Флоринский* 1882, 1:46—50.

и кочевыми территориями, которые мы уже видели в Анатолии в XI—XIII вв. Причем многочисленные набеги на фракийское «пограничье» совершались в большинстве случаев не отрядами централизованных эгейских эмиратов, но скорее свободными пиратскими «компаниями», имеющими единственную цель — грабеж все еще богатых византийских сел. Децентрализованный характер тюркских рейдов на Фракию, их полная непредсказуемость и неожиданность чрезвычайно осложняли борьбу с ними.[75]

Не исключено, что вплоть до 1370-х гг. какая-то часть Фракии контролировалась независимыми тюркскими командирами (*беям*) таких вольных разбойничьих компаний. Конец разбойничьей вольнице положил османский эмир Мурад I, подчинивший их себе.[76]

Союзные тюрки

Беспрецедентная активность западно-анатолийских тюрок, а также стремление византийцев ею манипулировать привели к еще одному, вполне логичному, но весьма небезопасному результату. Греки, во-первых, еще в больших масштабах стали пользоваться тюркскими наемниками и союзниками для борьбы с сербами и болгарами, а во-вторых, стали вовлекать тюрок и во внутренние распри в империи.

Идея использовать анатолийских тюрок против мятежников, возможно, принадлежала Андронику II — в 1322 г. он направил войско, состоявшее из византийцев и тюрок, против Андроника III. В последовавшем сражении между Силимврией и Цурулом силы Андроника III и Кантакузина разгромили греко-тюркское воинство. Неизвестно, кто были эти тюрки — из анатолийских эмиратов или же независимые компании наемников. Тюркские контингенты стали активно использоваться в гражданских распрях между Андроником II и его внуком Андроником III в 1321—1328 гг.

Участие тюрок в гражданских распрях особенно усилилось после смерти Андроника III в 1341 г., когда императором был провозглашен его несовершеннолетний сын Иоанн V Палеолог. Иоанн Кантакузин поначалу стал регентом Иоанна, чему вскоре активно воспротивились *великий дука* Алексей Апокавк, патриарх Иоанн и Анна Савойская — мать василевса и жена Андроника.

[75] Подробнее см. в: *Шукуров* 2017, 203—206.
[76] *Beldiceanu-Steinherr* 1965.

В ответ на нападки соперников 26 октября 1341 г. Иоанн Кантакузин согласился на провозглашение его императором. В империи развернулись военные действия между сторонами, длившиеся до 1347 г., когда Кантакузин разгромил противников и вошел в Константинополь. В результате компромисса Иоанн VI Кантакузин и Иоанн V Палеолог стали соправителями, причем с сохранением реальной власти за первым из них. Однако мир длился недолго — в 1352 г. Иоанн V восстал против сложившегося режима, империя вновь до 1354 г. погрузилась в пучину внутренней распри.

Как в войне между Иоанном Кантакузином и Анной Савойской в 1341—1347 гг., так и в борьбе между Иоанном VI Кантакузином и Иоанном V Палеологом в 1352—1354 гг. тюркские наемники привлекались обеими сторонами. Как видно, сама идея найма тюрок во внутренних распрях витала в умах всех противоборствующих партий и в конечном итоге представлялась им вполне естественной и закономерной. Несомненно, что главной причиной привлечения тюркской военной силы оказался демографический кризис в Византии. В силу сокращения территории и особенно потери густонаселенных анатолийских провинций, разорения Фракии и частичной потери Македонии Византии все больше не доставало «человеческого материала», людских ресурсов.[77]

Логика же наемных тюрок также вполне прозрачна. Они не только стремились обогатиться за счет оговоренных выплат со стороны нанимателя и грабежа вражеской территории проигравшей стороны. Анатолийские тюрки продолжали рассматривать Византию как старшего партнера, служба которому почетна и престижна. Тюрки продолжали испытывать глубокий пиетет по отношению к будто бы обессилившему противнику. При очных встречах василевса и тюркских эмиров продолжал соблюдаться старый церемониал: эмир и его подданные совершали *проскинесис* и целование ног самодержца. Такого рода церемонии известны нам для встреч Андроника III с эмиром Караси Тимур-ханом (1328 г.), с саруханским эмиром в Фокее (1329 г.), сыновьями айдынского эмира в 1335 гг., а также Иоанна Кантакузина с тюркскими пиратами летом 1348 г.[78]

Причем с разными тюркскими эмирами византийские государи могли развивать разные уровни отношений. Наиболее простая и распространенная схема — «государь и его подданный», пред-

[77] *Шукуров* 2017, 199—201.
[78] Подробнее: Там же, 302—305.

полагавшая *проскинесис* и целование ноги императора. Другая схема развивалась в отношениях между Иоанном Кантакузином и айдынским эмиром Умур-бегом (1334—1348) — «старший и младший государи», «старший и младший брат», «друзья».[79] Подчеркну, что даже враждебные тюрки демонстрировали свое верноподданство, признавая василевса своим государем. Возможно, именно эта особенность психологии тюрок в их отношениях с византийцами и подвела греков, для которых тюрки представлялись не более чем послушным орудием их политической воли.

Дружба Кантакузина с Умур-бегом завязалась через переписку около 1331 г., после неудачного нападения Умур-бега на Фракию. Личная встреча в Клазоменах в 1335 г., продолжавшаяся 4 дня, окончательно расположила их друг к другу. Более десятилетия начиная с 1336 г. айдынские союзники во главе с Умуром, как флот, так и сухопутные части, активно воюют на стороне византийцев против албанцев, болгар и, возможно, золотоордынцев. После смерти Андроника III тюрки Умура вплоть до 1345 г. активно участвовали в гражданской войне на стороне Иоанна Кантакузина. Позже Умур-бег, занятый борьбой со Священной Лигой, лично не участвовал в кампаниях Кантакузина, но продолжал присылать воинские контингенты. Именно помощь Умура в 1341—1343 гг. позволила Кантакузину избежать разгрома и полного краха его политической карьеры.[80]

Однако Умур-бег был далеко не единственным тюркским участником в византийских гражданских войнах. Северо-Западная Анатолия рассматривалась всеми византийскими противоборствующими партиями как резервуар наемной военной силы. Надежно идентифицировать этих тюрок удается не всегда — нередко источники именуют их просто «персы» без более точных указаний на их принадлежность к тому или иному эмирату. Иоанн Кантакузин, помимо помощи Умура, пользовался также услугами Сулаймана из эмирата Караси, эмира Гермиян, тюрками эмирата Сарухан. Однако наиболее действенными помощниками Кантакузина после Умура были тюрки османского эмирата, которые и обеспечили ему победу в гражданской войне на заключительном ее этапе в 1346—1347 гг. (Подробнее об этом будет сказано ниже.) Услугами тюркских удальцов широко пользовались и противники Кантакузина. Весной 1343 г. Апокавк распоряжался тюркским

[79] *Шукуров* 2017, 305—306.
[80] Там же, 200—201.

флотом и сухопутной силой под командованием некоего Хурма-бега (Ἀρμόπακις). В том же 1343 г. против Кантакузина под Веррией действовали тюркские войска, нанятые Константинополем. В 1347 г. за императрицу Анну Савойскую воевали тюрки из эмирата Сарухан.[81]

Следует отметить парадоксальность ситуации, которая сложилась во фракийском «пограничье»: тюркские пиратские «компании», грабившие территории, могли быть и бывшими союзниками той или иной византийской партии. Так, Кантакузин, рассказывая о грабительском набеге тюрок в 1348 г. и его попытке с ними договориться, отмечает, что он был знаком с этими тюрками, которые когда-то были его союзниками.[82] Этот эпизод напоминает об этосе пограничья, где дружба и вражда — категории относительные. Это еще одно подтверждение того, что анатолийские тюрки, совершавшие набеги на Балканы, часто были временными «компаниями» воинов — искателей приключений, не имевших каких-то определенных связей с тем или иным анатолийским правителем. Их походы во Фракию были скорее удалыми набегами, нацеленными лишь на грабеж, но отнюдь не являлись частью некоего сложного завоевательного плана каких-то анатолийских политических стратегов.

Тюркские контингенты, служившие той или иной стороне, практически постоянно находились на византийской территории. Причем участие союзных тюрок в военных действиях неизбежно влекло за собой разорение тюрками территорий, лояльных противной партии, — а именно, ограбление и обращение в рабство местного населения. Грабежом, согласно законам войны, занимался даже Умур-бег, наиболее лояльный тюркский союзник византийцев.[83]

Примечательно то, что положение империи в начале XIV в. в отношении тюркской угрозы во многом совпадало с ситуацией последних десятилетий XI в., когда Балканы находились во власти латинян и печенегов, а Анатолия, казалось, навсегда потеряна. Как и в XIV в., в конце XI в. временами сфера полноценного контроля византийской власти сужалась до самого Константинополя и ближайшей округи. Точно так же Алексей I активно набирал в свою армию как анатолийских, так и балканских тюрок. Точно так же

[81] *Шукуров* 2017, 201—202.
[82] *Cantac*., 3:65.10—12.
[83] *Шукуров* 2017, 208.

правительство Алексея I столкнулось с бюджетным коллапсом, вызванным дезорганизацией административной машины, — в какой-то момент у Алексея I хватало денег на содержание лишь нескольких сотен воинов. Параллелизм в обеих ситуациях самоочевиден. Однако, в отличие от византийских правителей XIV в., Алексею I Комнину удалось за почти 40-летнее правление шаг за шагом стабилизировать ситуацию, отбить обширные плацдармы в Анатолии и практически полностью нивелировать тюркскую и латинскую угрозы Балканам. Почему Андронику II, Андронику III и Иоанну Кантакузину не удалось повторить чуда Алексея I? Дело не только в различии масштабов этих личностей; дело и в том, что византийское общество эпохи Алексея I было много более консолидированным внутри, обладало волей к борьбе и победе.

При этом эффективность тюркских армий в ту эпоху в сравнении с войсками греков и латинян продолжала оставаться весьма низкой. Это показывает и история морской войны в Эгейском море между эгейскими тюрками и латинянами, в которой немногочисленные флоты латинян громили армады тюрок, состоявшие из сотен судов. Это показывает и опыт византийских сухопутных операций от побед Филантропина и успеха каталонцев в Малой Азии до сражений, данных им Кантакузином. Тюркам удалось выдавить византийцев из Анатолии и нанести столь большой урон во Фракии лишь благодаря дезорганизации и бесталанности самой византийской власти. А история на этот раз не дала грекам шанса исправить свои ошибки и неблагоприятные стечения обстоятельств.

Можно говорить о некоем психологическом надломе в самом византийском сознании первой половины XIV в., о его моральном разложении, признаками которого были не прекращавшаяся вражда между членами правящего дома Палеологов, готовность разрешать внутрисемейные споры силой оружия, разжигание элитой низменных инстинктов у народа в угоду сиюминутной политической выгоде (что особенно ярко проявилось в деятельности Апокавка[84]). Немалый моральный урон наносили и бесконечные грабежи тюрок, навлекавшиеся на население противоборствующими партиями. Более того, можно думать, что в числе привлеченных из Анатолии тюрок были и анатолийские греки, что только усугубляло кризис и отмеченный надлом в византийской идентичности.

[84] *Matschke* 1981, 133—168.

Османский друг

Ранняя история взаимоотношений Османского эмирата и Византии является продолжением предыдущей темы тюркских союзников.[85] Османы активно вовлекались во внутренние распри в Византии всеми противоборствующими сторонами. Первые мирные контакты с османами восходят ко времени завоевания ими Вифинии, вскоре после поражения греков при Пеликане и Филокрине в 1329 г. В 1333 г. Андроник III после падения Никеи и начала осады Никомидии османами заключил с эмиром Орханом мирный договор, по которому османы гарантировали безопасность Никомидии и других городов Мисофинии. Попытка османов атаковать пригороды Константинополя в конце лета 1337 г. завершилась их полным разгромом, несмотря на то что тюрки имели многократное численное преимущество. Тем не менее османы были полны решимости, и в 1338 г. Орхан покоряет Никомидию, тем самым открыв для тюрок древний путь на Константинополь из Анатолии, последней стратегической твердыней на котором и была Никомидия. Однако только после смерти Андроника III Кантакузин смог заключить мирное соглашение с Орханом в 1341 г., а полноценный договор между Кантакузином и Орханом был заключен зимой 1344/1345 г. С этого момента османская военная помощь Кантакузину становится постоянной, во Фракии высаживаются османские контингенты. Именно с помощью воинов Орхана Кантакузину удалось нанести решающее поражение политическим соперникам.[86]

Причем с самого начала эмир Орхан предложил особую модель отношений с Андроником III и Иоанном VI Кантакузином, которая предполагала равенство партнеров. Османы с самого начала отказались следовать устоявшемуся дипломатическому протоколу, который ставил бы их ниже византийских самодержцев.[87]

Союз с Орханом был закреплен женитьбой эмира Орхана на Феодоре, дочери Кантакузина, ранним летом 1346 г. Рассказ о замужестве дочери Кантакузин предваряет пространными объяснениями, весьма похожими на оправдание. Главная идея пассажа заключается в следующем. Инициатива брачного союза исходила от Орхана, приславшего по этому поводу посольство к Кантакузину.

[85] Очерк ранней истории Османского эмирата см.: *Lindner* 2009, 129—137.
[86] *Шукуров* 2017, 208—210.
[87] *Шукуров* 2017, 306—308.

Кантакузин не дал однозначного ответа, но решил прежде посоветоваться с приближенными и почему-то с айдынским эмиром Умуром. Остается не вполне понятным, при чем здесь был Умур-бег и почему именно его мнение было столь важным для Кантакузина. Как приближенные (не именованные Кантакузином), так и Умур выступили за заключение брака. Причем наиболее подробно переданы увещевания именно Умура, который, в частности, упоминает, что и прежде византийские правители выдавали собственных дочерей за скифов и других варваров ради «пользы подданных» империи.[88] Одним словом, в изложении Кантакузина получается, что он и не собирался выдавать дочь за Орхана, но лишь доверился советам, главный из которых исходил от варвара-перса. Однако, как представляется, правы современные исследователи, считающие, что инициатором брачного союза, скорее всего, был сам Кантакузин, который опасался сближения между Анной Савойской и Орханом.[89]

Небезынтересен и другой слух — Орхан, по словам Григоры, был без ума влюблен в Феодору, хотя и знал ее лишь по людской молве.[90] Феодора действительно славилась красотой. Однако не исключено все же, что это была лишь гипербола Григоры, не жалевшего риторических средств, чтобы подчеркнуть всю неестественность такого брака.

О Феодоре рассказывали еще одну историю. За несколько лет до того Кантакузин предложил своему другу Умур-бегу жениться на одной из его дочерей; Умур-бег, однако, смутился и отказался, ибо он считал Кантакузина своим братом, а на дочерях брата, по мусульманским законам, жениться нельзя. Тогда сама Феодора, встретив Умур-бега на охоте, призналась эмиру в любви и предложила ему себя в жены, что также было с негодованием отвергнуто эмиром.[91]

Феодору все-таки выдали замуж за варвара — за эмира Орхана. Первая часть свадебной церемонии проходила под Силимврией при участии представителей Орхана. Церемония была построена в согласии с византийскими обычаями и следовала протоколу так называемого *прокипсиса* (πρόκυψις). В назначенный час Феодора взошла на платформу (именуемую *прокипсис*), скрытая

[88] *Cantac.*, 2:586.8—587.8: «πρὸς τὸ λυσιτελοῦν τοῖς ὑπηκόοις».
[89] См., например: *Флоринский* 1882, 1:81; *Nicol* 1996, 77.
[90] *Greg.*, 2:763.5—6: «ἐραστὴν ἐκ μόνης γενέσθαι τῆς ἀκοῆς».
[91] *Mélikoff* 1954, ver. 1775—1810; *Nicol* 1968, 134 (№ 29).

от зрителей шелковыми и златотканными занавесями. Затем занавеси распахнулись, присутствовавшие увидели невесту, справа и слева от нее коленопреклоненные евнухи зажгли в руках лампады, зазвучала музыка. Присутствующие возгласили славословия Феодоре. После завершения празднеств Феодора отправилась на территорию Османского эмирата к своему жениху.[92]

Случай Феодоры был беспрецедентным в том смысле, что замужем за анатолийским тюрком оказалась именно императорская дочь. Замужество Феодоры, хотя и было неканоническим, не вызвало никаких протестов со стороны Церкви, которая начиная с XII в. строго запрещала браки между мусульманами и христианами. Как отметил Дональд Николь, несколькими десятилетиями раньше брак пятилетней дочери Андроника II Симонии с сербским государем Стефаном Милутиным (1281—1320), которому было за сорок, вызвал резкую негативную реакцию патриархата. Однако в случае Феодоры Церковь понимающе промолчала.[93]

Брак между Орханом и Феодорой не положил, однако, конец тюркским набегам на византийскую территорию. Пиратские компании тюрок продолжали опустошать Македонию и Фракию. По всей видимости, Орхан, подчинивший себе к тому времени значительную часть Пропонтиды (включая земли эмирата Караси), был не в состоянии блокировать для других тюрок подходы к византийским владениям.

Османский враг

Военный союз с Орханом, послуживший победе Кантакузина в гражданской войне, вскоре перестал давать желаемые результаты. В 1348 г. Кантакузин решает положить конец ширящейся сербской экспансии. Завоевания сербского короля Стефана Душана (1331—1355), начавшиеся в 1342 г., распространили сербскую власть на значительные территории — практически на всю Македонию вплоть до Хрисопольских ворот за исключением Фессалоники, а также на Янину, Этолию, Акарнанию и южную часть Эпира. Прибывшие более 10 тысяч турок во главе с Сулейманом, сыном Орхана, объединились с Матфеем — сыном Кантакузина и

[92] Весь отрывок, касающийся замужества Феодоры: *Cantac.*, 2:585—589; см. также: *Шукуров* 2017, 308.
[93] *Nicol* 1996, 174; *Шукуров* 2017, 309.

правителем Западной Фракии. Однако тюрки, лишь пройдя через Хрисопольские ворота, отказались воевать дальше и стали грабить территорию, которую должны были освободить от сербов, и захватывать в рабство местных жителей. Ими был взят и начисто разграблен городок Мигдоний. Вместе с богатой добычей и многочисленными пленными тюрки вернулись в Азию.[94]

История повторилась и в следующем — в 1349-м г., когда Кантакузин двинулся на помощь осажденной сербами Фессалонике. 20 тысяч всадников во главе с тем же Сулейманом, только достигнув сербской границы, повернули назад, а на обратном пути совершили набег на Болгарию. С добычей они вернулись в Анатолию. Кантакузину, однако, тогда удалось снять сербскую блокаду Фессалоники, в которой незадолго до того были ниспровергнуты зилоты и власть перешла к стороннику Кантакузина Алексею Метохиту. Помогли Кантакузину другие тюрки — компания пиратов на 22 судах, находившаяся в устье Стримона (Струмицы).[95] Эта же тюркская компания участвовала в захвате Кантакузином у сербов Веррии в начале 1350 г.[96]

Именно в это время между Кантакузином и Орханом назрело отчуждение. Турки не собирались исполнять взятых на себя обещаний и совершали грабительские походы на византийские территории. Турки превратились в самостоятельную силу на Балканах, существенно корректирующую расстановку сил. Никифор Григора, ясно увидев это, объяснял, что турки стали считать себя «господами Фракии» и разорением территорий во Фракии и Македонии принуждали греков, сербов и болгар начать выплачивать им дань. Поскольку местные государи пока не восприняли всерьез эти претензии Орхана, то грабежи продолжались, а турецкие контингенты перестали покидать Фракию, стремясь закрепиться в захваченных стратегических точках.[97]

В 1351 г. Стефан Душан, желая остановить греков, отбивших у него часть Македонии, а также и обезопасить себя от турок, предложил эмиру Орхану союз, скрепить который должен был брак одной из дочерей сербского короля с сыном эмира. Соглашение было заключено, и к сербам отправилось турецкое посольство с дарами. На обратном пути к Орхану, уже у самого Мраморного моря у Редесто, посольство было перехвачено деспотом Никифором Орсини, зятем Кантакузина. Часть посольства была перебита, а часть — захвачена в плен.[98] Разгневанный Орхан выслал своих сыновей разграбить Фракию, а сам встал в Халкидоне и потребовал возвращения пленников и даров; его сыновья, ограбив не только византийскую Фракию, но и южные болгарские земли, вернулись с большой добычей.[99]

[94] *Cantac*., 3:32; *Beldiceanu-Steinherr* 2005/2006.
[95] *Cantac.*, 3:111—117.
[96] *Cantac*., 3:119—120.
[97] *Greg*., 3:118.19—119.7; *Григора*, 3:98.

Логическим продолжением все более выраженной антивизантийской политики турок стала и их позиция в венецианско-генуэзской войне (1350—1355), в которой Кантакузин принял сторону Венеции, а эмир Орхан вступил в соглашение с генуэзцами. Личное обращение Кантакузина к Орхану не дало результатов, тот остался на стороне генуэзцев и прислал им вспомогательные войска.[100]

Вскоре разразилась новая гражданская война. Иоанн V Палеолог завел интриги с сербским королем и венецианцами и, получив Дидимотих в качестве удела от Иоанна VI, рассорился с сыном последнего Матфеем Кантакузином, правившим в Адрианополе. Осенью 1352 г. Иоанн V вошел в Адрианополь, в цитадели которого заперся Матфей. Кантакузин располагал личной гвардией из 500 каталонцев — бывших венецианских наемников, теперь нищенствовавших в Константинополе, — и тюрками Орхана во главе с Сулейманом.[101] Причем на стороне Иоанна V Палеолога воевала тюркская компания пиратов, незадолго до того поселенная Кантакузином в прибрежной крепости Чимпа у византийского городка Вранхиалион (совр. Болайир).[102] События напоминали прежние гражданские войны: Кантакузин следовал тем же моделям, что и в борьбе с Анной Савойской. Каталонцы и турки Сулеймана отогнали Иоанна V от Адрианополя и вернули другие отложившиеся от Матфея города, подвергая их разорению и грабежу. На сторону Иоанна V Палеолога встали Стефан Душан и болгарский царь Иван Александр, однако в открытом сражении греки и сербы у Дидимотиха потерпели жестокое поражение от

[98] *Григора*, 3:83—84. *Greg.*, 3:XXVI.34;
[99] *Григора*, 3:97—98; *Greg.*, 3:XXVI.52—54.
[100] *Luttrell* 1993, 122—123; *Pilat & Cristea* 2018, 36—38.
[101] *Григора*, 3:123—126; *Greg.*, 3:XXVII.27—30.
[102] *Cantac.*, 3:242. В литературе встречается мнение, что крепость уже тогда была занята тюрками Орхана (см., например: *Флоринский* 1882, 1:124; *Gregoras*, 5:331 Anm. 318). Однако, если учесть, что тюрки Чимпе выступили против Матфея Кантакузина, союзника Орхана, то следует скорее предположить, что они на самом деле представляли собой еще одну компанию тюркских пиратов, готовых служить за деньги любой из сторон.

турок Сулеймана, а болгары еще до столкновения отступили; вслед за тем турки обрушились на Болгарию.[103]

В ходе гражданских войн Иоанн VI Кантакузин осуществил важную инновацию в уже привычных способах применения тюрок во внутриполитической борьбе, которая имела поистине катастрофические последствия. Кантакузин расселил значительное количество тюрок вместе с семьями в некоторые города фракийского Херсонеса, чтобы всегда иметь под рукой тюркских наемников. Это были тюрки из Вифинии и, по всей видимости, получали во владение *пронию*, оплачивавшую их услуги. По-видимому, одним из таких городков и была упомянутая Чимпа, которая примерно в 1352 г. перешла под фактический контроль сына Орхана Сулеймана.

2 марта 1354 г. произошло сильнейшее землетрясение в Южной Фракии, принесшее многие разрушения. Тюрки Херсонеса воспользовались этим и стали занимать пострадавшие местечки. Спешно переправившийся из Азии во Фракию Сулейман занял ключевой пункт на Дарданеллах Галлиполи, также пострадавший от землетрясения. Кантакузин пытался выкупить Галлиполи за 40 тыс. *иперперов*, но потерпел неудачу.[104] Османы немедленно приступили к развитию и закреплению своего успеха — к 1355 г. они установили контроль над всем побережьем Пропонтиды вплоть до Константинополя. Их набеги далее охватили и южные территории Болгарии.

Таким образом, Кантакузин не только использовал тюрок как наемников, но и способствовал их массовому расселению в Европе. Никифор Григора приписывает Иоанну Кантакузину слова «Прочее призову Моя языки, и тии Мя прославят», которые он якобы часто повторял, имея в виду свое тесное сотрудничество с тюрками на протяжении всей политической карьеры.[105] Не исключено, что это не вымысел Григоры, и Кантакузин в действительности этой цитатой из литургического антифона легитимировал свои политические привычки. Однако «варвары» (*языки*) Кантакузина в конце концов нанесли его режиму смертельный удар; его оружие обратилось против него самого.

---

[103] *Cantac*., 3:240—249; *Greg*., 3:XXVIII.7; *Григора*, 3:149—150; *Nicol* 1993, 238—239.

[104] *Oikonomidès* 1994; *Флоринский* 1882, 1:129—130.

[105] *Greg.*, 3:151.13—14 (XXVII.30.): «λοιπὸν καλέσω τὰ ἔθνη, κἀκεῖνά με δοξάσουσι». Это строка из 12-го антифона утрени Великой Пятницы, глас 8-й. См. также: *Григора*, 3:125.

Византийцы отчетливо осознавали масштабы внешнеполитической катастрофы, разразившейся с оккупацией турками прибрежных территорий. Водворение турок во Фракии, а в особенности их демонстративный переход здесь к самостоятельной политике, сулили империи скорую гибель. В Константинополе в связи с захватом Галлиполи началась настоящая паника, константинопольцы стали переселяться в Италию и даже Испанию. Константинопольское население справедливо обвинило именно Кантакузина в столь неблагоприятном развитии событий. Развязка наступила скоро — в ноябре 1354 г. Иоанн V Палеолог, легко войдя в Константинополь, низложил Иоанна VI. Кантакузин принял монашество в столичном Манганском монастыре под именем Иоасаф Христодул и стал заниматься отныне по преимуществу литературным трудом, но временами все же вмешивался в политику. Византия вступила в новую эпоху — существование под сгущавшейся сенью османской власти на Балканах.[106]

Сближению тюрок-османов и византийцев в немалой степени способствовала высокая степень эллинизированности как населения Османского эмирата, так и правящего эмирского дома. Это неудивительно, ибо Османский эмират располагался на весьма культурно и демографически значимой византийской территории, ядром которой была Вифиния с Никомидией, а также и Никея и Пруса. Хотя доминирующей религией эмирата являлось мусульманство, греки-христиане и принявшие ислам греки играли важную роль. В марте 1354 г. знаменитый богослов и фессалоникийский архиепископ Григорий Палама в ходе его морского путешествия с о-ва Тенедоса в Константинополь был захвачен тюркскими пиратами и около года оставался в плену в Северной Анатолии. Палама посетил многие города и деревни и провел несколько дней в летней резиденции Орхана под Прусой (Бурсой). По свидетельству самого Григория Паламы, на анатолийских территориях, которые он посетил (Лампсак, Пеги, Пруса, Никея), жило множество греков-христиан (а также греков-новообращенцев в ислам), причем некоторые из христиан были весьма влиятельными людьми (Маврозом, Таронит). На всех этих территориях продолжали функционировать церкви и монастыри, а диспуты между мусульманами и христианами, иногда переходящие в стычки, были частью повседневности.[107]

---

[106] *Шукуров* 2017, 210—211.

[107] *Philippides-Braat* 1979, 109—221, особенно 198—206.

В связи с этим следует помнить и о том, что в жилах самих османских эмиров текла греческая кровь. Гречанками были три жены Орхана — Аспорча (возможно, мать Сулеймана), Нилюфер (мать Мурада I), Феодора (мать Халила). Гречанка Гюлчичек-хатун родила Мураду I будущего султана Байазида I. Мать Мехмеда I звали Девлет-хатун — обращенная в ислам христианка, а матерью Мехмеда II была греческая рабыня Хюма-хатун. Происхождение и имена далеко не всех матерей Османов известны, но очевидно, что подавляющее их большинство в XIII—XV вв. были гречанками и другими иностранками.[108]

Потеря Фракии и Македонии

Характер отношений между византийцами и тюрками после отречения Иоанна VI Кантакузина существенно изменился. Вплоть до середины XIV в. это было активное, сложное и многообразное, временами захватывающее противоборство двух могучих соперников. Причем Византия всегда участвовала в этих взаимоотношениях в активном модусе, выстраивая процедуры, вырабатывая и навязывая свои правила игры (причем часто весьма удачно). Это утверждение справедливо даже для правления Иоанна VI Кантакузина. Теперь же, после водворения османов во Фракии, Византия перешла в глубоко пассивный модус, став по преимуществу объектом внешнего воздействия, бессильным наблюдателем тех событий, которые разворачивались во враждебном ей окружении и которые не сулили ей ничего хорошего.

Это изменение в субстанциональном статусе империи остро прочувствовал здравый смысл тех византийских обывателей, которые толпами эмигрировали на Запад после 1354 г. Следует отметить, мы слишком мало знаем до сих пор о масштабах и динамике эмиграции из Поздней Византии в XIV—нач. XV в. и ее социодемографических последствиях как для самой империи, так и для территорий-реципиентов; хотя эта тема и заслуживает самого пристального внимания, однако до сих пор не нашла своего исследователя.[109]

Славяно-греческий политический ландшафт на Балканах способствовал успеху здесь турок: после смерти Стефана Душана

[108] См., например: *Peirce* 1993, 34—36; *Lowry* 2003, 153.
[109] Для более позднего времени см.: *Harris* 1995.

в 1355 г. его королевство распалось на враждующие княжества; Болгарское царство находилось в кризисе, разделенное на три центра силы — Тырново, Видин и Карвуна; Византия была ослаблена и деморализована гражданскими войнами. Хлынувшие на Балканы многочисленные турки, консолидированные амбициозной властью Османов, заполнили собой политический вакуум.[110]

Оказавшись единоличным правителем, Иоанн V Палеолог (1341—1391) вполне осознал катастрофичность ситуации, ответственность за которую теперь безраздельно легла на его плечи. В период его единоличного правления Византия располагала помимо Константинополя и Фессалоники — двух региональных мегаполисов — территориями во Фракии и Восточной Македонии, некоторыми островами в Эгеиде, немногими изолированными территориями в Анатолии (в первую очередь, Филадельфией), а самое важное — Мореей, которая была, вероятно, самым успешным византийским анклавом. Эпоха Иоанна V только обострила те проблемы, которые назревали в прежние царствования. Не только усугубились разложение экономики и турецкая угроза, хуже того, с новой силой вспыхнули распри внутри Палеологовской династии. Причем враждующие Палеологи активно привлекали в борьбу между собой турок, генуэзцев, венецианцев, сербов и болгар. Вражда между ближайшими родственниками была проклятьем и позором Палеологовской династии.[111]

Иоанн V был весьма деятельным, но вряд ли сильным правителем. Он не смог препятствовать развитию османского успеха во Фракии, но надеялся (или был вынужден надеяться) на умиротворение турок. Его отношения с Орханом, давним союзником Кантакузинов, поначалу складывались плохо, ибо турки поддерживали Матфея, сына и соправителя Иоанна VI. Матфей контролировал Грацианополь (Гратини) в Южных Родопах и оттуда вел войну с Иоанном V. Орхан прислал значительное войско в помощь Матфею для атаки на Константинополь летом 1356 г. Однако в результате невероятного стечения обстоятельств Матфей оказался в плену у сербов, а потом и у Иоанна V.[112]

[110] *Kiel* 2009, 1:144—145.
[111] Правлению Иоанна V посвящена специальная монография: *Радић* 1993. Обновленный очерк правления Иоанна V и о роли в византийской политике Венеции и Генуи см.: *Necipoğlu* 2009, 119—148. Об экономическом состоянии империи во второй половине XIV в. см.: *Пономарев* 2012, гл. 4.
[112] *Nicol* 1968, 116—117.

Иоанну V все же удалось умиротворить Турка. В том же 1356 г. полугрек царевич Халил, сын Орхана и Феодоры, был захвачен пиратами в районе Никомидии. Халил был назначен отцом правителем западной части Вифинии и по неосторожности оказался в руках греческих морских разбойников с Фокеи. Захват Халила, своего любимого сына, Орхан переживал болезненно. Иоанн V принял деятельное участие в разрешении проблемы, однако византийский правитель Фокеи Калофет отказывался отпустить Халила. Иоанн V, собрав флот, даже осаждал Фокею, но безуспешно. Дело разрешилось только в 1358 г., когда император наконец доставил Калофету требуемый выкуп в 100 тысяч *иперперов*. По прибытии в Константинополь из фокейского похода Халил был помолвлен с императорской дочерью Ириной (1359 г.), которой было тогда десять лет.[113] Отношения с Орханом, таким образом, были урегулированы, что порождало надежду.

Однако еще до смерти Орхана в 1362 г. его сын Мурад I (1362—1389) вновь приступил к завоеваниям на Балканах.[114] В 1361 г. османы вошли в Дидимотих, который Мурад I сделал своей столицей. Мурад I был умным, удачливым и амбициозным правителем, именно он впоследствии примет пышный титул «султана», заместивший прежнее скромное именование «эмир». Османы перешли к планомерному захвату стратегических городов во Фракии и Македонии, и Византии было нечего противопоставить им. Продвижение турок на короткое время приостановила неожиданная кампания Амедея VI, графа Савойского, племянника императрицы Анны Савойской, который приходился двоюродным братом Иоанну V Палеологу. Летом 1366 г. Амедей VI отбил у турок Галлиполи, а также и значительно потеснил болгар, принудив их освободить плененного Иоанна V (см. ниже). Савойский граф передал Византии отнятые у болгар Месимврию и Созополь. Однако это не могло изменить соотношения сил на Балканах.

Хотя Галлиполи оставался в руках византийцев примерно до 1376—1377 гг., это не остановило коммуникацию между анатолийскими и балканскими тюрками. Вскоре они взяли третий по значению город империи — Адрианополь. Точная дата захвата города не известна, ясно только, что произошло это до 1369 г. Не исключено, что город был взят не подданными Османов, но независимой компанией тюркских удальцов.[115] Позже (ок. 1377 г.) в Адрианополь была перенесена столица Османов. Если Орхан предпочитал находиться в Азии, то Мурад I, хоть и продолжал завоевания в Анатолии, похоже, видел будущее своего государства как державы по преимуществу европейской.

[113] *Григора*, 3:455—470; *Nicol* 1993, 261.

[114] О ходе завоевания византийской Фракии см. полезную диссертацию: *Vogiatzis* 1987, 44—87.

Одна из немногих инноваций правления Иоанна V — личные путешествия императора по европейским державам с целью получить военную и денежную помощь в борьбе с турками. Так, Иоанн V посетил Венгрию (1366 г.), Рим (1369 г.), Венецию (1370—1371 гг., на обратном пути из Рима). Эти путешествия были событиями экстраординарными, ибо до Иоанна V никто из византийских императоров не покидал пределов империи по собственной воле. Переговоры Иоанна V не дали положительных результатов, несмотря даже на то, что в Риме император перешел в католицизм. Личные просьбы о помощи унижали империю и императора. Унижение усугублялось и тем, что путешествия складывались крайне неблагоприятно для него. На обратном пути из Венгрии Иоанн V был пленен болгарами в Видине. Венецию же несколькими годами позже он не мог покинуть из-за отсутствия денег.

В обоих случаях в бедствиях Иоанна V был замешан его сын Андроник IV, оставленный в Константинополе в качестве соправителя и регента. Не исключено, что именно он подстрекал болгарского царя Ивана Александра задержать отца. Во втором случае венецианцы предлагали императору значительную сумму, но в обмен на остров Тенедос. Андроник IV отказался передать остров. Иоанну V помог деньгами другой его сын Мануил (будущий император Мануил II), правивший тогда в Фессалонике. Византийская государственность стремительно разлагалась, а турки, венецианцы и генуэзцы лишь способствовали этому.

Упорное сопротивление на Балканах турки встретили со стороны сербов, которые в эпоху короля Стефана Душана завоевали большую часть Балкан. Несмотря на междоусобицы в Сербии и распад единого царства после смерти Стефана Душана, сербы представляли собой наиболее мощную военную силу на Балканах. Османы, распространяя свою власть в Македонии, вступили с ними в кровопролитное соперничество. Однако сербы начисто проиграли военное противостояние, ключевыми событиями в котором были сначала битва на р. Марице 26 сентября 1371 г. (потеря сербами Македонии), а затем битва на Косовом поле 15 июня

[115] *Lindner* 2009, 126.

1389 г. (капитуляция Моравской Сербии). К началу 1380-х гг. турки заняли Западную Македонию и вторглись в Албанию. Османы активно продвигались и в ослабевшей Болгарии. В 1363 г. они вошли в Филиппополь, в 1373 г. Болгария стала вассалом Мурада I, а в 1385 г. сдалась София. Попытка царя Ивана Шишмана (1371—1395) отказать туркам в уплате дани в 1388 г. завершилась новым турецким нашествием, разгромом болгар и потерей Восточной Болгарии.[116]

Византия, сохраняя нейтралитет в войнах турок с южными славянами, пыталась даже извлечь пользу из их разгрома. В 1364 г. византийцы отняли у Болгарии Анхиал, важный порт на Черном море. Правитель Фессалоники Мануил II в 1371 г. занял стратегически важный город Серры, который оставался под византийской властью до 1383 г. Однако поражения сербов и болгар, конечно, сказались сугубо отрицательно и на положении Византии. Между 1371 и 1376 гг. Византия признала свою зависимость от Османского эмирата, юридически оформленную, по всей видимости, как неравноправный союз.[117] Впервые империя вошла в союзнические отношения как младший партнер. Как бы ни был зависим от турок Иоанн VI Кантакузин, его отношения с Орханом строились на равных; Иоанн V теперь был вынужден признать себя «младшим» партнером Мурада I. Это существенное изменение в византийской политике и в международном статусе империи было отмечено папой Григорием XI в одном из писем (1374 г.), где он возмущенно сетует на «нечестивый союз между греками и турками против христиан».[118]

Новый статус империи по отношению к туркам предполагал выплаты им дани (до 30 тыс. золотых), а также и участие византийцев (как и других османских вассалов на Балканах) в военных кампаниях в качестве союзников.[119] Если в прежние времена греки, болгары и сербы использовали тюрок для пополнения своей военной силы, то теперь анатолийские тюрки стали черпать дополнительный человеческий ресурс для своих кампаний на христианских Балканах.[120]

[116] *Острогорский* 2011, 643—655.

[117] О времени признания Византией своей зависимости от турок см.: *Kyriakidis* 2011, 37.

[118] *Dennis* 1960, 35: «inter Grecos et Turchos quedam impia colligatio adversus fideles Christi».

[119] *Chalkokondyles* 2014, 1:61, 65. 101; *Острогорский* 2011, 651.

[120] Это меткое замечание принадлежит османисту Руди Линднеру: *Lindner* 2009, 126.

«Старшинство» турок в отношениях с Византией проявлялось в их фактически узаконенной роли верховных арбитров, разрешавших продолжавшиеся семейные распри Палеологов. Во время анатолийского похода Мурада I и Иоанна V в 1373 г. их сыновья Савджи и Андроник IV подняли мятеж против отцов на Балканах. Государи немедленно переправились в Европу, подавили мятеж сыновей и сурово их наказали: Савджи заплатил за мятеж своей жизнью, а Андроник IV и его сын Иоанн VII были ненадолго арестованы и подверглись «облегченной» процедуре ослепления, но сохранили зрение.[121]

Вскоре Андронику IV с помощью генуэзцев и сербов удалось вновь захватить Константинополь и воцариться там на несколько лет (1376—1379 гг.), а его отец и младший брат Мануил II оказались в заточении в знаменитой тюрьме Анемá (Ἀνεμᾶς) у Влахерн. Андроник IV умиротворил Мурада I и заручился его поддержкой, уступив османам Галлиполи, а генуэзцев он вознаградил островом Тенедос (ныне Бозджаада). Однако летом 1379 г. Иоанну V и Мануилу II посчастливилось сбежать из Анемы и переправиться в Ускюдар к Мураду I. Османский султан снабдил Иоанна V войском, а венецианцы переправили его к Константинополю. Андроник IV укрылся у генуэзцев в Галате, а Иоанн V вновь занял престол. До апреля 1381 г. продолжалась вялая война между Константинополем и Галатой, пока стороны не примирились. По обоюдному соглашению Иоанн V восстановил статус Андроника IV, а также и его сына Иоанна VII как соправителей и, следовательно, наследников императорской власти. Андроник IV и Иоанн VII получили в управление Фракию с прибрежными Силимврией (Силиври), Ираклией (Мармара Эреглиси), Данионом (Кыналыкёпрю), Редесто (Текирдаг) и Панидом (Банадос, Барбарос Махаллеси). Сын же Иоанна V — Мануил II отправился в Фессалонику как полновластный государь города.[122]

Мануил II попытался превратить Фессалонику в центр возрождения Византии и активного сопротивления туркам, пойдя

[121] *Chalkokondyles* 2014, 1:65—73, 83—84. *Nicol* 1993, 278. Ранние османские источники, которые менее надежны в хронологии и фактах, датируют события более поздним временем; попытки передатировать и развести во времени восстания Савджи и Андроника против своих отцов с опорой на османские источники вряд ли имеют основания (одна из таких попыток: *Katsone* 2002, 76 и далее).

[122] *Doukas* 1975, 80—81; *Nicol* 1993, 280—282. Халкокондил считал, что в 1376 г. Андроник IV получил военную поддержку и от турок (*Chalkokondyles* 2014, 1:98—99).

даже на секуляризацию монастырских земель, чтобы восстановить прониарную систему и тем самым взрастить военную и экономическую мощь. Однако укрепление Фессалоникийского анклава было очень скоро прервано турками, которые предприняли карательную операцию и в 1383 г. взяли Серры, а затем, после трехлетней осады, в апреле 1387 г. вошли в сдавшуюся без боя Фессалонику. Мануил II отправился сначала к правителю Лесбоса Франческо Гаттилузи, ибо отец счел нежелательным его появление в Константинополе, а летом 1387 г. оказался в ставке Мурада I в Бурсе.[123] Турки повели себя относительно мягко по отношению к населению Фессалоники, пожаловав им налоговые льготы и сохранив в городской администрации греков. Однако именно в связи с фессалоникийским населением известно об одном из самых ранних примеров *девширме*, насильственного набора детей из христианских семей для службы в турецкой армии.[124]

Теперь византийскому правителю, если он связывал свое будущее с Византией, больше некуда было бежать кроме как к туркам. Так, Османский султанат обратился в функциональный элемент византийской государственности: она была в состоянии эффективно работать только с учетом своего османского «модуля». Столь тесное сожительство с османами имело существенные последствия и для византийской ментальности и культуры.

Захват османами большей части Фракии и Македонии завершился к концу 1380-х гг. в преддверии Косовской битвы, и главная заслуга в прочном водворении османской власти на Балканах принадлежала Мураду I. Он перешел к политике переселений на Балканы кочевников-тюрок (юрюков) и оседлых мусульман из Анатолии. По ретроспективным данным османских *дефтеров* — налоговых переписей, в некоторых районах Фракии и Восточной Македонии анатолийские мусульмане-переселенцы (sürgünler) во второй половине XIV в. составили, вероятно, от 30 % до 70 % населения, причем до трети мусульман были кочевниками-юрюками. Наиболее интенсивно эти расселения анатолийцев происходили в районах Скопоса (Ускюп), Филиппополя (Филибе, Пловдив) и Загоры, Адрианополя во Фракии, Серр, Скопье и Велеса, Пелагонии в Македонии. Значительную часть переселенцев составляли жи-

[123] *Chalkokondyles* 2014, 1:75; *Nicol* 1993, 287—288; *Острогорский* 2011, 653—654; *Dennis* 1960.

[124] *Nicol* 1993, 321—322. Не исключено, что эта практика впервые была опробована независимыми тюркскими налетчиками еще в 1360-х гг.: *Lindner* 2009, 126—127.

тели Эгейских эмиратов.[125] Переселение анатолийских мусульман на Балканы — включая Болгарию, Фессалию, Албанию — продолжится и в XV в.

Параллельно с этим продолжался непрекращающийся приток тюркских искателей приключений и свободных наемников из Анатолии, которые бессистемно захватывали территории во Фракии и Македонии, грабили местное население и продавали его в рабство. Однако в 1370-х гг. Мурад I, а далее и его преемник Байазид I приложили значительные усилия для подчинения этих независимых разбойничьих гнезд и инкорпорирования их в османскую административную структуру. Мурад I нашел новый способ извлечь государственную выгоду от избытка рабов, захваченных в ходе не прекращавшейся экспансии в густонаселенных пространствах Македонии и Фракии. Теперь рабов не продавали как раньше, но превращали их в источник военной живой силы: обращенные в рабство молодые люди зачислялись в османские пехотные части. Этим было положено начало знаменитым янычарским корпусам (от тур. yeñiçeri, «новое войско»).[126] Хотя фокус интересов султана находился в Европе, он, однако, не забывал и об Анатолии. Мурад I принудил эгейских эмиров к союзу с собой. Не склонный же к компромиссу эмир ʿАла ал-Дин (ок. 1361—1398), вождь могущественного Караманского эмирата в Центральной и Юго-Восточной Анатолии, был разбит и значительно потеснен в ходе кампании 1386 г. Не исключено, что логика маршрутов османских завоеваний как на Балканах, так и в Анатолии (была ли она осознана ими вполне или нет) следовала системе главных торговых путей. Вольно или невольно турки ставили под свой контроль наиболее значимые торговые пути со всеми вытекающими последствиями.[127]

Османский султанат был вполне стабилен в Анатолии в ту эпоху, но именно балканский вектор экспансии стал превалировать. Венцом завоеваний на Балканах была Косовская битва летом 1389 г., обозначившая безоговорочную победу турок в борьбе за Македонию и Фракию. Сербские, болгарские и византийские территории были либо отторгнуты османами, либо контролировались ими через посредство вассальных и мирных договоров. За Византией во Фракии осталась узкая береговая полоса от Константино-

[125] *Kiel* 2009, 145—156.

[126] *Fodor* 2009, в частности, о янычарах см.: 206—297.

[127] *Zachariadou* 1996.

поля до Панида, а на черноморском побережье — территории до Месимврии. В ходе Косовской битвы некий серб нанес смертельную рану султану Мураду. Позже на протяжении второй половины XV—XVI в. сложилась легенда, приписывающая убийство султана Милошу Обиличу (Кобиличу), сербскому аристократу и зятю правителя Сербии Лазаря Хребеляновича.[128] Однако убийство Мурада I сербами в ходе Косовского сражения не изменило соотношение сил на Балканах. Байазиду I Йылдырыму (Молниеносному) — преемнику и сыну Мурада — понадобилось совсем немного времени, чтобы продолжить завоевания в Европе и Азии.

Байазид I и Мануил II

Мурад I оставил после себя мощную державу на двух континентах — Азии и Европе, располагающую военным и людским потенциалом, с которым не мог сравниться ни один из соседей Османского султаната. В результате его завоеваний османы овладели почти всей византийской Фракией, за исключением незначительных территорий на побережье Мраморного и Черного морей, прилегающем к Константинополю. Сербские и болгарские земли также контролировались завоевателями. Логичным продолжением османских завоеваний было бы движение на юг в Пелопоннес, который все еще находился в руках латинян и византийцев, а также переход за Дунай в венгерские пределы. Не менее логичным была бы и попытка покорить сам Константинополь: теперь, благодаря усилиям Мурада I, организация полной блокады Города более не казалась невозможной.

Новый султан Байазид I (1389—1402) стал планомерно готовиться к взятию Города. Его первый шаг в этом направлении — нейтрализация Иоанна V, постоянно интриговавшего против турок, и Мануила II, еще более враждебного и деятельного противника, однажды уже попытавшегося переломить ход событий на Балканах. В апреле 1390 г. Байазид I отправил в Город Иоанна VII, снабдив его войском, которое и обеспечило его провозглашение единоличным правителем. Венецианский сенат не исключал, вероятно не без оснований, скорого вступления в Константинополь и самого Байазида I. Скорее всего, в этом и заключался план османского султана: так Город бы пал без осад, кровопролития и

[128] *Алексеев* 2015.

растраты значительных материальных ресурсов. Однако все пошло иначе. Иоанн V заперся в фортификационном комплексе Золотых Ворот и воззвал к помощи Мануила II, находившегося на Лесбосе. Летом того же года Мануил появился под стенами Константинополя с собранным им флотом, включавшим два корабля госпитальеров Родоса. Иоанн VII, не располагавший поддержкой горожан, бежал к Байазиду I, а Иоанн V в сентябре 1390 г. вернул престол.[129] Свидетелем этих и последующих событий в Константинополе был русский паломник Игнатий Смольнянин, описавший их в своем «Хождении».[130]

Байазид I был в ярости от этих известий и затребовал немедленную выплату ежегодной дани, а также прибытия Мануила II с войском для участия в османских операциях в Анатолии. В 1390 г. византийские войска участвовали в анатолийском походе, в ходе которого османы покорили Филадельфию, последнее византийское владение в Анатолии, эмираты Айдын, Сарухан, Гермиян, Ментеше и Хамид, выйдя к берегу Эгейского моря. Однако у османов в Анатолии оставались опасные соперники — Караманский эмират, а также черноморские и восточно-анатолийские мусульманские княжества. Тем временем Иоанн V попытался укрепить городскую фортификацию у Золотых Ворот, но Байазид I потребовал разрушить возведенные башни, а в противном же случае ослепить Мануила II, которого он удерживал при своем дворе в Бурсе. Иоанн V повиновался повелению, но, не выдержав унижения, скоропостижно скончался в возрасте 60 лет (16 февраля 1391 г.). Мануил II (1391—1425), узнав о кончине отца, бежал под покровом ночи из Бурсы и, войдя в Город, воцарился там (в марте 1391 г.).[131]

Смена власти в Константинополе отсрочила решающее наступление османов. Город все еще оставался самым мощным и обширным фортификационным комплексом во всем Средиземноморье, и попытка его взять приступом была бы сопряжена с большими ресурсными затратами и репутационными рисками для захватчика.

Воцарение Мануила II вызвало новый приступ ярости у Байазида I, который, по всей видимости, предпочел бы увидеть на

[129] *Nicol* 1993, 291—293; *Острогорский* 2011, 656—657.
[130] *Прокофьев* 1978.
[131] *Chalkokondyles* 2014, 1:101—102; *Doukas* 1975, 81—82; *Жуков* 1988, 56—61.

византийском престоле Иоанна VII.[132] Теперь султан не спешил с осадой Константинополя, тем более что его отвлекали анатолийские дела. Позиции османов в Азии оставались шаткими, пока эмират Синопа и Кастамона оставался враждебен и активно интриговал с мусульманскими и христианскими недругами Байазида I. Мощный морской эмират Джандаров, имевший давние связи с Великими Комнинами на Понте, находился в опасной близости к Вифинии и мог повлиять на ход событий в Западном Черноморье. В одном из своих писем Байазид I заявлял, что от окончательного завоевания Анатолии его удерживает лишь борьба с христианами на Западе.[133] Это признание султана можно прочитать и иначе: в начале 1390-х гг. и в балканских делах он медлил из-за неразрешенных проблем в Анатолии. Ресурсов для интенсивных военных действий на два фронта не хватало. Летом 1391 г. Байазид I вызвал Мануила II с войском для участия в очередной азиатской кампании, в которой он был занят до января 1392 г. Впечатления византийского императора от этого похода описаны в его письмах, а также в антимусульманском полемическом сочинении.[134] Султанская армия заняла Кастамон, а джандарский эмир Сулайман б. Байазид (1385—1391) был казнен турками. Его брат Исфандийар-бег б. Байазид (1391—1440), возглавивший эмират Джандар, формально признал верховную власть османов и сохранил за собой Синоп, хотя его лояльность к османам вызывала большие сомнения.[135]

Отвлечение Байазида I на анатолийские дела и поддержка Венгрии подтолкнули болгарского царя Ивана Шишмана (1371—1395) отложиться от османов. Однако в ходе молниеносной кампании в июле 1393 г. турки захватили Тырново и пленили Шишмана; двумя годами позже он был казнен. Болгарское царство было упразднено, а его территории перешли под прямое управление султана. Только западные болгарские земли с центром в Видине еще несколько лет (до 1396 г.) сохранят независимость.

Зимой 1393/1394 г. Байазид I собрал в Серрах наиболее важных балканских вассалов — Мануила II, его брата морейского деспота Феодора, Иоанна VII, князя Моравской Сербии Стефана Лазаревича (1389—1427) и сербского деспота Восточной Македонии Константина Деяновича/Драгаша (1379—1395). Не совсем ясны мотивы султана: не исключено, что он поначалу намеревался их убить, но потом передумал и ограничился тем, что искалечил и унизил некоторых из их слуг. Мануил долго помнил свое потрясение от параноидного поведения султана и ярко передал его в «Эпитафии» на смерть своего брата Феодора Палеолога († 24 июня 1407):

«Султан приказал своему стратигу, который был евнухом, убить нас ночью. <...> Но Бог повелел тому не делать этого. <...> Как только убийца узнал об этом, вместо того чтобы наказать непослушного [стратига], он даже благодарил за то, что тот мудро отложил дело. <...> Но поначалу [султан], изрыгая свой гнев, учинил злодейства против наших людей, вырывая глаза [нашим] морякам, отрезая руки, а некоторых из знати подвергнув тяжелому поруганию. Когда таким образом он успокоил свою безумную одержимость, то весьма наивно попытался примириться со мной <...> приветив подарками и отправив домой, как люди успокаивают сладостями детей, подвергшихся побоям...».[136]

Мануилу, истинному мастеру слова, несколькими штрихами удалось очертить образ, от которого кровь стынет в жилах. Байазид I хотел предостеречь вассалов, но сделал это с иррациональной и пугающей жестокостью. Паранойя султана оказала прямо противоположное действие на Мануила и Феодора: пережив смертельный ужас, они поняли, что с султаном иметь дело нельзя, ибо не может быть доверия его слову и заключенным с ним соглашениям.[137]

С тех пор Мануил II игнорировал приглашения султана и перестал являться к его двору. Василевс решительно порвал с политикой умиротворения турок, проводимой его отцом, и предпочел, как видно, умереть, защищая Город. В 1394 г. султан потребовал допустить в Константинополь кадиев, т. е. шариатских судей, которые бы разбирали тяжбы между мусульманами, устроить в Городе мечеть и создать мусульманский квартал. Однако Мануил II отказался повиноваться и этому требованию. Байазид I в ответ отправил войска, разорившие византийское побережье Мраморного и Черного морей. Возможно, тогда же турки заблокировали поставки зерна из Анатолии на враждебные им Эгейские остро-

[132] Наиболее авторитетной и подробной биографией Мануила II до сих пор является монография Джона Баркера: *Barker* 1969.

[133] *Nawayi* 1962, 102; *Feridun-bey Ahmet* 1857, 127.

[134] *Man. Palaeol.* Ep., 36—62 (письма № 14—21).

[135] *Шукуров* 2001, 262.

[136] *Man. Palaeol.* Epit., 140—141. Подробный разбор текста см.: *Barker* 1969, 113—118.

[137] *Chalkokondyles* 2014, 1:129—131; *Nicol* 1993, 300—301.

ва — Лемнос, Хиос, Лесбос, Родос и др. С этого времени началась блокада Константинополя, длившаяся восемь лет.[138]

Байазид I решил взять Город измором и не торопился с приступом, но направил завоевательный натиск на Балканы. В 1395 г. он занял Добруджу, пересек Дунай и сразился с валашским воеводой Мирче Старым (1386—1395, 1396—1418), заставив его признать зависимость от османов. В то же время другое войско турок начало продвижение на юг Балкан. Турки прошли через Фессалию и Коринф и вторглись в Морейский деспотат. Эти успехи, особенно прорыв османов за Дунай и на Пелопоннес, продемонстрировали католической Европе всю опасность завоевательного порыва Байазида I. Крестовый поход, организованный венгерским королем Сигизмундом, собрал многочисленное войско из венгров, французов, бургундцев, немцев, влахов, а также отряды из Польши, Богемии, Италии, Англии и даже Испании. Венецианцы, генуэзцы и родосские госпитальеры обязались патрулировать морские пути в Геллеспонте и на Черном море и войти в Дунай. Однако 25 сентября 1396 г. крестоносное воинство потерпело сокрушительное поражение при Никополе на берегу Дуная. Сигизмунд, чудом спасшись, морем добрался до Константинополя и нашел убежище у Мануила II. Это был последний общеевропейский крестовый поход. Турки взяли Видин и окончательно упразднили Болгарское царство, а также еще более усилили давление в южном направлении, в 1397 г. опустошив Морею и отняв у венецианцев Аргос.[139]

Турки не пытались атаковать Константинополь, но большими силами перекрывали сухопутные дороги в город. На азиатском берегу Босфора была возведена крепость Анадолухисар для контроля пути из Черного моря. Вскоре в городе начались перебои с продовольствием и другими припасами — продовольственные поставки извне были затруднены, резко выросли цены на зерно, в городе закончилось топливо, и жители разбирали дома и жгли балки. После битвы при Никополе Байазид потребовал от Мануила II сдать Город, но василевс не ответил на его послание. Многие в Городе готовы были бы сдаться туркам, но, вспоминая о жестокости султана и судьбе взятых им городов, предпочли терпеть и уповать на Бога. Султан пытался усилить брожение среди горожан, предлагая Мануилу II уступить престол Иоанну VII и обещая в этом случае мир. Эта идея нашла множество сторонников среди горожан. Байазид, однако, вновь просчитался: Мануил II пошел на возвращение Иоанна VII на престол в 1399 г., что, однако, не привело к сдаче Города. Иоанн VII, верный своим клятвам, не сдал Константинополь туркам.[140] В период между 1391 и 1399 гг. византийцы все же пустили в город шариатских судей; возможно, именно это привело к некоторому ослаблению осады с 1397 г.[141]

Запад становился все более вовлеченным в судьбу Константинополя, в частности, благодаря возвращению домой сотен знатных пленников Байазида, взятых им при Никополе. Папство начало сбор средств на помощь византийцам. Венецианцы активно включились в посредничество между Мануилом II и европейскими государями. В начале 1397 г. французский король Карл VI отправил в Константинополь морской конвой из 1200 воинов во главе с маршалом Бусико — рыцарем, плененным при Никополе, пережившим турецкое заточение и жаждущим взять реванш у турок. Бусико уговорил императора отправиться в Европу и именно для этого устроил примирение между Мануилом и Иоанном. 10 декабря 1399 г. Мануил II покинул Константинополь вместе с маршалом Бусико и, оставив свою семью в Морее, отправился на Запад. В течение последующих лет (до 1403 г.), пытаясь заполучить помощь, Мануил II посетил Венецию, Францию, Англию, Кастилию, Арагон, Рим...[142]

[138] Об этих событиях — ультиматуме Байазида и разорении византийских прибрежных территорий — повествует Михаил Дука, который помещает этот рассказ в самое начало правления Байазида I, но, как известно, в этой части своего труда историк часто нарушает хронологическую последовательность событий: *Doukas* 1975, 81—83. Как представляется, ультиматум и военная операция последовали после разрыва отношений между Мануилом II и Байазидом I в 1394 г. Это косвенно подтверждает Халкокондил, сообщивший о масштабной военной операции османов против византийских территорий во Фракии вскоре после встречи в Серрах 1393 г., а также и сообщение османского историка Ашикпашазадэ о требовании устроить шариатские суды в Городе (*Chalkokondyles* 2014, 1:129—133; *Ašikpašazade* 1929, 61—62); О. Ринальди также датирует эти события 1394 г. (Ann. eccl., 540, no. 6). Об этих известиях см. также: *Necipoğlu* 2009, 138 n. 83, 149 n. 1.

[139] *Nicol* 1993, 303—305; пересмотр событий см. в: *Mureşan* 2010.

[140] *Doukas* 1975, 83, 85—87; *Nicol* 1993, 306—308.

[141] Подробное обсуждение времени водворения шариатских судей в Константинополе: *Necipoğlu* 2009, 139; хотя Н. Неджипоглу полагает, что это произошло около 1391 г., однако поздняя датировка представляется более логичной.

[142] Специальная монография о правлении Иоанна VII: *Мешановић* 1996, 91—107 (правление в Константинополе с 1399 г.). О путешествии Мануила II см.: *Васильев* 1912; *Barker* 1969, 167—199; см. также библиографию в: *Nicol* 1993, 309, n. 22.

Избавление и новая угроза

Эмир Тимур, происходивший из кочевого тюрко-монгольского племени барлас, в 1360—1370-х гг. объединил под своей властью ирано-тюркский Мавераннахр и использовал его как плацдарм для создания мировой империи потомков Чагатая (сына Чингисхана) с центром в Самарканде. Начиная с 1380-х и до 1400 г. эмир Тимур в ходе многочисленных кампаний завоевывает Иран, Азербайджан, Ирак. Эти его завоевания перемежались экспедициями против Золотой Орды и в Индию.[143] Уже в 1386 г. он захватывает Грузию и впервые подходит к границам Анатолии. Однако впервые эмир Тимур вмешивается в анатолийские дела много позже — в период своего «пятилетнего похода» на Иран, Ирак и Азербайджан (1392—1397), когда явно проявилось его желание распространить свою власть и на Анатолию. Тимур привечает анатолийских эмиров, лишенных своих княжеств Байазидом I, и гарантирует покровительство восточно-анатолийским правителям, озабоченным продвижением Байазида I на восток. Это естественным образом привело к соперничеству и военному столкновению между османами и ирано-тюркским воинством Тимура. Слабость Байазида I в назревавшем столкновении с Тимуром заключалась в шаткости его положения в Анатолии — Тимур объединил под своими знаменами практически всю Анатолию, как мусульманскую, так и христианскую, не желавшую водворения тут османов.

В 1402 г. Тимур вторгся в Анатолию и двинулся на запад к Анкаре. Байазид I, осознавая серьезность вызова, собрал огромную армию и приготовился к великой битве. На небе между тем появилась гигантская комета в форме наконечника копья или факела, предвещавшая вселенский катаклизм и называемая греками Λαμπαδίας, т. е. «Факелоносец».[144] 28 июля 1402 г. произошло знаменитое Анкарское сражение, в результате которого османская армия перестала существовать, а сам Байазид попал в плен к Тимуру. У османов не только не оказалось верных союзников в этой войне, более того, их собственная армия, в значительной степени набранная в недавно покоренных анатолийских землях, продемонстрировала нелояльность своему султану. Отряды, набранные в Сарухане, Айдыне, Ментеше, Хамиде, Гермияне, покинули Байазида и перешли на сторону Тимура уже в ходе самого сражения. Байазид I, хотя и содержался Тимуром с должным почетом, вскоре умер в плену.[145]

[143] Обобщающий обзор эпохи походов эмира Тимура см., например: *Manz* 1989.

[144] *Doukas* 1975, 91—92.

Завоевательная деятельность эмира Тимура оказала мощное влияние на внешнюю политику византийских государств — как Палеологовской Византии, так и Понтийского государства Великих Комнинов. Победа Тимура при Анкаре имела решающее значение для истории Византии, в результате нее Палеологи получили пятидесятилетнюю отсрочку в неравной борьбе с османами.[146] Однако отношение византийцев (а также и венецианцев, генуэзцев и других христианских обитателей региона) к успеху иранского воинства было двояким: возникли опасения, что Тимур не ограничится Анатолией и переправится на Балканы. Такого рода опасениям способствовало и то, что множество народа в панике переселялось из Анатолии на Балканы. Это были, по словам турецкого хрониста, «арабы, курды, [кочевые] туркмены, [оседлые] анатолийцы», которые заселяли заброшенные земли.[147]

Летом 1402 г. чагатайская армия вышла к Мраморному морю. В рассказе о взятии Никеи персидский историк ʿАли Йазди сообщает, что этот город расположен «вблизи пролива Ускюдар и переправы к Галате и Истанбулу», т. е. завоеватели знали точно, куда двигаться дальше, чтобы попасть в Константинополь.[148] Тимур отправил послов в Константинополь и Перу, требуя дани и подтверждения покорности; в противном случае он грозил переправиться через Босфор.[149] Ответное византийско-генуэзское посольство отправилось из Константинополя 2 сентября 1402 г. и застало Тимура по дороге к Эфесу в Алтунташе[150]. По сообщениям персидских историков, послы привезли дань в золотой монете, удостоверили покорность своих государей и просили прощение у Тимура за прежние прегрешения. Один из персидских источников отмечает исключительное красноречие византийского посла. Под «прежними прегрешениями» послы, вероятно, имели в виду

[145] *Жуков* 1988, 59. Классическое исследование по походу Тимура в Анатолию: *Alexandrescu-Dersca* 1942.

[146] *Matschke* 1981.

[147] *Giese* 1922—1925, 2:62; *Kiel* 2009, 150.

[148] *ʿAli Yazdi*, 2:454. См. также о захвате Никомидии и Вифинии Тимуром: *Doukas* 1975, 95 (XVI.11) и 96 (XVII.1).

[149] *ʿAli Yazdi*, 2:462—463.

[150] *Alexandrescu-Dersca* 1942, 86, 132; *Matschke* 1981, 66—67. Относительно датировки этого посольства ср.: *Schreiner* 1975—1979, 2:371—373.

попытку византийцев пойти на сговор с турками в 1401—1402 гг. ввиду грядущего нашествия Тимура. Помимо этого после Анкары византийцы помогли бежавшим туркам переправиться в Европу, а также вели переговоры с Генуей и Венецией о совместных мерах по предотвращению вторжения чагатайцев в европейские земли.[151] Испрошенное прощение было даровано Тимуром, и послы с подарками от эмира вернулись в Константинополь.[152]

Тимур не долго оставался в Анатолии. Он восстановил эгейские и другие анатолийские эмираты, упраздненные Байазидом I. Причем османские султаны и анатолийские эмиры, равно как и византийский и трапезундский императоры, формально стали вассалами Тимуридской державы и находились под ее защитой. Это должно было исключить, по мысли Тимура, реставрацию османского могущества. Действительно, в ближайшие после Анкарского сражения десять и более лет Тимуридский Иран значительно влиял на политику в регионе и в определенной мере препятствовал османской экспансии.[153]

Надежда, которая не сбудется

В Константинополе вздохнули с облегчением, когда поняли, что эмир Тимур не собирается переправляться в Европу. Неожиданное появление Тимура в Анатолии и столь же молниеносное его исчезновение казались невероятным чудом. Благодаря этому чуду Константинополь не только избавился от неминуемого захвата Байазидом I, но и восстановил некоторые из утраченных владений. У византийцев появилась надежда на очередное чудесное возрождение их державы, как это не раз бывало в прошлом.

После пленения и смерти Байазида I и краткого периода полной деморализации и безвластия его сыновья поделили османское государство: Сулейман Челеби контролировал балканские территории с центром в Эдирне (Адрианополь), ʿИса Челеби утвердился в Бурсе, а в Амасье стал править Мехмед I. Начавшаяся между сыновьями война длилась до 1413 г., когда султанская власть вновь оказалась в одних руках — у Мехмеда I (1413—1421).[154]

[151] *Шукуров* 2001, 275—282.
[152] *Мирх*ванд*, л. 254; *Шукуров* 2001, 283—284. См. также: *Bernardini*.
[153] *Шукуров* 2001, 283—292.
[154] Этому периоду посвящена специальная монография: *Kastritsis* 2007.

Между тем в 1402 г. Сулейман Челеби, опасаясь переправы воинства Тимура через Проливы и вторжения во Фракию, в срочном порядке урегулировал свои отношения с наиболее значимыми силами в регионе — Византией, Венецией, Генуей, госпитальерами и Наксосским герцогством. Лояльность противников Сулейман Челеби купил беспрецедентными уступками. После продолжительных переговоров был заключен общий договор (Галлипольский договор), по-видимому, в самом начале 1403 г., по которому, в частности, Иоанну VII Палеологу передавались обширные владения, включавшие в себя Фессалонику и Каламарию, часть Македонии, фракийское побережье от Панида до Месимврии, окрестности Константинополя, острова Скиафос, Скопелос и Скирос, а также крепости в Месофинии, области между Никомидией и Хрисополем (Ускюдаром): Харакс, Дакивиза, Никитиата, Ритзион, Пантихион и Карталимен. Нельзя исключить, что эти земли были отданы византийцам самим эмиром Тимуром еще в 1402 г., а Сулейман Челеби лишь подтвердил это в договоре.[155]

Мануил II вернулся в Константинополь летом 1403 г., а Иоанн VII уступил ему трон, удалившись в возвращенную Фессалонику с титулом «императора Фессалии». Впервые за многие десятилетия противоречия между Палеологами (Мануилом и его племянником) не вылились в кровопролитие. Неожиданным образом Византия восстановила не только важные территории, но и свой престиж — Сулейман Челеби стал именовать византийского императора не иначе как «отец», а в развернувшейся борьбе между сыновьями Байазида Константинополь нередко играл роль арбитра. Доверительное отношение к Мануилу II испытывал и Сулейман Челеби (убит в 1417 г.), и сменивший его в 1413 г. Мехмед I — объединитель султаната. Между Мануилом II и Мехмедом I сложились личные дружеские отношения. Когда в 1411 г. власть на Балканах перешла к Мусе Челеби (другому сыну Байазида), свергнувшему Сулеймана и враждебному к Константинополю, Мануил II переправил войска Мехмеда I через Босфор (Галлиполи был в руках Мусы). Мехмед I несколько дней провел в Константинополе в качестве почетного гостя василевса. Однако первая кампания Мехмеда завершилась неудачно. В 1413 г. Мехмед I вновь направился на Балканы, и в этот раз турецкую армию переправили через Босфор византийцы. Кроме того, греки блокировали коммуникацию Мусы Челеби с азиатским берегом.

[155] *Шукуров* 2017, 214—223. Текст договора и его анализ см.: *Dennis* 1967.

Приглашение Мехмеда I лично участвовать в военной кампании Мануил II отклонил, сославшись на старость, но предоставил своему союзнику византийское войско. Нанеся поражение Мусе при Чамурлу (5 июля), Мехмед I стал единоличным правителем.[156]

Мануил II осознавал нерешенность и неразрешимость «турецкого вопроса» и не уставал призывать Европу к серьезному вмешательству в балканские дела. Эти призывы не нашли должного отклика, а венецианцы открыто игнорировали интересы Византии, переправляя турок из Азии в Европу и обратно. Несмотря на личную связь между императором и султаном, Мануил не имел иллюзий по поводу будущего византийско-турецких отношений. В 1416 г. венецианцы переправили в Европу мятежного Мустафу Челеби (Дюзме-Мустафа), который то ли выдавал себя за сына Байазида I, то ли действительно им был. Настоящий сын Байазида Мустафа был захвачен в плен Тимуром в ходе Анкарского сражения и увезен в Иран или Самарканд. Человек, назвавшийся Мустафой Челеби, появился в Анатолии ок. 1405 г. после смерти Тимура, а в 1415 г. был переправлен венецианцами из Северной Анатолии к валашскому воеводе Мирче. Мустафа нашел на Балканах союзника в лице бывшего эгейского эмира Джунайда, высланного в Болгарию Мехмедом I. Восставших против Мехмеда I сподвижников поддержали и византийцы, возможно еще и потому, что Мустафа был прежде близок к Великим Комнинам. Однако Мехмед I вскоре принудил заговорщиков к бегству, и они укрылись на византийской территории. В результате переговоров Мануил II обязался содержать Мустафу пленником на Лесбосе при условии, что турки будут платить за его содержание, а Джунайд был помещен в заточение в один из константинопольских монастырей.[157]

Мехмед I был вынужден принять решение Мануила II относительно судьбы повстанцев, которое, конечно же, его не обрадовало: византийцы в любой момент могли использовать их для дестабилизации его власти. По словам историка Дуки, с этого момента Мехмед I затаил обиду на Константинополь. Султан не оставил этот недружественный жест без ответа. В 1419 г. османы взяли крепости в Месофинии, возвращенные Византии по Галлипольскому договору. Из шести крепостей только Дакивиза была захвачена приступом и разграблена в наказание за сопротивление. Остальные форты сдались без боя.[158]

[156] *Kastritsis* 2007, 161—194; *Chalkokondyles* 2014, 1:295—301.
[157] *Шукуров* 2001, 294—297; *Жуков* 1988, 64—65.
[158] *Шукуров* 2017, 219—221.

Тем не менее отношения между Мануилом II и Мехмедом I позже нормализовались и не вылились в перманентную вражду. Весной 1421 г., незадолго до смерти, Мехмед I испросил у византийцев корабли, чтобы переправиться во Фракию у Константинополя. Подданные отговаривали Мануила II от помощи султану, опасаясь неожиданной атаки турок на город. Однако василевс удовлетворил просьбу, отправившись сам в Ускюдар с транспортными судами, встретился с Мехмедом I и разделил с ним трапезу. Более того, Мехмед I, скончавшийся 21 мая 1421 г., в своем завещании назначил Мануила II опекуном двух малолетних сыновей Махмуда и Йусуфа, восьми и семи лет отроду.[159] Турок доверял греку, и у него, вероятно, были на то причины.

Между тем в Османском султанате к власти пришел амбициозный и молодой Мурад II (1421—1444 и 1446—1451). Престарелый Мануил II, которому в июне 1421 г. исполнился 71 год, отходил от дел в пользу своего соправителя и сына Иоанна VIII. Новое поколение правителей в обоих государствах было много радикальнее родителей и не удовлетворялось сложившимися отношениями. И византийский, и турецкий дворы жаждали большей активности и побед, и, конечно же, большей жесткости по отношению к политическим соперникам. Одновременная смена поколений в византийском и османском дворах повлекли за собой резкие изменения в отношениях между греками и турками, похоронившими византийскую надежду на возрождение.

Агония империи

Первый повод для нового витка византийско-османского соперничества дали, вероятно, турки. После воцарения нового султана Мануил II, в соответствии с завещанием Мехмеда I, запросил выдать двух его подопечных, сыновей почившего государя. Отказ Мурада II выдать детей усилил позиции тех при византийском дворе, кто желал оказать давление на турок. Осенью 1421 г. византийцы освободили Мустафу Челеби и его сподвижника Джунайда из заточения, подразумевая, что у первого больше прав на османский престол, нежели у Мурада II. Византийский историк Халкокондил оценил этот шаг Константинополя как «безрассудство» (ἀφροσύνη) и главную причину последовавших за тем бед-

[159] *Doukas* 1975, 128—129.

ствий империи. Зимой 1422 г. Мурад II переправился из Азии в Румелию (так турки называли свои балканские владения), схватил Мустафу и казнил его. Вслед за тем, с 8 июня, последовала осада Константинополя турками, длившаяся несколько месяцев, в то время как другая часть османского войска блокировала Фессалонику. Вряд ли у турок были шансы взять Константинополь в тот раз, но Мурад II в полной мере отомстил за попытку отнять у него власть. В сентябре 1422 г. Мурад II неожиданно прекратил осаду и направился в Анатолию, где его брат Мустафа поднял восстание; не исключено, что Мануил II был одним из тех, кто приложил к этому руку. В следующем 1423 г. османы вторглись в Пелопоннес и опустошили Морею. Туркам не помешал Гексамилий — стена, перекрывавшая Коринфский перешеек, в 1408 г. восстановленная Мануилом, — по той причине, что у греков не хватило воинов для ее защиты. Деспот Андроник, сын Мануила II и правитель Фессалоники, в сентябре 1423 г., не имея сил защитить город, передал его венецианцам; через семь лет в марте 1430 г. турки отберут город и у Венеции. В итоге этих бурных и скорых событий Византия вновь оказалась в статусе вассала османов, что было зафиксировано в византийско-османском мирном договоре 22 февраля 1422 г. В результате кампании Мурада II империя потеряла практически все, что получила по Галлипольскому договору. Мануил II, которого на гребне этих изменений разбил паралич, умер 21 июля 1425 г., Иоанн VIII стал единоличным правителем империи.[160]

Византийцы быстро осознали всю катастрофичность последствий их скоропалительного и даже высокомерного выпада. Иоанн VIII с ноября 1423 по ноябрь 1424 г. посетил Венецию и венгерского короля Сигизмунда, которые враждовали друг с другом. Как видно, Иоанн VIII надеялся примирить соперников между собой и объединить их для совместного ответного удара по туркам. Однако предприятие молодого императора не дало никаких результатов. Турки продолжали планомерно укреплять свою власть на Балканах, водворившись в конце 1430 г. в Эпире (Иоаннина), а в 1431 г. в Албании.[161]

Надежды на долговременный компромисс с турками уже не было, в частности, в силу слабости самой империи. Иоанну VIII представлялось осуществимым лишь одно средство, которое можно было бы испробовать для улучшения ситуации — понудить к помощи европейские державы. Однако, как представлялось и византийским, и западноевропейским политикам, помощь Запада стала бы более реальной в случае урегулирования церковных противоречий между византийским православием и католицизмом. В 1438—1439 гг. сначала в Ферраре, а затем во Флоренции прошел церковный собор, на котором с греческой стороны присутствовал Иоанн VIII и цвет византийской церковной и светской элиты, а с латинской — сам папа Евгений IV (1431—1447) и видные иерархи и богословы Запада. После долгих и горячих дебатов 6 июля 1439 г. была торжественно провозглашена уния. Это был компромиссный документ, согласно которому Константинопольский патриархат признавал за истинные догматические и литургические особенности Римской церкви (т. н. filioque, примат папы, наличие чистилища и др.), однако в собственной церковной практике мог им не следовать. Однако намеренная осторожность и расплывчатость Флорентийского *ороса* (соборного определения) не предотвратила резкого неприятия унии большинством некатоликов на Востоке, а в первую очередь — самими византийцами, ради чьего спасения уния и затевалась.[162]

Папа Евгений IV горячо поддерживал идею совместной борьбы против османов, однако представления о единстве христианского мира (хотя бы в рамках юрисдикции одного толка), продолжавшие циркулировать среди христиан, оказались к началу XV в. сильно преувеличенными. Эта эпоха разительно отличалась от времени первых крестовых походов, когда призыв папы приводил в брожение сотни тысяч, если не миллионы людей. Формальная принадлежность к одному христианскому толку с итальянцами, испанцами, венграми и др. отнюдь не помогала византийцам в спасении империи. Последующие события подтвердили, что все более превалирующим в ту эпоху несомненно был эгоистический мотив. Тем не менее заключение Флорентийской унии хотя бы отчасти реанимировало идею крестового похода против неверных.

После смерти Сигизмунда I в 1437 г. власть перешла к воеводе Трансильванскому и регенту Венгерского королевства Яношу Хуньяди (1446—1453). Озабоченный усиливавшимся могуществом турок, Янош Хуньяди предпринял энергичные шаги по изгнанию их с Балкан. В 1441—1442 гг. он одержал громкие победы над

[160] *Doukas* 1975, 132—133; *Chalkokondyles* 2014, 1:365; *Nicol* 1993, 332—336, 347—350.

[161] *Nicol* 1993, 334.

[162] Подробное изложение византийского ви́дения собора см. в: *Сиропул*; *Nicol* 1993, 352—359.

турками в Сербии и Валахии. Папа Евгений IV призвал к крестовому походу против турок. На призыв ответили Янош Хуньяди, сербский деспот Георгий Бранкович (1427—1456) и польский и венгерский король Владислав III Ягеллон, который и возглавил христианское воинство. Вскоре в войну с турками вступил и легендарный албанец Скандарбег (1443—1468), восставший против султана. Мурад II заключил перемирие с Владиславом III на десять лет, однако по настоянию папства операция против турок продолжилась при поддержке венецианцев. Кардинал Джулиано Чезарини, тот, кто торжественно зачитывал Флорентийский *орос* в 1439 г., освободил Владислава III от клятвы, данной Мураду II. От крестоносцев, однако, отпал деспот Георгий Бранкович, который по договору с Мурадом восстановил свою власть над Сербией и не решился на нарушение клятвы. В крестоносное воинство влились влашские отряды. Венецианцы собирались воспрепятствовать Мураду II в Дарданеллах, но султан переправился через Босфор. Мурад II с огромной армией встретил немногочисленное христианское воинство под болгарской Варной 10 ноября 1444 г. и одержал полную победу. Король Владислав III погиб во время отчаянной атаки на ставку Мурада II, а кардинал Чезарини, израненный на поле битвы, оказался жертвой солдат-грабителей из бежавшего венгерского войска. Последующие попытки христианского воинства взять реванш завершились еще одним тяжелым поражением на Косовом поле (1448 г.).[163] С тех пор европейские державы уже не пытались отобрать у турок Балканы.

[163] *Nicol* 1993, 361—367; *Острогорский* 2011, 674—677. Репрезентативная подборка источников по Варнскому крестовому походу: *Imber* 2006.

Глава 5

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПОНТ И АЗИЯ В XI—XV вв.

История Трапезундской империи, пожалуй, один из наиболее изученных разделов поздневизантийской истории. Конечно, в истории Трапезунда остается много загадок, далеко не все реалии социальной, экономической и культурной жизни византийского Понта удается в достаточной мере хорошо визуализировать и детализировать. Последнее обстоятельство связано со скудостью и фрагментированностью источниковой базы — слишком мало источников, касающихся византийского Понта, дошло до нашего времени, и слишком они лапидарны и разрознены. Однако та небогатая источниковая база, которой наука располагает, исследована вполне хорошо. В ряду наиболее значимых современных исследований в первую очередь следует назвать фундаментальный труд академика С. П. Карпова «История Трапезундской империи», синтезирующий и суммирующий современное знание о Трапезундской империи. Монография С. П. Карпова носит выраженный творческий характер, но в то же время, будучи снабженной исключительно полным научным аппаратом, является также идеальным справочным ресурсом и основой для будущих исследований. Второй этапный труд, закрывший важную лакуну в понтийских исследованиях, — обширная монография покойных Э. Брайера (1937—2016) и Д. Винфильда (1929—2013) «Византийские монументы и топография Понта», которая в сравнительном ключе проработала и связала огромный и сложный массив данных письменных источников, археологии и искусства. Дополнением к этим двум классическим трудам является работа автора этих строк, включившая в источниковую базу истории Понта данные восточных источников — персидских, арабских, тюркских.[1]

[1] *Карпов* 2017; *Bryer & Winfield* 1985; *Шукуров* 2001. См. также регесты Великих Комнинов с отменной библиографией: *Stefec* 2021. Библиографию истории Трапезундской империи см. также в: *Savvides & Lampakis.*

Византийское государство, возникшее на Понте в 1204 г. в результате захвата латинянами Константинополя в 1204 г. и последующего развала империи, мы ныне называем Трапезундской империей. Однако сами правители и подданные Понтийского государства считали себя римлянами (византийцами), а свое государство Римской империей. Вплоть по последних десятилетий XIII в. они не признавали западновизантийские правящие династии за законно пришедшие к власти. Примерно в одно время с водворением латинян в Константинополе Трапезунд перешел под власть двух Комниновских царевичей — братьев Алексея и Давида, внуков василевса Андроника I Комнина (1183—1185), — получивших военную помощь от грузинской царицы Тамары (1178—1207). Алексей (правил 1204—1222) и Давид († 1212), как видно, совершали традиционный для византийской политической системы мятеж с провозглашением «нового императора римлян». Однако мятеж совпал с распадом империи и братья Комнины оказались в роли восстановителей византийского государства. Довольно скоро провозглашенные на Понте василевсы приняли родовое имя Великих Комнинов, по всей видимости, желая подчеркнуть свою принадлежность к главной ветви прославленной царственной династии, что отличало их от Ангелов, Ласкарей, а позже Палеологов, принадлежавших к ее побочным ветвям. Первые десятилетия своего правления Великие Комнины рвались на Запад, надеясь пробиться к Константинополю и взять его, осуществив тем самым законные права Комниновской династии на универсальную императорскую власть. Однако никейцы к 1214 г. остановили Великих Комнинов в Пафлагонии в результате серии стычек. Только в 1282 г. Великие Комнины признали титул «вселенских василевсов» за Палеологами («император/василевс римлян»), а сами удовольствовались более пышным, но иерархически менее значимым титулом «императоров всего Востока, ивиров и Ператии», понимая под «Ператией» свои заморские владения в Крыму.[2]

Будучи отрезанной от Западной Анатолии и Балкан, Трапезундская империя довольно скоро маргинализируется. Этому в немалой степени способствовало ее географическое положение. Почти вся территория империи располагалась в гористой местности. Исключение составляла узкая прибрежная полоса, изредка расширявшаяся на несколько километров вглубь материка. Горные хребты отделяли византийское побережье от Внутренней

[2] *Карпов* 2017, 102—135, 193, 240; *Шукуров* 2001, 62—92.

Анатолии — хребты Зигана, Трабзон, Лазистан (в центральной и восточной части Понта) составляли первый горный пояс, хребты Гиресун, Гюмюшхане (в центральном и западном Понте) — второй пояс, и третий (с запада на восток) — хребты Джаник, Чимен, Коп, Акдаг. Трапезундская империя, таким образом, располагалась в закрытом «кармане», отделенном от остальной материковой Анатолии горами, а от остального мира — морем. При этом в контексте политической карты мира того времени Трапезунд был весьма отдален от сильных центров власти Европы и Азии. Это несомненно отличало Трапезундскую империю от политических и культурных ландшафтов западновизантийского мира, открытых на все четыре стороны света и находившихся в самой гуще масштабных взаимодействий Запада и Востока.

Другая особенность Трапезундской империи заключалась в том, что Понтийская область не отличалась обилием сырьевых ресурсов и располагала ограниченным резервом пахотной земли. Империя жила торговлей, ибо на ее территории находилось важнейшее пересечение магистральных экономических путей, связавших Северное Причерноморье, обширный ближневосточный регион и западновизантийские земли. Трапезунд был главным портом на южном берегу Черного моря, и именно через Трапезунд происходил торговый и информационный обмен между Анатолией и «северными» землями — Крымом, Золотой Ордой и Русью. Именно торговые операции — как сам обмен, так и поддержание обеспечивающей его инфраструктуры — давали значительную часть средств к существованию частным лицам и императорской власти.

Немаловажная особенность византийского Понта состояла и в своеобычности его культуры. Греки Понта говорили на особом понтийском диалекте среднегреческого и заметно модифицировали общевизантийские культурные стандарты. «Большая» Византия находилась слишком далеко — Трапезунд отделяло от византийских владений от 10 до 20 дней самого быстрого морского путешествия (сухой путь между Константинополем и Трапезундом практически не использовался). Повседневный городской и сельский быт греков-понтийцев испытал значительное воздействие картвельского населения. Относительно высок был тут и уровень азиатских (иранских, арабских, тюркских, монгольских и др.) влияний. Тем не менее, несмотря на явное обособление Понта от западновизантийских территорий, трапезундское общество сохранило присущие «римской» цивилизации родовые черты: государ-

ственный греческий язык, имперское православие, характерные особенности политической идеологии и культуры. Однако, будучи плоть от плоти византийской цивилизации, империя жила особой, отличной от остального византийского мира жизнью, множеством нитей связанной с мусульманским Передним Востоком.

В силу географического положения византийского Понта отношения его с мусульманскими соседями, как оседлыми, так и кочевыми, играли много более существенную роль, чем для западновизантийских обществ и политий. Историю взаимоотношений Трапезундской империи с азиатскими народами можно условно разделить на четыре этапа. 1) В первые десятилетия своей истории (1214—1270-е гг.) империя в попытках пробиться к Константинополю вела активную политику в отношении своих мусульманских соседей, не единожды пытаясь закрепиться в Синопе. 2) В конце XIII—первой половине XIV в. империя переживает пик военной активности на границах с мусульманами, столкнувшись с мощнейшим наплывом тюркской кочевой миграции. 3) Вторую половину XIV в. можно считать наиболее спокойным периодом в истории понтийского византинизма, когда империя, окруженная карликовыми мусульманскими государствами, существовала в относительной безопасности. 4) С начала XV в. и до 1461 г. империя вновь оказывается вовлеченной в «большую» политику: растущая сила османов толкает Великих Комнинов на поиск сильного покровителя, готового защитить их от турок. Последний период своего существования империя провела не столько в войнах с мусульманами, сколько в дипломатических интригах и лавировании между мусульманскими сверхдержавами.

Таким образом, лишь первые два периода — с начала XIII в. по середину XIV в. — характеризуются активными военными конфликтами на сопредельных территориях. Начиная примерно с середины XIV в. на ее границах с мусульманами было по большей части спокойно. Это было несомненной заслугой Великих Комнинов, нашедших способы умиротворить соседей, и это кардинально отличало Трапезундскую империю от Палеологовской Византии, которая почти всю свою историю (за исключением правления Михаила VIII Палеолога) отступала перед нараставшим военным давлением со стороны тюрок.

Характер взаимоотношений Трапезундской империи с ее мусульманскими соседями почти всегда предопределялся ситуацией в сопредельном мусульманском мире. Трапезундской империи весьма редко удавалось играть структурообразующую роль

на прилегающих пространствах, занятых мусульманами. Чаще она оказывалась в обороне, в роли объекта политических воздействий, но не субъекта, активно трансформирующего окружающую его политическую среду. Причиной тому были относительно скромные территориальные, людские и финансовые ресурсы империи. В перипетиях внешнеполитической борьбы чаще она оказывалась, по сути, один на один с противником, эпизодически пользуясь ненадежным благоволением временных покровителей, как то монголы или эмир Тимур, или же ничтожной поддержкой политических маргиналов вроде мусульманских и грузинских карликовых княжеств, отстаивающих свою независимость.

Синопский узел

В результате победоносных походов Алексея I Великого Комнина (1204—1222) и его брата Давида, восставших в 1204 г. против правления Ангелов, их владения протянулись через все Южное Причерноморье вплоть до восточных пределов Вифинии. Самые первые шаги основателей Трапезундской империи осложнили их отношения с сельджуками. В ходе победоносного шествия по Понту Алексея I византийцы вернули принадлежавший сельджукам с 1194 г. Самсун и, возможно, также находившийся под их контролем Иней. Более того, греки, похоже, блокировали сельджукскую торговлю с Северным Причерноморьем. Сельджуки не могли активно препятствовать Комнинам из-за затяжного кризиса власти в султанате, однако, как только положение в султанате начало выправляться, тюрки попытались проверить на прочность оборону Комниновской империи на Понте. Причем на раннем этапе отношений с Трапезундской империей сельджуки, по всей видимости, опирались на помощь Феодора I Ласкаря, для реставрационных планов которого Великие Комнины представляли главную опасность.[3] Предлогом для начала враждебных действий стали препятствия, чинимые Алексеем I мусульманским купцам, торговавшим с севером. Первый поход сельджуков против империи имел место в 602 г. х. (18.08.1205—7.08.1206). Подробности похода не известны, однако из сообщения Ибн ал-Асира можно заключить, что султан Гийас ал-Дин Кайхусрав I осадил Алексея

[3] *Карпов* 2017, 102—113; *Bryer & Winfield* 1985, 1:93, 101. См. также: *Шукуров* 2001, 63—78.

в самом городе Трапезунде, в результате чего Алексей I пошел на уступки и восстановил торговые коммуникации между Внутренней Анатолией и Севером.[4]

Для последующего периода, вплоть до 1214 г., источники не сохранили практически никаких сведений о военной активности в Пафлагонии. Только бурные события 1214 г., в ходе которых никейцы отобрали у Великих Комнинов Пафлагонию с ее твердынями Ираклией и Амастридой, а сельджуки оккупировали Синоп, нашли отражение как у византийских, так и у восточных авторов. Первыми открыли военные действия сельджуки, по-видимому летом 1214 г. Причины конфликта вокруг Синопа не вполне ясны. Возможно, предлогом к войне для сельджукского султана ʿИзз ал-Дина Кайкавуса I (1211—1219) послужила помощь трапезундцев брату султана ʿАла ал-Дину Кайкубаду, поднявшему мятеж в 1211—1214 гг. Как бы то ни было, сельджуки подступили к Синопу и захватили императора Алексея I, когда тот охотился за пределами городских стен (вероятно, в августе 1204 г.). Далее последовала долгая осада Синопа, поскольку защитники города, несмотря на пленение василевса, не собирались сдаваться. Параллельно с этим Феодор I Ласкарь, узнав о событиях вокруг Синопа, выступил в Пафлагонию и захватил там опорные твердыни Великих Комнинов — Ираклию, Амастриду и какие-то другие форты (конец сентября—октябрь). 1 ноября 1214 г. город сдался сельджукам, а никейцы в ноябре—декабре того же года совершили еще один поход в Пафлагонию для подавления последних очагов сопротивления Великих Комнинов. По всей видимости, наступления сельджуков и никейцев на западную часть Трапезундской империи носили согласованный характер, поскольку незадолго до того между Феодором I Ласкарем и ʿИзз ал-Дином Кайкавусом I (1211 г.) был заключен мир, скрепленный взаимными клятвами, который впоследствии не нарушался. В результате поражения Великие Комнины становятся данниками Сельджукского султаната.[5]

[4] *Ibn al-Athir*, 12:160.

[5] *Stefec* 2021, 143—147 (№ 4—6) с подробными библиографическими отсылками. Разбор событий 1214 г. см.: *Шукуров* 2001, 92—104; *Карпов* 2017, 124—135. Версии, изложенные в этих двух исследованиях, разнятся в оценках событий. Ср. также: *Belke* 1996, 94—95. Сообщения Месарита: *Heisenberg* 1922—1923, 3:11.7—16, 11.19—18.22, 19.1—13, 25.18—26, 33.15—31 и комментарии: 68—72; *Архимандрит Арсений* 1893, 15—16, 31—32, 50; *Foss* 1996, 59—63 (разбор текстов Месарита). Сообщения Ибн Биби см.: *Ibn Bibi*, 145—151; *Ibn Bibi* (*Duda*), 64—65; *Мелиоранский* 1892 (русский перевод тюркского переложения Ибн Биби); *Savvides* 1988 (греческий перевод Ибн Биби). Другие источники: *Tarix*, 87; *Acrop.,* 1:18; *Abu al-Faraj* 1932, 369. *Abu-l-Feda*, Ann., 4:252—255. О византийских укреплениях в Пафлагонии и особенно Амастриде см.: *Crow & Hill* 1995; *Crow* 1996.

После потери Синопа и, вероятно, Самсуна и прилегающей области в 1214 г. трапезундские императоры не оставили надежды на восстановление контроля над бывшими западными территориями. Возвращение Синопа становится главной стратегической задачей Великих Комнинов. Причин для столь упорной борьбы Великих Комнинов за Синоп было несколько. Во-первых, стратегическое значение порта — это был один из самых укрепленных и удобных военных портов на южном берегу Черного моря. Именно от Синопа начинался самый короткий морской путь из Анатолии в Крым и, по всей видимости, именно этот порт являлся наиболее удобным связующим звеном между анатолийскими и крымскими владениями Великих Комнинов. Во-вторых, существовала и другая более важная причина. Только обладая Синопом, они могли надеяться, как в 1204—1208 гг., на то, чтобы пробиться в Вифинию, а затем попытаться восстановить власть Комнинов в Константинополе. Актуальность этих реставраторских планов для Великих Комнинов сохранялась вплоть до конца 70-х гг. XIII в. Лишь в 1282 г. Иоанн II Великий Комнин (1280—1297) во время своего визита в Константинополь наконец отказался от претензий на византийский императорский титул «автократора римлян».[6]

Политическая ситуация, которая складывалась вокруг границ империи в 1214—1230 гг., способствовала попыткам Трапезунда вернуть потерянные земли. В это время в Понтийском регионе оформляется коалиция мелких мусульманских эмиратов, недовольных экспансией Сельджукского султаната, к которой, скорее всего, присоединились и трапезундцы. Напряженность между Иконием и понтийскими мусульманскими эмиратами в полной мере обозначилась после 1219 г., когда на престол взошел новый сельджукский султан ʿАла ал-Дин Кайкубад (1219—1237) — волевой и умный правитель, с самого начала ясно обозначивший новый политический курс на объединение всей мусульманской Анатолии под своей властью.

Наиболее значительной силой был Эрзерумский эмират — ворота из Великой Армении и Ирана в Анатолию. В состав эмирата входил Байбурт, располагавшийся недалеко от границ Трапезундской империи. Через Байбурт вела основная дорога из внутренней

[6] *Карпов* 2017, 211—212; *Bryer & Winfield* 1985, 1:69—88; *Bryer* 1988/1989, 163—187.

Анатолии к портовым городам восточного Понта. Эрзерумский эмират еще в правление там династии Салтукидов (начиная с примерно 1103 г.) находился в сложных, зачастую враждебных отношениях с Иконием. После захвата Эрзерума в 1201 или 1203 г. сельджуками Рума город был пожалован Абу Харису Мугису ал-Дину Тугрул-шаху (1201/1203—1225), сыну сельджукского султана Кылыч Арслана II (1156—1192). Несмотря на принадлежность к сельджукскому правящему роду, Мугис ал-Дин Тугрул-шах вскоре возобновил политику конфронтации, не желая признавать верховенства Икония. После смерти Тугрул-шаха в 1225 г. власть перешла к одному из его сыновей — Рукн ал-Дину Джахан-шаху (1225—1228), продолжившему политику отца.[7]

Антисельджукской ориентации следовал и Эрзинджанский эмират, в состав которого входили также Дивриги и Кемах. Следует отметить, что Кемах являлся стратегической твердыней, которая контролировала магистральные пути в горы Понтийского Тавра и далее к Трапезундской империи. В эту эпоху во главе эмирата стоял Фахр ал-Дин Бахрам-шах б. Давуд (1163—1225). Бахрам-шах формально признавал верховную власть сельджуков и состоял с ними в родстве: он женился на дочери Кылыч-Арслана II, а его дочь Салджуки-хатун была замужем за ʿИзз ал-Дином Кайкавусом I. Однако, так же как и правители Эрзерума, Бахрам-шах не собирался отказываться от своего суверенитета. По замечанию грузинского хрониста, уже в 1200-х гг., в период сельджукско-грузинских войн, Бахрам-шах присоединялся к сельджукским походам против Грузии «помимо своей воли, только из страха». В одном из этих походов (601/1204—1205 г.) он попал в плен к грузинам, вследствие чего Эрзинджан на какое-то время оказался данником Грузии. В «Картлис цховреба» сохранилось сообщение, что весной (год неизвестен; речь, вероятно, идет о периоде 1204—1207 гг.) Тамара взяла *харадж* с Эрзинджана. После смерти Бахрам-шаха ему наследовал его сын ʿАла ал-Дин Давуд-шах (1225—1228), продолживший политику отца.[8]

Эрзерум и Эрзинджан связывала давняя дружба. Дочь Фахр ал-Дина Мангуджака еще до 1213 г. была выдана замуж за Тугрул-шаха. Оба эмирата издавна установили дружественные отношения с местными греками, армянами, грузинами. Мангуджаки в свое время были союзниками знаменитого Феодора Гавры в его борьбе с Данишмандидами, а Тугрул-шаха связывали матримониальные узы с грузинами. Не исключено, что Тугрул-шах признавал верховную власть трапезундского императора Андроника I Гида, как предположили Кл. Каэн и Э. Брайер[9].

[7] *Ibn al-Athir*, 12:111; *Abu-l-Feda*, Ann., 4:192; *Ibn Bibi*, 7; *Cahen* 1988, 80—85, 197—198; *Хачатрян* 1987, 91—95 (№ 117—124).

[8] *Ibn Bibi*, 169—175, 316—326; *Басили*, 62, 66—67; *Brosset* 1850, 463, 466; *Vryonis* 1971, 382; *Cahen* 1988, 52—54, 78—80; *Гордлевский* 1941, 32; *Крымский* 1981, 142—143; О Мангуджаках см.: *Pancaroğlu* 2009; *Pancaroğlu* 2013.

Далее на Запад, в непосредственной близости от владений Великих Комнинов, лежал также эмират Данишмандида малика Музаффар ал-Дина Мухаммада, которому в 1205 г. сельджукский султан пожаловал эти земли. Музаффар ал-Дину Мухаммаду в 1220-х гг. принадлежала Кугунийа/Кагунийа (позже Карахисар, совр. Шебинкарахисар, виз. Колония) — важная крепость на пути из Сиваса к Керасунту. В конце 1220-х гг. Музаффар ал-Дин состоял в союзе с Мангуджаками и Рукн ал-Дином Джахан-шахом[10].

В страхе перед сельджуками понтийские эмираты обращаются за поддержкой к Аййубидам Сирии и Грузинскому царству, которые уже в 10-х гг. XIII в. объединились перед лицом сельджукской опасности. В 1210-х гг. Аййубиды заключили соглашение с родом Мхаргрдзели. Отношения были закреплены матримониальным союзом: Тамта, дочь ишхана Иванэ Закаряна, знаменитого атабека царицы Тамары (1181—1207), вышла замуж за правителя Ахлата Наджм ал-Дина. После смерти Наджм ал-Дина его брат — Малик ал-Ашраф, аййубидский правитель Дийарбакра и Дамаска (1210—1237) — женился на Тамте и наследовал Ахлат. Сразу после воцарения ʿАла ал-Дина Кайкубада I эрзерумцы заключили союз с Аййубидом Маликом ал-Ашрафом. После смерти Тугрул-шаха в 1225 г. его сын Рукн ал-Дин Джахан-шах подтвердил свой союз с Аййубидским правителем Маликом ал-Ашрафом, пойдя на окончательный разрыв с Сельджукидом ʿАла ал-Дином.[11]

Место Великих Комнинов в этих коллизиях между Сельджукидским Румом, Аййубидами, Грузией и малыми тюркскими государствами Понта реконструируется лишь гипотетически на основе параллельного прочтения восточных источников с одной стороны, и «Синопсиса чудес св. Евгения» Иоанна Лазаропула,

[9] *Ibn al-Athir*, 12:270—271; *Abu-l-Feda*, Ann., 4:318—320; *Насави*, 165, 341—342; *Хачатрян* 1987, 183—184 (№ 124); *Beygu* 1936, 1:242; *Cahen* 1988, 76, 79—80; *Bryer & Winfield* 1985, 1:354; *Bryer* 1970, 177; *Balivet* 1994, 71; *Salia* 1980, 218.

[10] *Ibn Bibi*, 323—324; *Гордлевский* 1941, 29. Ср.: *Mordtmann* 1997; *Bryer & Winfield* 1985, 1:148.

[11] *Ibn al-Athir*, 12:134; *Киракос*, 119, 182; *Хамави*, л. 150б.

а именно, его знаменитого рассказа о нападении «Мелика» на Трапезунд — с другой. По сообщению Иоанна Лазаропула, трапезундский император Андроник I Гид (1222—1235) в 1223 г., «во второй год правления» (т. е. вскоре после восшествия на престол), возобновил с сельджуками мирный договор 1214 г., причем обе стороны поклялись не нападать друг на друга. По всей видимости, со стороны сельджуков выступал в переговорах царевич (*malik*, Μελίκ) Гийас ал-Дин Кайхусрав, сын султана ʿАла ал-Дина Кайкубада I, который, возможно, уже к 1223 г. являлся наместником отца в Понтийском регионе.[12]

Интересно, что в том же 1223 г. (в 620 г. х., т. е. 4 февраля 1223 — 23 января 1224 г.) малик Эрзерума Мугис ал-Дин Тугрул-шах заключил союз с грузинскими Багратидами. Тугрул-шах женил своего сына Давуда на грузинской царице Русудан (1222—1245). Причем отметим, что Тугрул-шах предварительно крестил своего сына по требованию невесты — факт беспрецедентный в истории ближневосточного Ислама.[13] Багратиды были давними покровителями Великих Комнинов, которым они помогли еще в 1204 г. утвердиться в Трапезунде. Тугрул-шах, возможно, также находился в дружественных отношениях с Великими Комнинами. Возможно и то, что Андроник I Гид, недовольный только что подтвержденной зависимостью от сельджуков, обращает свой взор на противников Икония на мусульманском Понте и в Закавказье.

Не исключено, что именно союз Андроника I Гида с мусульманской антисельджукской коалицией стал причиной трапезундско-сельджукского столкновения, зачинщиками которого были синопские тюрки. Некий Раис Хадим (или Хетум Раис? — Ἐτούμης ὁ Ῥαΐσης), являвшийся, вероятно, сельджукским комендантом в Синопе, захватил и разграбил шедшее из Херсона в Трапезунд судно, которое везло в метрополию государственный налог

[12] Интересующий нас отрывок о нападении Малика на Трапезунд см.: HDSE, 308—335. Развернутый исторический и филологический анализ этого отрывка, а также его связь с «Хроникой» Михаила Панарета и другими греческими источниками, опиравшимися на него, см.: *Шукуров и Коробейников* 1998. Повторено с уточнениями в: *Шукуров* 2001, 126—146. А. Саввидис доказывает, что с сельджукской стороны главным субъектом происходивших между Трапезундом и Иконием событий был ʿАла ал-Дин Кайкубад (*Savvides* 1990—1991, 103 n. 3, 116 n. 2, 119 n. 1). Э. Жансан полагает, что речь идет именно о Гийас ал-Дине, которого отец отправил на завоевание Трапезунда (*Janssens* 1969, 72 et n. 2); к последнему мнению примыкает и Я. Розенквист (HDSE, 435).

[13] *Ibn al-Athir*, 12:270—271; *Abu-l-Feda*, Ann., 4:318—320; *Насави*, 165, 341—342; *Salia* 1980, 218; *Cahen* 1988, 79—80, 85; *Balivet* 1994, 71.

с заморских провинций Великих Комнинов. Имя обидчика трапезундцев содержится в рассказе Иоанна Лазаропула. В исследовательской литературе обычно считается, что Этум (Хетум) — имя армянское. Однако не исключено и сугубо *мусульманское* (арабское в тюркской и персидской передаче) прочтение имени: Ἐτούμης < осм. *hadım* и ῥαΐσης < а. *râīs* رئس «глава, начальник». Интересно при этом, что сельджукский комендант Синопа традиционно носил титул *paʾıs ал-бахр* (начальник моря). Следовательно, греч. именование Ἐτούμης ὁ Ῥαΐσης, скорее всего, нужно понимать как искаженное *khādim-[i] râīs [al-baḥr]* — «слуга *paʾıs [ал-бахра]* (начальника моря)». Находившиеся на борту греки во главе с неким Алексеем Пактиаром, высокопоставленным чиновником, также попали в плен. Захват трапезундского корабля, скорее всего, произошел в 1225 г., о чем свидетельствует арабский историк Мухаммад Хамави, сообщивший о пленении сельджуками некого Алексея, *румийца*/*римлянина*.[14]

Эта дерзкая акция синопцев привела к полномасштабной греко-сельджукской войне. Трапезундцы высадились в Карусе (совр. Герзе) в 48,5 км от Синопа и, вероятно, оттуда атаковали сам Синоп. Нападение греков было удачным, они вернули корабль, деньги и пленников. Более того, судя по сообщениям арабского хрониста Ибн ал-Асира, грекам удалось закрепиться в Синопе на какое-то время; трапезундская оккупация Синопа, возможно, длилась несколько лет — с 1225 по 1228 г.[15]

Политическая ситуация в регионе усложнилась в 1225 г. в результате вторжения в Ирак, Грузию и Великую Армению хорезмшаха Джалал ал-Дина Манкбурны (1220—1231), как раз в период обострения отношений между трапезундскими греками и сельджуками. Султан Джалал ал-Дин попытался консолидировать бывшие хорезмийские владения в Ираке и Азербайджане, расширить их за счет соседей (в частности, Грузии и аййубидских территорий в Сирии) и тем самым создать заслон для продвижения

[14] *Хамави*, л. 150b—151a (запись под годом 622 г. х. = 12 января 1225—2 января 1226 г.). Перевод и комментарий к Хамави см.: *Шукуров* 2001, 136—138. Об Этуме см.: *Vryonis* 1971, 230 n. 512; HDSE, 435; *Papadopoulos* 1960—1961, 2:504 (χατούμης < осм. *hadım* < а. خادم «слуга, прислужник»). См. о титуле *paʾıs ал-бахр* в: *Шукуров* 2001, 164. Алексей Пактиар, возможно, был по происхождению персом. По нашей интерпретации, это имя происходит от персидского بختیار, bakhtiyār «счастливый» (*Шукуров* 2017, 275, 277, 397).

[15] HDSE, 310.1157—312.1182; *Шукуров* 2001, 135—140; *Bryer & Winfield* 1985, 1:89; *Kuršanskis* 1988, 115 n. 24; *Stefec* 2021, 147—149 (№ 8—10).

монголов в Западный Иран, Ирак и Сирию. Пока Джалал ал-Дин был занят войнами с Грузией и Аййубидами Сирии, ʿАла ал-Дин Кайкубад оказывал ему активную поддержку. Джалал ал-Дин разгромил Грузию в ходе нескольких кампаний 1226—1228 гг. и овладел всей восточной частью страны (Тифлис взят 9 марта 1226 г.), а также значительно потеснил Аййубидов. Кроме того, хорезмшах, подстрекаемый ʿАла ал-Дином Кайкубадом I, нанес также чувствительные удары по мусульманским понтийским эмиратам. В 1226 г. хорезмийцы совершили опустошительный набег на Кемах и Эрзинджан, а осенью 1228 г. хорезмийцы разграбили окрестности Эрзерума.[16]

Следует отметить, что именно на период греко-сельджукских столкновений за Синоп (между 1225 и 1228 гг.) приходится обращение понтийских мусульман (а с ними, возможно, и трапезундцев) за помощью к Аййубидскими маликам Сирии и Грузии. В частности, косвенным подтверждением союза между Трапезундом и Грузией является то обстоятельство, что в период хорезмийско-грузинских войн в составе грузинского войска находились отряды, присланные Великими Комнинами. Источники упоминают среди грузинского воинства в 1228 г. отряды лазов (لكزيان/ اللكزى) и «джанит» (в тексте «jānīt» — جانيت). Под «джанит», вероятно, подразумевались трапезундские греки, поскольку в мусульманских источниках XIII в. это именование прилагалось исключительно к территории Трапезундской империи и ее подданным; под «лазами» следует понимать те лазские военные отряды, которых Иоанн Лазаропул назвал «соратниками» (συμμάχοι) Андроника I Гида из Сотирополя и Лазии (т. е. комниновской фемы Великая Лазия) и чью храбрость он отметил (θυμομαχοῦντες).[17]

Таким образом, понтийские мусульманские эмираты, Трапезундская империя, Аййубиды Сирии и Грузия оказались под нарастающим военным давлением двух наиболее могущественных государей региона — ʿАла ал-Дина Кайкубада I и хорезмшаха Джалал ал-Дина — и проигрывали в этом противостоянии. Однако чрезвычайное усиление хорезмийцев изменило позицию

[16] *Насави*, 161—166, 209, 225, 332 примеч. 3, 338—339; *Буниятов* 1986, 156—195; *Галстян* 1962, 24; *Kuršanskis* 1988, 118; *Salia* 1980, 220—221.

[17] *Насави*, 224; *Рашид ал-Дин* 1957, 83—84. *Juwayni* 1916, 2:170—171; *Juwayni* 1958, 2 :438—439 and 439 n. 7; HDSE, 312.1190—1191; 320.1333—1334; *Шукуров* 2001, 44—50. Сотирополь — городок на р. Чорох, вероятно, соответствующий османскому Борчка; располагался, по-видимому, на восточных рубежах фемы Лазия (*Bryer & Winfield* 1985, 1:347).

Кайкубада I — он осознал, что очень скоро взамен конгломерата конфронтирующих с ним государств он может получить на своих восточных границах консолидированную державу во главе с одним из лучших полководцев эпохи. Переговоры о совместных антихорезмийских действиях между Грузией, Сельджуками, Аййубидами Сирии и Киликийской Арменией начались уже в 1227 г. Противоречия между участниками антихорезмийского альянса перевешивались более существенными соображениями: необходимо было остановить экспансию хорезмшаха.[18]

Воспользовавшись наметившимся сближением с Аййубидами и Грузией, ʿАла ал-Дин Кайкубад I весной или летом 1228 г. неожиданным броском занял Эрзинджан и Кемах. Вслед за этим сельджуки покорили Кугунийу, в которой укрылся Музаффар ал-Дин Мухаммад. А затем, летом или осенью 1228 г., сельджукские войска, наращивая успех, отбили у греков занятые ими земли в Синопском регионе.[19]

После столь энергичного прорыва сельджуков в Понтийскую область Рукн ал-Дин Джахан-шах, правитель Эрзерума, желая избежать участи Мангуджаков и греков в Синопе, в 1229 г. решительно берет сторону хорезмийцев. Судя по косвенным данным, в 1229 или 1230 г. Андроник I Гид вслед за Рукн ал-Дином Джахан-шахом также пошел на сближение с хорезмийцами. Акция правителя Эрзерума окончательно разрушила хрупкий союз между Джалал ал-Дином и Сельджуками Рума. Султан ʿАла ал-Дин форсировал оформление военного союза, объединившего сельджуков, Аййубидов и франко-армянские отряды из Киликийской Армении, равно как и ряд мелких сирийских и анатолийских князьков и туркменских кочевых предводителей.[20]

7—10 августа 1230 г. (25—28 рамазана 627 г. х.) союзники встретились с хорезмийцами в долине Йасычаман.[21] В сражении

[18] *Хамави*, л. 158б; *Juwayni* 1916, 2:170; *Juwayni* 1958, 2:438; *Рашид ал-Дин* 1980, 83—84; *Рашид ал-Дин* 1960, 27.

[19] *Ibn al-Athir*, 12:312—313; *Ibn Bibi*, 323—333; *Хамави*, л. 170а, 171а; *Насави*, 209. Другое сообщение Насави позволяет думать, что борьба за Синоп развернулась уже в 1227 г. (*Насави*, 196). Комментарии к этим известиям см.: *Cahen* 1988, 78—80; *Шукуров* 2001, 135—138. Ср.: *Kuršanskis* 1988, 119.

[20] *Насави*, 225—226; *Juwayni* 1916, 2:181; *Juwayni* 1958, 2:450; *Хамави*, л. 197а.4—6; *Abu-l-Feda*, Ann., 4:366; *Киракос*, 151; *Галстян* 1962, 24; *Fallmerayer* 1827, 107; *Cahen* 1988, 80—84; *Janssens* 1969, 76—77; *Kuršanskis* 1988, 120; *Шукуров* 2001, 140—141.

[21] *Насави*, 246—247; *Ibn Bibi*, 353; *Cahen* 1988, 83. Кл. Каэн дает иную датировку сражения: 25 рамазана 628 г. (29 июля 1231), встречающуюся в источ-

на стороне хорезмийцев участвовал со своим войском эрзерумский эмир Рукн ал-Дин Джахан-шах. Итогом сражения был разгром хорезмшаха Джалал ал-Дина и его бегство из Анатолии. Часть рассеянных после разгрома в Йасычаман хорезмийцев нашли убежище на Трапезундской территории. Через год Джалал ал-Дин, в одиночестве уходивший от охотившихся за ним монголов, бесследно исчез в Курдистане. Сразу после разгрома хорезмшаха ʿАла ал-Дин Кайкубад I занял Эрзерум.[22]

Сразу после битвы, вероятно в том же 1230 г., ʿАла ал-Дин Кайкубад I попытался развить свой успех и покончить с Трапезундской империей, нанеся удар по самой столице — Трапезунду. Подробности об этом походе сообщает Иоанн Лазаропул. Во главе армии вторжения, по всей видимости, находился царевич Гийас ал-Дин Кайхусрав (μελίκ у Лазаропула). В кампании, возможно, принял также участие новый союзник сельджуков, один из братьев малика Ашрафа — Шихаб ал-Дин Гази (Σααπατίνης у Лазаропула), участвовавший в битве с хорезмийцами. Однако экспедиция *малика* Гийас ал-Дина, который осадил город и разорил окрестности, закончилась разгромом сельджуков под стенами Трапезунда и пленением его самого. Благочестивые трапезундцы причислили эту победу чудесному вмешательству св. Евгения, покровителя Трапезунда. Главным результатом разгрома и пленения «Мелика» явилась отмена унизительных статей договора 1214 г., касавшихся выплаты дани и поставки военных контингентов сельджукам.[23] Итог пятилетней борьбы в 1225—1230 гг. был для Великих Комнинов двойственным — они потерпели неудачу в попытке вернуться в Синоп, но на заключительной фазе трапезундско-сульджукского противостояния в 1230 г. они нанесли Иконию чувствительное поражение и прекратили свои унизительные обязательства перед сельджуками.

После событий 1230 г. сельджукско-трапезундские отношения, по всей видимости, нормализовались, на южной границе империи установился продолжительный мир. Возможно, именно в этом ключе следует толковать весьма смутное сообщение из Си-

никах. В данном тексте мы опираемся на датировки Г. Готшалка и З. Буниятова: *Gottschalk* 1960; *Насави*, 363 примеч. 7 к гл. 89.

[22] *Насави*, 248—249; *Хамави*, л. 198а—198б; *Abu al-Faraj* 1932, 395; *Abu al-Faraj* 1890, 429—430; *Ibn Bibi*, 362—372; *Хамави*, л. 199а—199б; *Gottschalk* 1960, 64—65; *Буниятов* 1986, 179—185.

[23] HDSE., 334.1578; *Насави*, 248 и примеч. 6; *Хамави*, л. 197б; *Шукуров* 2001, 142—144.

наксаря св. Афанасия, согласно которому в правление императора Мануила (I?) (1238—1263) жена сивасского эмира искала спасения от охвативших ее демонов в монастыре Св. Фоки у Трапезунда.[24] Трапезундско-сельджукская граница, как видно, была открыта для сельджукских визитеров, включая, можно предположить, и торговцев.

Именно в период трапезундско-сельджукских столкновений обозначилось и важное направление в экспансии анатолийских тюрок — Крым и украинские степи. В 20-х гг. XIII в., скорее всего в 1228 г., вскоре после отвоевания сельджуками Синопа, сельджукский наместник в Кастамоне *беглербег* Хусам ал-Дин Чупан (другой вариант транскрипции — Чобан) предпринял экспедицию в Крым. Сельджукский флот, отплыв из недавно покоренного Синопа, высадился в Крыму и захватил Судак. Сельджуки, возможно, контролировали Судак вплоть до монгольского завоевания Северного Причерноморья в 1239 г.[25] Крымское направление анатолийской тюркской экспансии в полной мере вызреет много позже, после утверждения османской власти в Константинополе и Южном Причерноморье.

Для 30-х гг. XIII в. Симон де Сен-Кантен утверждал, что трапезундцы были обязаны поставлять в сельджукское войско «200 копий» (т. е. отряд примерно в 1000 человек).[26] Если это и было так, то вряд ли из этого можно делать однозначный вывод, что трапезундцы находились в зависимости от сельджукских сул-

[24] *Hasluck* 1929, 1:66; *Fallmerayer* 1877, 121; *Vryonis* 1971, 489; *Bryer* 1975, 124 n. 32; *Bryer & Winfield* 1985, 1:320.

[25] *Ibn Bibi*, 279—284; *Ibn Bibi (Duda)*, 130—139. Наша датировка — вскоре после 1228 г. — учитывает изложенные выше выводы о повторном сельджукском захвате Синопа у Трапезундской империи в 1228 г. Однако нельзя не признать, что предложенная датировка похода, как и другие высказанные в историографии, носят гипотетический характер и выводятся на основании разных вариантов датировок других ключевых событий в Анатолии в 20-х гг. XIII в. Так, например, «Энциклопедия Ислама» датирует предположительно поход периодом между 1225 и 1227 гг. (*Soucek* 1997). Кл. Каэн датировал поход Чобана 1225 г.: *Cahen* 1988, 125. Обоснование другой датировки — 1221 или 1222 гг., см.: *Куник* 1854, 734—746; *Якубовский* 1927 (А. Ю. Якубовский считал, что сельджуки использовали для переправы трапезундский флот, однако эта гипотеза не имеет твердых оснований в источниках); *Богданова* 1985, 44—46; *Богданова* 1991, 95. Также и Эндрю Пикок обосновывает дату захвата сельджуками Судака между 1220 и 1222 гг. и полагает, что время оккупации ограничивалось несколькими месяцами. Равным образом он приводит аргументы в защиту сельджукской экспедиции против Трапезунда в 1223 г.: *Peacock* 2006.

[26] *Saint-Quentin*, 70; *Cahen* 1988, 93—94; *Stefec* 2021, 150—151 (№ 11).

танов. Вместе с тем из этого сообщения следует, что отношения между Сельджукидами и Великими Комнинами не строились на равных основаниях. Эти «200 копий», скорее всего, были данью уважения со стороны Великих Комнинов к высокому султанскому статусу и дружественным жестом *младшего* партнера по отношению к более могущественному государю. Можно предположить, что такая парадигма трапезундско-сельджукских взаимоотношений сохранялась вплоть до монгольского нашествия в Анатолию. «Младший» статус трапезундских правителей контрастирует с теми моделями, что выстроили в своих отношениях с Сельджуками и другими анатолийскими правителями и никейские императоры, и ранние Палеологи (см. выше гл. 3) — последние оставались «старшими» государями в течение многих десятилетий.

Власть монголов

Вторжение монголов в Анатолию в одночасье изменило политическую карту обширного региона, включавшего в себя и Сельджукский султанат, и Трапезундскую империю. 26—27 июня 1243 г. (6—7 мухаррама 641 г. х.) армия Сельджукского султаната — наиболее могущественной державы в Анатолии того времени — встретилась с монголами в долине Кёседаг. Тюрки потерпели сокрушительное поражение, сельджукский султан Гийас ал-Дин Кайхусрав II (1237—1245/1246) сразу после битвы запросил у монголов мира и согласился выплачивать дань. Путь в Анатолию для монголов был свободен. Эта битва навсегда подорвала могущество Сельджукского султаната, вступившего с этих пор в эпоху упадка. Однако это отнюдь не означало, что соперники тюрок — греки, армяне, грузины, — сумели выиграть в соперничестве с тюрками за преобладание в Анатолии. Напротив, монгольское завоевание Средней и Передней Азии положило начало новому витку тюркизации анатолийского региона, а в перспективе, в XIV—XVII вв. — окончательному вытеснению греческих и армянских автохтонов с большей части полуострова.[27]

В результате монгольского завоевания в Анатолии и в прилегающих к ней кавказских и сирийских землях складываются новые, весьма специфические политические конфигурации, в конечном счете ориентировавшиеся на монголов. Начнем с того, что Анатолия, а также и сопредельные ей Армения и Грузия обладали особым статусом в Pax Mongolica. Место этих территорий в империи монголов существенно отличалось от судьбы обширных пространств Передней и Средней Азии. Так, Среднюю Азию, Иран, Ирак, а севернее Черного моря — южнорусские степи и Крым монголы прямо инкорпорировали в свои собственные государственные образования (улусы), уничтожив на этих землях старые формы государственности. Напротив, в Анатолии же и Грузии монголы сохранили прежние политические структуры, удовлетворившись лишь формальным признанием местными государями верховной власти монголов.

Одним из определяющих факторов, обусловивших сохранение в Анатолии и на Кавказе прежнего политического строения, явилось соперничество между враждующими группами внутри самой монгольской элиты. Анатолия и Кавказ оказались спорной территорией, власть над которой оспаривалась Золотой Ордой и великими ханами. По завещанию Чингисхана (1206—1227), земли к Западу от Амударьи и Аральского моря, включая Рум (мусульманскую и христианскую Анатолию и Византию), Сирию, Иран, входили в улус Джучи, старшего сына Чингисхана. Однако когда после смерти Джучи и Чингисхана в 1227 г. власть над западным улусом перешла к сыну Джучи хану Бату (1227—1255), между ним и великими ханами, преемниками Чингисхана, развернулось соперничество за контроль над юго-западной частью улуса Джучи.[28]

Еще в начальный период монгольского завоевания Анатолия и Кавказ оказываются в центре распри между основателем Золотоордынского улуса ханом Бату и Байджу-нойоном, наместником великого хана в Иране. Анатолийские и Кавказские государства — в первую очередь Иконийский султанат, Киликийская Армения, Трапезундская империя, Грузинское царство — стремились использовать эти противоречия для ослабления своих традиционных противников. Вместе с тем практически повсеместно враждующие партии использовали это соперничество между монголами во внутренней борьбе в собственных государствах, что приводило к значительной их дестабилизации.

[27] *Ibn Bibi*, 455—474; *Vryonis* 1971, 134; *Cahen* 1988, 101—113; *Kuršanskis* 1988, 121; *Bryer & Winfield* 1985, 1:61.

[28] *Juwayni* 1916, 2:222—223; *Тизенгаузен* 1884, 188 (ал-Муфаддал); *Allsen* 2001, 51—56; *Петрушевский* 1970, 232. Ср.: *Lippard* 1984, 189—190.

Сразу после поражения при Кёседаг сельджуки заключили мирный договор с начальником Байджу-нойона Чурмагуном, наместником великого хана в Иране. Однако вскоре сельджуки Икония апеллируют к хану Бату, стремясь ослабить свою зависимость от иранских монголов. Верховную власть Бату признает уже сельджукский султан Гийас ал-Дин Кайхусрав II, после его смерти в 1246 г. его сын ʿИзз ал-Дин Кайкавус II (1246—1259) также остается под покровительством Золотой Орды.[29] Брат ʿИзз ал-Дина — Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан IV (1249—1266) в 1249 г. попытался овладеть престолом при помощи великого хана Гуюка (1248—1249), врага Бату. Кризис завершается компромиссом — к Рукн ал-Дину отошли восточные области султаната, а к ʿИзз ал-Дину — западные. Однако распри между братьями с опорой на Золотую Орду и монголов Ирана не утихли и после этого. В связи со смертью Бату в 1255 г. и резким ослаблением роли Золотой Орды в Анатолии в октябре 1256 г. иранские монголы атакуют Румский (Иконийский) султанат. ʿИзз ал-Дин Кайкавус II дал им сражение, но был разбит и бежал к никейцам. Власть в султанате перешла к Рукн ал-Дину, ставленнику Байджу. Ослаблению влияния Золотой Орды в Анатолии способствовало и водворение в Иране в 1258 г. хана Хулагу (1256—1265), основателя династии иранских Ильханов, включившегося в ставшую уже традиционной вражду с Золотой Ордой. Когда в 1257 г. султан ʿИзз ал-Дин Кайкавус II, вернувшись из Никеи с греческим воинским контингентом, вновь попытался утвердиться в Румском султанате, то вновь был изгнан и бежал в Константинополь (1262 г.), на этот раз навсегда.[30] Сельджукский султанат окончательно переходит под контроль иранских монголов.

Сходная ситуация сложилась и в Грузии в 1242—1245 гг. Байджу делал ставку на уничтожение суверенитета Грузии и интеграцию грузинских земель в монгольскую империю. Царица Русудан апеллировала к Бату и при его поддержке смогла в 1242—1243 гг. вернуться из Имерети в Тифлис вместе со своим сыном и соправителем Давидом Нарином (1245—1292). Байджу в противовес золотоордынцам объявляет новым царем Грузии своего ставленника

[29] *Ibn Bibi*, 475—478, 475, 510; Tarikh 1952, 49—50; Tarix, 93; *Cahen* 1988, 228, 233, 235. Сводку сведений (довольно поверхностную) о монгольских завоеваниях в Анатолии см. также в: *Altunian* 1911.

[30] *Шукуров* 2001, 153—159; *Lindner* 1974; *Cahen* 1988, 249—250.

Давида Улу (1245—1269). Грузия в результате этого распадается на два царства.[31]

В итоге мы имеем два типа отношений с монголами государств Передней Азии: сельджукский и грузинский с одной стороны, и армянский — с другой. Рум и Грузия поначалу сопротивлялись монголам, но, потерпев поражение, искали защиту от мести Байджу у хана Бату. Однако это не оправдало их надежд, ввергло в гражданскую войну, смуту и двоецарствие. Киликийская Армения и армянские князья Великой Армении, напротив, признав Байджу сразу, не только уберегли от опустошительного нашествия, но и смогли отвоевать у сельджуков некоторые свои земли.[32]

О взаимоотношениях Трапезундской империи с монголами в этот период источники сохранили лишь отрывочные свидетельства. В отличие от киликийских армян и князей Великой Армении, сделавших свой выбор еще до 1243 г., трапезундцы понадеялись на удачу сельджуков и приняли участие в битве при Кёседаг на стороне тюрок.[33]

Таким образом, трапезундцы (в отличие от армян) попытались в 1243 г. остановить монголов силой оружия. Однако Мануил I (1238—1263) очень скоро делает крутой разворот в своей политике по отношению к монголам. По предположению Б. Липперда и Э. Брайера, сразу после битвы при Кёседаг, вероятно уже к 1246 г., Мануил I признал сюзеренитет монголов, лично посетив ставку великого хана Гуюка. Следующее по времени прямое указание на зависимость Великих Комнинов от монголов относится к 1253 г.: Рубрук подтверждает, что трапезундский государь признавал главенство монголов. Вполне вероятно, что и трапезундцы были подвержены воздействию той же иллюзии в отношении монголов, которая охватила тогда умы христиан на Западе и Востоке.[34]

[31] *Allen* 1971, 114; *Salia* 1980, 224—228; *Kuršanskis* 1977, 248.

[32] Хасан Джалал (князь Хачена и племянник Иванэ и Закарэ Закарянов), князь Ани Саргис (Шахиншах) сын Закарэ Закаряна, *атабек* Аваг сын Иванэ Закаряна, князь Шамхора *ишхан* Ваграм с сыновьями Акбукой и Хасаном, которым, по словам Киракоса, были возвращены их владения, захваченные мусульманами (*Галстян* 1962, 15—16; *Киракос*, 164—165, 168; *Limper* 1980, Tafel 2). Иванэ Закарян отложился от царицы Русудан и признал монголов еще в 1235 г. (*Allen* 1971, 113).

[33] *Bryer* 1973; *Шукуров* 2001, 160—161. Сводку основных сведений о трапезундско-монгольских отношениях см. также: *Miller* 1926, 24—26; *Janssens* 1969, 80—82; *Kuršanskis* 1979, 24; *Lippard* 1984, 178—179.

[34] *Wyngaert* 1929, 167; *Рубрук*, 89; *Stefec* 2021, 151—153 (№ 12); *Lippard* 1984, 179—180; *Bryer* 1973, 346; *Bryer* 1994.

Выраженная антимусульманская политика монголов, равно как и их христианские симпатии породили в среде христиан (включая армян-монофизитов, православных и яковитов Сирии и Ближнего Востока) надежды на исторический реванш, на искоренение мусульманства. Не исключено, что и понтийские греки испытали те же надежды, зная о монголах и их симпатиях из первых рук. Вероятно, в контексте именно этих надежд, разбуженных монголами, Мануила I могла заинтересовать фигура Людовика Святого, неустанного борца с мусульманством.[35] Мануилом I владела та же идея создания интернационального антимусульманского и антисельджукского фронта, объединяющего монголов и франков, которая, как будет показано в последующих главах, нередко посещала в конце XIV—XV вв. его потомков, трапезундских василевсов, пытавшихся найти интернациональный и интерконфессиональный противовес османской угрозе. Если это так, то ко времени отправки посольства к Людовику IX Мануил I уже находился под покровительством монголов.

Верный политический выбор трапезундцев был вскоре вознагражден: 24 июня 1254 г., судя по лаконичной приписке в Сурожском синаксаре, Мануил I отвоевывает у сельджуков Синоп, потерянный греками в 1228 г. Синоп в это время находился под управлением командующего сельджукскими морскими силами *раʾис ал-бахр* и одновременно *наʾиба* Румского султаната Шуджаʿ ал-Дина ʿАбд ал-Рахмана, который, приняв участие в 1253 г. в сельджукском посольстве в Золотую Орду, получил от хана Бату *ярлык,* пожаловавший ему эти должности. По сообщению Ибн Биби, возвратившись от хана Бату, он отправился в свою вотчину — в Синоп. Таким образом, можно заключить, что захват Синопа греками в 1254 г., скорее всего, был поддержан иранскими монголами, будучи, таким образом, очередным актом в соперничестве между двумя монгольскими центрами власти.[36]

[35] О промонгольских симпатиях анатолийских греков под властью мусульман: *Shukurov* 2021, 454—456. Некоторые примеры христианских симпатий монголов см.: *Lippard* 1984, 158—160; *Шукуров* 2001, 159. О надеждах христианского мира, связанных с антимусульманской направленностью политики монголов, см.: *Guzman* 1971 и особенно 233 и след.; *Aigle* 2014, 41—65. О контактах самого Людовика Святого с монголами см., например: *Вернадский* 1927, 74.

[36] *Nystazopoulou* 1965, 120; *Ibn Bibi*, 520. *Nystazopoulou* 1964, 241—249; *Kuršanskis* 1988, 121—122; *Шукуров* 2001, 180—181. О Шуджаʿ ал-Дине ʿАбд ал-Рахмане см.: *Cahen* 1988, 235, 325. Об институте *наʾиб*ов см.: *Cahen* 1988, 181—182.

Как видно, Мануил I Великий Комнин избрал «армянскую» модель взаимоотношений с монголами. Таким образом, в монгольском вопросе никейские и трапезундские государи заняли разные позиции. Никея, установив добрые отношения с монголами как Ирана, так и Золотой Орды, тем не менее стремилась удержать дистанцию и избежать обязывающих союзов с ними. Трапезундские же государи стали частью Pax Mongolica, надеясь с помощью монголов не только оберечь свои владения от угроз враждебных соседей, но и вернуть стратегическую инициативу в Понтийском регионе. Различие в политических установках двух византийских анклавов, конечно же, обусловлено их наличным политическим потенциалом. Если Никейская империя оставалась региональной сверхдержавой, то Трапезунд, располагая много более скромными возможностями, был вынужден считаться с непреодолимой силой иранских монголов. Сказался тут и географический аспект — западновизантийский анклав оказался недостижимым для монголов, тогда как византийский Понт располагался на лимитрофной окраине Монгольской империи.

Для последующих поколений понтийцев эпоха Мануила I представлялась чуть ли не золотым веком в истории Великих Комнинов: в конце XIV в. Панарет писал, что Мануил был «воинственнейший и удачливейший», «царствовал добро и богоугодно».[37] Исходя из приведенных слов Панарета, можно предположить, что Мануилу I удалось избежать монгольского вторжения. Сходную оценку этой эпохе в переднеазиатском регионе дают только армянские источники, по преимуществу те, что происходили с территории Киликийской Армении, испытавшей даже определенный расцвет под владычеством монголов. В противоположность этому арабская, персидская, грузинская историографии той эпохи наполнены стенаниями по поводу беспрецедентных человеческих и материальных потерь в результате монгольских завоеваний.

Трапезунд, как и Киликийская Армения, не только не подвергся нашествию, но, более того, вернул себе некоторые территории, прежде захваченные сельджуками. Однако в последующее после отвоевания Синопа десятилетие произошли какие-то не совсем ясные изменения в трапезундско-монгольских отношениях, ввергнувшие государство понтийских Комнинов в долгий период внутренней смуты и внешнеполитических (как военных, так и дипломатических) неудач. Несчастья для понтийцев начались в конце

[37] *Panar.*, 61.19—62.1. Новое издание хроники Михаила Панарета: *Панарет*.

правления Мануила I. Есть основания полагать, что Трапезунд сблизился с мамлюками Египта и оказался в оппозиции обширному и могущественному антиегипетскому альянсу между папством, Палеологовской Византией, сельджуками Рума, монгольским Ираном и западно-грузинским царством в Имерети. Перед лицом столь могущественной коалиции мамлюки в свою очередь развивают бурную дипломатическую деятельность, пытаясь скоординировать действия с основным соперником иранских монголов на севере — Золотой Ордой.[38]

Охлаждение отношений между Ильханами и Великими Комнинами выглядит вполне логичным в силу глубоких противоречий между трапезундцами, с одной стороны, и Сельджукидами и Палеологами — с другой. После того как иранские монголы установили полный контроль над Румским султанатом (конец 1250-х гг.) и заключили союз с Византией, Ильханы жертвовали интересами Великих Комнинов, обладавших относительно скромным потенциалом, в пользу их сельджукских и константинопольских соперников.

Единственное свидетельство о промамлюкской ориентации Трапезунда в этот период содержится в двух мамлюкских источниках, сохранивших фрагменты подлинного письма мамлюкского султана Байбарса (1260—1277) к трапезундскому императору («царю Синопа», т. е., вероятно, Мануилу I), датируемого временем до 1262/1263 г. Речь в письме шла о некой внешней угрозе византийскому Синопу, о противоречиях между Трапезундом и Золотой Ордой, а также о нарастающем кризисе во взаимоотношениях Великих Комнинов с Ильханами.[39]

Интересно отметить, что именно на это время — 1264 г. — приходится разрыв отношений между грузинским царем Давидом Нарином (1245—1292) и иранскими монголами. Давид Нарин заручился покровительством Золотой Орды. Именно в 1264—1265 гг.,

[38] *Fallmerayer* 1827, 121—124, 153; *Bryer* 1973, 332—350, особенно, 342—343; *Kuršanskis* 1979, 22—35; *Kuršanskis* 1988, 123; *Savvides* 1982/83, 160—175. См. также: *Коробейников* 1999; *Вернадский* 1927; *Korobeinikov* 2020; *Korobeinikov* 2022; *Успенский* 1926; *Лебедев* 1944; *Pelliot* 1923; *Rachewiltz* 1971; *Morgan* 1989, 203—205; *Voegelin* 1940—1941; *Sivan* 1968, 164—189; *Geanakoplos* 1959, 288—289; *Закиров* 1966, 34—97. Обобщающий очерк связей между монголами и Западной Европой, снабженный обширной библиографией, см.: *Schmieder* 1994, 73—197, особенно 90—117.

[39] *Qalqashandi*, 48—49 (недостоверный перевод интересующего нас текста: *Lammens* 1904, 179—180); *ʿUmari*, 58. Развернутый анализ этих источников и датировку их сообщения см.: *Шукуров* 2001, 170—183.

а также и в 1268 г. между Давидом Нарином и мамлюкским Каиром происходит обмен посольствами.[40] Хронологический и смысловой параллелизм во внешнеполитических шагах Грузии и Трапезунда в 1260-х гг. представляется неоспоримым. Не исключено, что в этот период Великие Комнины и Багратиды совместно разрабатывали внешнеполитическую стратегию своих царств.

Дурные предчувствия Мануила I, угадываемые в его переписке с Байбарсом, не были напрасными. Еще при жизни Мануила или же в самом начале правления его преемника Андроника II (1263—1266) Трапезундская империя вновь теряет Синоп. Муʿин ал-Дин Сулайман Парвана, всевластный *визир* и фактический правитель Румского султаната, отнял город у трапезундского наместника в Синопе. Сельджуки во главе с Муʿин ал-Дином Парвана покорили город в результате битвы; трапезундский начальник города Гавр погиб в бою; сухопутную осаду вело конное войско, набранное в *области Данишмандийа*, а на помощь синопцам император Андроник II (*малик Джанита*) прислал большой отряд «франков»; победа над греками стала возможной только после того, как тюрки сожгли корабли в порту Синопа и замкнули, таким образом, кольцо осады. Судя по рассказу Ибн Биби, Муʿин ал-Дин Парвана предварительно получил *ярлык* от Ильханов на отвоевание Синопа, осада Синопа длилась два года. На основании эпиграфических данных Э. Пикок убедительно датировал захват Синопа Парване временем не позднее ноября 1262—октября 1263 г. Можно думать, что, скорее всего, также и трапезундцы захватили Синоп в 1254 г. и владели им более чем десятилетие на основании санкции монголов, а именно их *ярлыка*. Однако в 1262/1263 г. греки игнорировали повеление, содержащееся в ярлыке владыки иранских монголов, и попытались защитить Синоп.[41]

В 1277 г. мамлюки перенесли военные действия на территорию Анатолии. Одновременно они пытались заручиться поддержкой анатолийских и сирийских правителей, зависимых от Ильханов и готовых воспользоваться первой возможностью, чтобы ослабить узду монголов. Муʿин ал-Дин Парвана, завоеватель Синопа, еще в

[40] *Salia* 1980, 234—235; *Allen* 1971, 116—117.

[41] *Ibn Bibi*, 556; *Ibn Bibi* (*Duda*), 285—286; Tarikh 1952, 55; Tarix, 99—100; *Aksarayi*, 83; *Işiltan* 1943, 60—62; *Peacock* 2010, 106; *Шукуров* 2001, 165—167; *Stefec* 2021, 155—156 (№ 16); *Cahen* 1939, 138; *Kuršanskis* 1988, 121—122; *Nystazopoulou* 1964. Об этом Гавре, *архонте* в Синопе см.: *Bryer* 1970, 181 no. 15.

1275 г. вступил с мамлюками в тайную переписку, а в 1277 г. Ильханы его разоблачили и казнили за сношения с Египтом.[42]

Кульминация в противостоянии мамлюков и иранских монголов наступила в правление императора Георгия (1266—1280). Весной 1277 г. мамлюкский султан Байбарс вторгся в пределы Анатолии и 15—16 апреля нанес сокрушительное поражение монголам в Элбистане, между Кайсери и Малатьей. В мае того же года он вступил в Кесарию и короновался как сельджукский султан. За несколько лет до того султан Байбарс установил связь с изгнанным сельджукским султаном ʿИзз ал-Дином Кайкавусом и, доверяя уговорам противников Ильханов в Анатолии, надеялся с помощью ʿИзз ал-Дина очистить Румский султанат от иранских монголов. Однако Байбарс, не получив существенной поддержки от своих тайных сторонников в стане сельджуков, вскоре (в июне 1277 г.) покинул Анатолию.[43]

В 20-х числах июня 1277 г. (мухаррам 676 г.) к сельджукскому султану Гийас ал-Дину Кайхусраву III (1266—1282) прибыл сельджукский наместник в Синопе Тайбуга и сообщил о том, что Трапезундский морской десант вновь атаковал Синоп, но местные туркмены чепни отбили атаку. В том же 1277 г. мамлюкский хронист Байбарс ал-Мансури упоминает правителем Синопа некоего Михаила, вероятно, грека. Подчеркнем, что событие произошло до 20-х чисел июня 1277 г., а это, вероятно, означает, что Великие Комнины воспользовались весенними победами в Анатолии своего союзника Байбарса I. В сложившейся в 1277 г. ситуации акция Георгия носила антимонгольский и промамлюкский характер. Георгий поплатился за неповиновение только через три года. В июне 1280 г. он был арестован ханом Абакой в «горах Тебриза». По словам Панарета, Георгий был «предательски» выдан архонтами; армянские источники добавляют, что в его выдаче хану Абаке участвовали его мать и сестры.[44] Георгий избрал путь открытой конфронтации с Ильханами, однако трапезундская знать, включая его ближайших родственников, отказалась поддержать его и выдала монголам.

В стане монголов Георгий был осужден монгольским судом *йаргу*, вершившим правосудие по законам обычного права монголов. На *йаргу* судили по нормам Ясы Чингисхана, а также по нормам, письменно незафиксированным. Судьями были сами ханы и особые судьи — *йаргучи*. Летом 1277 г. в *йаргу* судили и Муʿин ал-Дина Парвана, однако ему не удалось оправдаться, и 2 августа Парвана был казнен. Скорее всего, и Георгий прошел через такой суд *йаргу*. Вероятно, ему инкриминировали, как предположил Э. Брайер, связь с мамлюками. Однако Георгий не был казнен и в 1280 г. вновь возвратился на Понт.[45] Сам этот факт говорит о том, что у него были какие-то оправдания, о которых мы ничего не знаем.

После ареста Георгия воцаряется его брат Иоанн II (1280—1297), резко изменивший политику империи. Его правление, будучи ознаменованным переориентацией трапезундской политики на Ильханов, в то же время показало, насколько в Трапезунде были сильны антиильхановские и антипалеологовские настроения, под знаком которых прошли царствования Андроника II и Георгия. Начиная с правления Иоанна II, внешняя политика Великих Комнинов еще более маргинализируется и регионализируется. Великие Комнины все больше теряли интерес к Синопу как воротам из Понта в Константинополь.[46]

Последнюю точку в отказе Великих Комнинов от претензий на Синоп поставил преемник Иоанна II — император Алексей II (1297—1330). Алексей II около 1313 г. заключил антигенуэзский союз с правителем Синопа Гази Челеби, показывая этим, что Трапезунд окончательно отказался от претензий на этот порт. Однако не исключено, что трапезундцы сделали еще одну, на этот раз последнюю попытку овладеть Синопом, прежде чем навсегда отказаться от него. Возможно, что каким-то трапезундским отрядам (или понтийским грекам-наемникам) удалось еще раз на короткое время занять Синоп в 1299 г. Однако эта атака была возглавлена неким Амир-шахом, монгольским чиновником, и не преследовала цели долговременной оккупации порта.[47] Великие Комнины, отныне и до начала XV в., отходят от глобальных политических проблем, будучи полностью поглощены рутинной пограничной борьбой с тюркской кочевой миграцией, захлестнувшей Понт в XIV в.

Почти весь XIII век прошел для истории Великих Комнинов под знаком борьбы за Синоп: с 1204 по 1277 г. они по крайней

[42] См.: *Шукуров* 2001, 169—170 и примеч. 168.

[43] *Ibn Bibi*, 576—584; *Cahen* 1988, 256—262; *Amitai* 1987, 236ff. *Ilisch* 1984, 55; *Irwin* 1986, 57—58; *Lippard* 1984, 25—26.

[44] *Ibn Bibi*, 625. *Ibn Bibi* (*Duda*), 319—321; *Panar.*, 62.7; *Карпов* 2017, 210—211; *Bryer* 1973; *Peacock* 2010, 106.

[45] *Aksarayi*, 93—94; *Ibn Bibi*, 587—588; *Panar.*, 62; *Cahen* 1988, 284 (о судьях-*йаргучи* в Анатолии).

[46] *Карпов* 2017, 457.

[47] *Шукуров* 2001, 188—189; *Карпов* 1990, 79—80; *Vryonis* 1971, 234 no. 550.

мере трижды занимали порт и трижды теряли его (1204—1214; ок. 1225—1228; 1254—1265/66), а четвертая их попытка овладеть Синопом в 1277 г. провалилась. Для осознания того, что некогда вполне реальные планы пробиться к Константинополю превратились после поражения 1214 г. в чистую утопию, Великим Комнинам понадобилось более половины столетия и семь войн за Синоп.

Кочевая миграция на Понте: первый этап

В отношении процессов номадизации, разворачивавшихся в Анатолии и описанных выше в главе 3, понтийская ситуация имела свои характерные особенности и была своего рода исключением. Напомним, что первая волна кочевого переселения развернулась в Анатолии после Манцикертского сражения 1071 г. Численность кочевого элемента, влившегося в Анатолию в XI—XII вв., значительно сократилась в регионе к XIII в. Монгольское нашествие инициировало новую вторую масштабную волну кочевой миграции с примерно 1230-х гг. Понтийская ситуация отличалась от этой общей схемы в трех аспектах. Во-первых, прибрежные районы Понтийской области оставались почти незатронутыми тюркской кочевой миграцией XI и XII вв. Тут сказывалась и географическая труднодоступность Понта, и успешная консолидация местной византийской администрации. Понтийские византийцы сталкиваются с нарастающим кочевым давлением лишь в последние десятилетия XIII в., т. е. в результате второй волны миграций. Во-вторых, на Понте кочевая миграция была направлена не с востока на запад, как переселения кочевников в остальной Анатолии в эту и предшествующую эпоху, но с *запада* на *восток*. После вступления на территорию Малой Азии часть туркменских племен довольно быстро, в течение одного поколения, откочевала на запад до самой сельджукско-никейской границы. При этом их движение на запад никак не затронуло бóльшую часть Понтийской области — кочевники, по всей видимости, прошли южнее. Вероятно, в 1260—1270-х гг. часть из них начала обратное движение на восток, как бы описывая петлю, но на этот раз ближе к морскому побережью. Возможно, это было связано с разгромом монголами в 1260—1270-х гг. туркменских уджей на сельджукско-византийской границе.[48] В-третьих, кочевая миграция на

[48] *Lippard* 1984, 24—33. См. также выше гл. 3.

Понте, развивавшаяся с запада на восток, прошла в два этапа — первый этап в последнем десятилетии XIII в., а второй этап начался в 1330-х гг.

Развитие первого этапа кочевой миграции на Понте фиксируется в 1290-х гг., когда кочевники достигли территорий, находившихся под контролем Великих Комнинов. Начало массовым кочевым набегам в районах, пограничных с Трапезундской империей, положило восстание против сельджукской власти кочевников под началом эмиров Тагачара, опустошивших район Токата и Сиваса (около 1290 г.). Для середины 1290-х гг. сохранилось свидетельство о чрезвычайной силе понтийских разбойников (вероятно, кочевых туркмен) под Турхалом. К 1298 г. туркмены уже дошли до восточных границ Понта, где они опустошили Испир и Байбурт; вождем одной из кочевых орд был некий Азат Муса. В 1298—1299 гг. один из источников вновь сообщает, что кочевые туркмены наводнили «горы Трапезунда» (южные предгорья Понтийского Тавра) и области Эрзинджана и Байбурта и что они не признают ни чью-либо верховную власть, ни авторитет мусульманского духовенства; во главе их находился некий Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани.[49] В приведенных примерах угадывается обратное движение кочевников с запада на восток, о котором мы писали выше.

Итак, «вторая» волна туркменской миграции, инициированная монгольским нашествием, достигла Западного Понта только к 60-м, а Восточного Понта лишь к 90-м гг. XIII в. Вероятно, именно в 1290—1297 гг. туркмены отторгли у империи Халивию — территорию севернее и восточнее Неокесарии (Никсара), о чем сообщил Михаил Панарет.[50] Это была та же волна кочевников, среди вождей которых были упоминавшиеся Азат Муса и Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани.

Возврат Иоанна II к ориентации на монгольский Иран был, среди прочего, несомненно связан с озабоченностью тюркской кочевой миграцией, остановить которую трапезундцы надеялись с помощью монголов. По многочисленным свидетельствам источников, Ильханы весьма деятельно пытались защитить земледельческие районы Восточной Анатолии от кочевых набегов. Их регу-

[49] *Aksarayi*, 190—195, 219—220, 239—247; *Рашид ал-Дин* 1971, № 46 (с. 306—307); *Shafi* 1947, 275—276; *Каухчишвили* 1974, 162; *Kuršanskis* 1988, 123.

[50] *Panar.*, 63.6—8; *Bryer* 1975, 143 (английский перевод отрывка).

лярные военные экспедиции в Понтийскую область были главным фактором, обуздывавшим туркменскую вольницу.[51]

В этой связи весьма примечательны события 1300—1301 гг., в которых, возможно, усматривается прямая согласованность действий Ильханов и Великих Комнинов в борьбе с кочевниками. По словам Рашид ал-Дина, ок. 1301 г. монголы предприняли беспрецедентно масштабную военную операцию против кочевников, охватившую всю территорию Понта от Самсуна до Абхазии («на вершинах гор и склонах холмов Самсуна, Абхазии и Трапезунда»). Грузинские источники подтверждают это сообщение Рашида ал-Дина (а также и его предположительную датировку) — действительно, весной 1301 г. в Грузию вошли монгольские войска. Судя по всему, в монгольской акции против кочевников приняли участие и Великие Комнины: в сентябре 1301 г. тогдашний император Алексей II одержал важную победу над туркменами в окрестностях Керасунта, в результате которой «было побито много тюрок» и был казнен вождь туркмен по имени Κουστουγάνης (возможно, тюрк. Güç Tuğan «Могучий Сокол»). По всей видимости, это был один из кочевых вождей Халивии, как предположила Э. Захариаду.[52]

Весьма примечательно, что греки придали весьма большое значение своей победе над Гуч-Туганом под Керасунтом — кроме Панарета она отражена у Лазаропула (сер. XIV в.), Сгуропула (XIV в.), Хониада (XIII—нач. XIV в.) и Виссариона (XV в.). Хотя греческие источники не объясняют, чем, кроме гибели «множества тюрок» и их вождя, знаменательна была эта победа, однако можно догадываться, что она имела некое этапное значение в динамике борьбы Великих Комнинов с кочевой миграцией в долинах, прилегавших к Керасунту.[53] Может быть, именно эта победа спасла район Керасунта и сам город от казавшейся неминуемой туркменской оккупации и остановила продвижение туркмен далее на юго-восточные районы империи.

[51] *Vryonis* 1971, 245; *Cahen* 1951. Ср. со сближением Михаила VIII Палеолога с Ильханами в 1260—1270 гг. в надежде защитить свои восточные границы от туркмен (*Lippard* 1984, 17—18, 197—198; *Коробейников* 1999, 445—448, 464).

[52] *Panar.*, 63.15—17; *Рашид ал-Дин* 1971, 297—298; *Shafi* 1947, 263; *Bryer* 1973, 347 and n. 73; *Zachariadou* 1979, 342—343; *Bryer* 1975, 133; *Salia* 1980, 241.

[53] HDSE, 218—220; *Papadopoulos-Kerameus* 1891—1898, 1:431—434; *Oikonomidès* 1955; *Lampsides* 1935, 17; ср. *Emecen* 1997, 21—22.

Общая борьба с кочевой миграцией объединяла Великих Комнинов и Ильханов на рубеже XIII и XIV столетий. Как видно, в целом им удавалось добиться в ней успеха. Правление императора Алексея II было одним из самых благополучных за всю историю Трапезундской империи. Признаки добрых отношений между Великими Комнинами и Ильханами многочисленны, хотя сведения о них в источниках разрозненны и неполны. Мы, например, знаем, что в 30-х гг. XIV в. трапезундский *протовестиарий* был в силах заступиться в Тебризе за ограбленных венецианских купцов — слово трапезундского официала имело вес и в монгольской столице. На это же время приходится расцвет торговли понтийских греков и базировавшихся в Трапезунде итальянцев с Тебризом. Именно в эпоху Алексея II достигли апогея связи понтийских и константинопольских интеллектуалов с тебризскими научными школами. Еще ранее Трапезунд исполнял роль своего рода «моста», через который курсировали дипломатические миссии между христианским миром и империей Ильханов: так, в 1287 г. через Трапезунд проследовал несторианин Раббан Бар-Саума во главе посольства Ильхана Абаки в Европу; в 1292 г. на пути в Тебриз и обратно в Трапезунде остановилось посольство английского короля Эдуарда I во главе с Джефри Лэнгли; ок. 1294 г. через Трапезунд из Ирана в Европу прошли Николай, Матфей и Марко Поло, имея, возможно, какие-то поручения от хана к папе и западноевропейским государям.[54]

Очевидно, что отношения между монголами Ирана и Трапезундом не были равноправными, и Великие Комнины находились в зависимости от Ильханов. Однако источники сохранили слишком мало сведений о типе и институтах монгольского контроля над Трапезундской империей. Мы имеем лишь косвенные свидетельства о том, что Великие Комнины платили монголам *джизью*. Возможно, на территории империи постоянно находился монгольский эмиссар и сборщик налога в чине *эльчи* («посла»): известно, например, достаточно долгое пребывание в Трапезунде в 1290-х гг. монгольского *эльчи* Кочаба. Вместе с тем мы можем говорить о некотором притоке монголов на территорию империи, ибо имена монгольского происхождения встречаются у жителей империи.[55]

[54] *Yaballaha*, 52; *Карпов* 1981, 153—154; *Карпов* 1990, 291—296; *Карпов* 2017, 289—290; *Vogel* 1967, 277—278; *Larner*, 39; *Bryer* 1964, 696—704.

[55] *Aksarayi*, 257—259ff; *Шукуров* 2001, 196—197; *Шукуров* 2017, 352, 374—375. Об институте эльчи и его роли в Анатолии см.: *Lippard* 1984, 168.

Смутное время

Однако наладившиеся отношения с монгольским Ираном неожиданно рухнули одновременно с падением власти Ильханов в Анатолии в 1330-е гг. и усилившейся в связи с этим экспансией как оседлых, так и кочевых тюрок на византийском Понте. Мусульманское окружение Трапезундской империи не было однородным. Вдоль южных материковых границ империи располагались независимые или полунезависимые кочевники-туркмены. Следующий пояс определялся мелкими, средними и крупными городскими центрами, достаточно давно освоенными мусульманами, — Самсун, Амасья, Никсар, Карахисар, Сивас, Эрзинджан, Байбурт и др. Здесь значительная часть населения была оседлой, хотя вне города и в этих областях было немало кочевников, служивших неистощимым резервуаром для пополнения армии мусульманских городских правителей. На обломках державы Ильханов в Понтийском регионе вокруг местных городских центров консолидируется целый ряд новых государственных образований. В этом отношении Понт не был исключением — вся мусульманская Анатолия вступала тогда в новую историческую эпоху, именуемую ныне эпохой бейликов («княжеств»). Период бейликов характеризуется высокой степенью фрагментации политической власти. Анатолия оказывается поделенной между карликовыми и часто недолговечными государственными образованиями. Ничем не контролируемая кочевая вольница приводит к значительной деградации традиционных форм оседлой экономики и культуры. Это была темная и тяжелая эпоха.

Трапезундская империя сталкивается с беспрецедентным прежде давлением на свои южные границы независимых понтийских эмиров. Последующие три десятилетия как оседлые, так и кочевые мусульманские правители непрерывно атакуют империю. Нахождение ответа на новый вызов связано с именем императора Алексея III (1349—1390), которому в результате значительных усилий и нетривиальных решений удалось создать на южной границе буфер из союзных мусульманских эмиратов.

В 1330-х гг. в Понтийском регионе усиливается роль Сиваса, правители которого вплоть до конца XIV в. будут стремиться к роли региональной сверхдержавы. В 736/1335 г. правителем Сиваса становится эмир ʿАла ал-Дин б. Джафар Аратна, один из бывших офицеров державы Ильханов, который был наместником в Руме еще в 1328—1333 гг. Около 1341 г. Аратна порывает

с Ильханами в Тебризе и провозглашает себя независимым государем. Аратна подчинил обширный регион, включавший земли, непосредственно прилегавшие к границам Трапезундской империи: Сивас, Амасью, Сонусу, Токат, Никсар, Карахисар, Эрзинджан, Кемах, Байбурт. Аратна скончался в начале 1352 г. Сразу после его смерти в султанате начинается междоусобная борьба, не прекращавшаяся вплоть до прихода к власти в 1381 г. бывшего кесарийского судьи (кази) Бурхан ал-Дина Ахмада, объявившего себя султаном Сиваса. Бурхан ал-Дин попытался объединить бывшие земли державы Аратны, но встретил упорное сопротивление эмиров Амасьи, Никсара, Карахисара, Кайсери, Эрзинджана. В конце 1380-х гг. Бурхан ал-Дин сталкивается с османами, начавшими в эту эпоху свое продвижение в Восточную Анатолию. Кризис разрешается в открытом конфликте Бурхан ал-Дина и Байазида Йылдырыма за восточные владения эмирата Кастамона и Синопа в 1391 г., в котором османам не удалось одержать полной победы.[56]

Отношения Бурхан ал-Дина с Трапезундской империей были враждебными, однако Сивас был отделен от империи владениями эмира Эрзинджана Мутаххартана и не мог составить реальной угрозы Великим Комнинам. Однако лишь в 1390-х гг. Бурхан ал-Дину удается нанести несколько чувствительных поражений Эрзинджану и выйти к трапезундской границе. 14 июля 1398 г. Бурхан ал-Дин был убит эмиром аккуйунлу Кара-Йулуком ʿУсманом, заручившимся прежде поддержкой у османов в Амасье и у Мутаххартана в Эрзинджане. По просьбе самих сивасцев, осажденных эмиром Кара-Йулуком ʿУсманом, османские войска в 1398 г. заняли город.[57]

Карахисарский эмират был одним из понтийских государств, довольно рано вошедшим в соприкосновение с Трапезундской империей. Карахисар (виз. Колония) был важным центром добычи квасцов. Эмират с центром в Карахисаре, возникнув в 1330-х гг., сохранял значительную долю независимости вплоть до первой четверти XV в. Как отдельная политическая единица эмират выделился в эпоху правления в нем Чобанида Хасана Кучука в

---

[56] *Кутби*, 114—115, 120; *Astarabadi* (основной источник по правлению Бурхан ал-Дина); *Sanjian* 1969, № 1343:1; *Zachariadou* 1980; *Uzunçarşılı* 1968, 163—165, 176, 188; *Uzunçarşılı* 1968a, 209—216; *Spuler* 1968, 355; *Cahen* 1991a; *Yücel* 1987, 27—28, 19; *Yücel* 1963; *Шукуров* 2001, 201—204.

[57] *Шильтбергер*, 14—16; *Maqrizi*, 3:906, 979; *ʿAli Yazdi*, 2:256; *Ašikpaša-zade*, 107; *Uzunçarşılı* 1968a, 221.

1330-х гг. 5 июля 1336 г. Хасан Кучук совершает поход против Трапезундской империи. Он был остановлен около самого Трапезунда у горы Митры. О причинах этого нападения на империю, да и вообще об отношениях Хасана Кучука с империей, нам не известно более ничего. Позже область Карахисара мы находим под властью вассала Сиваса Кылыч-Арслана, владевшего также Коюлхисаром.[58] В 1368, 1369, 1373, 1374 гг. Кылыч-Арслан атакует трапезундскую Халдию и Хериану.[59] В 1379 г. Кылыч-Арслан готовится напасть на Трапезунд, но император, предвосхищая его атаку, подготовил Трапезунд и окрестности к отпору врагу. После смерти Кылыч-Арслана (зимой 1380/81 г.) в Карахисаре правит эмир Малик Ахмад. С самого начала своего правления и до конца 90-х годов XIV в. он сохранял дружественные отношения с эмиром Эрзинджана Мутаххартаном и был его вассалом.[60] Об отношениях Малика Ахмада с Трапезундской империей не известно ничего, но, очевидно, они были дружественными, ибо сюзерен Малика Ахмада — Мутаххартан был главным союзником империи в эту эпоху. Примерно с 1422 г. Карахисар контролировался туркменами аккуйунлу.[61]

Эрзинджан к 1348 г. находился под властью Ахи Айна-бега, который был настолько состоятельным человеком, что выкупил город у своего предшественника — случай довольно редкий, а для истории восточной Анатолии, быть может, и уникальный. Он, вероятно, принадлежал к эрзинджанскому ремесленному братству *футувве* (ар. «организация молодцов»). Не исключено, что Эрзинджан, известный центр ремесла в ту эпоху, оказался во власти влиятельного лидера такого братства. Первый поход Ахи Айна-бега против Трапезунда имел место в июне 1348 г., сообщение о котором у Панарета явилось и первым упоминанием в источниках этого правителя.[62]

Байбуртом к 1348 г. владел некий Μαχμάτ Εἰκεπτάρις (вероятно, Мухаммад Рикабдар), также признававший власть Сиваса. Об отношениях между ним и Ахи Айна-бегом ничего не известно, кроме того, что в 1348 г. они в союзе выступили против Трапезунд-

[58] *Panar.*, 64.30—65.2; *Кутби*, 116; *Карпов* 2017, 169—172; *Bryer* 1986, 348; *Spuler* 1968, 131.

[59] *Panar.*, 76—77, 77.3—6, 77.29—33, 78.8—10; *Zachariadou* 1979, 347; *Bryer & Winfield* 1985, 1:173.

[60] *Panar.*, 78—79; *Astarabadi*, 233, 265, 332; *Tihrani*, 1:35.

[61] *Tihrani*, 1: 31, 90, 378—380; *Neşri*, 2:538; *Şükrüllah*, 110—111.

[62] *Panar.*, 68.13—19; *Astarabadi*, 160; *Vryonis* 1971, 401.

ской империи. Однако к 1355 г. в Байбурте правит некий Ходжа Латиф. Ходжа Латиф атакует Трапезундскую империю дважды — в апреле 1360 г. и июле 1361 г. Последний поход Ходжа Латифа в Мацуку в июле 1361 г. закончился для него трагически — он был разгромлен, взят в плен, обезглавлен, а голова его отвезена с триумфом в Трапезунд для всеобщего обозрения.[63] Байбурт перешел после смерти Ходжа Латифа под власть Ахи Айна-бега, ибо последний вскоре атаковал территорию Трапезундской империи со стороны Байбурта. В августе 1361 г. Ахи Айна-бег совершил поход в трапезундскую фему Великая Лазия, а в октябре 1361 г. осадил Голаху и крепость Кукос, но не добился успеха.[64]

Набеги мелких мусульманских правителей в первые десятилетия XIV в. продемонстрировали примечательную устойчивость обороны Трапезундской империи. В постмонгольскую эпоху, когда мусульманская Анатолия стремительно фрагментируется, империя Великих Комнинов сохраняет стабильность и вновь превращается в важную региональную силу, превосходившую по своему потенциалу своих мусульманских соседей.

Повышение статуса империи подтверждает дальнейший ход событий. Во второй половине 1379 г. к власти в Эрзинджане и Байбурте приходит эмир Мутаххартан, который предпочел наладить дружественные отношения с Великими Комнинами. Борьба между Мутаххартаном и сивасским султаном Бурхан ал-Дином продолжалась на протяжении всего царствования сивасского султана. Их противоборство сводилось в итоге к борьбе за твердыни, располагавшиеся на линии Эрзинджан—Коюлхисар и контролировавшие основные магистрали, ведущие из внутренней Анатолии к побережью, т. е., в частности, к территории Трапезундской империи. В своей борьбе с Сивасом Мутаххартан опирался на союз с владетелями Амасьи и Никсара. Таким образом, с 1379 г. вплоть до конца XIV в. Эрзинджанский эмират был чуть ли не единственной державой, с которой Трапезундская империя имела общие сухопутные границы. Лишь на северо-западе границы, в долине Филавонита, империя соприкасалась с эмиратом Хаджи Амира и кочевыми чепни (о них см. ниже). На юго-западе Халдии и на западе Херианы находился вассальный Мутаххартану Карахисарский эмират, остальная же часть границы вплоть до Лазии

[63] *Sanjian* 1969, № 1355:1; *Panar.*, 68, 73.3—6, 73.24—30; *Libad.*, 106.73—89,111—112; *Zachariadou* 1979, 349; *Bryer & Winfield* 1985, 1:303, 309.

[64] *Panar.*, 74.3—8; Tarikh-i taqwim, 80; *Bryer & Winfield* 1985, 1:172, 302, 308; *Bryer* 1988, 144—145 and n. 40.

примыкала к эрзинджанскому эмирату. Трапезундская империя в этот двадцатилетний период была отделена территориями эмирата от остальной Анатолии, где тогда существовало немало крупных владетелей, стремившихся к новым завоеваниям. Поэтому союз, существовавший между империей и эрзинджанским эмиратом и закрепленный женитьбой Мутаххартана на трапезундской царевне,[65] был жизненно важен для Великих Комнинов. Однако выдача замуж за эмира *деспины* вряд ли могла покрыть все услуги, оказываемые Мутаххартаном. По сообщению Абу Бакра Тихрани, Мутаххартан брал *харадж*, т. е. «дань», с Трапезундской империи. Возможно, именно эту дань и имел в виду Клавихо, сообщавший, что император Трапезунда платил дань соседним тюркам.[66]

После перехода в 1398 г. Сиваса под власть османов Байазид приблизился к Эрзинджану и потребовал от Мутаххартана признать его сюзеренитет. Мутаххартан отправляется за помощью к эмиру Тимуру, чью верховную власть он признал еще в 1394 г. В 1402 г. Мутаххартан участвует в анатолийском походе Тимура. Около 1403 г. он умер. Со смертью Мутаххартана значение Эрзинджана как самостоятельного центра резко падает.

Ближайшим союзником Мутаххартана был эмират Таджиддин-огуллары (или эмират Джаник), который выделился из Сивасской державы в конце 60—70-х гг. XIV в. Основатель эмирата — Тадж ал-Дин упоминается у Панарета с 1362 г. Он владел Никсаром, долиной Фанария, Сонусой, Искефсером. К побережью его владения выходили в районах Лимнии и Инея. Как показал Э. Брайер, частые посещения Лимнии императором Алексеем III в период с 1351 по 1369 г. были связаны с попытками трапезундцев оттеснить от города тюрок Тадж ал-Дина, спускавшихся с гор в дельту Ириса на зимовки. В 1362 г. Тадж ал-Дин сватался к царевне из рода Великих Комнинов, однако ему было отказано, ибо он не представлял сколько-нибудь серьезного интереса для Трапезунда. Но в 1379 г. из-за возросшей угрозы со стороны Кылыч-Арслана Алексей III идет на матримониальный союз с Тадж ал-Дином, выдав за него свою дочь Евдокию. Благодаря этому браку Лимния возвращается в пределы империи. Но между 1380 и 1387 гг. Лимния вновь оказывается под властью тюрок Джаника. Однако в октябре 1386 г. во время войны с Сулайман-бегом б. Хаджи Амиром Тадж ал-Дин погиб. Эмират Джаник, поделенный между по-

[65] *Клавихо*, 134—135. Брак, вероятно, состоялся до смерти Кутлу-бега (*Woods* 1999, 46, 49—50; ср.: *Bryer & Winfield* 1985, 1: 173).

[66] *Tihrani*, 1:35; *Клавихо*, 117; *Stefec* 2021, 253 (№ 91).

томками Тадж ал-Дина, пришел в полный упадок. Евдокия, дочь Алексея III и вдова Тадж ал-Дина, отличавшаяся редкой красотой, вскоре вернулась в Трапезунд и, возможно, была выдана за византийского императора Иоанна V Палеолога.[67]

Восточнее эмирата Джаник располагались владения Хаджи Амира, эмира Халивии. Основали эмират в Халивии предки Хаджи Амира — по-видимому, именно те туркмены, которые пришли на Понт в описанную выше первую волну миграции. Об их племенной принадлежности ничего не известно. Вероятно, верхушка этих племен перешла к оседлости, в то время как большинство продолжало кочевой образ жизни. Возможно, именно деда Хаджи Амира, Гуч-Тугана, трапезундцы казнили в Керасунте в 1301 г. Отец Хаджи Амира, Байрам-бег, дважды вторгался в Трапезундскую империю в 1313 и 1332 гг. В течение 1357 г. происходит два столкновения греков с тюрками. Хаджи Амир совершает набег на империю, а Алексей III убил 14 тюрок на мысе Ясон, вероятно, из подданных Хаджи Амира. Наконец, в августе 1358 г. император выдает за Хаджи Амира свою сестру Феодору, а в декабре 1361 г. лично посещает замок-резиденцию (ὁσπιτόκαστρον) Хаджи Амира, локализация которого до сих пор неизвестна (возможно, он располагался южнее Керасунта). Около 1386 г. Хаджи Амир, заболев и почувствовав приближение смерти, передал власть одному из своих сыновей — Сулайман-бегу. После 1386 г. отношения Сулайман-бега с империей были, скорее всего, враждебными — в течение 1396 и до мая 1397 г. он захватывает Керасунт и с торжеством уведомляет об этом Бурхан ал-Дина, чей сюзеренитет он к этому времени принял. По сообщению Клавихо, в 1404 г. потомки Хаджи Амира владели прибрежными крепостями Леона (Вона) и Стома (Пазар), западнее Керасунта. С этих пор какие-либо упоминания эмирата исчезают из источников. По всей видимости, Халивия, т. е. эмират Хаджи Амира, перешла между 1404 и 1427/28 гг. под власть Трапезундской империи.[68] Это было последним территориальным приобретением Великих Комнинов.

[67] *Panar.*, 78.34—79.11 (брак с Евдокией), 80.13—19 (событие датировано 24.10.6895/1386); *Карпов* 2017, 248—251; *Bryer* 1975, 129—132; *Bryer & Winfield* 1985, 1:98—99, 102; *Stefec* 2021, 250 (№ 89); *Zachariadou* 1979, 345— 348, 351. О гибели Тадж ал-Дина см.: *Astarabadi*, 335 (событие датировано рамазаном 788 г./26.09—24.10.1386).

[68] *Panar.*, 63.24—25, 64.12—15, 72.5—8, 72.19—23, 29—33,73—74; *Astarabadi*, 332—334, 529; *Клавихо*, 114; *Bryer* 1975, 130, 143—144; *Bryer & Winfield* 1985, 1: 163 n. 38, 263; *Шукуров* 2001, 220—223.

О взаимоотношениях Великих Комнинов с мусульманскими правителями Синопа известно слишком мало, и общую их логику можно попытаться выстроить лишь предположительно. Недостаток сведений о синопско-трапезундских отношениях в XIV в. не может не удивлять: эмират Синопа и Кастамона продолжал оставаться одним из самых влиятельных субъектов политической игры как на Черном море (наряду с Трапезундом, Генуей и Венецией), так и на материке в западно-анатолийском регионе. В Синопе на рубеже XIII—XIV вв. продолжали править потомки некогда могущественного рода Парвана. Гази Челеби, владевший Синопом ок. 1300—ок. 1324 гг., имел неоднозначные отношения с трапезундцами. В мае 1313 г. он в союзе с трапезундцами (которых поддержали греки, армяне и татары Солхата) атаковал генуэзскую Каффу. Однако уже в 1315 г. (до июля-сентября) Гази Челеби изгнал из Синопа православного епископа, что, скорее всего, свидетельствовало о начале каких-то гонений на местных греков. Еще через три или четыре года, в 1318/19 (6827) г., синопский флот атаковал сам Трапезунд. Возможно, что это было ответом Гази Челеби на трапезундско-генуэзское сближение, выразившееся в подписании мирных договоров в 1314 и 1316 гг. С этих пор, по всей видимости, отношения между Великими Комнинами и мусульманскими правителями в Синопе надолго портятся. Около 1324 г. Синоп перешел под контроль эмира Кастамона Сулаймана-паши (ок. 1324—1345) из династии Джандаров (Исфандийаров). Однако это не привело к улучшению отношений: в 1340 г. синопцы вновь намеревались атаковать Трапезунд.[69]

Трапезундско-синопское сближение произошло, по всей видимости, в 40-е гг. XIV в. В ноябре 6866 (1357) г. в Трапезунд прибыла дочь василевса Алексея II Евдокия, которую хронист именует *синопской деспиной* и которая была женой ʿАдил-бега, сына Сулайман-паши. Свадьба ʿАдил-бега б. Сулаймана (1345—1361) и Евдокии произошла между 1345 и 1357 гг. Можно предположить, что это событие имело место в правление дяди Евдокии императора Михаила I (1344—1349), в период попыток генуэзцев, в то время дружественных Трапезунду, урегулировать свои отношения с ʿАдил-бегом. Скорее всего, Евдокия, навестив Алексея III, который приходился ей племянником, вернулась к мужу и продолжала после 1357 г. оставаться *деспиной* Синопа. Трапезундско-синопские отношения претерпели новый кризис в 1360-х гг., уже после смерти ʿАдил-бега, в правление его сына Кётюрюма Байазида (1361—1385). Весной или летом 1368 г. (до 19 июля) лодочный флот неких азапов, т. е. тюркских корсаров, атаковал трапезундский островок Араниоты у Керасунта. Почему синопцы предпринимали враждебные шаги по отношению к Алексею III в 1362 и 1368 гг. — не известно.[70]

[69] *Panar.*, 63.26—64.2; *Карпов* 2017, 348; *Карпов* 1981, 101; *Vryonis* 1971, 327; *Коробейников* 1995, 158.

В последней трети XIV в., как представляется, отношения Великих Комнинов с синопскими эмирами нормализуются. Как показано выше, Трапезунд и Синоп-Кастамон оказались в одном антисивасском и антиосманском лагере. Чуть позже, в период активизации османской экспансии в Южном Причерноморье, синопские тюрки и понтийские греки вновь окажутся союзниками и поддержат эмира Тимура; еще через полвека, в середине XV столетия, эмир Синопа будет упоминаться в числе союзников Великих Комнинов.

Кочевая миграция на Понте: второй этап

Помимо оседлых мусульман Трапезундской империи продолжали противостоять кочевники, представлявшие для нее зачастую не меньшую угрозу. Если первый этап кочевой миграции на Понте, развернувшийся в 1290-х гг., был подавлен совместными действиями Ильханов и Великих Комнинов, то начиная с 1330-х империя вновь столкнулась с кочевой угрозой. Новая волна кочевой миграции продолжала сохранять отмеченную выше знаменательную особенность — она была направлена с запада на восток. Четыре туркменских племени — чепни, аккуйунлу, боздоган, духар — пошли последними в обратной миграционной волне и избрали самый северный путь по прибрежным районам Понта. Все четыре племени пришли в Анатолию из Средней Азии лишь в эпоху монгольских нашествий. Можно предположить, что эти четыре племени составили подобие конфедерации, которая распалась позже в результате столкновения с военной силой и дипломатией Великих Комнинов.

Наиболее мощным из этих племен были чепни. Самое раннее упоминание туркмен племени чепни в Анатолии — сообще-

[70] *Panar.*, 72.15—17, 76.24—25; *Bryer & Winfield* 1985, 1:73; *Bryer* 1975, 128, 145 n. 133; *Bryer* 1975—1976; *Карпов* 1990, 80; *Kuršanskis* 1977—1978; *Шукуров* 2001, 226.

ние мамлюкских источников об участии неких туркмен в захвате Синопа в 1262/1263 г. силами Муʿин ал-Дина Парвана. Ничего не известно о том, насколько глубоко в материк распространялась власть Великих Комнинов за пределы Синопа в период с 1254 по 1262/1263 г. Однако, скорее всего, уже в эту эпоху пришлось столкнуться с давлением кочевников чепни на синопские владения в период, предшествующий падению города. В 1277 г. чепни вновь оказываются на острие борьбы с греками и отбивают их последнюю атаку на Синоп. Далее чепни начинают медленно двигаться на восток к западным пределам Трапезундской империи. Примерно через 70 лет они оказываются под Трапезундом, покрыв за время жизни почти трех поколений более 400 км. Первое упоминание об их присутствии в этом регионе принадлежит Панарету и относится к событиям 29 июня 1348 г., когда чепни в союзе с Ахи Айна-бегом из Эрзинджана, Мухаммадом Рикабдаром из Байбурта и туркменами боздоган и аккуйунлу атаковали сам Трапезунд. Объединенная рать тюрок должна была представлять собою значительную военную силу. Сражение длилось три дня, однако коалиция потерпела поражение и отступила, «теряя по пути много тюрок». В этот период чепни расселились в долине реки Филавонит (Харшит), примерно в 70 км западнее Трапезунда, из которой они полностью вытесняют греческое население. В последующие годы Великим Комнинам, по всей видимости, удалось (пожертвовав долиной Филавонита) ограничить распространение кочевой экспансии чепни на другие земледельческие регионы.[71]

Ничего не известно о том, как строились обычные отношения между Великими Комнинами и чепни — признавали ли туркмены верховную власть василевса, платили ли ему дань. Известно только о трапезундских карательных экспедициях, целью которых было очистить от чепни долину Филавонита (1370 и 1380 гг.). Однако этого трапезундцам сделать не удалось — по данным османских источников второй половины XV в., чепни продолжали контролировать долину.[72] Что несомненно удалось грекам, так это канализировать экспансию чепни в южном направлении. Вероятно, к концу XIV в. чепни начинают расселяться в Хериане. Часть чепни, по всей видимости, все же приняли крещение и откочевали на юг — в Каппадокию, но в какой именно момент времени это

[71] *ʿUmari*, 58; *Qalqashandi*, 8:48—49; *Ibn Bibi*, 625; *Panar.*, 68.13—19; *Bryer* 1975, 132—133; *Шукуров* 2001, 172—173, 177, 185, 227—231.

[72] *Panar.*, 77.10—16, 79.12—29; *Papadopoulos-Kerameus* 1898, 680; *Bryer* 1976, 136—137 n. 25; *Bryer* 1975, 133; *Bryer & Winfield* 1985, 1: 140—141, 258.

произошло, сказать трудно. Свое распространение на восток мусульманская часть племени продолжила и в последующие столетия. В XVIII в. их присутствие фиксируется в Лазистане, в 1915 г. они достигли границ Российской империи в Юго-Восточном Причерноморье.[73] Племена чепни в течение всей истории своего пребывания на Понте выступают как непримиримые антагонисты понтийских греков. Именно благодаря этому антагонизму, их громким победам и поражениям в борьбе с греками источники и отразили их историю с такой подробностью, какой не удостоилось ни одно другое туркменское племя, кочевавшее в Северной Анатолии в ту эпоху.

Иной пример взаимоотношений между понтийскими греками и туркменами репрезентирует история племени аккуйунлу (в переводе с тюркского «бело-баранный»). В 30-х гг. XIV в. во главе аккуйунлу стоял, возможно, некий Тоганджук, чья «держава» располагалась «западнее Трапезунда». К 1340 г. аккуйунлу кочевали в районе Кенхрины и Керасунта. В период с 1340 по 1352 г. туркмены аккуйунлу, в союзе с чепни и другими кочевыми и оседлыми тюрками, нанесли ряд болезненных ударов по империи. Столкновения между аккуйунлу и греками фиксировались в августе 1340 г. — нападение греков на кочевья аккуйунлу — туркмен-духар, союзных аккуйунлу, и далее четыре нападения туркмен на сам Трапезунд — в июле и августе 1341, июне 1343, июне 1348 гг. Походы аккуйунлу, по всей видимости, провоцировались мятежными группировками знати внутри Трапезунда. Однако летом 1352 г. эмир амитиотов Кутлу-бег женился на сестре василевса Алексея III — Марии. Похоже, что переговоры о заключении брачного союза были инициированы в 1351 г. в результате еще одного столкновения трапезундцев с племенем аккуйунлу. Благодаря матримониальному союзу между трапезундской деспиной и вождем аккуйунлу императорской власти удалось обратить оружие тюрок против их прежних союзников. В 1355 г. туркмены аккуйунлу участвовали на стороне императора Алексея III в осаде Керасунта, в котором закрепилась мятежная знать во главе со Схоляриями.[74]

Итак, в период с 1340 по 1348 г. аккуйунлу находились в непосредственной близости от самого города Трапезунда. На это ука-

[73] *Tihrani*, 1:42; *Chalc.*, 1:59.9—11; *Клавихо*, 129; *Bryer* 1975, 133; *Bryer & Winfield* 1985, 1:102, 173; *Шукуров* 2017, 394—395; *Brendemoen* 2002, 284—286.

[74] *Umari*, 31; *Tihrani*, 1:12—13, 174; *Panar.*, 66.5—10, 65.29—31, 66.25—27, 67.17—18, 68.13—19; *Libad.*, 65.10—21, 74.26—30; *Шукуров* 2001, 233—244; *Brendemoen* 2002, 286—288; *Zachariadou* 1979, 341, 346.

зывает частота атак аккуйунлу на город. В июне 1367 г. ставка эмира аккуйунлу Кутлу-бега располагалась у западных границ банды Трикомия, примерно там же, где земли чепни.[75] После 1367 г. аккуйунлу откочевали на восток к Байбурту. Впервые аккуйунлу появились во внутренних областях восточной Анатолии на северных границах государств Карахисара, Сиваса и Эрзинджана лишь к 1379 г.[76] Туркмены аккуйунлу, хотя и сохранили свою мусульманскую идентичность, превратились в верных друзей понтийских греков вплоть до падения Трапезундской имерии в середине XV в.

Источники эксплицитно упоминают на Понте еще одно туркменское племя — боздоган (Ποσδογάνης). Первое упоминание боздоган (в переводе с тюркского «серый сокол») в источниках относится к 1348 г. (хроника Панарета), в восточных источниках впервые туркмены боздоган упоминаются в 1392, 1395 и 1396 гг. Как следует из египетских источников и хроники Астарабади, потомки Боздогана были главами племени туркмен (*turkmān*, *tarākima*). Еще в 30-х годах XX в. в Восточной Анатолии жили юрюки, именовавшиеся этнонимом боздоганлы.[77]

Судя по тому что в среду понтийского населения проникали и тюрки кыпчакского (*куманского*) и тюрко-монгольского происхождения, то можно думать, что на Понте в непосредственной близости от трапезундских границ кочевали какие-то кыпчакские и монгольские племена, однако об их взаимоотношениях с понтийскими греками нет сведений.[78] Не исключено, что какая-то часть из кыпчаков, оказавшихся на территории Трапезундской империи, происходила не из материковых районов Понта, но была привезена из Крыма в качестве рабов.

Оборонительная стратегия империи

Границу Трапезундской империи, исходя из специфики той борьбы, что велась на ней с соседними оседлыми и кочевыми тюрками в XIV в., можно условно разделить на три зоны: 1) приморские границы, т. е. береговые крепости от Лимнии вплоть до

[75] *Bryer* 1975, 146 n. 136; *Bryer & Winfield* 1985, 1: 258.

[76] *Astarabadi*, 163.

[77] *Astarabadi*, 475, 491—492; *Maqrizi*, 3:442, 782; *Ibn Taghribirdi*, 5:548, 584; *Riza* 1934.

[78] О кыпчаках в Восточной Анатолии за пределами империи см.: *Brendemoen* 2002, 282—284; *Шукуров* 2017, 370—371.

Керасунта включительно; 2) материковые территории, включавшие в себя банды Трикомия, Мацука и область Халдию, вплоть до южной границы империи, проходившей через Хериану, и юго-восточные пределы между владениями Великих Комнинов и землями Байбурта; 3) прибрежные восточные банды Гемора, Сирмена, Ризе и фема Великая Лазия, земли которых очень недалеко простирались в глубь материка. *Первая зона* характеризовалась почти полным отсутствием у береговых твердынь хинтерланда. Сразу за узкой береговой линией вставали труднодоступные горы, контролировать которые трапезундцы в XIV в. уже не могли. Банда Трикомия была самой западной областью, где греческие поселения сохранялись в глубине материка.[79] Связанные с Трапезундом лишь морским путем, Лимния, Иней и мыс Ясон были обречены на захват тюрками. Борьба тут не была столь упорной, и к 1404 г. западные земли, кроме Инея, были потеряны империей. *Третья зона* была наиболее спокойной в отношении внешней опасности — по крайней мере источники о ней прямо не упоминают. *Во второй же зоне* борьба с внешней угрозой была наиболее напряженной и одновременно более успешной. Борьба империи с тюрками во второй зоне обороны претерпела несколько этапов.

Первый этап характеризуется часто повторяющейся угрозой самому Трапезунду и соседней банде Мацука. Длился он от начала XIV в. и до конца 50-х гг. В этот период Трапезунд и Мацука подверглись нападениям основателя эмирата в Халивии Байрам-бега, его наследника Хаджи Амира, Шейх Хасана Кучука из Карахисара, туркмен аккуйунлу и Ахи Айна-бега из Эрзинджана. *Второй период* знаменуется переносом борьбы из банд Трапезунд и Мацука в южные пограничные Халдию и Хериану. В этот период трапезундцам уже удается эффективно защищать саму столицу и прилегающие к ней районы. Длился он примерно с 50-х по середину 70-х гг. *Третий период* — 80-е гг. и до конца XIV в. — характеризуется спадом военной активности на материковых границах империи, значительным увеличением их безопасности. Это в большой мере явилось результатом союза между Великими Комнинами и эмиром Мутаххартаном, который сыграл роль буфера между Внутренней Анатолией и Трапезундской империей.

Таким образом, если в первой половине XIV в. наиболее активным элементом среди противников Великих Комнинов являлись кочевники, то с течением времени сила кочевого давления

[79] *Bryer & Winfield* 1985, 1: 160.

спадает. В восточно-анатолийской политике все большую роль начинают играть (как это уже было на рубеже XII и XIII вв.) оседлые мусульманские общества. Трапезунд и Сивас являлись двумя региональными державами, игравшими структурообразующую роль в политическом пространстве региона. По отношению к мусульманским понтийским эмиратам они превратились в два противоположных полюса притяжения. Пока Сивас был силен, он удерживал в подчинении мелких понтийских правителей, однако в 50—70-х гг., с ослаблением Сивасской державы и усилением Трапезунда, ряд эмиратов отходит от сивасцев и объединяется в союзы с Трапезундской империей. В эпоху Бурхан ал-Дина сивасский султанат вновь начинает восстанавливать свои позиции на Понте, однако экспансия Сиваса была прервана неожиданной смертью сивасского султана.

Эпоха Тимура

В конце XIV в. Восточная Анатолия представляла собой пограничное пространство между Османским государством, стремительно набиравшим силы в правление Байазида I (1389—1402), и мамлюкским Египтом, могущество которого шло на убыль. Египет был не в состоянии серьезно претендовать на Анатолию, Османы же медленно, но верно укрепляли свои позиции в Центральной и Восточной Анатолии.[80] Однако казавшееся неизбежным турецкое завоевание Восточной Анатолии неожиданно натолкнулось на новую силу в ближневосточной политике — империю чагатайского эмира Тимура (1369—1405), завоевавшего к концу XIV в. весь Иран, Ирак и Азербайджан. Главный конфликт эпохи между Байазидом I и эмиром Тимуром зрел именно в Северо-Восточной Анатолии, в том регионе, где издавна заметную роль играла империя Великих Комнинов. Трапезундская империя находилась почти в эпицентре зарождавшегося конфликта между турками и чагатайским завоевателем.

Как было показано выше, в последней четверти XIV в. Великие Комнины опирались на разветвленную систему политических связей с окружающими тюркскими эмирами. Однако во второй половине 1390-х гг. христианско-мусульманская коалиция понтийских государств терпит ряд поражений от армий Бурхан ал-Дина

[80] *Yücel* 1973.

Ахмада. В результате южная оборонительная система империи начинает разрушаться. Именно в этот момент в регионе происходит цепь знаменательных событий — смерть Бурхан ал-Дина (1398 г.), вторжение в Восточную Анатолию Байазида I (1398 г.) и, наконец, властное и решительное вмешательство в анатолийскую политику эмира Тимура (1398/99 г.).

Первые серьезные попытки закрепиться на Восточном Понте турки предпринимали еще в царствование Мурада I (1362—1389). Зимой 1383/84 г. Мурад I выступил против эмирата Синопа, заняв Кастамон. Хотя тогда турки не смогли закрепиться в Кастамоне, Джандары признали свою зависимость от Мурада I, и их воинские контингенты участвовали в анатолийских походах турок.[81] Байазиду I Йылдырыму, сыну Мурада, удалось сделать много больше. Первый поход к Кастамону был совершен им еще в 1390 г., но тогда его отвлекли события на европейском театре. Летом 1391 г. турки заняли Кастамон и казнили эмира Сулаймана б. Байазида (1385—1391), и, преодолев сопротивление сивасского султана Бурхан ал-Дина, закрепились в Османджике и, вероятно, Мерзифоне. Исфандийар-бег б. Байазид (1391—1440), новый эмир Джандар, признал верховную власть османов и сохранил за собой Синоп.[82] В это же время или чуть позже под власть Байазида I перешла и Амасья, добровольно переданная ему эмиром Ахмадом б. Шадкелды (1381—1391).[83] Байазида в его борьбе с сивасским султаном Бурхан ал-Дином поддержала большая часть эмиров Джаника — эмир тюрок племени Ташан, вали Бафры, а также Таджиддин-огуллары — внуки Трапезундского императора.[84]

Следующий шаг в покорении припонтийской области Байазид I сделал лишь после гибели Бурхан ал-Дина (июль 1398 г.). Османы косвенно участвовали в убийстве сивасского султана: совершивший на него нападение эмир туркмен аккуйунлу Кара-Йулук ʿУсман обговаривал детали покушения в Эрзинджане, где правил Мутаххартан, и в Амасье, где властвовал тогда сын Байазида — Мехмед. После смерти Бурхан ал-Дина сивасцы, не желая подчиниться эмиру аккуйунлу ʿУсману, добровольно отдались под покровительство Байазида I. Тот, назначив в Сивасе наместником

[81] *Yücel* 1963, 133—144.

[82] *Astarabadi*, 398—421; *Şükrüllah*, 94—96; *Neşri*, 1:318—322; *Ašikpaša-zade*, 106—107; *Zachariadou* 1980, 471—481; *Uzunçarşılı* 1968a, 209—213.

[83] *Astarabadi*, 418; *Ašikpaša-zade*, 107.

[84] *Astarabadi*, 403, 415, 420—421; *Zachariadou* 1980, 476—477; *Oral* 1955; *Oral* 1956, 408—409.

своего сына Сулеймана Челеби, пошел дальше на северо-восток и приблизился к Эрзинджану. Однако эмир Мутаххартан отказался сдать город Байазиду I. В том же 1398 году Байазиду I удалось покорить Самсун, который он отнял у местного эмира Джунайда Куббад-огуллары.[85] Именно в этот момент Байазид I входит в первое столкновение с эмиром Тимуром (1370—1405), находившимся тогда вблизи восточных границ Анатолии.

Начиная с 1380-х гг. и до 1400 г. эмир Тимур в ходе многочисленных кампаний завоевывает Иран, Азербайджан, Ирак. Эти его завоевания перемежались экспедициями против Золотой Орды, в Индию. В 1386 г. он захватывает Грузию и впервые подходит к границам Анатолии. Зимой 1386/87 г. он покоряет Эрзерум, тем самым обозначив анатолийское направление своей экспансии, а Мутаххартан признал верховную власть Тимура. Однако эмир Тимур в первый раз серьезно вмешивается в анатолийские дела лишь через несколько лет, в период своего «пятилетнего похода» на Иран, Ирак и Азербайджан (1392—1397). Инициатива исходила от эмира Мутаххартана, который был не в силах противостоять атакам сивасского султана Бурхана ал-Дина Ахмада. В мае или июне 1394 г. Мутаххартан вместе с эмиром Сирадж ал-Дином, правителем Коюлхисара, прибывает в ставку Тимура в Аладаге и просит от него военную помощь.[86] Тогда же ради укрепления союза с Тимуром Мутаххартан, вероятно, принял участие в военных операциях среднеазиатского воинства против христиан в Западной Грузии. Поэтому, когда в 1398 г. Байазид I осадил Эрзинджан, эмир Мутаххартан обращается именно к Тимуру, своему покровителю, вернувшемуся в Азербайджан из Индийского похода (1398 г.).[87]

Эмир Тимур через посредство послов попытался заставить Байазида I отказаться от Эрзинджана. Усилия эмира Тимура дипломатическим путем уладить конфликт окончились неудачей — Байазид I ответил оскорбительным письмом. Тимур, решив проучить турок и продемонстрировать им свою решимость, 7 сентября 1400 г. занимает османский Сивас. Анатолия содрогнулась от демонстративной жестокости Тимура — он приказал сравнять с землей крепостные стены Сиваса, а несколько тысяч османских воинов были казнены. Хотя, по утверждению самой тимуридской

[85] *ʿAli Yazdi*, 2:255—256; *Maqrizi*, 3:906, 979; *Uzunçarşılı* 1978, 497.

[86] *Astarabadi*, 331—332, 342, 448, 456; *Šami*, 1:153; *ʿAli Yazdi*, 1:691. Очерк взаимоотношений Мутаххартана и эмира Тимура см. также: *Bernardini* 2005.

[87] *ʿAli Yazdi*, 2:255—256.

традиции, эмир Тимур казнил только армян — т. е. христианских защитников города. В конце сентября 1400 г. эмир Тимур покидает Анатолию, пожаловав Сивас и Малатью — ключевые стратегические центры в Восточной Анатолии — Кара-Йулуку ʿУсману, эмиру туркмен аккуйунлу.[88]

Ответ Байазида был незамедлительным. Он захватил Эрзинджан и взял в плен Мутаххартана; также увел в качестве заложников в Бурсу жен и некоторых приближенных Мутаххартана, а город передал в управление Кара-Йусуфу Каракуйунлу. Тот, однако, вскоре отказался от власти, и, по требованию жителей Эрзинджана, Байазид I вернул город Мутаххартану (сам по себе факт поразительный и редкий, особенно не типичный для Байазида). Осенью 1400 г. Байазид I, после захвата Эрзинджана и пленения Мутаххартана, совершил поход и к границам Трапезундской империи. Байазид I покорил туркмен чепни и безуспешно пытался взять Кемах, являвшийся важным стратегическим пунктом в регионе и находившийся во владении Кара-Йулука ʿУсмана — двоюродного брата тогдашнего трапезундского императора Мануила III (1390—1417).[89] Таким образом, Байазид I не только, по существу, уничтожил эмират Мутаххартана, главного союзника Великих Комнинов, но и совершил поход к границам самой Трапезундской империи.

Пока эмир Тимур в течение 1401 г. был занят борьбой за Сирию с мамлюкским султаном Насир ал-Дином Фараджем (1399—1412), Байазид I совершает еще один поход к Эрзинджану. Эмир Тимур, опасаясь потерять свой важнейший стратегический оплот в Восточной Анатолии, поспешил отправить на помощь Эрзинджану войско во главе с царевичем Шахрухом, своим сыном, одним из лучших полководцев того времени. Однако неожиданно Мутаххартан остановил царевича на полпути и написал Тимуру, что инцидент с Байазидом исчерпан и султан раскаивается в своем прежнем противодействии. Более того, в конце 1401 г. Мутаххартан сам прибывает в ставку Тимура в Карабахе уже в качестве поверенного Байазида, имея при себе письмо османского султана к Тимуру. Тем временем турки вновь подступили к Кемаху и взяли его.[90] Очевидно, что Мутаххартан играл двойную игру: завязав отношения с Байазидом I, он пытался умиротворить эмира Тимура.

[88] *Fischel* 1952, 51; *Шукуров* 2001, 264—266.

[89] Tarikh-i taqwim, 82; *ʿAli Yazdi*, 1:691, 704, 2:373ff; *Клавихо*, 140—145; *Chalc*. 1:59.9—15. *Шукуров* 2001, 265—266; *Коробейников* 1996.

[90] *Šami*, 1: 241; *ʿAli Yazdi*, 2:372—378; *Nawayi* 1962, 116.

Таким образом, между 1398 и 1400 гг. Байазид расширил владения османов вплоть до границ Трапезундской империи: теперь на севере по побережью туркам принадлежал мусульманский Самсун (примерно в ста километрах от трапезундского Инея), а на юге им подчинились чепни, враждебные Трапезундской империи. Османам теперь принадлежал также Кемах и, вероятно, Никсар, который в 1403 г. был подвластен Мехмеду I. Более того, Байазид оккупировал также эмират Хаджи Амира вместе с Керасунтом, который находился тогда в руках туркмен.[91]

Разгневанный Тимур немедленно выступил в Анатолийский поход, результатом которого, как известно, было Анкарское сражение, разгром Османской державы и бесславная смерть султана Байазида I в плену у Тимура. Стремительный марш эмира Тимура в 1402 г. в Анатолию вновь кардинально изменил политическую ситуацию в регионе, угрожая Трапезундской империи другой агрессией, теперь уже чагатайской. Вероятно, этот промежуток времени между 1398 и 1402 гг. был одним из самых драматичных моментов в истории империи Великих Комнинов.

О прямой коммуникации между Мануилом III Великим Комнином и эмиром Тимуром сохранились только косвенные сведения.[92] На существование таковой указывает, в частности, то обстоятельство, что заметная часть дипломатических контактов эмира Тимура с христианскими государями происходила именно при посредничестве Трапезунда. Так, в 1400 г. в ставке эмира побывали некие «послы из франкской стороны» (посольство Мануила II Палеолога или венецианцев), которые, получив богатые дары, «отправились назад через Трапезунд».[93] Сношения между Константинополем и Тимуром, как правило, происходили через посредство Трапезунда: итальянские источники зафиксировали в августе 1401 г. возвращение в Константинополь через Трапезунд византийско-генуэзского посольства вместе с представителями Тимура. До 10 сентября 1401 г. оно вновь было отправлено к эмиру опять через Трапезунд.[94]

Однако отношения между Великими Комнинами и эмиром Тимуром были далеко не безоблачны. Мануил III — как и эмир Мутаххартан и Палеологовская Византия в 1400—1402 гг., —

[91] *Neşri*, 1:378—379; *Schiltberger*, 95—97; *Nawayi* 1962, 117—118; *Feridun-bey Ahmet*, 1:134; *Uzunçarşılı* 1978, 497.

[92] См., например: *Stefec* 2021, 357—358, 262—264 (№ 94, 102).

[93] *ʿAli Yazdi*, 2:252; *Šami*, 1:217; *Шукуров* 2001, 270.

[94] *Iorga*, 4:113; *Alexandrescu-Dersca* 1942, 52 n. 1.

формально признавая верховенство Тимура, одновременно вел секретные переговоры с Байазидом I. Вероятно, в 1400 или 1401 г. Байазид I в награду за поддержку вернул Мануилу III Керасунт, потерянный греками в 1396—1397 гг.[95] Интриги Мануила III вызвали гнев Тимура. Весной 1402 г. Тимур совершил поход против трапезундцев, в результате которого трапезундский император согласился предоставить чагатайскому воинству 20 галер и, кроме того, император Мануил III, возможно, лично посетил лагерь эмира.[96]

Лавирование между османами и чагатайцами и последующий конфликт с эмиром Тимуром, возможно, были истинной причиной и острого внутриполитического кризиса в самом Трапезунде. В 1401—1402 гг. произошло открытое столкновение между Мануилом III и его сыном и соправителем, будущим трапезундским императором Алексеем IV, в ходе которого последний провозгласил себя самодержцем. Можно предположить, что Алексей и трапезундская знать восстали против союза с Байазидом, купившим за Керасунт дружбу Мануила III. Однако ультиматум Тимура, который был поддержан мятежной трапезундской знатью, вернул Мануила III в чагатайский лагерь.[97]

После знаменитого Анкарского сражения (28 июля 1402 г.) Трапезунд продолжает фигурировать в источниках как часть Чагатайской империи и после ухода Тимура из Анатолии. По меньшей мере вплоть до середины 1405 г. Трапезунд упоминается как часть «западного удела» Чагатайской империи.[98]

Эмир Тимур на рубеже XIV и XV вв. целенаправленно создавал предпосылки для структурирования и укрепления в Северо-Восточной Анатолии власти своих сателлитов, которым отводилась роль заградительного буфера для продвижения на восток османов, а также и плацдарма для будущих завоевательных кампаний Тимура в западном направлении. В 1400 г. Тимур разгромил ключевых союзников османов в Западном Иране и Ираке —

[95] *Шукуров* 2001, 275—282.

[96] *Sanuto*, 797—798; *Alexandrescu-Dersca* 1942, 123—124; *Ibn Arabshah*, 202; *Умняков* 1956, 184—185; *Умняков* 1960, 28; *Умняков* 1960a; *Fallmerayer* 1827, 227—229; *Шукуров* 2001, 271—275. Как добавляет С. П. Карпов, об опасности, нависшей над Трапезундом, знали и венецианцы: *Карпов* 2017, 480—481.

[97] *Клавихо*, 117—118; *Bryer* 1984, 317—318; *Шукуров* 2001, 282. Об отражении этих событий в венецианских источниках того времени см.: *Карпов* 2017, 480, сн 261.

[98] *ʿAli Yazdi*, 2:521ff., 569; *Hafiz Abru*, 13; *Tağ as-Salmani*, fol. 72r (Übers.: S. 53); *Карпов* 2017, 482.

государства Кара-Йусуфа, предводителя туркмен каракуйунлу, и багдадского султана Ахмада Джалаира. Тимур приложил много усилий для усиления в Восточной Анатолии своих вассалов, в первую очередь эмира Мутаххартана и туркмен аккуйунлу. Однако в 1403 г. Мутаххартан умер, а сразу после смерти Тимура Кара-Йусуф Каракуйунлу, вернувшись из изгнания, приступил к отвоеванию Азербайджана и Ирака у Тимуридов.[99]

Однако это вовсе не означало, что Тимуриды окончательно утеряли влияние в Анатолии. Шахрух, сын и преемник Тимура в Иране (1405—1447), поддерживал эмиров аккуйунлу, обеспечил превращение эмирата Аккуйунлу уже позже, в начале 1450-х гг., в мощную державу.[100] Великие Комнины, а также и Палеологи находились в дипломатической переписке с Шахрухом. Сношения между обоими византийскими государствами с Шахрухом, вероятно, строились при посредничестве эмиров аккуйунлу.[101]

Великие Комнины продолжали сохранять тесную связь со своим традиционным союзником в Анатолии — эмиратом Аккуйунлу, который являлся опорой западной политики Шахруха. Трапезундско-туркменский союз, в соответствии с традициями трапезундской дипломатии, был скреплен браком: вероятно, около 1422 г. Кара-Йулук ʿУсман-бег женился на дочери, вероятно, Алексея IV (1417—1429).[102] В 1422 г. Алексей IV прибыл с осадными орудиями на помощь к эмиру Кара-Йулуку ʿУсману под Эрзинджан.[103] Тесная связь между Кара-Йулуком и Алексеем IV удостоверяется и анатолийским армянским источником, который даже утверждал, что власть эмира Кара-Йулука распространялась и на Трапезунд. Вообще, христиане-армяне, и в особенности те, кто населял Эрзинджан и его окрестности, были весьма довольны правлением ʿУсман-бега.[104]

Связь между Великими Комнинами и Шахрухом, очевидно, осуществлялась не только через посредство эмирата Аккуйунлу. Великие Комнины, по утверждению Халкокондила и анонима Зораса, имели непосредственные сношения с какими-то Тимуридами: между домом Великих Комнинов и Тимуридами существовали матримониальные связи. Мы до сих пор не знаем, кто именно из представителей или (что вероятнее) представительниц Комнинов сочетался браком с Тимуридами, однако в свете приведенных выше фактов в наличии таких связей вряд ли можно сомневаться. За самого Тимура или кого-то из Тимуридов была выдана, скорее всего, какая-то из дочерей Мануила III.[105]

[99] *Savory* 1964.

[100] Об эмирате Аккуйунлу см.: *Woods* 1999; *Roemer* 1986, 157—158.

[101] *Nawayi* 1962, 180—182; *Feridun-bey Ahmet*, 1:153. Подробнее см.: *Шукуров* 2001, 286—291.

[102] *Duc.*, 163—165; *Kuršanskis* 1979a, 244—246.

[103] *Tihrani*, 1:76, 90—91; *Sanjian* 1969, № 1422:2; см. также: *Stefec* 2021, 264—265 (№ 105).

[104] *Sanjian* 1969, 210, а также № 1425:9, 1435:2, 3; *Фома Мецопский*, 69.

Завоевания Тимура и его широкая дипломатическая активность в христианском мире инициировали зарождение качественно новых *поликонфессиональных* (христиано-мусульманских) политико-дипломатических структур на обширных европейских и азиатских пространствах. Еще в эпоху монгольского нашествия намечались контуры «гетеро-конфессиональных» христианско-монгольских коалиций. Однако логика этих альянсов оставалась в рамках традиционной антимусульманской направленности христианского мира, сложившейся еще в эпоху византийско-арабского соперничества и первых крестовых походов. Эмир Тимур впервые в истории христианско-мусульманских отношений на Ближнем Востоке столь последовательно и однозначно подчинил свою политику критериям политической целесообразности, решительно отодвинув конфессиональный фактор на второй план. Он поставил интересы мировой империи выше интересов религиозной общины. Византийский мир, а вслед за ним и западноевропейские державы поняли и приняли новые правила игры, ибо последующая история антиосманского движения — это одновременно и история христиано-мусульманских коалиций. Трапезундская империя находилась в эпицентре этих новых тенденций в мировой политике. Великие Комнины, благодаря их прочным связям как в христианском, так и в мусульманском мирах, оказались главным связующим звеном в организации этих новых поликонфессиональных образований.

Османский натиск

После Анкарского сражения в османских владениях на Понте утверждается один из сыновей Байазида — Мехмед I, который получил от эмира Тимура перед его уходом из Анатолии регалии

[105] *Chalc.*, 2:219.5—9; *Zoras* 1957, 103.26—27; нем. пер.: *Schreiner* 1985, 78; англ. пер.: *Philippides* 1990, 80.

султанской власти. Некоторое время после завершения Анатолийской кампании Тимура, в 1403—1404 гг., Мехмед I продолжал чеканить монеты с именем Тимура. Еще в 1402—1403 гг. он укрепил свою власть в Амасье, Токате, Никсаре, Сивасе, а также попытался водвориться в понтийском Карахисаре.[106] За время правления султана Мехмеда I (1413—1421) значительных приобретений, сравнимых с завоеваниями Байазида, в этом регионе совершено не было.

Энтони Брайером была высказана мысль, что Мустафа Челеби, один из братьев и соперников султана Мехмеда I, искал поддержку в Трапезунде.[107] Возможно, Мустафа Челеби где-то на рубеже 1414 и 1415 гг. находился в Джанике, может быть, в Самсуне, а может быть, и в Трапезунде. В своей борьбе против Мехмеда I, по крайней мере дипломатической, он мог опираться на поддержку синопцев и трапезундцев.

Следует отметить, что на время наибольшей активизации действий турок в Джанике приходится смерть трапезундского императора Мануила III (1417 г.). По слухам, сообщенным Перо Тафуром, Мануил III был убит своим сыном Алексеем IV, который обратился за помощью к Великому Турку, т. е. Мехмеду I.[108] Можно допустить, что Мустафа Челеби действительно был поддержан Мануилом III, что определенно вызвало недовольство турок. Этим мог воспользоваться Алексей IV, который при поддержке Мехмеда I устранил от власти своего отца и позже, как передает Тафур, убил его.[109]

В понтийской области Мехмедом I была создана довольно устойчивая система. Политическая раздробленность региона была практически уничтожена. Из былого многообразия мелких государств на Понте остался единственный суверенный эмират Таджиддин-огуллары (Джаник) во главе с Хасаном б. Алп-Арсланом. Халивия — владение потомков Хаджи Амира — к этому времени уже перешла под контроль Великих Комнинов. Юго-восточнее располагался эмират туркмен аккуйунлу, не представлявший пока угрозы для турок. Таким образом, в результате деятельности Мехмеда I Понтийский регион превратился в один из самых безопасных для османов. Поэтому в период правления султана Мурада II

[106] *Neşri*, 1:366—415; *Uzunçarşılı* 1978, 497—498.
[107] *Bryer* 1975, 130 n. 58.
[108] *Tafur*, 130. Русский перевод: *Тафур* 2006.
[109] Развернутую аргументацию см.: *Шукуров* 2001, 294—297.

(1421—1451), преемника Мехмеда I, активность османов в пределах Понта еще более понижается, что также объясняется активизацией военных действий на Балканах.

Некоторый всплеск военной активности османов в регионе наблюдается лишь в 1424—1428 гг. В 1424 г. Мурад II аннексировал Кастамон, а в 831 г. х. (10/1427—10/1428) принудил к сдаче Джаникский эмират. Эмир Джаникского эмирата Хасан-бег б. Алп-Арслан сдался по требованию османского военачальника Йаргуч-паши. Хасан-бег был брошен в темницу в Бурсе, а его семья содержалась под арестом в Амасье. Хасан-бегу удалось бежать из заключения, но через два года после этого он возвратился к Мураду II по доброй воле и получил от него землю в Румелии, а также воссоединился с семьей.[110] Примерно в это же время (в 20—30-е гг.) под власть османов переходит и Лимния, принадлежавшая до того эмирату Джаник.[111] В результате этих завоеваний восточная материковая граница Османского султаната установилась по реке Мелет. Восточнее лежали владения Великих Комнинов, включившие в себя бывшие земли эмирата Хаджи Амира в Халивии.

В 1427/1428 гг. османы совершили морской набег на Трапезунд и Крым (Готию), который разорил владения Великих Комнинов и, вероятно, князей Феодоро. Экспедиция произошла во второй половине года, ибо на обратном пути турецкий флот застигла зима и налетевший «северный ветер» разбил часть кораблей о скалы в районе Понтираклии. Причин у этой морской экспедиции могло быть несколько[112]. Во-первых, она могла носить карательную цель — наказать Великих Комнинов за антитурецкий союз с Палеологами. Незадолго до этого, в 1425—1427 гг., в Трапезунде находилось посольство Палеологов во главе со знаменитым Виссарионом, будущим никейским митрополитом, целью которого было укрепить взаимоотношения между обоими правящими домами перед лицом османской экспансии.[113] Во-вторых, не исключено, что османы вмешались во внутреннюю распрю в Трапезундской империи в 20-х и 30-х гг. XV в. Как раз в это время Трапезундская империя была охвачена смутой, которая, вполне возможно,

[110] *Ašikpaša-zade*, 146—147, 159—160; Tarikh-i taqwim, 23, 59; Urudsch, 48, 114; *Uzunçarşılı* 1957; *Uzunçarşılı* 1978, 506; *Yücel* 1964.
[111] Ср.: *Карпов* 1990, 89—90.
[112] *Chalc*., 2:37.16—38.3; *Шукуров* 2001, 298—300.
[113] *Chrysanthos* 1946; *Stormon* 1981, 133.

явилась дополнительной причиной этой кажущейся неожиданной акции османов.[114]

Предпоследний трапезундский император Иоанн IV (1429—1460) еще до своего восшествия на престол установил добрые отношения с османами. Они не нарушались вплоть до прихода к власти Мехмеда II. В 1438 г. Перо Тафур засвидетельствовал, что Иоанн IV был женат на «дочери турка», т. е. мусульманке, и имел своим сторонником «Великого Турка» (т. е. османского султана Мурада II). Более того, сведения о тесной связи между Иоанном IV и Мурадом II прослеживаются и в греческой хронистике того времени. На дружественные отношения между Иоанном IV и Мурадом II кроме Тафура указывает и Георгий Сфрандзи, который посещал Трапезунд и имел частные беседы с Иоанном IV. Сфрандзи отмечает, что василевс был рад восшествию на престол Мехмеда II, который и прежде «дал многое» Иоанну IV (имеется в виду период наместничества Мехмеда II в Амасье в 1443—1451 гг.). Император надеялся, что продлится та «любовь (ἀγάπη), которую дом [трапезундских василевсов] имел с отцом его [Мурадом]».[115]

Но со смертью султана Мурада II наступает новый период в завоевательной политике Османского султаната. Через два года после упомянутого разговора между Иоанном IV и Сфрандзи 29 мая 1453 г. пал Константинополь, и, видимо, сразу после этого на Трапезундскую империю была наложена дань в 2000 золотых. Произошло это до 11 сентября 1454 г.[116] Затем османы переходят к открытому давлению на империю.

Однако одновременно с обострением османско-трапезундских отношений империю постигло еще одно неожиданное несчастье — ее территория и сам Трапезунд были внезапно атакованы *шейхом* Джунайдом, странствующим дервишем-рыцарем, изгнанным из своих владений в Ардабиле. Шейх Джунайд был дедом основателя державы Сефевидов шаха Исмаʿила (1501—1524). В жилах шаха Исмаʿила (род. 1487) текла кровь Великих Комнинов — его матерью была Халима-бегум, дочь трапезундской деспины Феодоры и султана Узун-Хасана. Именно шейх Джунайд почти за тридцать лет до рождения своего великого внука чуть было не взял Трапезунд.

Джунайд принадлежал к суфийскому ордену *сафавийа*, шейхи которого правили иранским городом Ардабилем. Джунайд встал

[114] *Laurent* 1953, 250—255; *Laurent* 1955; *Kuršanskis* 1979a, 239—247; *Bryer* 1984, 309—327.

[115] *Sphran.*, 106.4—6.

[116] *Карпов* 2017, 487.

во главе ордена в 1447—851/1448 г. Однако в результате конфликта с Джахан-шахом, султаном Каракуйунлу (1438—1467), шейх Джунайд был вынужден бежать из Ардабиля (ок. 852/1448 г.) вместе с узким кругом своих сторонников. Он прибывает во владения османского султана Мурада II и просит у султана наделить его землями в Айдыне. Мурад II не удовлетворил его просьбы и убежища ему не предоставил. Тогда шейх отправился в земли тюрок караман в Конью. Однако вскоре он вынужден был уйти и оттуда — из-за возникших конфликтов с местными улемами. Через землю тюрок варсак в Киликии Джунайд отправился в Сирию в Халеб (Алеппо) и обосновался в Джебель-Арсус, что располагается в заливе Искандеруна (Александретта). Однако и тут местные шейхи выступили против Джунайда и пожаловались на него египетскому султану Чакмаку (1438—1453). Чакмак приказал схватить шейха Джунайда. Чудом Джунайду удалось спастись и бежать в Джаник. В 1460 г., вскоре после возвращения в Ардабиль из своих скитаний по Сирии и Анатолии, он погиб в стычке с Халил-Аллахом, владетелем Ширвана.[117]

На мусульманском Понте — в зоне крепостей Коюлхисар, Карахисар, Акшахр, Ширан — шейх Джунайд оказался ок. 1453 г., бежав из Сирии от местных улемов. В июне—июле 1456 г. шейх Джунайд во главе местных отрядов атакует сам город Трапезунд. Войско шейха пробивалось к Трапезунду вдоль западной границы Халдии через Трикомию. Нападение Джунайда совпало со вспышкой чумы в Трапезунде. Попытка трапезундцев высадить десант в поддержку сухопутному войску не удалась, Джунайд нанес поражение войскам трапезундского *пансеваста* Александра Кавасита, сам *пансеваст* погиб вместе с сыном. Трапезундцы в панике обратились в бегство по суше и на кораблях, в их числе был и сам император Иоанн IV, находившийся во время боя в монастыре Св. Фоки в Кордиле. Шейх Джунайд, пройдя Кордилу, приблизился к Трапезунду. Через три дня, так и не взяв города, шейх ушел в Месохалдию, хотя Трапезунд оставался беззащитен, ибо архонты бежали в сторону Грузии.[118]

Нападение Джунайда на Трапезунд вряд ли было инспирировано какой-либо из великих держав — Османским султанатом,

[117] *Hinz* 1936, 24—32; *Roemer* 1986a, 201; *Петрушевский* 1966, 364.

[118] *Chalc.*, 2:220—222; *Philippides* 1990, 124/125 (Ecthesis Chronica..., 59); Σύνοψις Χρονική, 605.10—24; *ʿAshiqpashazada*, 226—227, 264—266; подробный разбор источников и комментарий к этим событиям см.: *Шукуров* 2001, 304—316.

Каракуйунлу или Аккуйунлу. Это было, скорее, разбойничье нападение «странствующего рыцаря», стоявшего во главе случайно набранного сброда.

Сразу вслед за нападением Джунайда империя подверглась атаке османов, которые, заметя очевидную слабость трапезундской обороны, решили слету подчинить себе империю. Хизр-бег, анатолийский османский полководец, узнав о действиях Джунайда на Понте, поспешил нанести еще один удар по Трапезунду. Интересно, что Джунайд, только прослышав о приближении османов, бежал с Понта, вероятно испугавшись столкновения с турками. Турки вновь, как в 1427/28 г., решили испробовать нападение на Трапезунд с моря. Поход этот происходил во второй половине 1456 г., скорее всего, летом или же осенью. В результате атаки турок император Иоанн IV выплатил дань туркам в 2000 золотых; Хизр-бег в ответ на это освободил только что взятых им греческих пленников.[119]

Действия Хизр-бега не оставляли никаких сомнений в истинных планах османов по отношению к Трапезунду. После падения империи Палеологов Великие Комнины превратились в последних лигитимных хранителей византийского имперского наследия. Пока Великие Комнины оставались у власти, турецкий султан не мог себя ощущать легитимным наследником римского императорского титула — *qaysar-i Rūm*, «Кесаря Романии». Великие Комнины стали готовиться к полномасштабной агрессии турок. В этих условиях Иоанн IV попытался найти защиту у самых верных союзников Великих Комнинов в мусульманском мире — туркмен аккуйунлу, тем более что с какими-то эмирами аккуйунлу (своими современниками и потомками Кара-Йулука ʿУсмана и его жены из дома Великих Комнинов) он находился в родственных отношениях. Кто из сыновей Кара-Йулука родился от этого брака, установить пока не удается, но присутствие их или их потомков в туркменской элите того времени представляется почти бесспорным.

Отношения с Узун-Хасаном, султаном Аккуйунлу, завязываются уже в конце 1457 или 1458 г. Увеличение дани, скорее всего, было вызвано недовольством Мехмеда II начавшимся сближением Трапезунда и султаната Аккуйунлу. На наличие неких отношений между Великими Комнинами и Узун-Хасаном уже в первой половине 1458 г. косвенно указывает внезапный разрыв между османами и султанатом Аккуйунлу. Мехмед II инспирирует восстание против Узун-Хасана в двух ключевых твердынях припонтийского региона — в Карахисаре и Кемахе, которые контролировали как подходы к Трапезунду, так и дороги во внутренние области Аккуйунлу. Турки помогли восставшим оружием. А в ноябре 1458 г. в ставку Мехмеда II отправился брат Иоанна IV деспот Давид, чтобы подтвердить договор с турками; дань трапезундцев османам была увеличена до 3000 золотых.[120] Скорее всего, эти два события были связаны и Великие Комнины желали успокоить подозрения Мехмеда II и умиротворить его.

Однако кульминация сближения между Аккуйунлу и Трапезундом приходится на более позднюю дату. Летом 1459 г. Давид Великий Комнин прибыл во главе посольства в ставку Узун-Хасана в местности Сарукийа под Терджаном.[121] Давид, по всей видимости, привез с собой Феодору, свою племянницу, которая была выдана за султана аккуйунлу Узун-Хасана. Вероятно, именно тогда империя формально перешла под сюзеренитет султаната Аккуйунлу. Сразу вслед за этим Узун-Хасан отправил посольство к Мехмеду II с требованием снять дань с Трапезунда, ибо теперь империя будет платить Аккуйунлу.

Феодора имела и приданое — земли в трапезундских бандах Мацука и Сирмена. Как считал М. Куршанскис, Феодора родилась после 1438 г. от той самой турчанки, жены Иоанна IV. Если это действительно так, то, скорее всего, Феодора была двуязычной, владея как греческим, так и тюркским. Двуязычие она, возможно, передала и детям — две ее дочери, по одному сообщению начала XVI в., умели изъясняться на «трапезундском греческом». При дворе Узун-Хасана она заняла одно из видных мест, став «главной» женой султана и активно участвуя в контактах султаната Аккуйунлу с западноевропейскими союзниками. Еще в 1470-х гг., как передавали итальянцы, ее красота славилась на всем мусульманском Востоке. Феодора сохранила христианскую веру, став покровительницей христианских поданных своего мужа. До самой

[119] *Chalc*., 2:178, 222; *Bryer & Winfield* 1985, 1:63; *Stefec* 2021, 295—296 (№ 144).

[120] *Tihrani*, 2:379—382 (русский перевод: *Шукуров* 2001, 363—365); *Chalc*., 2:218.16, 223.1—4; *Schreiner* 1985, 78; *Stefec* 2021, 297 (№ 145); *Kuršanskis* 1977—1978a, 79.

[121] *Tihrani*, 2:382 (русский перевод: *Шукуров* 2001, 364); *Chalc*., 2:243.12ff; см. также: *Duc*., XLV.10, 425; *Stefec* 2021, 297—299 (№ 146).

своей смерти Феодора оставалась горячей противницей османов и мечтала об изгнании их, по крайней мере из Трапезунда.[122]

В отношении содержания посольства Давида к Узун-Хасану и возникших отношений между Трапезундской империей и Аккуйунлу Абу Бакр Тихрани утверждает, что Трапезундская империя приняла покровительство Аккуйунлу и стала выплачивать *джизью*. Тихрани еще в одном месте говорит о требовании Узун-Хасана именно «отдать» ему Трапезунд.[123] Это указывает на готовность Давида выплачивать дань скорее туркменам, чем Мехмеду.

Можно предположить, что Трапезундская империя, чтобы защититься от османов, действительно перешла под верховный сюзеренитет Узун-Хасана. С точки зрения мусульманской политической доктрины, формальное признание империей сюзеренитета Аккуйунлу было бы целесообразным. Если Трапезундская империя принимала сюзеренитет Узун-Хасана, то по мусульманскому праву она включалась в «мир Ислама» (*dar al-islam*) и война с ней превращалась в агрессию против мусульманской державы Узун-Хасана. Формальное признание Узун-Хасана сюзереном явилось бы весьма удачным политическим маневром.

Уже в 1459—1460 гг. между Аккуйунлу и турками начались военные действия за пограничные с Трапезундской империей твердыни. Осенью 1459 г. Узун-Хасан выслал войска к контролируемым турками крепостям Коюлхисар и Мелет. Через Коюлхисар же лежал путь в долину Келькита, через которую можно было добраться до района Байбурта и с востока выйти на Трапезунд. Мелет прикрывал выход на север к Черному морю в районе Воны и Керасунта и на запад вглубь османских владений в Джанике. Коюлхисар вскоре был взят, но Мелет покорить не удалось.[124]

Ответ Мехмеда II не заставил себя долго ждать. Зимой 1459/60 г. 25 тысяч турок во главе с Хамза-бегом атаковали Коюлхисар. Однако османы потерпели неудачу.[125] Возможно, в этих столкновениях с османами принял участие и трапезундский император Иоанн IV.[126] Мехмед II, который готовился к походу против

[122] *Bryer* 1975, 136—137, Appendix II, n. 146; *Bryer* 1981, 487; *Bryer* 1979, 429 ff.; *Kuršanskis* 1977—1978a; *Карпов* 2017, 591.
[123] *Tihrani*, 2:386 (рус. пер.: *Шукуров* 2001, 366).
[124] *Tihrani*, 2:382 (рус. пер.: *Шукуров* 2001, 364).
[125] *Tihrani*, 2:384—385 (рус. пер.: *Шукуров* 2001, 365—366); *Ašikpaša-zade*, 223; *Neşri*, 2:748.
[126] *Карпов* 2017, 492.

Мореи, пошел на заключение перемирия с Узун-Хасаном. К султану Аккуйунлу был прислан некий Муш-ʿАли. Абу Бакр Тихрани пишет, что Узун-Хасан вместе с турецким послом, отосланным назад к Мехмеду II, отправляет свое второе посольство во главе с Хуршид-бегом (весной или летом 1460 г.), «требуя [для себя] Трапезунд и крепости вокруг него». Мехмед II «отправил гонцов к своим эмирам и повелел им с честью [уйти] от Трапезунда и вновь передать [власть] уполномоченным Сахибкирана».[127] Следующей и последней акцией турок против империи явился трапезундский поход Мехмеда II в 1461 г.

[127] *Tihrani*, 2:386 (рус. пер.: *Шукуров* 2001, 366). Ср.: *Stefec* 2021, 310 (№ 152).

Глава 6

ТРИ ПОГИБЕЛИ ВИЗАНТИИ

К концу правления Мурада II Османский султанат вновь превратился в лидирующую политическую и экономическую силу в северо-восточной части Средиземноморья, обладавшую отлично отлаженной административной системой, настроенной на перманентную войну. В Османском султанате и Палеологовской империи власть сменилась с интервалом в два года. В марте 1449 г., после смерти Иоанна VIII († 31 октября 1448), константинопольский престол занял его младший брат, морейский деспот Константин XI (род. 8 февраля 1405). Матерью Константина была Елена Драгаш, дочь сербского деспота Константина Драгаша, имевшего греческие корни по материнской линии. В 1443—1449 гг. Константин весьма успешно управлял Мореей, завершив византийское отвоевание Пелопоннеса. Зимой 1451 г. скончался Мурад II. Османским султаном в начале февраля 1451 г. стал его сын Мехмед II. Мехмед родился в марте 1432 г., а в 1444—1446 гг., по желанию отца, он уже становится султаном под присмотром опытных придворных. Однако Мураду II пришлось вернуться к активному управлению страной в преддверии битвы при Варне. К февралю 1451 г. молодому султану было неполных 18 лет. Его византийскому противнику Константину XI исполнилось уже 46 — это был зрелый политик и военачальник. К этому времени турецкие владения плотно окружали Константинополь, а завоевательная логика османов однозначно предполагала его захват. Во Фракии помимо Константинополя в руках византийцев оставалось еще несколько крепостей, в частности, Силимврия (Силиври), Эпиваты (Селимпаша) и Ираклия (Мармара Эреглиси) на Мраморном море в нескольких десятках километров от Константинополя, а на черноморском побережье — Анхиал (Поморие) и Месимврия (Несебър). Христианский Запад вполне смирился с мыслью о скором падении Города и других византийских земель, которое представлялось неизбежным грядущим. Западные политики размышляли об укреплении новых рубежей, чтобы не допустить османского на-

шествия вглубь Европы. Турки естественным образом разделяли эту оценку перспектив Константинополя. Более того, нахождение в тылу столь мощной и обширной твердыни, как Константинополь, сковывало действия турок во всем регионе — и на Балканах, и на Черном море. Молодой султан задумал захват Города как свое первое великое свершение.[1]

Гибель Константинополя

Осада и взятие Константинополя турками 29 мая 1453 г. громко прозвучали на весь христианский и мусульманский мир. В силу масштабности события и широкого отклика в мире сохранилось множество свидетельств о нем на многих языках. Принадлежат они разным жанрам — повествования профессиональных историков и дипломатов, официальные документы, фольклорные «плачи» по Городу. Два американских исследователя Мариос Филиппидес и Уолтер Ханак опубликовали наиболее объемный на сегодняшний день обзор хода осады, критическое описание свидетельств современников о ней, а также оценку точек зрения исследователей (не во всем, правда, принятую научным сообществом).[2] Базовые (но далеко не все) свидетельства по падению Города публиковались и на русском языке — это в первую очередь исторические сочинения греческих историков Сфрандзи, Дуки, Халкокондила, Критовула, сочинение серба Константина Михайловича из Островицы, древнерусская «Повесть о взятии Царьграда», приписываемая Нестору Искандеру, сочинение османского историка Мехмеда Нешри, некоторые итальянские документы.[3] Весьма добротный и подробный очерк по падению Города, принадлежащий перу Стивена Рансимена, переведен на русский язык.[4]

К началу 1450-х гг. Константинополь представлял собой плачевное зрелище. На протяжении последних десятилетий власти старались поддерживать городскую фортификацию, ремонтируя стены и расчищая рвы. Однако внутри городских стен царили упа-

[1] Добротные общие очерки жизни и деятельности Константина XI и Мехмеда II см.: *Nicol* 1992; *Babinger* 1959 (английский перевод: *Babinger* 1992).

[2] *Philippides & Hanak* 2011 (критические оценки книги см., например, в: *Angold* 2011; *Effenberger* 2017). Об исторических контекстах и последствиях падения Константинополя см.: *Angold* 2014.

[3] *Любарский, Соболь* 2006. Другие издания источников на русском языке: *Сфрандзи* 1987; *Степанов* 1953; *Веселаго* 1953; Повесть 1982; *Анасян* 1953; *Константин Михайлович*; *Нешри* 1987; *Медведев* 1999.

[4] *Рансимен* 1983.

док и разруха. Население в последние годы сократилось — люди покидали обреченный город. Если в прошлые века его население могло достигать полумиллиона и больше, то теперь тут жило не более 50 000 человек. Хотя и тогда Константинополь сохранял статус одной из крупнейших людских концентраций в христианской Европе. Прежде блиставшие красотой и роскошью дворцы, церкви и другие общественные здания пришли в упадок. Даже самый центр города, включая знаменитый Ипподром, находился в запустении. За храмом Св. Софии, находящимся тут же, византийцы все же продолжали заботливо ухаживать. Значительные пространства внутри городских стен были заброшены или превратились в огороды и сады; более населенными были прибрежные кварталы. Обедневшие жители города уже не блистали, как то было в прежние времена, своим богатством и дорогим платьем.[5]

Молодость султана ввела в заблуждение врагов османов — и византийцев, и Запад, и могущественных Караманидов в Анатолии. Караманиды начали военные действия осенью 1451 г., попытавшись в то же самое время восстановить эмираты Айдын, Гермиян и Ментеше. Мехмед II в срочном порядке отправился в Анатолию усмирять восстание, в чем он весьма преуспел. Тем временем император Константин попробовал шантажировать османов, угрожая провозгласить султаном в Румелии некоего Орхана (внука Сулеймана Челеби, находившегося в заложниках в Константинополе), если турки не увеличат размеры выплат на его содержание. Попытка шантажа имела обратный эффект. Константин совершил ровно ту же ошибку, что и в 1421 г. его старший брат Иоанн VIII. Разъяренный султан решил начать осаду Константинополя как можно скорее. Зимой 1451/52 г. Мехмед II переправился на европейский берег.[6]

Турки после неудачных для них осад 1394—1402 и 1422 гг. в последующие годы не решались на лобовую атаку Константинополя, осознав неприступность его укреплений, которые оставались самым мощным и обширным фортификационным сооружением во всем Средиземноморье. Теперь же, учтя опыт предыдущих лет, Мехмед II начал систематическую подготовку к осаде. Султан не терял времени даром. В апреле 1452 г. он начал строительство крепости Румелихисар на европейском берегу Босфора, напротив возведенной на азиатском берегу еще Байазидом I Анадолухисар. Эти две крепости, снабженные тяжелой и легкой артиллерией, перекрывали Босфор и предназначались для блокировки поставок как провианта, так и любой другой помощи из акватории Черного моря в Константинополь. Строительство Румелихисара было завершено в августе 1452 г. Турки называли построенную крепость Башкесен (Başkesen), т. е. «отрубающая голову», а греки — Лемокопи (Λαιμοκοπίη), т. е. «режущая горло». Крепость тем не менее впоследствии оказалась не столь уж эффективной, и многие итальянские корабли проскакивали мимо нее, пока турки перезаряжали орудия. Народ Константинополя попытался остановить разрушение турками церквей и христианских могил в ходе строительства крепости, но османы ответили разорением окрестных сел. Константин XI взял под арест османских подданных на территории Города в надежде остановить турецкие бесчинства. Однако это не возымело действия на султана. Сразу после этого Мехмед II в сопровождении войска появился у стен Константинополя, чтобы лично обозреть театр будущих боевых действий и оценить состояние городской фортификации.[7]

Рис. 14. Анадолухисар (фото 1901 г.).

[5] *Тафур* 2006, 137.
[6] *Doukas* 1975, 192—194; *Philippides & Hanak* 2011, 397—398.
[7] *Philippides & Hanak* 2011, 395—412; *Tursun-beg*, 34.

Рис. 15. Румелихисар (фото начала XX в.).

Несмотря на свою молодость, султан имел четкие представления о том, как следует готовиться к осаде. Он провел реформу янычарского корпуса — сменил влиятельных командиров на своих назначенцев и обеспечил беспрекословную лояльность янычар, введя в их число преданную ему дворцовую гвардию *секбан* (от *перс*. sagbān «псарь»). Мехмед II создал регулярные артиллерийские части, структурно выделив их в отдельный род войск. Для создания орудийного парка он привлек европейцев, как например венгерского (или трансильванского) мастера Урбана, перебежавшего к туркам от византийцев. Султан учредил в Эдирне (Адрианополе) мастерские, где производили и испытывали артиллерийские орудия. Вскоре у османов было около сотни осадных, крепостных и полевых орудий. Эти орудия доставлялись из Эдирне к Константинополю в самый сезон дождей (с конца января по начало апреля 1453 г.) с огромным трудом. Не менее важным султан посчитал достижение превосходства на море. В короткий срок он построил более сотни морских судов. Однако большая их часть — малые корабли, и только 20 средних галей, многие из которых были построены на верфях Галлиполи. У Мехмеда не было больших военных судов по типу галеонов, для строительства которых он, вероятно, так и не нашел мастеров.[8]

[8] *Uyar & Erickson* 2009, 32—33; *Nicol* 1993, 381—382. Об османской артиллерии см.: *Ágoston* 2008, ch. 2. О военной организации османов см. также: *Fodor* 2009.

Последний шаг в приготовлениях османов — захват оставшихся у Византии фракийских крепостей. Османский военачальник Караджа-паша в начале 1453 г. занял Эпиваты, Ираклию, Анхиал и Месимврию. Силимврия была взята приступом в марте. Осада Константинополя надвигалась. В начале февраля 1453 г. тайное послание Халила Джандарлы — султанского визиря, возглавлявшего партию противников осады Константинополя, — сообщило василевсу, что атака на город неизбежна. Византийцы отправили к Мехмеду II посольство с данью, но султан отверг его.[9]

Константин XI мало что мог сделать в этой ситуации. Василевс делал запасы продовольствия и оружия в городе, восстанавливал стены и рассылал мольбы о помощи соседям. Последней надеждой оставалась помощь от католиков. Желая избежать любых формальных препятствий для ее получения, Константин XI был готов довести до конца процедуру ратификации Флорентийской унии. До сих пор уния не была провозглашена официально в Св. Софии, а патриарх-униат Григорий III Мама под давлением антиуниатов удалился из Константинополя в Рим в 1450 г., оставив престол вакантным. В октябре 1452 г. кардинал и киевский митрополит Исидор прибыл в качестве папского легата в город в сопровождении 200 палермских лучников. 12 декабря католические и православные иерархи в присутствии василевса провозгласили в Св. Софии унию между церквами, зачитав текст, принятый во Флоренции, совершили совместную литургию и вознесли молитвы за патриарха и папу. Публичное подтверждение унии никак не ускорило прибытие военной помощи. Запад был слишком разобщен, чтобы эффективно противостоять туркам. Знаменитый борец с турками Янош Хуньяди был занят внутренними осложнениями в Венгерском королевстве. Он уже не успевал воспользоваться Месимврией, которую Константин XI пожаловал ему осенью 1452 г. в качестве военной базы для защиты Константинополя. Альфонсо V Арагонский, покровительствовавший албанцу Скандарбегу и мечтавший о короне константинопольского императора, не сделал ничего в ответ на призыв о помощи, отправленный к нему Константином XI в 1451 г.[10]

Подтверждение унии вызвало неудовольствие среди константинопольского народа, как светских и духовных интеллектуалов и

[9] *Philippides & Hanak* 2011, 573.

[10] *Nicol* 1993, 376—377; *Острогорский* 2011, 679—680; *Patlagean* 2007, 173—174.

аристократов, так и простых людей. Молва приписывает *великому дуке* (главнокомандующему) византийцев Луке Нотаре антиуниатский возглас — «Лучше увидеть царящей посреди Города чалму турок, чем латинскую тиару».[11] Однако вряд ли антиуниаты действительно думали так. Эта фраза либо приписана Луке Нотаре, не собиравшемуся сдаваться, но защищавшему Город до конца, либо произнесена была им в сердцах. Антиуниаты, вопреки давним и современным обвинениям, отнюдь не были туркофилами и пораженцами.[12]

Турецкие войска начали постепенно прибывать к Городу со стороны суши 2 апреля, на следующий день после Великого Воскресенья, последней Пасхи, отпразднованной в христианском Константинополе. Армия османов была традиционно разношерстной. Ядро войска составляли *капыкулу* «домашние рабы» — профессиональные воины, часто набранные из детей, отобранных у христианских семей, — включавшие в себя пешую янычарскую гвардию и несколько элитных кавалерийских подразделений. Их было порядка 12 тысяч. Тяжелая кавалерия состояла из отрядов *сипахи* — конных воинов, вооружавших себя и свою челядь за счет земельного пожалования *тимар*. Функции легкой кавалерии исполняли иррегулярные отряды *акынджи* — воинов пограничья, а также кочевые юрюки и «туркмены» — вольные и плохо организованные бойцы, движущая сила османских завоеваний на Балканах с XIV в. Крестьянское и городское ополчение азапов (башибузуки) представляло собой легковооруженную пехоту и лучников. В османском войске было много христиан — сербы деспота Георгия Бранковича, болгары, влахи, албанцы, греки и латиняне. Помимо того, армию обслуживал многочисленный вспомогательный персонал торговцев, ремесленников, инженеров, поваров и т. д. Мехмед II жестко пресекал всякое нарушение порядка, мародерство и дезертирство. Войско османов насчитывало около 80—100 тыс. воинов — данные современников сильно разнятся, а многие из свидетельств явно преувеличивали численность турок. Огромный османский флот вошел в Мраморное море еще в конце марта, наведя большой страх на константинопольцев.[13]

5 апреля к Городу подошел сам султан Мехмед II, который разбил ставку примерно напротив ворот Св. Романа (так называемые Четвертые военные ворота) южнее р. Ликос, втекавшей в город. Этот серединный участок стен именовался Месотихий и считался наиболее проблемным для обороны. Тогда же стала прибывать и артиллерия. Правое крыло турецкой армии под командованием Исхак-паши и Махмуд-бега состояло из анатолийских отрядов, которые почти покрывали часть сухопутных стен от берега Мраморного моря и до Месотихия. В центре расположились войска *капыкулу* под командованием самого султана, а далее на север — левое крыло во главе с Караджа-пашой, состоявшее из румелийских (балканских) воинов. Другая часть румелийского войска во главе с Заганос-пашой (греческим ренегатом) встало позади Перы. Севернее Золотого Рога, в болотистой местности турки проложили дорогу, чтобы Заганос-паша при необходимости мог легко достичь основного театра действий. Османский флот во главе с Сулейман-бегом Балтоглу (болгарин из *капыкулу*) встал восточнее Перы в Диплокионии (Двойные колонны) — в районе, занимаемом ныне позднеосманским дворцом Долмабахче.[14]

Силы защитников Константинополя были несопоставимо малы. Константин XI понимал это, ибо отчетливо представлял себе, как следует защищать крепостные стены от турок, что ему уже приходилось делать на Гексамилии на Коринфском перешейке (см. ниже в этой главе). Общее командование, а также оборона Месотихия — самого уязвимого участка сухопутных стен — были поручены генуэзцу Джованни Джустиниани. Это был известный кондотьер, корсар и опытный защитник городов. Капитан Джованни Джустиниани нанял в Генуе, Хиосе и Родосе 400 генуэзцев и 300 греков, которые вошли в Константинополь в январе 1453 г. Авторитет Джустиниани позволил ему консолидировать защитников и заставить сотрудничать даже враждовавших венецианцев и генуэзцев.

Из византийских сподвижников василевса на сухопутных стенах были Андроник и Иоанн Кантакузины, Леонтарий Вриенний и Феофил Палеолог с греческим войском. Великий дука Лука Нотара защищал морские стены на Золотом Роге. Резерв в 700 воинов во главе с Николаем Гуделем располагался в географическом центре города — в районе храма Св. Апостолов. Байло венеци-

[11] *Любарский, Соболь* 2006, 86 (Дука).

[12] *Шукуров* 2017, 509—512.

[13] *Uyar & Erickson* 2009, 34; *Fodor* 2009, 199—217; *Philippides & Hanak* 2011, 520.

[14] *Рансимен* 1983, 90—91. Локализация ворот Св. Романа, которые раньше идентифицировались с Топкапы, пересмотрена в последних исследованиях; они отождествляются теперь с так называемыми Четвертыми воинскими воротами: *Asutay-Effenberger* 2007, 87—94; *Effenberger* 2017. Эта новая локализация не поддержана М. Филиппидисом и У. Ханаком, но принята другими специалистами.

анской колонии Джилорамо Минотто возглавил венецианцев, включая команду небольшого флота в Золотом Роге, к которому присоединились и два других венецианских судна, сделавших остановку в Константинополе по дороге из Черного моря. Свои услуги василевсу предложил консул каталонской колонии Пере Хулиа (Péré Julia), возглавивший небольшой отряд каталонцев. Генуэзский подеста Перы (вероятно, Анджело Джованни Ломеллино) не решился открыто поддержать византийцев, но многие его сограждане переправились через Золотой Рог и присоединились к защитникам. В дальнейших событиях генуэзцы Перы сыграют двоякую роль. С одной стороны, они помогали защитникам припасами и информацией о турках, с другой же — некоторые из них шпионили в пользу Мехмеда II.

В Константинополь стекались и другие неравнодушные воины, готовые защищать город. К защитникам присоединился со своими людьми турок Орхан, внук Сулеймана Челеби. Среди людей Джустиниани был и один то ли немец, то ли шотландец — сапер Иоганн (Йан?) Грант. В Золотом Роге стояло 26 кораблей, включая один испанский из Кастилии и один французский из Прованса; кроме торговых кораблей (в те времена также вооруженных) в распоряжении императора были и военные византийские и венецианские суда. Вход в Золотой Рог был перекрыт железной цепью, лежащей на деревянных поплавках, концы которой крепились к башне Евгения (на берегу под константинопольским акрополем) и к одной из башен генуэзской Перы. Общее число защитников составляло около 6 или 7 тыс. человек, около двух третей из которых были греки. Причем в греческой части войска было много местных жителей, в том числе монахов. Многие защитники города были снабжены надежными доспехами (это оказалось весьма важным в ходе боев) и имели отличное вооружение, включая огнестрельные пищали, бомбарды и другие орудия разного калибра. Правда, средней артиллерии не хватало, а запасы пороха были ограниченными.[15]

Однако самый мощный военный фактор, которым обладали византийцы, — уникальная фортификация Константинополя. Константинополь обороняли сухопутные стены со стороны материка и морские стены вдоль Мраморного моря и Золотого Рога. Сухопутные стены тянулись от Мраморного моря до района Влахерны

[15] Список известных по именам защитников города см.: *Philippides & Hanak* 2011, 625—661; см. также: *Рансимен* 1983, 74—94 и след.; *Ganchou* 1994.

на берегу Золотого Рога. Сухопутные стены были в большей своей части возведены в начале V в. при императоре Феодосии II Малом (408—450). В последующие столетия они многократно ремонтировались и модифицировались, но их существующий до сих пор облик, как кажется, принципиально не менялся с V в. Наибольшие изменения, по сравнению с изначальной моделью, происходили с XIII в. Стены представляли собой два ряда укреплений с глубоким рвом, который был специально оборудован для наполнения его водой. Наиболее мощными были «внутренние стены» — от 4 до 6 м шириной и 12 м высотой. Стена была снабжена 96 массивными башнями, отстоявшими друг от друга в среднем на 50 м. «Внешние стены» представляли собой постройку высотой до 9 м и шириной до 2 м в основании и также были защищены башнями. Из этих башен сейчас сохранилось 62. Причем башни на внешней линии расположены между башнями внутренних стен; тянулись они примерно до ворот Иоанна (ныне Эдирнекапы). Внешние стены сами по себе представляли собой мощное фортификационное сооружение, которого во многих случаях уже было достаточно, чтобы защитить Константинополь. Именно на них опиралась оборона города в 1422 и 1453 гг., хотя, в частности, это было так и в силу малочисленности защитников, которых не хватало для охраны удвоенного периметра. Внешний ров, расположенный вовне примерно в 20 метрах от внешних стен, был защищен бруствером высотой в 1.5 м, весьма небесполезным, если противник еще не завалил ров. Ров прерывался в низменности, созданной долиной реки Ликос, и через некоторое расстояние возобновлялся. Как уже говорилось, наиболее уязвимым участком стены являлся Месотихий («Серединная стена», Μεσοτείχιον) — южнее и севернее ворот Св. Романа. Уязвимость Месотихия, по-видимому, заключалась в том, что стены тут понижались и в большей степени обветшали. Феодосиевы стены доходили до городского района Влахерны, который был окружен отдельной стеной еще в IV в. Влахернская фортификация возводилась в разное время и к 1453 г. представляла собой одинарный ряд стен, выстроенных Мануилом I Комнином, высотой 12—15 м и шириной вверху до 5 м. Причем башни на этом участке были расставлены значительно ближе друг к другу. Мощь и качество исполнения этих стен превосходили Феодосиевы, что продемонстрировала и последняя осада 1453 г. — османская артиллерия не нанесла им существенного ущерба. К Влахернским укреплениям примыкали Морские стены вдоль Золотого Рога и далее — Мраморного моря, которые были одинарными — до

10 м высотой и не столь мощные, как сухопутные; они также были укреплены башнями.[16]

Собранной Константином XI живой силы было недостаточно даже для обеспечения внешнего периметра городских стен, если протяженность сухопутных укреплений составляла 5.7 км, стен вдоль Золотого Рога — 5.6 км, а по берегу Мраморного моря — еще около 9 км. Было решено защищать внешние стены города, оставив еще более мощные внутренние стены в качестве второй линии обороны.[17]

Первые стычки начались уже 2 апреля, когда защитники удачно атаковали авангард османского войска, но, увидя появление новых сил врага, отошли в город. 7 апреля, когда бóльшая часть османского войска развернулась на позициях, начался обстрел города (в первую очередь Месотихия) артиллерией. В течение последующих нескольких недель турки обстреливали стены практически непрерывно. Однако их главное орудие-монстр, созданное венгром Урбаном и стрелявшее ядрами весом в несколько центнеров, вскоре разорвалось, побив множество народа вокруг. Возможно, орудие разорвалось в результате удачного попадания в его жерло ответного ядра защитников. Вопреки мнению многих современных исследователей, Урбан вряд ли имел время и возможность отлить такое же по мощи орудие во время осады. Однако у турок было достаточное количество тяжелых пушек, продолживших обстрел стен.[18] Тем временем турки захватили два внешних форта — на побережье Мраморного моря Студий и Ферапию (ныне Тарабья) на Босфоре, а также Принцевы острова. После первой недели обстрела турки нанесли стенам значительный урон, однако жители города каждую ночь старались возвести заграждения в образовавшихся брешах.

12 апреля турки решились на прорыв в Золотой Рог. Цепь с византийской стороны защищало около 10 судов (среди них только один греческий корабль). Османский флот ввязался в сражение с

[16] Наиболее авторитетное из последних исследований, посвященных сухопутным константинопольским стенам и идентификации их ворот: *Asutay-Effenberger* 2007; см. также о константинопольской фортификации: *Philippides & Hanak* 2011, 297—357.

[17] *Nicol* 1993, 378—380; *Рансимен* 1983, 82—84; *Philippides & Hanak* 2011, 573—574. Внешние стены нельзя было оставлять незащищенными — иначе противник бы их использовал как защиту при штурме внутренних стен. Возможно, в условиях появления огнестрельного осадного оружия, отмеченное обстоятельство представляло собой концептуальный недостаток Феодосиевой фортификации.

[18] *Philippides & Hanak* 2011, 481—483.

ними, чтобы отогнать их и рассечь цепь, блокировавшую проход в залив. Османы понесли значительные потери в живой силе и кораблях, и Балтоглу вернулся к Диплокионию опозоренным. Не сумев блокировать город со стороны залива, 18 апреля после заката Мехмед II попытал счастье в лобовой атаке на Месотихий, который защищал Джустиниани. В результате четырехчасового боя турки потеряли десятки, если не сотни бойцов, а защитники города — ни одного. В сражении участвовали даже константинопольские женщины.[19]

Ранним утром 20 апреля из Дарданелл в Мраморное море вошли три генуэзских корабля со снаряжением и оружием, посланные папой Евгением V, и присоединившееся к ним большое византийское грузовое судно, везшее зерно с Сицилии для осажденных. Навстречу им под бой барабанов и звуки труб выступил огромный османский флот во главе с Балтоглу, состоявший преимущественно из малых и средних судов с низкими бортами. После полудня на подходе к Золотому Рогу противники встретились. Завязалось сражение. Попутный ветер неожиданно стих, что не позволило христианам прорваться в Золотой Рог. Бой длился до самого заката. Христианские корабли сцепились друг с другом и вместе успешно противостояли мелким судам турок. Вечером вновь поднялся попутный ветер, и четыре корабля вошли в Золотой Рог под всеобщее ликование защитников Константинополя. В командах генуэзских кораблей и византийского судна было несколько убитых и десятки раненых. Турки понесли несоизмеримо бóльшие потери. Мехмед II, наблюдавший за ходом битвы, разжаловал Балтоглу и сменил его на нового адмирала — Хамза-бега, а обстрел Месотихия усилился.[20]

Султан, однако, разрешил проблему довольно скоро. Еще с начала осады турки строили деревянную дорогу от Босфорского берега к Золотому Рогу, которая огибала генуэзскую Перу со стороны суши. Как раз к этому времени дорога и была завершена. Утром 22 апреля Мехмед II велел поставить корабли на повозки и перекатить несколько десятков кораблей в Золотой Рог, что к полудню и было сделано. Турецкий флот в 50—70 судов оказался внутри залива под прикрытием батарей, поставленных Мехмедом II на берегу. Это было и серьезным психологическим ударом для защитников, и значительным тактическим успехом сул-

[19] *Рансимен* 1983, 93—94.

[20] *Рансимен* 1983, 95—98; *Philippides & Hanak* 2011, 429—434.

тана. Попытка константинопольцев сжечь турецкий флот ночью 28 апреля закончилась крупной неудачей — корабли, приближавшиеся к турецким судам, попадали под огонь береговой артиллерии, защитники города потеряли венецианскую триеру и десятки людей убитыми, раненными и пленными. Не исключено, что это поражение стало возможным благодаря предательству кого-то из генуэзцев Перы, сообщившего об атаке туркам.[21]

Мехмед II попытался максимально воспользоваться победой. Во-первых, теперь султан лучше контролировал сообщение между генуэзцами Перы и Константинополем, а во-вторых, он построил понтонный мост через Золотой Рог чуть севернее Влахернских стен в нынешнем районе Айвансарай, который позволял ему более эффективно маневрировать войсками, располагавшимися на обоих берегах Золотого Рога. Императору пришлось передислоцировать часть войск на защиту стен Золотого Рога. Вскоре турки подогнали плоты с артиллерией ближе к Влахернам и начали обстрел самого северного участка морских стен — наименее защищенного сегмента византийской обороны, который, однако, не дал существенных результатов.[22]

В осажденном городе стал ощущаться недостаток продовольствия. Константин XI объявил сбор средств среди церквей и частных лиц. На эти деньги было скуплено значительное количество продовольствия, а специально созданный комитет распределял его среди нуждающихся.

За несколько месяцев до осады Венеция обещала помочь городу значительным военным флотом, но дело увязло в процедурных проволочках. Константин XI знал о готовящейся венецианской помощи и ждал ее со дня на день. Однако венецианская армада все не появлялась, а осажденные, оказавшись в информационной изоляции, нуждались в точных сведениях о ходе венецианской операции по спасению города. Решено было отправить на разведку венецианское судно. Ночью 3 мая небольшой корабль под турецким флагом с двенадцатью добровольцами на борту выскользнул из Золотого Рога и беспрепятственно двинулся в сторону Эгейского моря.[23]

Несмотря на непрекращающийся обстрел города, турки так и не смогли привести в негодность даже первую линию обороны.

[21] *Philippides & Hanak* 2011, 434—447; *Рансимен* 1983, 100—104.
[22] *Philippides & Hanak* 2011, 439—440, 501.
[23] *Philippides & Hanak* 2011, 36—37.

Защитники закрывали бреши по мере их появления, заваливая их подручным материалом. Лишь в промежутке между воротами Св. Романа и Пятыми военными воротами туркам удалось сровнять с землей часть внешних стен к концу 20-х чисел мая. Вместо рухнувших стен защитники сооружали завалы и продолжали их защищать. При этом прорыв в Золотой Рог — единственный неоспоримый успех османов — не привел к коренному перелому в противоборстве. Христиане продолжали блокировать морской вход в залив, а о высадке османского десанта на юго-восточные участки побережья Золотого Рога, защищенные христианским флотом, не могло быть и речи. 16 мая турками была предпринята еще одна попытка прорваться через цепь извне, вновь завершившаяся неудачей. Турецкие суда, как находившиеся в Золотом Роге, так и вне его, более не решались атаковать флот противника, а обстрелы береговой артиллерии не принесли ему никакого урона.

Султан предпринял две масштабные атаки внешних стен в их наиболее уязвимых местах. 7 мая турки предприняли ночную атаку на Месотихий, но были отбиты с большими для себя потерями. Ночью 12 мая они штурмовали Влахернский участок, который, в отличие от Феодосиевых стен, состоял из одного ряда мощных укреплений. Это также не дало никакого результата, кроме потерь в рядах штурмующих. Мехмед II решил изменить тактику, перейдя к подземной войне. Бывшие в его войске рудокопы-сербы из Ново Бродо стали рыть подкопы под Феодосиевыми и Влахернскими стенами, чтобы взорвать их заложенными минами. Защитники города успешно противостояли и этой тактике — первая подземная мина была обнаружена и обезврежена у Калигарийских ворот (Влахернский участок) 16 мая. А однажды осажденным удалось захватить группу рудокопов во главе с командиром, который на допросе открыл местонахождение других строящихся минных тоннелей. 25 мая византийцы уничтожили турецкие подкопы вместе со всеми, кто там находился. Тоннельная война также оказалась начисто проигранной османами. Решающую роль сыграл инженер Иоганн (Йан?) Грант, который не только хорошо разбирался в технологиях подземной войны, но и обладал большим чутьем на обнаружение подкопов.

Мехмед II попробовал применить и традиционные осадные башни, которые он использовал как щит для рабочих, заполнявших рвы перед стенами. Однако и это не дало результата — 18 мая защитники картинно подорвали одну из таких башен пороховым зарядом, а ров расчистили. В этих столкновениях потери защит-

ников были сравнительно невелики, в то время как турки расходовали значительные людские и материальные ресурсы. Моральный дух османов стремительно падал, чему способствовало и безусловное преимущество малочисленного христианского флота над турецкой армадой. Более того, до Мехмеда II дошли сведения, что подготовка венецианцев к военной экспедиции наконец завершалась и скоро флотилия могла появиться в Мраморном море. Потому голоса при османском дворе, призывавшие к мирному разрешению дела (особенно визиря Халила Джандарлы), становились все громче. Город не поддавался захвату, и все меньше оставалось надежды, что атакующим удастся преодолеть его хитроумную фортификационную систему.[24]

Конечно, и защитники были психологически и физически истощены — их было слишком мало, чтобы так долго противостоять непрекращающимся атакам врага на столь обширном театре военных действий. Тем не менее очевидно, что время играло не в пользу султана, который с каждым ушедшим днем все больше приближался к поражению. Мирный уход от Константинополя стал бы проигрышем Мехмеда II и его дискредитацией как правителя. Однако тут последовала череда событий, неожиданно изменившая обозначившуюся тенденцию.

23 мая в Константинополь вернулось судно, посланное на поиски венецианской флотилии. Разведчики принесли дурную весть — они не нашли никаких следов венецианского военного флота у Дарданелл. Весть об этом потрясла защитников, окончательно уверившихся теперь, что они брошены Венецией и всем христианским миром. В отличие от султана, который получал информацию о секретах Венеции от своих осведомителей, вожди оборонявшихся так и не узнали о приближающейся помощи от венецианцев, а посланные разведчики по какой-то причине также ничего не смогли выяснить.

Хуже того, в эти же дни константинопольцы стали свидетелями целой серии дурных предзнаменований. Вторник 22 мая — день полнолуния, луна восходила примерно за час до заката в восточной части неба.[25] Это полнолуние отличалось тем, что в первый час ночи произошло почти полное затмение луны, длившееся 2 часа 58 минут; константинопольцы узрели, как исчезло

[24] *Рансимен* 1983, 108—109; *Philippides & Hanak* 2011, 505—515. Турецкий историк также отметил уныние в лагере османов: *Tursun-beg*, 35.

[25] Ср.: *Philippides* 2020, 199.

три четверти светила.[26] Это был очень нехороший знак, в частности, потому, что город находился под астральным покровительством Луны.

Как рассказывает историк Критовул, в те же дни народ совершал умилостивительный ход с иконой Богородицы, которая «выпала из рук несущих» наземь и стала такой тяжелой, что ее не могли поднять с земли долгое время. Только с большими усилиями, криками и молитвами икону удалось поднять «священникам и [ее] носильщикам (βαστάζοντες)» и установить на плечи несущих (τοῖς τῶν φερόντων ὤμοις). Но этим дурное знамение не завершилось. Вскоре пошел страшный дождь с градом, а по улицам хлынули мощные потоки воды, что заставило остановить процессию. Все это наполнило сердца людей ужасом и дурными предчувствиями.[27] Судя по некоторым обстоятельствам этого описания, Критовул, возможно, имел в виду знаменитое Вторничное чудо, в ходе которого тяжелую икону Одигитрии Константинопольской с легкостью поднимал один из ее служителей и нес затем на плече.[28] Если именно эта икона Богородицы имеется в виду, то событие происходило во вторник, того же 22 мая.

25 мая в ставке Мехмеда II состоялся большой совет, который должен был обсудить альтернативу — снять осаду под благовидным предлогом или же предпринять еще один штурм. Мнения на совете разделились, но Мехмед II предпочел идти на приступ Константинополя. Тайные осведомители тут же сообщили об этом решении и Константину XI.[29]

Оба государя — Мехмед II и Константин XI — понимали, что решающее сражение назрело. Обе стороны были измотаны долгой осадой, с обеих сторон моральный дух падал. Мехмед II шел ва-банк, понимая, что при очередной неудаче ему придется снять осаду. Молодой султан приготовился задействовать все силы и средства, какие у него были.

Турки начали сражение во вторник 29 мая после полуночи. По григорианскому календарю эта юлианская дата соответствует 6 июня 1453 г.[30] Мехмед II избрал самую простую и единственно разумную в этих условиях тактику. Атака проводилась одновре-

[26] Каталог лунных затмений см.: NASA. URL: https://eclipse.gsfc.nasa.gov.

[27] *Любарский, Соболь* 2006, 56—57; *Critob*., 1.45.1—5.

[28] Подробное описание Вторничного чуда и связанной с ним иконы см. в: *Лидов* 2009, 39—69; *Барабанов* 2009.

[29] *Рансимен* 1983, 113—118.

[30] *Philippides* 2020.

менно на всей протяженности сухопутных стен и на городской берег со стороны Пропонтиды. Османская армия была разделена на пять тактических групп. Заганос-паша возглавлял атаку на Влахерны. Караджа-паша руководил приступом на участке стен от Влахерн до Харисийских ворот (ныне Сулукулекапы). В долине Ликоса штурмующие находились под началом самого Мехмеда II, Халила и Саруджи. Исхак-паша и Махмуд-бег шли на штурм между воротами Св. Романа и Мраморным морем. Со стороны Пропонтиды действовал адмирал Хамза-бег. Острие атаки было направлено на Месотихий и Влахернские стены, а бои на других участках носили отвлекающий характер, чтобы заставить защитников растянуть порядки. Штурм развивался в три этапа. На первой стадии совершили приступ *азапы*, наименее боеспособная часть войска. На Месотихии большая часть воинов этой волны была уничтожена людьми Джустиниани. После того как атаки азапов были отбиты, Мехмед II бросил в бой вторую волну, состоявшую из анатолийских контингентов. Это были намного более организованные и эффективные солдаты, однако и им не удалось добиться значительного прогресса. Далее, уже достаточно измотав противника, Мехмед II бросил в атаку элитные части янычар. Они-то и добились успеха после долгого непрерывного штурма, хотя их прорыв в город вполне может представиться случайным. На участке между воротами Св. Романа и Пятыми воротами, перед которыми внешние стены были сметены артиллерией, тяжелое ранение получил Джованни Джустиниани, принудившее его спешно покинуть поле битвы. Это дезориентировало защитников Месотихия — люди Джустиниани, последовав за своим командиром, оставили позиции и устремились внутрь города через ближайшие ворота (возможно, Пятые ворота). Это вызвало всеобщую панику и нерешительность среди обороняющихся, что было замечено Мехмедом II, который немедленно бросил в бой свежие силы. Многие источники согласны в том, что люди Джустиниани были в состоянии и далее держать оборону на этом участке, если бы не уход их капитана. Турки смяли дезорганизованного противника и на плечах бегущих генуэзцев прорвались в город. Многие источники привязывают прорыв турок к воротам Св. Романа (Четвертые ворота). Произошло это после восхода солнца.[31]

Сколько бы случайной ни казалась победа Мехмеда II, именно в непредсказуемости исхода состоит «закономерность» любого

[31] *Philippides & Hanak* 2011, 515—546; *Рансимен* 1983, 121—127.

открытого противоборства. В этом смысле «случайная» победа турок предстает вполне закономерной.

По сообщению Дуки, где-то в стенах существовала потайная дверь, используемая защитниками для вылазок, под названием Керкопорта. В пылу сражения кто-то из защитников забыл ее запереть. Примерно в одно время с ранением Джустиниани нападавшие янычары, воспользовавшись оставленной открытой дверью, ринулись внутрь, прорвались на стены, овладели одной из башен и подняли на ней турецкий штандарт. Вид реющего над башней турецкого штандарта окончательно подорвал дух защитников Месотихия, и те обратились в беспорядочное бегство. Само это сообщение Дуки вызывает сомнения, как и существование ворот Керкопорта. Но если действительно описанный Дукой прорыв имел место, то, скорее всего, турецкий стяг был поднят в районе Харисийских ворот или ворот Иоанна.[32]

Рис. 16. Джентиле Беллини, «Сидящий янычар», 1479—1481, карандаш, коричневые чернила, 21.5×17.5 см (Британский музей, Лондон).

Вслед за тем оборона города рассыпалась — Заганос-паша высадил десант на берег Золотого Рога, Хамза-бег атаковал стены

[32] *Любарский, Соболь* 2006, 95, 97; *Philippides & Hanak* 2011, 619—623. Локализацию Харисийских ворот, а также замечание о Керкопорте см.: *Asutay-Effenberger* 2007, 96—106, 86 Anm. 349.

Пропонтиды. Воины — как греки, так и иностранцы — массово бежали с поля боя. Трудно определить время начала битвы и ее конца — слишком много на этот счет противоречий в наиболее надежных источниках. Битва началась после полуночи. Согласно современному исчислению часов (при котором ночной час того времени равнялся 45 мин, а дневной — 75 мин), штурм начался после наших 12 часов ночи, ибо закат приходился на 19:27, а восход — на 4:26.[33] Определить точно время прорыва турок внутрь города не представляется возможным, ясно только одно — он произошел после восхода. Следовательно битва длилась более четырех часов, но пока не удается определить ее продолжительность точнее.

Отдельные очаги сопротивления в разных частях городских укреплений вскоре были подавлены. По законам войны, три дня в городе продолжались солдатские грабежи, изнасилования, убийства и порабощение жителей.[34] Благодаря тому, что османские солдаты и моряки бросились за добычей сразу после падения города, многие из защитников и жителей смогли беспрепятственно бежать из города, как по морю, так и по суше. После захвата Константинополя Мехмед II приобрел почетное именование «Фатих», что по-арабски означает «Завоеватель».[35]

Судьба последнего римского императора неизвестна. По греческим и итальянским версиям, Константин XI и его сподвижники пали в бою в районе ворот Св. Романа в момент прорыва турок внутрь города. По другой — турецкого историка Турсун-бега, императору удалось выбраться в город с небольшим числом приближенных; он двигался по одной из улиц в сторону Золотого Рога, однако встретившиеся *азапы* атаковали отряд. В последовавшей стычке император и часть его людей были убиты в схватке, а другие взяты в плен; *азапам* досталось много денег и драгоценных камней.[36] Автору этих строк версия Турсун-бега кажется наиболее правдоподобной.

Константин был самым талантливым из своих братьев и весьма цельной личностью, что проявилось еще в эпоху его пребывания в Морее (см. ниже в этой главе). Он несомненно был щедро одарен личным обаянием и харизмой предводителя, привлекавшими к нему очень многих. Вместе с тем временами некоторые его

[33] *Philippides & Hanak* 2011, 518, 577—578, 594.
[34] *Рансимен* 1983, 130—143.
[35] *Philippides & Hanak* 2011, 460—473; *Рансимен* 1983, 126—137.
[36] *Tursun-beg*, 36—37; *Philippides & Hanak* 2011, 89.

действия заставляют современных историков сомневаться в безошибочности его политического чутья. Бесспорно, события осады и взятия Константинополя однозначно продемонстрировали высокие моральные качества, бесстрашие и самопожертвование Константина, присущие только аристократам духа, а также его недюжинные способности организатора и администратора. Ему удалось объединить вокруг себя чрезвычайно разношерстную группу защитников, враждебных и не доверявших друг другу антагонистов — ревностных православных и католиков, венецианцев и генуэзцев, итальянцев и греков. Константин по меньшей мере дважды в ходе осады отказался от настойчивых уговоров его сподвижников покинуть осажденный город и организовать борьбу с турками извне (5 мая и 12 мая). Василевс не оставлял надежды на будущее и был готов за нее погибнуть. Он принял смерть, достойную славы его империи.

Византийская Морея и ее гибель

Захват Константинополя, однако, не означал окончательного разгрома Византии. Еще существовала Палеологовская Морея и Трапезунд Великих Комнинов, правящие династии которых неизбежно выступили бы с претензиями на восстановление империи (как это уже бывало в истории Византии). Это, конечно бы, наложилось на стратегическое противостояние Османского султаната и христианского мира в целом. Мехмед II это отчетливо понимал и намеревался решить проблему с «наследниками» империи как можно скорее.

В последнее столетие Византии Палеологовская Морея представляла собой наиболее культурно и экономически процветающий западновизантийский анклав, особенно в сравнении с Македонией и Фракией, раздираемыми бесконечными войнами и набегами. Истоки феномена Палеологовской Мореи восходят к эпохе территориального расширения империи при Михаиле VIII Палеологе.[37] Когда в 1204 г. Византия пала под ударами латинян, юго-восточная часть Пелопоннеса не подчинилась франкам, создавшим на Пелопоннесе Ахейское княжество. Наиболее яростное сопротивление оказали воинственные и независимые мелинги

[37] О Морее и ее столице Мистре см.: *Медведев* 1973; *Bon* 1969; *Zakythinos* 1975; *Necipoğlu* 2009, 233—284. Добротный популярный очерк о Морее: *Runciman* 2009.

и езериты — эллинизированные славянские племена, обитавшие в горах Тайгета. В 1249 г. для борьбы с повстанцами ахейский князь Гийом II де Виллардуэн (1246—1278) построил замок Мистру на высоком холме у входа в ущелье Лангаду, через которое горцы совершали набеги. Однако город недолго оставался во владении франков. В битве при Пелагонии (1259 г.) Гийом II попал в плен к Михаилу VIII Палеологу и провел три года в византийском заточении. Император освободил его в обмен на три принадлежавших ему города — Монемвасию, Майну и Мистру, которая и превратилась тут в столицу византийских владений. На сторону византийцев перешли многие окрестные общины, включая воинственных мелингов и цаконов, весь полуостров Ватика. В последующие десятилетия византийские владения значительно расширяются и занимают бóльшую часть Пелопоннеса в правление тут *кефали* Михаила Кантакузина (ок. 1265—1294) — отца будущего византийского императора Иоанна VI, и Андроника Палеолога Асеня (1294—1321). В итоге Пелопоннес оказался поделен между Ахейским княжеством на севере полуострова, несколькими портовыми городами Венеции (Модон, Корон) и самым большим византийским уделом в южной и центральной части.[38]

В 1320-х гг. Морея, как и Фракия тогда, оказалась в зоне интересов тюркских пиратов из Анатолии, набеги которых на Пелопоннес длились с разной интенсивностью на протяжении нескольких десятилетий вплоть до 1360-х гг. Весьма активен в морских рейдах на Морею был Умур-бег, правитель эмирата Айдын, который начал походы на Морею примерно в 1332 г., иногда действуя в союзе с другими тюркскими вождями Западной Анатолии. В 1332 г. тюрки Умура разграбили окрестности Монемвасии, а весной 1335 г. они вновь напали на морейское побережье и дошли до самой Мистры. Тюркские набеги в совокупности с междоусобицами, начавшимися между местными греками, ввергли страну в глубокий кризис. Стабилизация внутренней жизни связана с появлением в Мистре в качестве правителя Мануила Кантакузина (1349—1380), сына императора Иоанна VI. Мануил, почтенный титулом деспота, эффективно консолидирует византийскую власть на полуострове, искусно маневрируя между местными греческими архонтами и латинскими владетелями. В 1361 г. в Мистре долго жил бывший василевс и отец деспота Иоанн Кантакузин, а в постриге монах Иоасаф; он, вероятно, и позже посещал Мистру,

[38] *Медведев* 1973, 23—25; *Runciman* 2009, 36—48.

где и скончался и был похоронен 15 июня 1383 г. Эпоха правления Мануила Кантакузина — одна из наиболее счастливых и стабильных в истории этого византийского анклава.[39]

В 1382 или 1383 г. василевс Иоанн V пожаловал Мистру своему сыну Феодору I Палеологу. Племянник деспота Мануила Димитрий и местные архонты и население поначалу не приняли Феодора I, и Морея была ввергнута в затяжную смуту. Ахейское княжество на севере полуострова к тому времени распалось на несколько мелких владений: Коринф был в руках флорентинца Нерио Аччайоли, каталонское Афинское герцогство попало под контроль Арагонского королевства, а венецианцы владели Короном и Модоном, а также некоторыми сельскими районами на юге Пелопоннеса. Пытались утвердиться на Пелопоннесе и госпитальеры, которым Ахейское княжество было передано в 1376 г. ахейской княжной Джованной I Неаполитанской. Госпитальеры привели сюда компанию наваррских наемников, которые создали большую сумятицу и хаос на полуострове. Деспот Феодор I Палеолог в борьбе с наваррцами и не признавшими его греческими архонтами решил опереться на помощь османов. В сентябре 1387 г. по приглашению деспота османский военачальник Эвренос-бег пришел на Пелопоннес и помог Феодору как в борьбе с наваррцами, так и с непокорными архонтами. Вслед за тем Феодор I лично посетил султана Мурада I и признал свою зависимость от него в обмен на прекращение грабежей, учинявшихся теперь уже людьми Эвренос-бега. Турецкая помощь позволила деспоту консолидировать свою власть и даже расширить владения, присоединив к ним Аргос. Феодор I укрепляет Гексамилий — стену, перекрывавшую Коринфский перешеек, и переселяет множество албанцев на Пелопоннес, используя их как военную силу. Дружественные отношения с турками нарушаются в правление Байазида I, что, вероятно, было следствием инцидента в Серрах в 1393/1394 г. (см. гл. 4). Турки во главе с ʿУмар-бегом заняли в 1394 г. Монемвасию, что явилось результатом подстрекательства Мамоны, бывшего ее правителя, отправившегося с жалобами на Феодора к султану и «уступившего» город туркам. Однако оккупация Монемвасии оказалась кратковременной, и Феодор I в союзе с Нерио и венецианцами принудил турецкий гарнизон сдаться в том же году. В начале 1395 г. осма-

[39] *Lemerle* 1957, 83—84, 102—106; *Zachariadou* 1983, 17, 42—43, 60, 69; *Медведев* 1973, 26—28; *Zakythinos* 1975, 1:90—93; *Nicol* 1968, 87—92.

ны во главе с тем же Эвренос-бегом минуют Коринфский перешеек, разрушив неохраняемый Гексамилий, и в союзе с наваррцами опустошают Аркадию. После Никопольского сражения турки вновь нападают на морейские территории под предводительством Йакуб-паши и в 1397 г. разоряют Аргос, а Эвренос-бег доходит до венецианских Корона и Модона. Грабительские набеги османов продолжились и в 1400—1401 гг.[40]

В период путешествия Мануила II Палеолога на Запад в 1399—1403 гг. его жена Елена и два сына находятся на попечении Феодора. Однако последний, не будучи уверенным, что сможет противостоять османам, решается на весьма неожиданный поступок — с согласия Мануила II и матери-императрицы Елены Кантакузины продает византийские территории в Морее госпитальерам Родоса. Госпитальеров местное население приняло плохо, расценив продажу территорий как предательство Феодора, а в конце мая 1400 г., когда наместники госпитальеров вошли в Мистру, жители подняли восстание во главе с митрополитом города. Госпитальеры признали невозможность установления своего контроля над византийскими владениями. После Анкарского сражения и гибели султана Феодор I, возместив выплаты госпитальерам, возвращается в Мистру, дав предварительно клятву жителям, что ничего подобного сделке с госпитальерами больше не повторится. В начале 1407 г. Феодор умер и был похоронен в церкви Одигитрии (Афендико) в Мистре.[41]

Во главе Мореи оказывается деспот Феодор II (1407—1443, род. 1396), сын Мануила II. Морея, как и ее византийская метрополия, переживает краткий период мира и процветания. Константинопольский двор поддерживает интенсивные связи с Мистрой. Начиная с весны 1415 г. император Мануил II проводит в Мистре около года. Он возводит стену Гексамилий на Истме с башнями и двумя крепостями, которая должна была защитить Пелопоннес по крайней мере от грабительских набегов небольших тюркских компаний. Осенью 1416 г. в Морее оказывается наследник престола Иоанн VIII (род. 1392), который совместно с Феодором II значительно потеснил ахейского князя. Полный разгром и захват византийцами Ахейского княжества предотвратило только вмешательство венецианцев. При Феодоре II Мистра превращается в

[40] *Man. Palaeol.* Epit., 18—19; *Necipoğlu* 2009, 239—257. *Zakythinos* 1975, 1:128, 156.

[41] *Медведев* 1973, 30—33; *Necipoğlu* 2009, 257—258; *Zakythinos* 1975, 1:158—160.

главный интеллектуальный центр византийского мира. Сам Феодор II был блестящим интеллектуалом. В Мистре творил Георгий Гемист Плифон, философ, по-новому синтезировавший христианство и эллинскую философию и создавший собственную теорию политического устройства будущего эллинского государства. К интеллектуальному кругу Мистры принадлежали Виссарион — будущий митрополит Никейский, Иоанн и Марк Евгеники, Михаил Апостолий, Иоанн Аргиропул, Лаоник Халкокондил и многие другие участники поздневизантийского культурного расцвета. Именно в окружении Феодора II появляется знаменитая византийская сатира Мазариса.[42]

Кризис отношений между Константинополем и Мурадом II в 1422 г. весьма скоро отразился и на Морее. В мае 1423 г., в связи с осадой Константинополя, османские войска во главе с Турахан-бегом прорвались через Гексамилий, который покинула стража при приближении турок, и подвергли разорению обширные территории. Стена сама по себе не могла спасти от масштабного вражеского нашествия, но была вполне эффективна против мелких разбойничьих банд. Турецкий рейд, однако, не помешал византийцам проводить в последующие годы весьма активную завоевательную политику по отношению к местным латинянам. В 1427 г. Иоанн VIII, ставший императором после смерти отца, отправил деспотом в Морею своего брата Константина (род. 1405), будущего Константина XI. Братья Константин и Феодор II поделили территорию между собой — первый правил на севере, а второй владел юго-востоком. В 1430 г. Калавриту на севере полуострова занял другой их брат Фома Палеолог (род. 1409). Братья развили бурную завоевательную деятельность. В 1429 г. Константин занял Патры, на которые претендовали венецианцы, и заручился согласием на это Мурада II. Тем временем деспот Фома занял Кипарисию, принадлежавшую Ахейскому княжеству, на юго-западной оконечности полуострова. К 1432 г. весь полуостров, разделенный между тремя братьями, находился в руках византийцев, за исключением четырех венецианских городов Корона, Модона, Навплиона и Аргоса. Мистра, формально расположенная во владениях Феодора II, была столицей всех трех. С осени 1437 и по начало 1440 г. Константин был регентом в Константинополе, замещая Иоанна VIII, который отправился в Италию заключать унию.[43]

[42] *Медведев* 1973, 95—122; *Necipoğlu* 2009, 259—272.

[43] *Медведев* 1973, 35—37; *Zakythinos* 1975, 1:204—213.

В октябре 1443 г. деспот Константин вновь отправляется в Морею в качестве верховного правителя, а Феодор II удаляется править в Силимврию. Весной 1444 г. Константин совершает новый поход, теперь уже за пределы Мореи, и вторгается в Беотию, принадлежавшую латинскому Афинскому княжеству. Византийцы быстро заняли Фивы и Ливадию, принудив афинского герцога Нерио II Аччайоли, вассала султана, платить им дань. В 1445 г., несмотря на разгром христиан под Варной, Константин развивает наступление, захватив всю Беотию, Фокиду и обширные территории до гор Пинда. Продвижение византийцев вызвало антитурецкое восстание албанцев и влахов на Пинде. Византийцы опять осадили Афины, вновь переметнувшиеся под турецкую опеку, и взяли город. Атака Константина была политически весьма рискованным шагом. Весной 1446 г. султан Мурад II с армией в 50 000 или 60 000 воинов двинулся на Морею. Константин пытался войти в переговоры с султаном, но тщетно — послы были брошены в заточение. Османская армия подступила к Гексамилию в ноябре 1446 г., растянувшись вдоль стен от моря и до моря. Константин и Фома Палеологи решили защищать стены. Турки три дня обстреливали стены артиллерией, а на четвертый день стали готовиться к штурму. 10 декабря 1446 г. турки пошли в атаку и стали взбираться на стены. Первым оказался на стене янычар сербского происхождения по имени Хизр. Византийское воинство в панике оставило стены и разбежалось. Константин и Фома укрылись в Мистре, а турки, разделившись, подвергли Морею разорению. Тысячи людей были уведены в полон и проданы в рабство. Константин и Фома признали себя вассалами султана и стали платить дань.[44]

6 января 1449 г., после смерти Иоанна VIII, несколько уполномоченных сановников из столицы провозгласили Константина XI императором в монастыре Митрополия в Мистре. После отъезда Константина XI в столицу Морея была поделена между Фомой Палеологом и еще одним братом Димитрием Палеологом (род. 1407). Летом 1449 г., дав в присутствии матери-императрицы Елены и брата Константина XI торжественные клятвы соблюдать границы друг друга, они отправились в Морею. Фоме отошла северо-восточная часть полуострова с Ахеей и портами Патры и Гларенца, а Димитрий правил остальной Мореей, включая Мистру. Однако вскоре после этого между ними начались распри. С этих пор в Морее поселяется раздор и междоусобица. Деспот Фома в большей степени склонялся к сотрудничеству с латинянами, в то время как деспот Димитрий предпочитал опираться на османов. Несогласие между братьями нарушало равновесие в среде морейской знати и инициировало мятежи и хаос. Тем не менее Фома и Димитрий действовали сообща в октябре 1452 г., когда Мехмед II отправил войска к Морее под предводительством Турахана, чтобы не позволить Фоме и Димитрию вмешаться в грядущий штурм Константинополя. Димитрий и Фома устроили засаду турецкому отряду во главе с Ахмадом, сыном Турахана, вырезали бóльшую часть турок, а Ахмада взяли в плен и заточили в Мистре. Тем не менее турки опустошили полуостров от Коринфа и до южного берега, связав руки братьям и не дав им вмешаться в константинопольское дело.[45]

[44] *Zakythinos* 1975, 1:226—234; *Медведев* 1973, 37—38.

Падение Константинополя вызвало панику в Морее; братья даже собирались бежать в Европу. Однако турецкая угроза не привела к консолидации морейского общества. Раздоры между братьями усугубило масштабное восстание албанцев в 1453 г., которых на протяжении более века Палеологи переселяли на Пелопоннес, используя в первую очередь как человеческий ресурс для их армий. Албанцы в союзе с мятежными греками и латинянами разорили страну и осаждали Мистру. Возглавил восстание Мануил Кантакузин (праправнук Иоанна VI Кантакузина), который апеллировал за помощью к Западу. Восстание удалось подавить только с помощью турок, отправивших в Морею две экспедиции — в декабре 1453 г. во главе с сыном Турахана ʿУмар-бегом и в октябре 1454 г. под предводительством самого Турахана. Восстание албанцев окончательно подорвало военный потенциал и политический престиж византийской Мореи, укрепив ее фактическую зависимость от османов. Ежегодная подать Мореи османам составляла 12 000 золотых.[46]

Однако в последующие годы дань не поступала в Константинополь, а Фома интриговал с европейскими державами против турок. В мае 1458 г. раздраженный Мехмед II начинает свой первый поход в Морею, которая не сопротивлялась султану, но только Коринф отказался сдаться. Правитель Коринфа Матфей Асень

[45] *Zakythinos* 1975, 1:241—247; *Медведев* 1973, 39—41; *Necipoğlu* 2009, 277—284.

[46] *Zakythinos* 1975, 1:248—249; *Nicol* 1968, 201—202; *Сказкин* 1967, 3:202—203.

в течение нескольких месяцев защищал город, пока местный митрополит не уговорил его сдаться в конце августа. Мехмед II был впечатлен отвагой и воинским искусством Матфея Асеня и принял его с почетом. Турки заняли бóльшую часть полуострова, в особенности разорив владения Фомы Палеолога. В октябре султан покинул полуостров, оставив наместником ʿУмар-бега, обосновавшегося в Коринфе. Бóльшая часть владений Фомы перешла к османам, а деспоты должны были выплачивать по 3000 золотых дукатов в качестве дани. Мехмед II потребовал от деспота Димитрия отдать в гарем его красавицу-дочь Елену, но деспот не выполнил этого требования, отправив жену и дочь за стены неприступной Монемвасии.[47]

Тем временем ссоры между братьями продолжались, и в 1459 г. — Палеологи так и не преодолели «родового проклятия» своей династии, уже погубившего благополучие империи в XIV в., — Фома, получив помощь от папы и миланского герцогства в виде небольшого отряда, сначала атаковал некоторые крепости, занятые турками, а затем переключился на захват владений деспота Димитрия. Наместник ʿУмар-бег встал на сторону последнего. Стычки между братьями продолжались и зимой. В середине мая 1460 г. сам султан Мехмед II прибывает с войском в Коринф и призывает к себе деспота Димитрия. Однако Димитрий предпочел не появляться лично и отправил султану дары с Матфеем Асенем. Мехмед II был весьма недоволен, посадил под арест Матфея и двинулся на Мистру. 29 мая 1460 г., спустя ровно семь лет после падения Константинополя, передовые турецкие полки подходили к городу. 30 мая армия турок встала под стенами морейской столицы. 31 мая сам султан прибыл к Мистре, и деспот Димитрий сдал город. Деспот вызвал в Мистру из Монемвасии жену и дочь, которые были переданы под попечение султанских евнухов (Елена так и не попадет никогда в султанский гарем). Вскоре весь Пелопоннес был занят турками, только Кардица и Гардики во владениях Димитрия оказали кратковременное сопротивление. Единственная твердыня, державшаяся дольше других — Сальменик около Патр, который защищал Константин Палеолог Граитца; акрополь крепости капитулировал лишь в июле 1461 г. Турки с почетом и восхищением встретили сдавшегося Константина. Только Монемвасия избежала османского захвата — она была подарена Фомой Палеологом папе, а затем в 1462 г. перешла под власть Венеции.

[47] *Zakythinos* 1975, 1:257—261; *Runciman* 2009, 80—81.

Деспот Фома в июле 1460 г. бежал в Рим. К деспоту Димитрию султан был щедр — тот получил в управление острова Имврос и Лемнос, часть Фасоса и Самофракии, а также Энос во Фракии.[48]

Гибель Трапезунда

Как показали события в Мистре, Мехмеда II весьма заботила возможная реставрация Византии; он опасался не столько отдельных личностей, сколько организованных византийских политий, на которые могла бы опереться в будущем гипотетическая христианская реконкиста. Последним серьезным оплотом византинизма была Трапезундская империя. Ее правители принадлежали к древнему Комниновскому роду, превосходившему по знатности Палеологов. Кому как не Великим Комнинам Трапезунда пристало бы возглавить возрождение Империи римлян? Поэтому стремление Мехмеда II Завоевателя покончить с Трапезундом представляется более чем логичным. Вряд ли кто-либо придавал серьезное значение формальному договору о мире, который Мехмед II заключил с трапезундским императором Давидом в 1460 г.[49]

Обострение отношений с османами спровоцировал отчасти трапезундский император Давид, который после падения Константинополя и несколько растянувшегося покорения турками Мореи резко активизировал усилия по созданию международного фронта против османов на Западе и на Востоке. Тогда же в 1459 г. Великие Комнины (когда они перешли под покровительство Узун-Хасана — см. гл. 5) пытались объединить вокруг себя целый ряд европейских, анатолийских и кавказских государств.

В середине 1450-х гг. на политической сцене появляется минорит фра Лудовико да Болонья. Папа Каликст III (1455—1458) отправил Лудовико на Восток во дворы восточных государей, чтобы тот создал союз из врагов османов. В 1458 г. Лудовико вновь едет на Восток, имея намерение посетить и христианских, и мусульманских противников османов, к октябрю 1460 г. он возвращается в Европу в сопровождении нескольких послов от восточных держав, с энтузиазмом принятых папой Пием II (1458—1464). Письма, доставленные в Европу Лудовико да Болонья, утверждали, что папскому посланнику уже удалось привлечь на свою сто-

[48] *Zakythinos* 1975, 1:262—274; *Runciman* 2009, 81—84; *Сказкин* 1967, 3:204—205.

[49] *Stefec* 2021, 312 (№ 154).

рону царя Картли-Имерети Георгия VIII, князя Самцхе Кваркваре, мингрельского князя Липарита, абхазского князя Рабию, князя Гурии, черкесов и осетин. Из мусульманских правителей Великих Комнинов якобы были готовы поддержать против турок аданский эмир Рамазан, Узун-Хасан, султан государства Караман Ибрахим-бег, эмир Синопа-Кастамона Исмаʿил-бег. Посольство Лудовико посетило императора Священной Римской империи Фридриха III, Венецию, Флоренцию, папу Пия II, герцога бургундского Филиппа Доброго, короля Франции Карла VII, а после его смерти Людовика XI. Повсюду послы, поддержанные Пием II, призывали оказать военную поддержку Трапезунду против турок, т. е., по существу, организовать очередной крестовый поход. Однако в Европе возникли серьезные сомнения в полномочиях посольства и в обрисованной послами антитурецкой мощной коалиции. Э. Брайер убедительно показал, что письма от Давида Великого Комнина и грузинских государей, которые привезло посольство, были фальшивыми. Сам Лудовико да Болонья был в конце концов разоблачен папой как шарлатан. Отчетливо проглядывавшее шарлатанство во всей организации посольства, вероятно, было замечено в европейских столицах и сослужило дурную службу реально намечавшемуся антиосманскому альянсу и, подтолкнув Мехмеда II к действиям, возможно, даже ускорило разгром Трапезундской империи.[50]

Однако далеко не все в этих письмах было ложью. Союз между Великими Комнинами и Узун-Хасаном действительно был. Существование антиосманского союза между Узун-Хасаном, синопским Исмаʿилом Джандаром и караманским султаном Ибрахимом также подтверждается источниками.[51] (Хотя при захвате Синопа Мехмедом в 1461 г. ни султан Ибрахим, ни султан Узун-Хасан не оказали ощутимой военной поддержки Джандарам.) Обращение Давида к Западной Европе в преддверии османского вторжения представляется естественным и закономерным шагом. Интересы Давида в посольстве фра Лудовико представлял тосканец Микеле Алигьери, который действительно был отправлен понтийскими византийцами во Флоренцию для подписания торгового договора.[52]

[50] *Bryer* 1965. Подробный и значительно обновленный разбор обстоятельств посольства см.: *Карпов* 2017, 407—412.

[51] См., например: *Ašikpaša-zade*, 219—223, 226—227; *Erzi* 1954, 205—210 (об Ибрахим-беге, султане Караман).

[52] *Карпов* 2017, 410; *Stefec* 2021, 312—315 (№ 155—156).

Источники, посвященные падению Трапезунда, подробно проанализированы в исследовании С. П. Карпова и автора этих строк. С. П. Карпову же принадлежит наиболее точный и детальный очерк завоевания Мехмедом II Трапезундской империи, а также ближайших последствий этого завоевания.[53]

Турки готовились к походу против Трапезундской империи зимой 1460/61 г., однако до самого последнего момента Мехмед II скрывал цель своего похода. Снаряженная армия состояла из трех главных элементов: флот во главе с Касым-бегом и Йакуб-бегом (около 100—150 судов с осадной артиллерией на борту), сухопутный корпус великого визира Махмуд-паши (греческого ренегата) и сухопутные войска во главе с самим султаном Мехмедом II. Общая численность турецких войск составляла 100—150 тысяч человек (60 000 конных и 80 000 пеших воинов).[54] Османское войско сопровождал огромный обоз, в котором в качестве гужевого транспорта использовались и верблюды — животные, как считалось, наиболее выносливые. После 23 марта 1461 г. Мехмед II выступает из Эдирне (Адрианополь). Весной был отправлен и флот в Черное море. 21 апреля Махмуд-паша уже находился в Бурсе. Вскоре туда прибывает и Мехмед II со своим войском. В первой половине мая османская армия оказалась уже в Анкаре. После отказа эмира Синопа Исмаʿил-бега Джандара присоединиться к походу с войском, Махмуд-паша совершает марш к Синопу и в июне 1461 г. берет город без боя. Мехмед II стоял в это время в Кастамоне, а затем приблизился к Синопу, дал аудиенцию Исмаʿил-бегу и пообещал взамен новые владения в азиатской Турции.[55]

Точную хронологию дальнейших передвижений османского войска пока восстановить не удается. Из бывших владений Джандаров османы пошли по пути через Касаба (8 часов пути западнее Мерзифона)—Амасью—Ладик и далее к Коюлхисару. Вопреки мнению Э. Брайера и Д. Уинфильда, которые опирались на сообщение Халкокондила, Мехмед II, по всей видимости, в Сивас не заходил.[56] Косвенно это отмечает и Критовул, писавший, что из Пафлагонии к Тигранокерту (Эрзинджану) турки двигались по труднодоступным горным дорогам.[57]

[53] *Карпов* 2017, 526—544 (гл. 16); *Шукуров* 2001, 325—326, а также 22—44.

[54] *Babinger* 1959, 204; о Махмуд-паше, военачальнике и великом визире Мехмеда II, см.: *Stavrides* 2001.

[55] *Карпов* 2017, 528—530; *Шукуров* 2001, 326, 349.

[56] *Ibn Kemal*, 190 haş. 3.

[57] *Critob*., IV.6.1; *Kritovoules*, 169 (§ 28).

Подойдя к Коюлхисару, принадлежавшему Узун-Хасану, турки осадили крепость и начали ее бомбардировку из осадных пушек. На третий день осады крепость сдалась. Затем турки свернули на юго-восток к Эрзинджану, опорной твердыне северо-западной части султаната Аккуйунлу. Они встали лагерем в Йасычаман, примерно в 30 км севернее Эрзинджана в горах Сепикёр; войска Аккуйунлу встали в местности Урум-Сарай. Через некоторое время Мехмед двинулся в долину Эрзинджана, вызывая этим Узун-Хасана на генеральное сражение. Узнав о движении османского войска, Узун-Хасан повелел своим эмирам устроить засаду в Кайкубском ущелье на подходах к долине. В засаду попал отряд турецкого полководца Ахмад-паши Кадука; войсками Аккуйунлу, по сообщению Бидлиси, командовал Хуршид-бег.[58] Абу Бакр Тихрани и османские историки в похожих выражениях сообщают о жестокости битвы. Идрис Бидлиси пишет, что победа досталась туркам, Абу Бакр Тихрани утверждает, что турки с позором бежали. Константин из Островицы сообщает, что турки были разбиты, но спас их от полного поражения янычарский корпус.[59] Исход сражения не ясен и нам.

После сражения между османами и Аккуйунлу начались переговоры. В лагерь Мехмеда II прибывает для переговоров Сара-Хатун, мать Узун-Хасана, известная своими дипломатическими миссиями.[60] В момент прибытия посольства Мехмед II отошел на север к местности Келькит, будто бы отказавшись от дальнейших военных действий против Аккуйунлу.[61] Мехмед II забирает Сара-хатун вместе с собой в поход на Трапезунд в качестве заложницы, окончательно связав тем самым руки Узун-Хасану, и отправляется к Байбурту.[62]

В чем причина неудачи Узун-Хасана? Все же туркмены Аккуйунлу располагали на тот момент самой боеспособной конницей в регионе, а огнестрельное оружие — один из будущих «козырей» турок-османов в войнах с государями Востока — в те годы только испытывалось Мехмедом II как средство осады и не играло существенной роли в открытых столкновениях из-за нерешенных тогда еще сложностей с точным нацеливанием орудий. С другой стороны, Узун-Хасан не был настроен на легкие компромиссы с турками. Как показали последующие события, Узун-Хасан оказался последовательным противником османов: он старался вовлечь в союз против Мехмеда II европейцев, надеялся водвориться в Трапезунде, однако в 70-х гг., попытавшись взять реванш, потерпел от турок сокрушительное поражение, решившее судьбу султаната Аккуйунлу.[63]

Абу Бакр Тихрани вскользь обронил, что, когда «офицеры» [*lashkariyān*] Узун-Хасана узнали о вторжении Мехмеда II в Синопский эмират, они решили, что османы дойдут до границ султаната Аккуйунлу не скоро, и разошлись по своим квартирам.[64] Другими словами, Абу Бакр свидетельствует о том, что в момент вторжения войска Аккуйунлу были рассредоточены и не были готовы к серьезной войне. Несомненно, это было ошибкой самого Узун-Хасана, которую верноподданный хронист приписал его подчиненным. В результате этой роковой ошибки Узун-Хасан, вероятно, оказался не в состоянии должным образом ответить на турецкий вызов.

На ошибочное решение Узун-Хасана, вероятно, в большой степени повлияла «дезинформационная атака», предпринятая Мехмедом II перед его анатолийским походом. Мехмед II, встревоженный деятельностью Лудовико да Болонья и неоспоримой силой Узун-Хасана в военном отношении, готовил анатолийский поход в глубоком секрете. Следует подчеркнуть, что Мехмед II всерьез опасался Узун-Хасана — османский историк Нешри считал, что главной причиной похода явилась недружественная политика Аккуйунлу.[65] Широко известен пассаж из сочинения Дуки, в котором в ответ на вопрос одного из своих приближенных, куда отправляется столь могучее войско, собранное Мехмедом II, султан ответил: «Если узнаю, что один волос из моей бороды крадет у меня мою тайну, вырву его и сожгу!» Рассказав эту историю, Дука заключает: «Так скрытен и гневлив [был этот] муж!»[66] Дука слишком поверхностен в своей оценке — на самом деле Мехмед II был тем политиком, который знал истинную цену «информационной войне».

[58] *Шукуров* 2001, 354—357, 367—368; *Neşri*, 2:750/751. Хуршид-бег, стоявший во главе войск Аккуйунлу, вероятно был тем самым Хуршид-бегом, который возглавлял посольство Узун-Хасана к османам весной или летом 1460 г.

[59] *Константин Михайлович*, 83—84. Комментарии к сведениям Константина Михайловича см. в: *Radić* 1996—1997.

[60] *Ašikpaša-zade*, 225; *Neşri*, 2:752; *Critob*., IV, 6.1; *Chalc*., 2:244.

[61] *Шукуров* 2001, 368.

[62] *Шукуров* 2001, 358; *Ašikpaša-zade*, 225; *Critob*., IV, 6.2—3.

[63] О взаимоотношениях Османского султаната и Аккуйунлу см.: *Махмудов* 1991, 52—57, 66—117. В поисках союзников против турок Узун-Хасан установил связь даже с Польшей (1474 г.): *Halecki* 1932, 66; *Dábrowska* 1998.

[64] *Шукуров* 2001, 367.

[65] *Neşri*, 2:740.

[66] *Doukas* 1975, XLV.15.

Кроме того, Абу Бакр Тихрани утверждает, что султан Мехмед II первым направил посла к аккуйунлу и обещал не трогать Трапезунд, если к нему прибудет для переговоров Сара-Хатун, но в конце концов он нарушил обещание.[67] Таким образом, Мехмед II во второй раз обманул Узун-Хасана. Успех Мехмеда II и неудача Узун-Хасана в столкновении за Трапезунд были обусловлены целым комплексом глубоко продуманных дипломатических и военных шагов османского султана. Мехмед II обыграл своих соперников по всем статьям, продемонстрировав, в частности, высокую роль интеллектуального усилия в мировой политике. Как бы то ни было, попытки Узун-Хасана защитить Трапезунд провалились, император Давид Великий Комнин остался в одиночестве.

Как показали Э. Брайер и Д. Уинфильд, основывавшиеся на хронике Турсун-бега, в Байбурте османское сухопутное войско разделилось на две части: одна часть войска во главе с Махмуд-пашой обошла Халдию-Мацуку через Хериану с юга и через Кордилу вышла к Трапезунду с запада; другая часть войска во главе с султаном по труднодоступным тропам обошла центральный укрепленный район империи справа и вышла к городу с востока. Таким образом, турки обошли главную и самую короткую дорогу к Трапезунду через Месохалдию и Торул, которая, скорее всего, была заблокирована византийцами. В общих чертах это подтверждается и Идрисом Бидлиси: «...справа и слева, со стороны равнины (т. е. с запада — войска Махмуд-паши. — *Р. Ш.*) и [со стороны] гор (т. е. с юго-востока — войска Мехмеда. — *Р. Ш.*) в долине Трапезунда появились ряды корпусов султанского воинства».[68] Подтверждает это и османский хронист Ибн Кемал: «Когда Султан, на вождя туркмен и курдов совершив набег, подошел через Байбурт к области Трапезунд, сделал великого визира Махмуд-пашу [главой] авангарда, румелийские войска победных знамен вместе с упомянутым [визиром], [обладающим] счастливыми знаменьями, отослал налево, сам с многочисленным войском анатолийской земли с дворцовым людом, пешим и конным пошел прямо (yukarı)».[69]

Как отметили Э. Брайер и Д. Уинфильд, схема комбинированного морского и сухопутного нападения на Трапезунд, возможно, была подсказана Мехмеду II недавними экспедициями Хизр-бега и Джунайда (см. выше гл. 5). Обе они были неудачны, поэтому

[67] *Шукуров* 2001, 368.
[68] *Шукуров* 2001, 359.
[69] *Ibn Kemal*, 190; *Bryer & Winfield* 1985, 1:60—65; *Карпов* 2017, 532.

османский султан, возможно, пришел к выводу о необходимости полной блокады города с моря и с суши: подобно тому, как это сделал Хизр-бег — турецкий флот высадил десант в пригородах Трапезунда, а визир Махмуд-паша, подобно Джунайду, обошел неприступные крепости в Халдии и Мацуке с юга и атаковал Трапезунд с запада.[70]

К этому времени уже около месяца трапезундцы успешно отражали атаки турецкого морского десанта. Осажденные смогли сдержать натиск десанта, хотя противнику удалось овладеть пригородами. В атаках на турецкий десант принимали участие и воины, и местные крестьяне. Передовой отряд в 2000 человек, отправленный Мехмедом II, был уничтожен византийцами. Махмуд-паша на один день раньше Мехмеда подошел к Трапезунду и встал лагерем в Скилолимнии. Махмуд-паша начал переговоры с Давидом, отправив послом Фому Катаволина. С византийской стороны в переговоры вступил Георгий Амируци, *протовестиарий* трапезундского двора и знаменитый интеллектуал. Вскоре после появления под городом штандартов султана давление на Давида, который медлил со сдачей, усилилось. Часть окружения Давида толкала его к сопротивлению, а другие, как Амируци, склоняли к сдаче. Император Давид в конце концов сдался, выговорив себе сохранение жизни и части имущества и освобождение от грабежа и убийств для своих подданных. Возможно, что Давида принудил к сдаче и артиллерийский обстрел города, однако источники не согласны друг с другом в отношении того, применил ли Мехмед II артиллерию против города.[71]

По устной понтийской традиции город был взят 15 августа 1461 г.[72] То, что событие произошло в августе 1461 г., подтверждается и недавно опубликованной «малой хроникой» трапезундского происхождения: «Трапезунд был взят в году 6969 [1461], в месяце августе».[73]

Мехмед II отправил Давида с семьей в Константинополь, а затем — в Адрианополь. Вместе с Давидом была отправлена на Запад и часть трапезундской знати. Средние и низшие слои населения не только не были переселены, но и не подверглись, по условиям сдачи, экспроприации.[74]

[70] *Bryer & Winfield* 1985, 1:63
[71] *Карпов* 2017, 532—533; *Stefec* 2021, 315—318 (№ 157—158).
[72] *Bryer* 1965, 193 n. 63.
[73] *Prinzing* 2000, 293 (№ 2), 294.
[74] *Карпов* 2017, 535—536; *Lowry* 1977, 27—30; *Beldiceanu* 1977, 187.

Как отмечает Абу Бакр Тихрани, Узун-Хасан во время взятия Трапезунда Мехмедом II не стал нападать на беззащитные коммуникации турок в Джанике. На обратном пути из Трапезунда через Джаник Мехмед II отправил Сара-Хатун назад к Узун-Хасану, сопроводив ее примирительным посольством во главе со своим сыном Кутлушахом.[75]

26 марта 1463 г. в Адрианополе Давид, трое его сыновей Василий, Мануил и Георгий, а также его племянник Алексей были брошены турками в темницу. Вскоре пленники были отвезены в Константинополь. Причиной ареста явилось попавшее к Мехмеду II письмо (возможно, подложное) Феодоры, жены Узун-Хасана, в котором содержалась просьба прислать ко двору Узун-Хасана Алексея, племянника императора Давида, чтобы возвести его на трапезундский престол, если туркменам удастся взять Трапезунд. Разгневанный Мехмед велел казнить Давида с сыновьями и племянником. Казнь была совершена в Константинополе 1 ноября 1463 г.[76]

Однако с падением Трапезундской империи война на Понте не прекратилась. В Месохалдии и, возможно, других внутренних юго-восточных областях страны, где население было смешанное — грузинское и греческое, — долгое время продолжалась борьба с турками. Владетели высокогорных замков не собирались сдаваться без боя. Так, замок Торул сопротивлялся до 1478 г., однако, к сожалению, подробностей об этой борьбе в источниках не сохранилось.[77]

* * *

Захваты Мехмедом II Палеологовской Византии (Константинополь и Морея) и Трапезунда представлялись этапами одного свершения — покорения/апроприации, как думали одни, или разрушения, как думали другие, Римской империи. Существует целая серия возрожденческих памятных медалей Мехмеда II второй половины XV в., восходящих к портрету султана, выполненному Джентиле Беллини, и широко растиражированных в Европе той эпохи (см. рис. 17—19).[78] Костанцо да Феррара на аверсе своей медали именует Мехмеда II «Султан Мехмед, потомок Отто-

[75] *Critob*., IV, 8.4—5; *Ašikpaša-zade*, 226; *Шукуров* 2001, 368.

[76] *Карпов* 2017, 536—540.

[77] *Карпов* 2017, 540; *Inalcık* 1960, 425.

[78] Эти медали хорошо известны, см., например: *Campbell & Chong* 2005, 72—78 (№ 17—23). Экземпляр медали Костанцо да Феррара хранится и в Го-

томана, византийский император» — SULTANI MOHAMMETH OCTHOMANI UGULI BIZANTII INPERATORIS. Медаль Бертольдо ди Джованни на аверсе содержит надпись MAVMhET ASIE AC TRAPESVNZIS MAGNE QVE GRETIE IMPERAT[OR], т. е. «Мехмед, император Азии, Трапезунда и Великой Греции». На реверсе изображена колесница с тремя венценосными женскими фигурами на колеснице, порабощенными Мехмедом, коней же ведет сам Марс. Три женские фигуры, судя по подписям, олицетворяют Грецию, Трапезунд и Азию (GRETIE TRAPESVNTV ASIE). Медаль, созданная самим Джентиле Беллини, несет на аверсе портрет Мехмеда II в профиль, а на реверсе — три короны, т. е., скорее всего, обозначение трех царств, фигурировавших у Бертольдо ди Джованни — Великая Греция, Трапезунд и Азия.

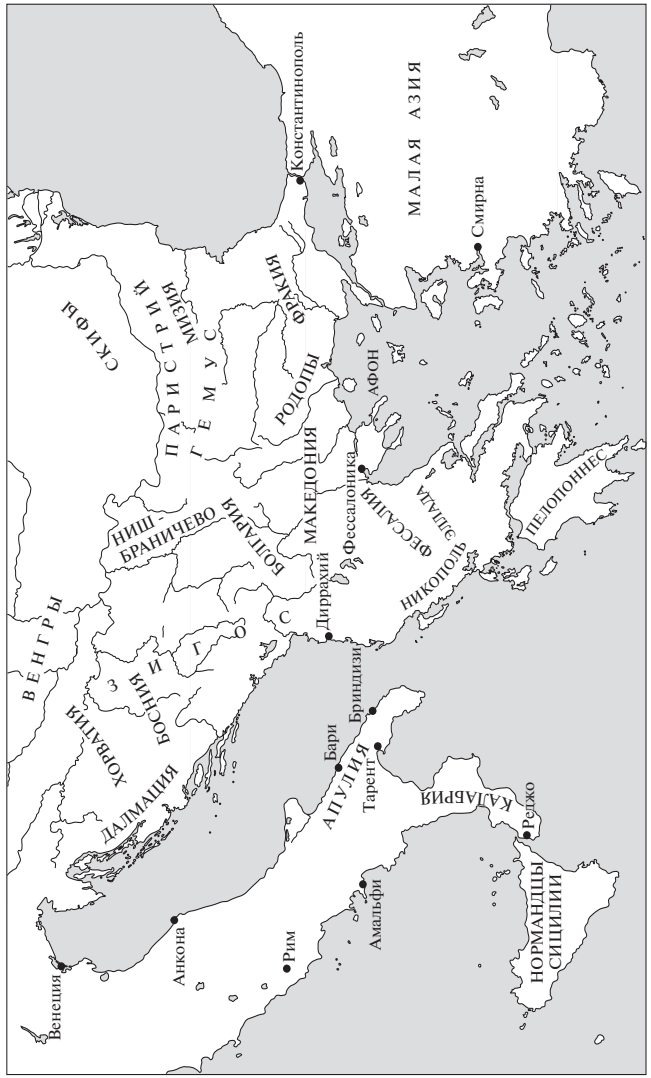
Рис. 17. Костанцо да Феррара. Мехмед II. 1481 г.
(Музей Виктории и Альберта, Лондон).

Рис. 18. Бертольдо ди Джованни. Мехмед II. 1480-е гг.
(Музей Метрополитен, Нью-Йорк (CC-PD)).

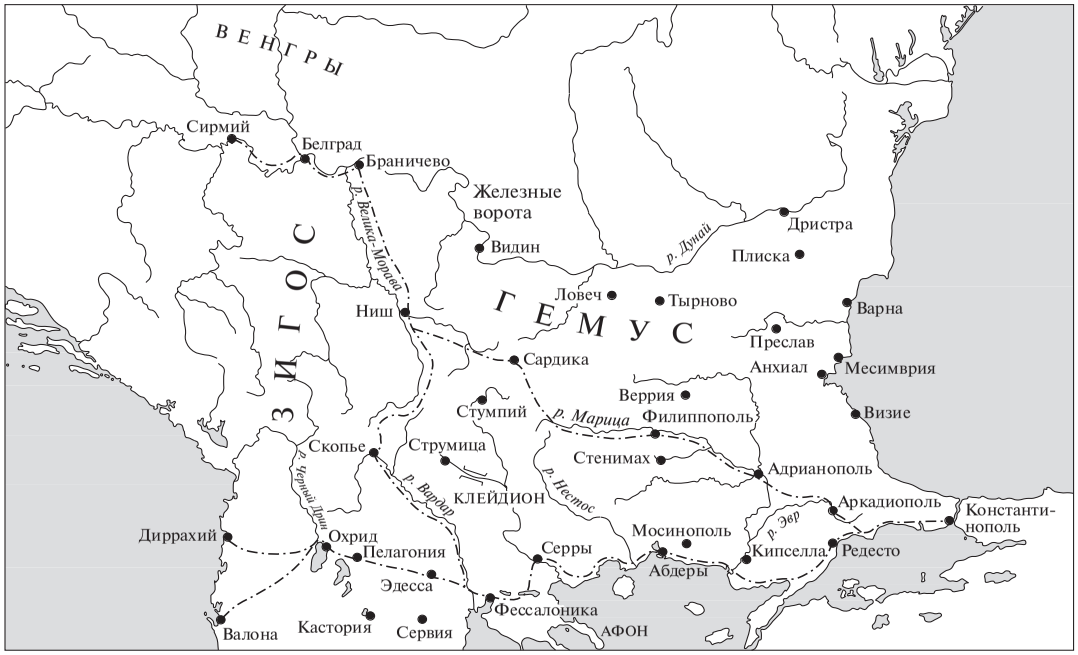
сударственном Эрмитаже. О портрете Мехмеда II, выполненном Беллини, см.: *Schroeder* 2020.

Рис. 19. Джентиле Беллини. Мехмед II. Ок. 1480 г.
(Музей Виктории и Альберта, Лондон).

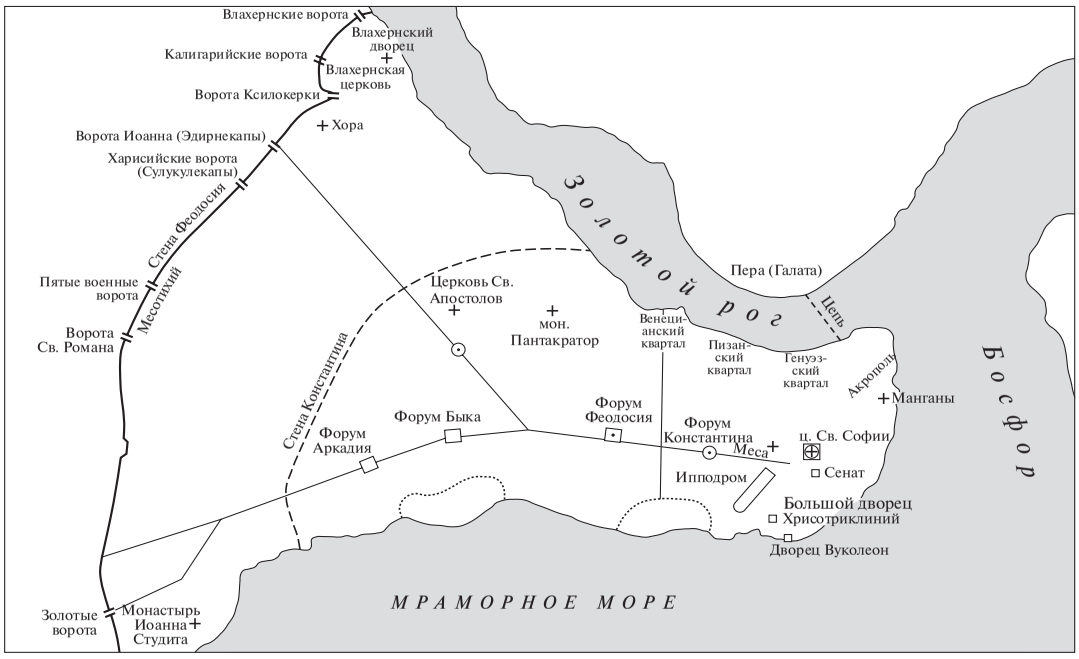
Трапезунд в глазах Мехмеда II и его современников виделся сравнимым по идеологической значимости, если не равнозначным, империи Палеологов с их столицей Константинополем. С разгромом и упразднением Трапезундской империи завершилась эпопея турецкого завоевания Византии, а также и многовековых византийско-тюркских отношений.



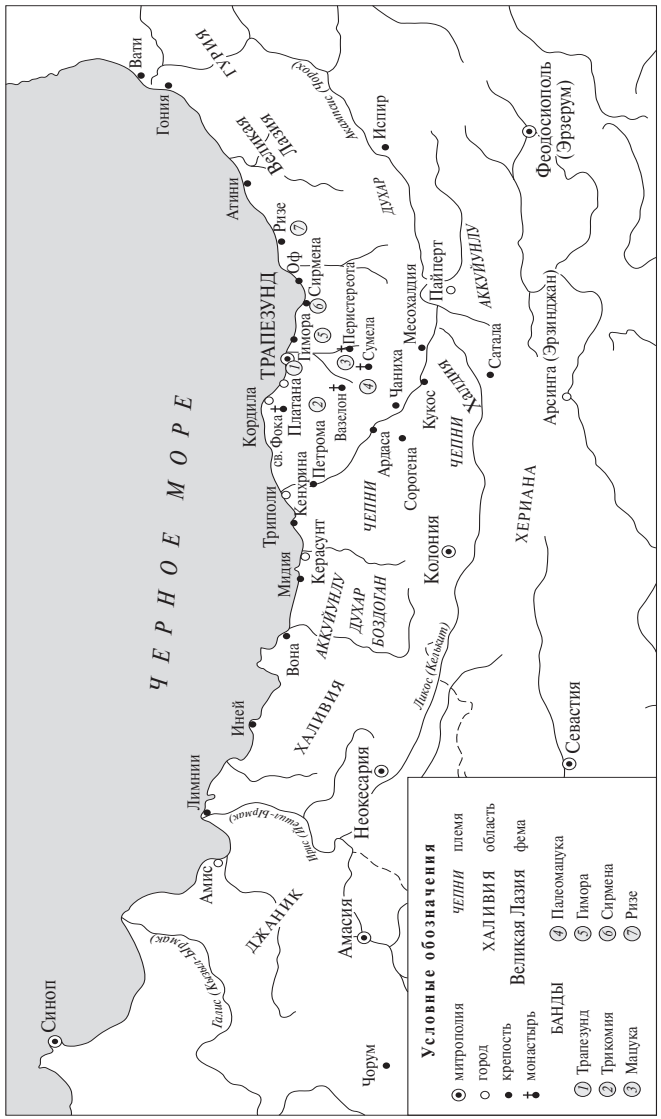
Балканы (X—XIII вв.).



Северные Балканы (XI—XII вв.).



Константинополь (XII—XV вв.).



Трапезундская империя (1204—1461 гг.).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Крещение венгерского вождя Булчу (Bulcsú). Миниатюра из Мадридского Скилицы (*Tsamakda* 2002, 173, fig. 323).

Рис. 2. Печать Иоанна Кегена, найденная в Силистре (*Jordanov* 2003—2009, 2: N 307).

Рис. 3. Печать Иоанна Тираха, примерно датируемая 1047—1049 гг. (Думбартон Оукс, BZS. 1958. 106.5725. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1958.106.5725/view).

Рис. 4. Никифор III (или Михаил VII) и Мария Аланская, между 1074 и 1081 гг. (BnF. Coislin 79. Fol. 2bisv).

Рис. 5. Печать императрицы Марии Аланской (URL: https://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=115594).

Рис. 6. Печать Ирины Аланской (DO Seals. Vol. 5. № 116.1).

Рис. 7. Анатолийский всадник, посл. четв. XIII в. (BnF, Persan 174, fol. 18). Это изображение может отображать внешний вид как мусульманского, так и византийского воина того времени.

Рис. 8. «Квадрига» Лисиппа (URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=15229898).

Рис. 9. Печать Иоанна Аксуха (Думбартон Оукс, BZS.1958.106.3227. URL: https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1958.106.3227/view).

Рис. 10. Монастырь Кутлумуш на Афоне (фото Στάθης Κουτσιαύτης, CC BY-SA 4.0. URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=51902289).

Рис. 11. Печать Николая Мелика (по: *Laurent* 1981, 2:674, № 1204).

Рис. 12. Конъюнкция Луны и Марса (BnF. Persan 174. Fol. 110r.).

Рис. 13. Фрагмент люстрового изразца из сельджукского дворца Кубадабад (*Arık & Arık* 2007, 328 res. 330).

Рис. 14. Анадолухисар (фото 1901 г.).

Рис. 15. Румелихисар (фото начала XX в.).

Рис. 16. Джентиле Беллини, «Сидящий янычар», 1479—1481, карандаш, коричневые чернила, 21.5x17.5 см (Британский музей, Лондон).

Рис. 17. Джентиле Беллини. Мехмед II. Ок. 1480 г. (Музей Виктории и Альберта, Лондон).

Рис. 18. Бертольдо ди Джованни. Мехмед II. 1480-е гг. (Музей Метрополитен, Нью-Йорк (CC-PD)).

Рис. 19. Джентиле Беллини. Мехмед II. Ок. 1480 г. (Музей Виктории и Альберта, Лондон).

Список карт

Балканы (X—XIII вв.).
Северные Балканы (XI—XII вв.).
Константинополь (XII—XV вв.).
Трапезундская империя (1204—1461 гг.).
Византийская Малая Азия (вкладка).

БИБЛИОГРАФИЯ

Агаджанов 1969 — *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.

Агаджанов 1973 — *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв. Ашхабад, 1973.

Агаджанов и Юзбашян 1965 — *Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н.* К истории тюркских набегов на Армению в XI в. // Палестинский сборник. 1965. Т. 12. С. 144—159.

Акрополит — Георгий Акрополит. История / Пер. с древнегреч. П. И. Жаворонкова. СПб., 2003.

Алексеев 2015 — *Алексеев С. В.* Фольклор в сербской литературе Средневековья // Исторические записки. 2015. Т. 3. С. 207—214.

Алемань 2003 — *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Анасян 1953 — *Анасян А. С.* Армянские хронисты о падении Константинополя // ВВ. 1953. Т. 7. 1953. С. 444—466.

Андреева 1926 — *Андреева М. А.* Прием татарских послов при никейском дворе // Сб. статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926. С. 187—200.

Анна Комнина — Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1996.

Апанович 2009 — *Апанович О. С.* Наемные и вассальные христианские контингенты на службе у анатолийских сельджуков // Причерноморье в Средние века / Ред. С. П. Карпов. Вып. 7. СПб., 2009. С. 72—117.

Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар / Ред., примеч. Л. Н. Гумилев. Л., 1962.

Архимандрит Арсений 1893 — *Архимандрит Арсений.* Некоего митрополита Ефесского, XIII века, не изданное доселе произведение. М., 1893.

Барабанов 2009 — *Барабанов Н. Д.* Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Ред. Р. М. Шукуров. М., 2009. С. 241—258.

Басили — Басили. Жизнь царицы цариц Тамар / Пер. В. Д. Дондуа // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

Баскаков 1979 — *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Бахрах 1993 — *Бахрах Б.* Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья) / Пер. И. Б. Санакоева, ред. академика М. И. Исаева. М., 1993.

Бибиков 1999 — *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Богданова 1985 — *Богданова Н. М.* К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985. С. 42—63.

Богданова 1991 — *Богданова Н. М.* Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века / Ред. С. П. Карпов. Вып. 1. М., 1991. С. 8—172.

Бубенок 2004 — *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.). Киев, 2004.

Буниятов 1986 — *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинов (1097—1231). М., 1986.

Бурмов 1948 — *Бурмов А*. Към въпроса за произхода на прабългарите. София, 1948.

Васильев 1912 — *Васильев А. А.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе // ЖМНП. Н. с. 1912. Т. 39. С. 41—78, 260—304.

Васильев 1998 — *Васильев А. А.* История Византийской империи. Т. 1—2. СПб., 1998.

Васильевский 1908 — *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги // Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 1—175.

Вернадский 1927 — *Вернадский Г.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // SK. 1927. Т. 1. С. 61—83.

Веселаго 1953 — *Веселаго Е. Б.* Лаоник Халкокондил. История // ВВ. 1953. Т. 7. 1953. С. 431—444.

Виноградов 2006 — *Виноградов А. Ю.* Очерки аланского христианства в X—XII вв. / KANIΣKION. М., 2006. С. 102—155.

Войтов 1996 — *Войтов В. Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. М., 1996.

Вольфрам 2001 — *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Ред. перевода П. В. Шувалов, Н. А. Бондарко, М. Б. Щукин. СПб., 2001.

Галстян 1962 — *Галстян А. Г.* Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. / Пер. с древнеарм. М., 1962.

Гордлевский 1941 — *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Григора — Никифор Григора. История ромеев / Пер. Р. В. Яшунского. Т. 1—3. СПб., 2013—2016.

Гумилев 1960 — *Гумилев Л. Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена / Ред. М. И. Артамонова. М., 1960.

Гумилев 2002 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. СПб., 2002.

Дигенис — Дигенис Акрит (византийская эпическая поэма) / Пер. и комм. А. Я. Сыркина. М.; Л., 1960.

Ђоковић 2006 — *Ђоковић З.* Проучавање словенске антропонијске грађе у практицима XII и XIII века // Зборник радова Византолошког института. 2006. Т. 43. С. 499—516.

Жаворонков 1976 — *Жаворонков П. И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48—61.

Жаворонков 1977 — *Жаворонков П. И.* У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30—37.

Жаворонков 1978 — *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93—101.

Жаворонков 1980 — *Жаворонков П. И.* Дополнения к третьему тому «Регест» Ф. Дэльгера периода Никейской империи // ВВ. Т. 41. 1980. С. 183—193.

Жуков 1988 — *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.

Закиров 1966 — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.

Иванов 2003 — *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. М., 2003.

История Византии — История Византии / Ред. С. Д. Сказкин. Т. 1—3. М., 1967.

Каждан 1963 — *Каждан А. П.* Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в. // ЗРВИ. 1963. Кн. 8. С. 177—179.

Каждан 1974 — *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974.

Калделлис 2016 — *Калделлис А.* Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / Пер. В. Земскова. СПб., 2016.

Карпов 1981 — *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.

Карпов 1990 — *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

Карпов 2017 — *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017.

Карпов 2021 — *Карпов С. П.* История Таны (Азова) в XIII—XIV вв. СПб., 2021.

Картлис Цховреба — Картлис Цховреба. История Грузии / Ред. Раин Метревели. Тбилиси, 2008.

Каухчишвили 1974 — *Каухчишвили С. Г.* Грузинские источники по истории Византии. Т. 1. Тбилиси, 1974.

Киракос — Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976.

Клавихо — Клавихо Р. Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. / Текст, пер. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28.

Козлов 2013 — *Козлов С. А.* Byzantinopecenacica I: Богас и Кеген — печенежские «языки» на византийской службе // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2013. Vol. 20. С. 103—127.

Константин Багрянородный — Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.

Константин Михайлович — Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер., коммент. А. И. Рогова. М., 1978.

Коробейников 1995 — *Коробейников Д. А.* Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 156—169.

Коробейников 1996 — *Коробейников Д. А.* Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1. Походы Байазида I Йылдырыма в Малой Азии // ВО. М., 1996. С. 152—168.

Коробейников 1999 — *Коробейников Д. А.* Византия и государство Ильханов в XIII—начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 428—473.

Крымский 1981 — *Крымский А. Е.* Низами и его современники. Баку, 1981.

Крюков 2009 — *Крюков А. М.* Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века / Ред. С. П. Карпов. СПб., 2009. С. 33—53.

Кулаковский 1899 — *Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Т. 13. Киев, 1899. С. 1—73.

Куник 1854 — *Куник А.* О связи трапезундско-сельджукской войны с первым нашествием татар на Северное Причерноморье // Учен. зап. имп. АН по I и III отделениям. Т. 2. СПб., 1854. С. 734—746.

Кутби — Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и Шейх Увейс / Введ. и пер. М. Кязимова, В. Пириева. Баку, 1984.

Лебедев 1944 — *Лебедев Н.* Византия и монголы в XIII в. (По известиям Георгия Пахимера) // ИЖ. 1944. Кн. 1. С. 91—94.

Ле Гофф 2005 — *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.

Лидов 2009 — *Лидов А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.

Любарский, Соболь 2006 — Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / Ред. Я. Н. Любарский, Т. И. Соболь. СПб., 2006.

Любарский, Фрейденберг 1962 — *Любарский Я. Н., Фрейденберг М. М.* Девольский договор 1108 года между Алексеем Комнином и Боэмундом // ВВ. 1962. Т. 21. С. 260—274.

Махмудов 1991 — *Махмудов Я.* Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV—начало XVII в.). Баку, 1991.

Медведев 1973 — *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

Медведев 1988 — *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.

Медведев 1999 — *Медведев И. П.* Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком / Ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 293—332.

Мелиоранский 1892 — *Мелиоранский П. И.* Сельджук-намэ как источник для истории Византии XII—XIII вв. // ВВ. 1892. Т. 1. С. 632—637.

Менхен-Хельфен 2014 — *Менхен-Хельфен О.* История и культура гуннов. М., 2014.

Мешановић 1996 — *Мешановић С.* Јован VII Палеолог. Београд, 1996.

Мирхᵉанд — Мирхᵉанд. Равзат ал-сафа. СПб. Публ. биб-ка, Dorn 278.

Насави — Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны // Изд. критического текста, пер. с арабского, предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996.

Нешри 1987 — *Мехмед Нешри*. Зерцало мира. История османского двора. М., 1987.

Нодия 1978 — *Нодия И. М.* Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Марии // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978. С. 146—155.

Острогорский 2011 — *Острогорский Г. А.* История Византийского государства / Пер. М. В. Грацианский, ред. П. В. Кузенков. М., 2011.

Панарет — Михаил Панарет. О великих Комнинах (Трапезундская хроника) / Пер. и коммент. С. П. Карпов, Р. М. Шукуров, греч. текст А. М. Крюкова. СПб., 2019.

Петрушевский 1966 — *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XV вв. М., 1966.

Петрушевский 1970 — *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256—1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 222—254.

Плетнева 1976 — *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976.

Плетнева 1990 — *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.

Повесть 1982 — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 216—267, 602—607.

Пономарев 2012 — *Пономарев А. Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв. М., 2012.

Попов 1949 — *Попов А. И.* Кыпчаки и Русь // Учен. зап. ЛГУ. Сер. историческая. 1949. Вып. 14. С. 94—119.

Прокофьев 1978 — *Прокофьев Н. И.* Хожение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып. 2. М., 1978. С. 136—145.

Пселл — Михаил Пселл. Хронография / Пер. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978.

ПЭ — Православная энциклопедия. Т. 1—. М., 2000—.

Радић 1993 — *Радић Р.* Време Јована V Палеолога (1332—1391). Београд, 1993.

Рансимен 1983 — *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году / Пер. с англ., предисл. И. Е. Петросян, К. Н. Юзбашян. М., 1983.

Расовский 1935—1940 — *Расовский Д. А.* Половцы // SK. 1935. Т. 7. С. 247—262; 1936. Т. 8. С. 161—182; 1937. Т. 9. С. 71—85; 1938. Т. 10. С. 155—178; 1940. Т. 11. С. 95—126.

Рашев 2005 — *Рашев Р.* Прабългарите през V—VII век. София, 2005.

Рашев 2008 — *Рашев Р.* Българската езическа култура VII—IX век. София, 2008.

Рашид ал-Дин 1957 — *Рашид ад-Дин*. Джаме ат-Таварих. Т. 3. Баку, 1957.

Рашид ал-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960.

Рашид ал-Дин 1971 — *Рашид ад-Дин.* Переписка / Пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М., 1971.

Рашид ал-Дин 1980 — *Рашид ад-Дин.* Джами ат-таварих. Т. 2. Ч. 1 / Крит. текст А. А. Али-заде. М., 1980.

Рубрук — Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А. И. Малеин. М., 1957.

СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах (I—VI вв.). Т. I / Сост.-ред. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, И. С. Чичуров. М., 1994.

Симокатта — Феофилакт Симокатта. История / Вступ. ст. Н. В. Пигулевской, пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.

Сиропул — Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439) / Вступ. ст., коммент. А. Занемонец. СПб., 2010.

Сказкин 1967 — История Византии / Ред. С. Д. Сказкин. Т. 1—3. М., 1967.

Смирнов 1951 — *Смирнов А. П.* Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М., 1951.

Сорочан 2013 — *Сорочан С.* Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Т. 2. Ч. 3. М., 2013.

Степанов 1953 — *Степанов А. С.* Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя // ВВ. 1953. Т. 7. С. 385—430.

Сфрандзи 1987 — *Георгий Сфрандзи*. Хроника / Пер. и примеч. Е. Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. 1987. Т. 5. С. 187—240.

Тафур 2006 — Странствия и путешествия Перо Тафура (1453—1454) / Пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиель Санчес. М., 2006.

Тизенгаузен 1884 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884.

Удальцова, Каждан, Бартикян 1974 — *Удальцова З. В., Каждан А. П., Бартикян Р. М.* Социальная структура восточных границ Византийской империи // Actes du XIV[e] congrès international des études byzantines. Vol. 1. Bucareşti, 1974. С. 231—236.

Умняков 1956 — *Умняков И. И.* Международные отношения Средней Азии в начале XV в. (Сношения Тимура с Византией и Францией) // Труды Узбекского гос. ун-та. Нов. сер. Т. 61. Самарканд, 1956. С. 179—200.

Умняков 1960 — *Умняков И. И.* Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в нач. XV в. // Известия АН Узбекской ССР. Сер. общественных наук. № 1. Ташкент, 1960. С. 27—33.

Умняков 1960а — *Умняков И. И.* Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в нач. XV в. // 25-й Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. № 214.

Успенский 1926 — *Успенский Ф. И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24. С. 1—16.

Флоринский 1882 — *Флоринский Т. Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1—2. СПб., 1882.

Фома Мецопский — Фома Мецопский. История Тимурланка и его преемников. Баку, 1957.

Франкопан 2018 — *Франкопан П.* Первый крестовый поход: зов с Востока / Пер. с англ. М. Витебского. М., 2018.

Хамави — Мухаммад ал-Хамави. ат-Тарих ал-Мансури (Мансурова хроника) // Изд. текста, предисл. и указатели П. А. Грязневича. М., 1960.

Хачатрян 1987 — *Хачатрян А. А.* Корпус арабских надписей Армении. VIII—XVI вв. Вып. I. Ереван, 1987.

Шильтбергер — Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Пер. с нем. Ф. Бруна // ЗНУ. Т. 1. Вып. 1—2. Одесса, 1867.

Шувалов 2017 — *Шувалов П. В.* Западные скифы и Скифия в географическом и риторическом пространствах I—VII вв. н. э.: К постановке вопроса об исследовании гео-этнических контекстов (структурированный обзор основных источников) // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э.—VII в. н. э.) / Ред. А. И. Иванчик, В. И. Мордвинцева. М.; Симферополь, 2017. С. 79—123.

Шукуров 1999 — *Шукуров Р. М.* Новый Манцикерт императора Феодора I Ласкариса // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 409—427.

Шукуров 2001 — *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204—1461). СПб., 2001.

Шукуров 2001а — Формулы самоидентификации анатолийских тюрков и византийская традиция (XII—XIII вв.) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 2001. С. 151—173.

Шукуров 2011 — *Шукуров Р. М.* Гаремное христианство: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в Средние века / Ред. С. П. Карпов. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64—90.

Шукуров 2011а — *Шукуров Р. М.* Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремного христианства? // ВО. СПб., 2011. С. 228—242.

Шукуров 2015 — *Шукуров Р. М.* От символа к метафоре: христианские иконные образы и мусульманская анатолийская традиция // Образ и символ в иудейской, христианской и мусульманской традиции / Под ред. А. Б. Ковельмана, У. Гершовича. М., 2015. С. 175—204.

Шукуров 2017 — *Шукуров Р. М.* Тюрки в византийском мире (1204—1461). М., 2017.

Шукуров 2017а — *Шукуров Р. М.* Эллинизм в мусульманской Анатолии в XIII в. (К постановке проблемы) // История Греции в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова: от Античности до наших дней [Труды исторического факультета МГУ. Т. 91]. М., 2017. С. 111—120.

Шукуров, Коробейников 1998 — *Шукуров Р. М., Коробейников Д. А.* Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223—1230 гг. (загадка текста Лазаропула) // Причерноморье в Средние века. Вып. 3 / Ред. С. П. Карпов. СПб., 1998. С. 178—200.

Щербак 1959 — *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи. К вопросу о языке и письменности печенегов // Труды Волго-донской археологической экспедиции. Т. 1—2. М.; Л., 1959. С. 362—389.

Якубовский 1927 — *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. Т. 25. С. 53—77.

Abu al-Faraj 1890 — *Abu al-Faraj.* Mukhtasar tarikh al-Dawal. Beyrut, 1890.

Abu al-Faraj 1932 — *Gregorius Abu al-Faraj.* The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron / Ed. E. A.W. Budge Vol. 1—2: Translation from Syriac by E. A. W. Budge. London, 1932 (repr. Amsterdam 1976).

Abu-l-Feda, Ann. — *Abu-l-Feda*. Annales muslemici. Arabice et latine / Ed. I. G. C. Adler. T. 1—5. Hafniae, 1789—1794.

AChil. — Actes de Chilandar / Ed. M. Zivojinovic, Ch. Giros, V. Kravari. T. 1 (des origines à 1319). Paris, 1995.

Acrop. — Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg, P. Wirth. Vol. 1—2. Stuttgart, 1978.

Aflaki — *Şams al-Din Ahmad al-Aflaki al-'Arifi*. Manakib al-'Arifin (Metin) / Ed. Tahsin Yazıcı. C. 1—2. Ankara, 1959—1961.

Ágoston 2008 — *Ágoston G.* Guns for the Sultan. Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, 2008.

Ahrweiler 1965 — *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) // TM. 1965. T. 1. P. 1—204.

Ahrweiler 1966 — *Ahrweiler H.* Choma-Aggélokastron // RÉB. 1966. T. 24. P. 278—283.

Ahrweiler 1974 — *Ahrweiler H.* La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Actes du XIV^e^ congrès international des études byzantines. T. 1. Bucareşti, 1974. P. 209—230.

Ahrweiler 1983 — *Ahrweiler H.* La région de Philadelphie, au XIV^e^ siècle (1290—1390), dernier bastion de l'hellénisme en Asie Mineure // Comptes-rendus des séances de l année de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1983. 127^e^ année, N^o^ 1. P. 175—197.

Ahrweiler 1984 — Philadelphie et autres études / Éd. H. Ahrweiler. Paris, 1984.

Aigle 2014 — *Aigle D.* The Mongol Empire between Myth and Reality. Studies in Anthropological History. Leiden, 2014.

AIv. — Actes d'Iviron / Éd. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, H. Métrévéli. T. 1—4. Paris, 1985—1995.

Akindynos — Letters of Gregory Akindynos / Greek text, English transl. A. C. Hero. Washington, 1983.

Akropolites — George Akropolites. The History / Introduction, translation and commentary R. Macrides. Oxford, 2007.

Aksarayi — Kerimüddin Mahmud Aksarayı. Müsameret ül-ahbâr. Moğollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi / Mukkademe ve haşiyelerle tashih ve neşreden Osman Turan. Ankara, 1944.

AKut. — Actes de Kutlumus / Éd. Paul Lemerle. Paris, 1988.

ALav. — Actes de Lavra / Éd. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou, S. Çirkoviç. T. 1—4. Paris, 1970—1982.

Alberic. — Albericus Trium Fontium. Chronicon // MGH SS. T. 23.

Alexandrescu-Dersca 1942 — *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). Bucureşti, 1942.

Alexandrescu-Dersca 1959 — *Alexandrescu-Dersca M.-M.* L'expédition d'Umur beg d'Aydin aux bouches du Danube (1337 ou 1338) // Studia et Acta Orientalia. 1959. T. 2. P. 3—23.

ʿAli Yazdi — ʿAli Yazdi. The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin Ali Yazdi / Ed. by Mawlawi M. Ilahdad. Vol. 1—2. Calcutta, 1885—1888.

Allen 1971 — *Allen W. E. D.* A History of the Georgian People. London, 1932 (repr.: N. Y., 1971).

Allsen 2001 — *Allsen Th. T.* Conquest and Culture in Mongol Eurasia. Cambridge, 2001.

Altunian 1911 — *Altunian G.* Die Mongolen und ihre Eroberungen in Kaukasischen und Kleinasiatischen Ländern im XIII Jahrhundert. Berlin, 1911.

Amitai 1987 — *Amitai R.* Mongol Raids into Palestine (A. D. 1260 and 1300) // Journal of the Royal Asiatic Society. 1987. Vol. 119/2. P. 236— 255.

Angold 1975 — *Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Oxford, 1975.

Angold 1997 — *Angold M.* The Byzantine Empire, 1025—1204: a Political History. London, N. Y., 1997.

Angold 2003 — *Angold M.* The Fourth Crusade: Event and Context. Harlow & N. Y., 2003.

Angold 2011 — *Angold M.* Review of «The Siege and the Fall of Constantinople in 1453. Historiography, Topography, and Military Studies» // Reviews in History. 2011. № 1101.

Angold 2014 — *Angold M. J.* The fall of Constantinople to the Ottomans : context and consequences. London; N. Y., 2014.

Ann. eccl. — Annales ecclesiastici / Ed. O. Raynaldus, C. Baronius. Vol. XXVI. Bar-le-Duc, 1878.

Anna Comn. — Annae Comnenae Alexias / Rec. A. Kambylis et D. R. Reinsch. Berlin; N. Y., 2001.

Arık & Arık 2007 — *Arık R., Arık O.* Çini. Selçuklu ve Beylikler çağı çinileri. Istanbul, 2007.

Arnakis 1947 — *Arnakis G.G.* Οἱ Πρῶτοι Ὀθωμανοί. Ἀθῆναι, 1947.

Arnakis 1964 — *Arnakis G. G.* Byzantium's Anatolian Provinces during the Reign of Michael Palaeologus // Actes du XIIe congrès international d'études byzantines. T. 2. Beograd, 1964. P. 37—44.

Asdracha 1976 — *Asdracha C.* La région des Rhodopes aux XIII^{e} et XIV^{e} siècles: étude de géographie historique. Athen, 1976.

ʿAshiqpashazada — *ʿAshiqpashazada* taʾrikhi. Istanbul, 1332.

Ašikpaša-zade — Vom Hirtenzelt zur Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses ʿOsman» Vom Derwisch Ahmed, genannt ʿAşik-Paşa-Sohn / Übersetzt, eingeleitet, erklärt R. F. Kreutel. Graz-Wien-Köln, 1959.

Ašikpaša-zade 1929 — Die altosmanische Chronik des Ašikpašazade / Ed. F. Giese. Leipzig, 1929.

Astarabadi — *ʿAziz ibn Ardashir Astarabadi*. Bazm-u razm / M. F. Köprülüzade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. Istanbul, 1928.

Asutay-Effenberger 2004 — *Asutay-Effenberger N.* Muchrutas. Der seldschukische Schaupavillion im Großen Palast von Konstantinopel // Byzantion. 2004. T. 74. S. 313—324.

Asutay-Effenberger 2007 — *Asutay-Effenberger N.* Die Landmauer von Konstantinopel-Istanbul. Historisch-topographische und baugeschichtliche Untersuchungen. Berlin; N. Y., 2007.

Asutay-Effenberger 2012 — *Asutay-Effenberger N.* Byzantinische (griechische) Künstler und ihre Auftraggeber im seldschukischen Anatolien // Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen / Hrsg. A. Speer, Ph. Steinkrüger. Berlin, 2012. S. 799—818.

Ateş 1945 — *Ateş A.* Hicri VI—VIII. (XII—XIV.) asırlarda Anadolu'da Farsça eserler // Türkiyat Mecmuası. 1945. C. VII—VIII/2. S. 94—135.

Attal. — *Miguel Ataliates.* Historia / Introducción, edición, traducción y comentario de I. Pérez Martín. Madrid, 2002.

Babinger 1959 — *Babinger Fr.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1959.

Babinger 1992 — *Babinger Fr.* Mehmed the Conqueror and His Time. Princeton, 1992.

Bachmann 1935 — *Bachmann M.* Die Rede von Syropulos an den Kaiser Isaak II Angelos. München, 1935.

Bachmann & Dölger 1940 — *Bachmann M., Dölger F.* Die Rede des μέγας δρουγγάριος Gregorios Antiochos auf den Sebastokrator Konstantinos Angelos // BZ. 1940. Bd. 40. S. 353—405.

Balard 1978 — *Balard M.* La Romanie génoise (XII^{e}—début du XV^{e} siècle). T. 1—2. Roma; Genova, 1978.

Balivet 1993 — *Balivet M.* Menteşe dit «Sâğlâm Bey» et Germain alias «Mârpûç»: deux surnoms turcs dans la chronique byzantine de Georges Pachymère // Turcica. 1993. T. 25. P. 137—142.

Balivet 1994 — *Balivet M.* Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.

Balivet 2008 — *Balivet M.* Les turcs dans Byzance avant 1453 // Turcobyzantiae: échanges régionaux, contacts urbains. Istanbul, 2008. P. 115—131.

Barker 1969 — *Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391—1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick-New Jersey, 1969.

Barrucand 1991 — *Barrucand M.* The Miniatures of the 'Daqa'iq al-haqa'iq' (Bibliothèque Nationale, pers. 174): a Testimony to the Cultural Diversity of Medieval Anatolia // Islamic Art. 1991. Vol. IV. P. 113—142.

Bartusis 1992 — *Bartusis M.* The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204—1453. Philadelphia, 1992.

Bartusis 2012 — *Bartusis M.* Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia. Cambridge, 2012.

Barzos 1975 — *Barzos K.* Σπουδή βυζαντινών προσωπογραφιών. Αλέξιος Κομνηνός — Ειρήνη η Ρωσική και οι άτυχοι απόγονοί τους // Byzantina. 1975. Τ. 7. Σ. 131—175.

Barzos 1984 — *Barzos K.* Η γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 1—2. Θεσσαλονίκη, 1984.

Baybars — *Baybars al-Mansuri al-Dawadar*. Zubdat al-fikra fi ta'rikh al-Hijra. History of the Early Mamluk Period / Ed. D. S. Richards. Beirut; Berlin, 1998.

Bees 1922 — *Bees N.* Die Inschriftenaufzeichnung des Codex Sinaiticus Graecus, 508 (976) und die Maria Spiläotissa Klosterkirche bei Sille (*Beihammer* Lykaonien), mit Exkursen zur Geschichte der Seldschuken-Türken. Berlin, 1922.

Beihammer 2011 — *Beihammer A.* Defection across the border of Islam and Christianity: Apostasy and cross-cultural interaction in Byzantine-Seljuk relations // Speculum. 2011. Vol. 86. P. 597—651.

Beihammer 2017 — *Beihammer A.* Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040—1130. London; N. Y., 2017.

Beldiceanu 1977 — *Beldiceanu N.* Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde (1487). Monastères de la Chrysoképhale et du Pharos // RÉB. 1977. T. 35. P. 175—213.

Beldiceanu-Steinherr 1965 — *Beldiceanu-Steinherr I.* La conquête d'Andrinople par les Turcs: la pénétration turque en Thrace et la valeur des chroniques ottomanes // TM. 1965. T. 1. P. 439—461.

Beldiceanu-Steinherr 1993 — *Beldiceanu-Steinherr I.* La population non-musulmane de Bithynie (deuxième moitié du XIV^{e} s. — première moitié du XV^{e} s.) // The Ottoman Emirate (1300—1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 7—22.

Beldiceanu-Steinherr 2000 — *Beldiceanu-Steinherr I.* La conquête de la Bithynie maritime, étape décisive dans la fondation de l'État ottoman // Byzanz

als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraums / Hrsg. Kl. Belke, Fr. Hild, J. Koder, P. Soustal. Wien, 2000. P. 21—35.

Beldiceanu-Steinherr 2000a — *Beldiceanu-Steinherr I.* Pachymère et les sources orientales // Turcica. 2000. T. 32. P. 425—434.

Beldiceanu-Steinherr 2003 — *Beldiceanu-Steinherr I.* L'installation des ottomans // La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. Paris, 2003. P. 350—374.

Beldiceanu-Steinherr 2005/2006 — *Beldiceanu-Steinherr I.* Le destin des fils d'Orhan // Archivum Ottomanicum. 2005/2006. T. 23. P. 105—130.

Beldiceanu-Steinherr & Ganchou 2006 — *Beldiceanu-Steinherr I., Ganchou Th.* Tarhaniyat / Menemen, de Byzance à l'Empire ottoman // Turcica. 2006. 38. P. 47—122.

Belke & Mersich 1990 — *Belke K., Mersich W.* Phrygien und Pisidien [TIB. Bd. 7]. Wien, 1990.

Belke & Restle 1984 — *Belke K., Restle M.* Galatien und Lykaonien [TIB. Bd. 4]. Wien, 1984.

Belke 1996 — *Belke K.* Paphlagonien und Honorias [TIB. Bd. 9]. Wien, 1996.

Bernardini 1996 — *Bernardini M.* Un'ambasceria del Tākvur di Constantinopoli alla corte di Tamerlano. Riflessioni sul "Cesare" di Rūm nelle fonti timuridi // Byzanzio e l'Occidente: arte, archeologia, storia. Studi in onore di Fernanda de'Maffei. Roma, 1996. P. 297—304.

Bernardini 2005 — *Bernardini M.* Motahharten entre Timur et Bayezid: une position inconfortable dans les ramous de l'histoire anatolienne // Syncrétismes et hérésies dans l'Orient seldjoukide (XIV^{e}—XVIII^{e} siècle) / Éd. G. Veinstein. Leuven, 2005. P. 199—211.

Beyer 1993 — *Beyer H.-V.* Die Chronologie der Briefe des Maximos Planudes an Alexios Dukas Philanthropenos und dessen Umgebung // RÉB. 1993. T. 51. S. 111—137.

Beygu 1936 — *Beygu Ş.* Erzurum tarihi, anıtları, kitabeleri. C. 1—2. Istanbul, 1936.

Birkenmeier 2002 — *Birkenmeier J.* The Development of the Komnenian Army. 1081—1180. Leiden; Boston; Köln, 2002.

Blockley 1985 — *Blockley R.* The History of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.

BMFD — Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. J. Thomas, A. C. Hero, G. Constable. Vol. 1—5. Washington, 2000.

Bon 1969 — *Bon A.* La Morée Franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205—1430). T. 1—2. P., 1969.

Bosch 1965 — *Bosch U. V.* Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321—1341. Amsterdam, 1965.

Bosworth 2000 — *Bosworth C. E.* Toghril (I) Beg // EI NE. Vol. X. P. 553a—b.

Brand 1968 — *Brand C.* Byzantium Confronts the West, 1180—1204. Cambridge, Mass., 1968.

Brand 1989 — *Brand C.* The Turkish Element in Byzantium, 11th—12th centuries // DOP. 1989. Vol. 43. P. 1—25.

Brendemoen 2002 — *Brendemoen B.* The Turkish Dialects of Trabzon. Their Phonology and Historical Development. Vol. I: Analysis. Wiesbaden, 2002.

Broadbridge 2019 — *Broadbridge A. F.* Careers in Diplomacy among Mamluks and Mongols, 658—741/1260—1341 // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics / Ed. F. Bauden, M. Dekkiche. Leiden; Boston, 2019. P. 263—301.

Brocardus — *Brocardus*. Directorium ad passagium faciendum // RHC: Documents arméniens. T. 1—2. Paris, 1869—1906.

Brosset 1841 — *Brosset M*. Matériaux pour servir a l'histoire de Géorgie depuis l'an 1201 jusqu'en 1755. St.-Pétersbourg, 1841.

Brosset 1850 — *Brosset M.* Histoire de la Géorgie. T. 1. St.-Pétersbourg, 1850.

Browning 1958 — *Browning R.* An Anonymous βασιλικὸς λόγος Addressed to Alexios IComnenus // Byzantion. 1958. T. 28. P. 31—50.

Bryer & Winfield 1985 — *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. (DOS. XX). Vol. 1—2. Washington, 1985.

Bryer 1964 — *Bryer A.* Edward Iand the Mongols // History Today. 1964. Vol. 14. P. 696—704.

Bryer 1965 — *Bryer A.* Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460—1461 // BK. 1965. T. 19—20. P. 178—198 (=*Bryer* 1980. № X).

Bryer 1966 — *Bryer A.* Shipping in the Empire of Trebizond // Mariner's Mirror. 1966. Vol. 52. P. 3—12 (repr.: *Bryer* 1980. № VIII).

Bryer 1970 — *Bryer A.* A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979—c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal. 1970. Vol. XII. P. 164—187 (=*Bryer* 1980. № IIIa).

Bryer 1973 — *Bryer A.* The Fate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266—1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 332—350.

Bryer 1975 — *Bryer A.* Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113—149.

Bryer 1975—1976 — *Bryer A.* Who was Eudokia/Euphemia? // АП. Т. 33. 1975—1976. P. 17—23.

Bryer 1976 — *Bryer A.* Some Trapezuntine Monastic Obits, 1368—1563 // RÉB. 1976. T. 34. P. 125—138. (repr.: *Bryer* 1980. № IX).

Bryer 1979 — *Bryer A.* The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location // АП. 1979. T. 35. P. 370—477 (repr.: *Bryer* 1980. № VII).

Bryer 1980 — *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. London, 1980. (Variorum CS).

Bryer 1981 — *Bryer A.* Greek Historians on the Turks: The Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages. Es-

says presented to R. W. Southern / Eds R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 471—493 (repr.: *Bryer* 1988a. № IV).

Bryer 1984 — *Bryer A.* The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for R. Browing / Ed. A. Moffatt. Canberra, 1984. P. 309—327 (repr.: *Bryer* 1988a. № VII).

Bryer 1986 — *Bryer A.* Eclipses and epithalamy in fourteenth-century Trebizond // Byzantium. A tribute to Andreas N. Stratos / Ed. N. Stratos. Athens, 1986. Vol. 2. P. 347—352 (repr.: *Bryer* 1988a. № VI).

Bryer 1988 — *Bryer A.* The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and Mummy of Cheriana // AS. 1982. Vol. 32. P. 133—150 (repr.: *Bryer* 1988a. № XI).

Bryer 1988a — *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800—1900. London, 1988. (Variorum CS).

Bryer 1988/1989 — *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988/1989. Т. 42. P. 161—188.

Bryer 1994 — *Bryer A.* The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. 1994. Т. 6. P. 257—261.

Bucossi & Suarez 2016 — John II Komnenos, emperor of Byzantium: in the shadow of father and son / Ed. Alessandra Bucossi, Alex Rodriguez Suarez. N. Y.; London, 2016.

Byzantine Diplomacy — Byzantine Diplomacy: Papers from the Twenty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990 / Ed. J. Shepard, S. Franklin. Aldershot, 1992.

Cahen & Planhol 1997 — *Cahen Cl., de Planhol X.* Karası // EI NE. Vol. 4. P. 627—628.

Cahen 1934 — *Cahen Cl.* La Campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // Byzantion. 1934. Т. 9. P. 613—642.

Cahen 1939 — *Cahen Cl.* Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // Byzantion. 1939. Т. 14. P. 131—139.

Cahen 1951 — *Cahen Cl.* Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIII^{e} siècle // JA. 1951. Т. 239. P. 335—354.

Cahen 1951a — *Cahen Cl.* L'origine des Germyan // JA. 1951. Т. 239. P. 349—354.

Cahen 1954 — *Cahen Cl.* À propos de quelques articles de Köprülü Armağanı // JA. 1954. Т. 242. P. 275—279.

Cahen 1968 — *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. London, 1968.

Cahen 1988 — *Cahen Cl.* La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988.

Cahen 1991 — *Cahen Cl.* Çağrı-begi // EI NE. Vol. 2. P. 4.

Cahen 1991a — *Cahen Cl.* Eretna // EI NE. Vol. 2. P. 705—707.

Cahen 2001 — *Cahen Cl.* The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century, Harlow, 2001.

Campbell & Chong 2005 — *Campbell C., Chong A.* Bellini and the East. London, 2005.

Canab. — *Ioannis Canabutzae Magistri.* Ad principem Aeni et Samothraces in Dionysium Halicarnasensem commentaries / Ed. M. Lehnerdt. Lipsiae, 1890.

Cantac. — Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Rec. L. Schopen. Vol. 1—3. Bonn, 1828—1832.

CCAA — The Cambridge Companion to the Age of Attila / Ed. M. Maas. Cambridge, 2014.

Chalc. — Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes. Vol. 1—2 / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922—1927.

Chalkokondyles 2014 — The Histories of Laonikos Chalkokondyldes / Transl. A. Kaldellis. Vol. 1—2. Cambridge, 2014.

Charanis 1947 — *Charanis P.* On the Asiatic Frontiers of the Empire of Nicaea // OCP. 1947. Т. 13. P. 58—62.

CHBE — The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500—1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2008.

CHEIA — The Cambridge History of Early Inner Asia. Vol. 1 / Ed. D. Sinor. Cambridge, 1990.

Cheynet 1980 — *Cheynet J. C.* Mantzikert, un désastre militaire? // Byzantion. 1980. Т. 50. P. 410—438.

Cheynet 1991 — *Cheynet J. C.* La politique militaire de Basil II à Alexis Comnène // ЗРВИ. 1991. Т. 29—30. P. 61—73.

Cheynet 1996 — *Cheynet J.-Cl.* Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210). Paris, 1996.

Cheynet 2008 — *Cheynet J.-C.* La société byzantine. L'apport des sceaux. Paris, 2008.

CHI — The Cambridge History of Iran. Vol. 1—7 / Ed. J. A. Boyle. Cambridge, 1968—1989.

Chrysanthos 1946 — *Chrysanthos.* Βησσαρίωνος προσφώνημα πρός τον ευσεβέστατον βασιλέα της Τραπεζούντος Αλέξιον τον Μέγαν Κομνηνόν // АП. 1946. Т.12. Σ. 117—130.

CHT — The Cambridge History of Turkey. Vol. 1: Byzantium to Turkey, 1071—1453 / Ed. K. Fleet. Cambridge, 2009.

Cinn. — Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonn, 1836.

Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

CMH — The Cambridge Medieval History / Eds. J. M. Hussey, D. M. Nicol, G. Cowan. 2nd ed. Vol. 1—8. Cambridge, 1967.

Const. Porphyr. Excerpta. — Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. C. de Boor. Vol. 1: Excerpta de legationibus. Berlin, 1903.

Critob. — Critobuli Imbriotae historiae / Ed. D. R. Reinsch. Berlin, 1983.

Crow & Hill 1995 — *Crow J., Hill S.* The Byzantine Fortifications of Amastris in Paphlagonia // AS. 1995. Vol. XLV. P. 251—265.

Crow 1996 — *Crow J.* Alexios Komnenos and Kastamon: Castles and Settlement in Middle Byzantine Paphlagonia // Alexios I Komnenos / Ed. M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 12—36.

Curta 2001 — *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. Cambridge, 2001.

Curta 2006 — *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500—1250. Cambridge, 2006.

Curta 2008 — The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans. East Central / Ed. F. Curta. Leiden; Boston, 2008.

Dábrowska 1998 — *Dábrowska M.* Uzun Hasan's project of allience with the Polish King (1474) // Mélanges d'histoire byzantine offerts à O. Jurewicz à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire. Łódź, 1998. P. 171—185.

Dagron "Ceux d'en face" — *Dagron G.* "Ceux d'en face". Les peuples étrangers dans le Stratègikon de Maurice // *Dagron* 2012, 1:305—328.

Dagron 2012 — *Dagron G.* Idées byzantines. T. 1—2. Paris, 2012.

Dennis 1960 — *Dennis G. T.* The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382—1387. Rome, 1960.

Dennis 1967 — *Dennis G. T.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72—88.

Di Cosmo & Maas 2018 — Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250—750 / Ed. N. Di Cosmo, M. Maas. Cambridge, 2018.

Di Cosmo 2010 — *Di Cosmo N.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2010.

Diaconu 1970 — *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube aux IX^{e}—XI^{e} siècles. București, 1970.

Diaconu 1978 — *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XI^{e} et XII^{e} siècles. București, 1978.

DO Seals — Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. J. Nesbitt, N. Oikonomides et al. Vols. 1—6. Washington D. C., 1991—2009.

Doerfer 1963—1975 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. 1—4. Wiesbaden, 1963—1975.

Doukas 1975 — *Doukas*. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / Transl. H. J. Magoulias. Detroit, 1975.

Duc. — *Ducas.* Historia Turco-Byzantina (1341—1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958.

Eastmond 2010 — *Eastmond A.* Gender and Patronage between Christianity and Islam in the Thirteenth Century // First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium. Istanbul, 2010. P. 78—88.

Effenberger 2017 — *Effenberger A.* Die Kirche des hl. Romanos in Konstantinopel und ihr Umfeld // Millennium. 2017. Bd. 14(1). S. 191—226.

EHB —The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou. Vol. 1—3. Washington D. C., 2002.

EI — The Encyclopædia of Islam: A Dictionary of the Geography, Ethnography and Biography of the Muhammadan Peoples / Ed. M. Th. Houtsma et al. Vol. 1—4. Leiden, 1913—1938.

EI 3 — Encyclopædia of Islam, 3rd Edition / Ed. K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas, E. Rowson. Vol. 1—. Leiden, 2007—.

EI NE — The Encyclopaedia of Islam. New Edition / Eds. P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs et al. Vol. 1—12 with indexes and etc. Leiden, 1960—2005.

Emecen 1997 — *Emecen F. M.* Giresun tarihinin bâzı meseleleri // Giresun tarihi sempozyumu 24—25 Mayis 1996. Bildiriler. Istanbul, 1997. S. 19—24.

Erzi 1954 — *Erzi A. S.* Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar // Belleten. 1954. C. 18. S. 179—222.

Failler 1980 — *Failler A.* Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, I // RÉB. T. 38. 1980. P. 5—103.

Failler 1984 — *Failler A.* La restauration et la chute définitive de Tralles au 13e siècle // RÉB. 1984. T. 42. P. 249—263.

Failler 1990 — *Failler A.* Chronologie et composition dans l'Histoire de George Pachymérès, III // RÉB. 1990. T. 48. P. 5—87.

Failler 1993 — *Failler A.* Pachymeriana alia // RÉB. 1993. T. 51. P. 237—248.

Failler 1994 — *Failler A.* Les émirs turcs à la conquête de l'Anatolie au début du 14 e siècle // RÉB. 1994. T. 52. P. 69—112.

Failler 1996 — *Failler A.* Éphèse fut-elle prise en 1304 par les Turcs de Sasan? // RÉB. 1996. T. 54. P. 245—248.

Fallmerayer 1827 — *Fallmerayer J.* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827.

Fallmerayer 1877 — *Fallmerayer J.* Fragmente aus dem Orient. Stuttgart, 1877.

Favereau 2019 — *Favereau M.* The Golden Horde and the Mamluks: the Birth of a Diplomatic Set-Up (660—665/1261—1267) // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics / Ed. F. Bauden, M. Dekkiche. Leiden; Boston, 2019. P. 302—326.

Feridun-bey Ahmet 1857 — *Feridun-bey Ahmet*. Munshaʿat al-salatin. T. 1. Istanbul, 1857.

Fischel 1952 — *Fischel W*. Ibn Haldun and Tamerlan. Berkeley; Los Angeles, 1952.

Fodor 2009 — *Fodor P.* Ottoman warfare, 1300—1453 // CHT. Vol. 1. P. 192—226.

Foss 1976 — *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge; Mass. & London, 1976.

Foss 1979 — *Foss C.* Late Byzantine Fortifications in Lydia // JÖB. 1979. Bd. 28. P. 297—320.

Foss 1979a — *Foss C.* Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine and Turkish City. Cambridge, 1979.

Foss 1982 — *Foss C.* The defenses of Asia Minor against the Turks // Greek Orthodox Theological Review. 1982. Vol. XXVII. P. 145—205.

Foss 1987 — *Foss C.* Sites and Strongholds of Northern Lydia // AS. 1987. Vol. 37. P. 94—99.

Foss 1990 — *Foss C.* Byzantine Malagina and the Lower Sangarius // AS. 1990. Vol. 40. P. 161—183.

Foss 1996 — *Foss C.* Nicaea: A Byzantine Capital and Its Praises. With the Speeches of Theodore Laskaris "In Praise of the Great City of Nicaea" and

Theodore Metochites “Nicene Oration” / With the collaboration of J. Tulchin. Brookline, 1996.

Foss 1998 — *Foss C.* Byzantine Responses to Turkish Attacks // ΑΕΤΟΣ. Studies in Honour of Cyril Mango Presented to him on April 14, 1998 / Ed. I. Ševčenko & I. Hutter. Stuttgart & Leipzig, 1998. P. 154—171.

Foss & Winfield 1986 — *Foss C. & Winfield D.* Byzantine Fortifications, An Introduction. Pretoria, 1986.

Ganchou 1994 — *Ganchou T.* Le mésazon Démétrius Paléologue Cantacuzène a-t-il figuré parmi les défenseurs du siège de Constantinople (29 mai 1453)? // RÉB. 1994. Vol. 52. P. 245—272.

Gandila 2018 — *Gandila A.* Cultural Encounters on Byzantium’s Northern Frontier, c. AD 500—700: Coins, Artifacts and History. Cambridge, 2018.

Gautier 1966 — *Gautier P.* Monodie inédit de Michel Psellos sur le basileus Andronic Doucas // RÉB. 1966. T. 24. P. 153—170.

Geanakoplos 1959 — *Geanakoplos D.* Emperor Michael Palaeologus and the West (1258—1282). A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge, Mass., 1959.

Geyer & Lefort 2003 — La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. Paris, 2003.

Giese 1922—1925 — Die Altosmanischen Anonymen Chroniken in Text und Übersetzung / Hrsg. F. Giese. Bd. 1—2. Leipzig, 1922—1925.

Gillett 2002 — On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. A. Gillett. Turnhout, 2002.

Giros 2003 — *Giros Ch.* Les fortifications médiévales // La Bithynie au Moyen Âge / Éd. B. Geyer, J. Lefort. Paris, 2003. P. 209—224.

Glycatzi-Ahrweiler 1960 — *Glycatzi-Ahrweiler H.* Les fortresses construites en Asie Mineure face à l’invasion seljucide // Akten des XI. internationalen Byzantinisten-kongresses / Hrsg. F. Dölger, H-G. Beck. München, 1960. P. 182—189.

Golden 1980 — *Golden P. B.* Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1—2. Budapest, 1980.

Golden 1992 — *Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.

Golden 1994 — *Golden P.* The peoples of the south Russian steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. D. Sinor. Cambridge, 1994. P. 270—275.

Golden, Pečenegs — *Golden P.* Pečenegs // EI NE. Vol. 8. P. 289—290.

Gottschalk 1960 — *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi über die Schlacht von Jasyçimen (25—28. Ramadan 627/7—10. August 1230) // WZKM. 1960. Bd. 56. S. 55—67.

Grégoire 1959—1960 — *Grégoire H.* Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua // Byzantion. 1959—1960. T. 29—30. P. 447—476.

Gregoras — Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte / Übers., erläut. J. L. Van Dieten. Bd. 1—6. Stuttgart, 1973—2007 (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 4, 8, 9, 24, 39, 59, 66).

Guzman 1971 — *Guzman G. G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // Speculum. 1971. Vol. 46/2. P. 232—249.

Hafiz Abru — Hafiz-i Abru. Zayl-i ta’rikh-i Zafarnama-yi Shami. Tehran, 1949.

Halecki 1932 — *Halecki O.* La Pologne et l’empire byzantin // Byzantion. 1932. T. 7. P. 41—67.

Harris 1995 — *Harris J.* Greek Emigres in the West c. 1400—1520. Camberley, 1995.

Hasluck 1929 — *Hasluck F.W.* Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1—2. Oxford, 1929.

Hatházi & Szende 2003 — *Hatházi G. & Szende K.* Ethnic Groups and Cultures in Medieval Hungary // Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium / Ed. Z. Visy & M. Nagy. Budapest, 2003.

HC — A History of the Crusades / Ed. Kenneth M. Setton. Vol. 1—6. Wisconsin & London, 1969—1985.

HDSE — *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996.

Heather 2010 — *Heather P*. Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe. Oxford, 2010.

Heisenberg 1922—1923 — *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion // SBAW. Bd. 1—3. 1922—23 (repr.: *Heisenberg A.* Quellen und Studien zur spätbyzantinischen Geschichte. [Variorum Reprints]. London, 1973. N II. 1—3).

Hendy 1985 — *Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300—1450. Cambridge, 1985.

Hillenbrand 2000 — *Hillenbrand C.* Some Reflections on Seljuq Historiography // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. Aldershot, 2000. P. 73—88.

Hillenbrand 2005 — *Hillenbrand C.* Ravandi, the Seljuk Court at Konya and the Persianisation of Anatolian Cities // Mésogeios. 2005. T. 25—26. P. 157—169.

Hillenbrand 2007 — *Hillenbrand C.* Turkish Myth and Muslim Symbol. The Battle of Manzikert. Edinburgh, 2007.

Hinz 1936 — *Hinz W.* Irans Aufstieg zum Nationalstaat im fünfzehnten Jahrhundert. Berlin; Leipzig, 1936.

Holmes 2005 — *Holmes C.* Basil II and the Governance of Empire (976—1025). Oxford, 2005.

Hopwood 1992 — *Hopwood K. R.* Low-level Diplomacy between Byzantines and Ottoman Turks: the Case of Bithynia // Byzantine Diplomacy / Ed. J. Shepard, S. Franklin. London, 1992. P. 151—158.

Hopwood 1993 — *Hopwood K. R.* Peoples, Territories, and States: The Formation of the Begliks of Pre-Ottoman Turkey // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. C. E. Farah. Kirksville, Mo., 1993. P. 129—138.

Hopwood 1999 — *Hopwood K.* The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250—1300 // Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums / Eds. M. Köhbach, G. Procházka-Eisl und C. Römer. Wien, 1999. P. 153—161.

Huxley 1990 — *Huxley G.* Byzantinochazarika // Hermathena. 1990. Vol. 148. P. 69—87.

IA — Islâm Ansiklopedisi. Islâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biografya Lugati. Beşıncı Baskı. C. 1—13. Ankara, 1978—1987.

Ibn al-Athir — Ibn al-Athir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C. T. Tornberg. T. 1—14. Leiden, 1851—1876.

Ibn Arabshah — Ahmed ibn Arabshah. Tamerlan or Timur the Great Amir / Transl. J. H. Sanders. London, 1936.

Ibn Batoutah — Voyages d'Ibn Batoutah / Texte arabe, traduction C. Defrémery, B. R. Sanguinetti. T. 1—4. Paris, 1853—1858.

Ibn Bibi — Ibn Bibi. Al-Avāmir al-ʿAlā'iyya fī al-umūr al-ʿAlā'iyya / Ed. Zhāla Mutahiddīn. Tehrān, 1390/2011.

Ibn Bibi (Duda) — *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.

Ibn Kemal — Ibn Kemal. Tevârih-i Âli Osman. VII. Defter / Hazırlıyan Dr. Şerafattin Turan. Ankara, 1957.

Ibn Taghribirdi — Ibn Taghribirdi. Annals, entitled 'an-Nujum az-zahira fi muluk Misr wal-Qahira' / Arabic Text ed. by W. Popper. Vol. 5 (Pts. 1—4). Berkley; Los Angeles, 1932—1936.

Ilisch 1984 — *Ilisch L.* Geschichte der Artuqidenherrschaft Von Mardin zwischen Mamluken und Mongolen. 1260—1410 AD. Inagural-Dissertation... Münster, 1984.

Imber 1993 — *Imber C.* The Legend of Osman Gazi // The Ottoman Emirate (1300—1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 67—75.

Imber 1995 — *Imber C.* Othman I // EI NE. Vol. 8. P. 181—182.

Imber 2006 — *Imber C.* The Crusade of Varna, 1443—45. Aldershot, 2006.

Inalcık 1960 — *Inalcık H.* Mehmed the Conqueror (1432—1481) and his time // Speculum. 1960. Vol. 35. P. 408—427.

Inglebert 2005 — Histoire de la civilisation romaine / Dir. H. Inglebert. Paris, 2005.

Iorga 1900 — *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1896—1900. T. 4—8.

Irwin 1986 — *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: the early Mamluk Sultanate, 1250—1382. London, 1986.

Işiltan 1943 — *Işiltan F.* Die Seldschukengeschichte des Aksarayi. Breslau, 1943.

Ital. — Italikos Michel. Lettres et discours / Ed. Pierre Gautier. Paris, 1972.

Jacoby 1974 — *Jacoby D.* Catalans, Turcs et Venitiens en Romanie (1305—1332): un Nouveau Temoignage de Marino Sanudo Torsello // Studi Medievali. Ser. III. 1974. T. 15/1. P. 217—261.

Janssens 1969 — *Janssens É.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.

Jerphanion 1925—1942 — *Jerphanion G. de.* Une nouvelle province de l'art byzantin, les églises rupestres de Cappadoce. T. 1—2 (3 vols de planches). Paris, 1925—1942.

Jolivet-Lévy 2015 — *Jolivet-Lévy C.* La Cappadoce: un siècle après G. de Jerphanion. Vol. 1—2. Paris, 2015.

Jordanov 2003—2009 — *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1—3. Sofia, 2003—2009.

Juwayni 1916 — The Tarikh-i-Jahan-Gusha of Ala'u'd-Din ʿAta Malik-i-Juwayni / Ed. with an introduction, notes and indices ... by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini // E. J. W. Gibb Memorial Series. Pt. 1—2. London, 1916.

Juwayni 1958 — *Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror / Transl. J. A. Boyle. Vols. 1—2. Manchester, 1958.

Kafesoğlu 1953 — *Kafesoğlu I.* Doğu Anadolu'ya ilk Selçuklu akıncı (1015—21) ve tarihi ehemmiyeti // Fuad Köprülü Armağanı. Istanbul, 1953. S. 259—274.

Kaldellis & Efthymiades 2010 — *Kaldellis A., Efthymiades S.* The Prosopography of Byzantine Lesbos, 284—1355 A. D.: A Contribution to the Social History of the Byzantine Province. Vienna, 2010.

Kantakuzenos — Johannes Kantakuzenos. Geschichte / Übersetzt und erläutert G. Fatouros, T. Krischer. Bd. 1—2. Stuttgart, 1982—1986.

Kardaras 2018 — *Kardaras G. Th.* Byzantium and the Avars, 6th—9th Century AD: political, diplomatic and cultural relations. Leiden; Boston, 2018.

Kastritsis 2007 — *Kastritsis D.* The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402—1413. Leiden, 2007.

Katsone 2002 — *Katsone P.* Μία επταετία κρίσιμων γεγονότων: το Βυζάντιο στα έτη 1366—1373. Θεσσαλονίκη, 2002.

Kazhdan & Ronchey 1999 — *Kazhdan A.P., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1999.

Khazanov 1984 — *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.

Khazanov 2001 — Nomads in the Sedentary World / Ed. A. M. Khazanov and A. Wink. Padstow, Cornwall, 2001.

Kiel 2009 — *Kiel M.* The incorporation of the Balkans into the Ottoman Empire, 1353—1453 // CHT, 1:138—191.

Kim 1999 — *Kim R.* The origin of the Pre-Ossetic oblique case suffix and its implications // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1999. Vol. 6. P. 233—250.

Kim 2003 — *Kim R.* On the Historical Phonology of Ossetic: The Origin of the Oblique Case Suffix // The Journal of the American Oriental Society. 2003. Vol. 123. P. 43—71

Kim 2015 — *Kim H. J.* The Huns. London; N. Y., 2015.

Kolditz 2017 — *Kolditz S.* Barbarian Emperors? Aspects of the Byzantine Perception of the qaghan (chaganos) in the Earlier Middle Ages // Transcultural Approaches to the Concept of Imperial Rule in the Middle Ages / Ed. C. Scholl, R. T. Gebhardt, J. Clauß. Frankfurt am Main; N. Y., 2017. P. 41—76.

Köprülü 1992 — *Köprülü M. F.* The Seljuks of Anatolia. Their History and Culture According to Local Muslim Sources / Transl., ed. G. Leiser. Salt Lake City, 1992.

Köprülü 1993 — *Köprülü M. F.* Islam in Anatolia after the Turkish Invasion (Prolegomena) / Transl., ed., and with an introduc. G. Leiser. Salt Lake City, 1993.

Korobeinikov 2003 — *Korobeinikov D.* Orthodox Communities in Eastern Anatolia in the Thirteenth to Fourteenth Centuries. Part 1: The Two Patriarchates: Constantinople and Antioch // Al-Masaq. 2003. Vol. 15. P. 197—214.

Korobeinikov 2004 — *Korobeinikov D. A.* The revolt in Kastamonu, ca. 1291—1293 // Byzantinische Forschungen. 2004. Bd. 28. P. 87—117.

Korobeinikov 2005 — *Korobeinikov D.* Orthodox Communities in Eastern Anatolia in the Thirteenth to Fourteenth Centuries. Part 2: The Time of Troubles // Al-Masaq. 2005. Vol.17. P. 1—29.

Korobeinikov 2007 — *Korobeinikov D. A.* A Sultan in Constantinople: the Feasts of Ghiyāth al-Dīn Kay-Khusraw I // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19): Food and Wine in Byzantium / Ed. L. Brubaker, K. Linardou. London, 2007. P. 93—108.

Korobeinikov 2008 — *Korobeinikov D. A.* Raiders and neighbours: the Turks (1040—1304) // CHBE. P. 692—727.

Korobeinikov 2009 — *Korobeinikov D.* A Greek Orthodox Armenian in the Seljukid Service: the Colophon of Basil of Melitina // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Под ред. Р. М. Шукурова. М., 2009. С. 709—724.

Korobeinikov 2014 — *Korobeynikov D.* Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014.

Korobeinikov 2015 — *Korobeinikov D.* The Byzantine-Seljuk Border in Times of Trouble: Laodikeia in 1174—1204 // Byzantium, 1180—1204: The Sad Quarter of a Century? / Ed. A. Simpson. Athens, 2015. P. 49—81.

Korobeinikov 2020 — *Korobeinikov D.* The Ilkhans in the Byzantine Sources // New Approaches to Ilkhanid History / Ed. T. May, D. Bayarsaikhan, C. P. Atwood. Leiden, 2020. P. 385—424.

Korobeinikov 2022 — *Korobeynikov D.* On the Byzantine-Mongol Marriages // История. 2022. Т. 13/11 (121).

Kourousis 1988 — *Kourousis S. I.* Το επιστολάριον Γεωργίου Λακαπηνού — Ανδρονίκου Ζαρίδου (1299—1315ca.) και ο ιατρός-ακτουάριος Ιωάννης Ζαχαρίας (1275ca. — 1328?). Αθήνα, 1988.

Kradin 2003 — Nomadic Pathways in Social Evolution / Ed. N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, T. J. Barfield. M., 2003.

Kritovoules — *Kritovoules.* History of Mehmed the Conqueror / Transl. Ch. T. Riggs. Princeton, 1954.

Kurat 1937 — *Kurat A. N. (Nimet A. K.).* Peçenek tarihi. Istanbul, 1937.

Kuršanskis 1977 — *Kuršanskis M.* L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // RÉB 1977. T. 35. P. 237—256.

Kuršanskis 1977—1978 — *Kuršanskis M.* Note sur Eudocie/Euphémie // АП. 1977—1978. Т. 34. P. 155—158.

Kuršanskis 1977—1978a — *Kuršanskis M.* Autour de la dernière princesse de Trébizonde: Théodora, fille de Jean IV et epouse d'Uzun Hasan // АП. 1977—1978. Т. 34. P. 77—87.

Kuršanskis 1979 — *Kuršanskis M.* The coinage of the Grand Komnenos Manuel I// АП. 1979. Т. 35. P. 23—37.

Kuršanskis 1979a — *Kuršanskis M.* La descendance d'Alexis IV empereur de Trébizonde (Contribution à la prosopographie des Grands Comnènes) // RÉB. 1979. T. 37. P. 239—247.

Kuršanskis 1988 — *Kuršanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // RÉB. 1988. T. 46. P. 109—124.

Kyriakidis 2011 — *Kyriakidis S.* Warfare in Late Byzantium, 1204—1453. Leiden, 2011.

Laiou 1972 — *Laiou A. E.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282—1328. Cambridge (Mass.), 1972.

Laiou 1978 — *Laiou A.* Some Observations on Alexios Philanthropenos and Maximos Planudes // BMGS. Vol. 4. 1978. P. 89—99.

Laiou 2005 — Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences / La IVe Croisade et ses consequences / Ed. Angeliki Laiou. Paris, 2005.

Lammens 1904 — *Lammens H.* Correspondances diplomatiques entre les Sultans Mamlouks d'Egypte et les puissances chrétiennes // ROC. 1904. Vol. 9/2. P. 151—187.

Lampsides 1935 — *Lampsides O.* Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt // BZ. 1935. Bd. 35. S. 15—17.

Langdon 1992 — *Langdon J. S.* Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N. Y., 1992.

Larner 1999 — *Larner J.* Marco Polo and the Discovery of the World. New Haven; London, 1999.

Laurent 1953 — *Laurent V.* Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // АП. 1953. Т. 18. P. 241—278.

Laurent 1955 — *Laurent V.* L'Assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (1429). Date et circonstances // АП. 1955. Т. 20. P. 138—143.

Laurent 1981 — *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. T. 1—5. Paris, 1981.

Lefort 1993 — *Lefort J.* Tableau de la Bithynie au XIIIe siècle // The Ottoman Emirate (1300—1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 111—117.

Lemerle 1957 — *Lemerle P.* L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur "La geste d'Umur Pacha". Paris, 1957.

Leveniotes 2007 — *Leveniotes G. A.* Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β΄ ήμισυ του 11ου αι. Θεσσαλονίκη, 2007.

Libad. — Ανδρέου Λιβαδηνού βίος και έργα / Εκδ. Ο. Λαμψίδης [АП. Παράρτημα VII]. Αθήνα, 1975.

Lilie 1977 — *Lilie R.-J.* Die Schlacht von Myriokephalon (1176). Auswirkungen auf das byzantinische Reich im ausgehenden 12. Jahrhundert // RÉB. 1977. T. 35. S. 257—275.

Lilie 1993 — *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States, 1096—1204. Oxford, 1993.

Limper 1980 — *Limper B*. Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasiens im 13. und beginnen den 14. Jahrhundert. Diss. ... Köln, 1980.

Lindner 1974 — *Linder R. P.* The Challenge of Qilich Arslan IV // Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honour of George C. Miles / Ed. Kouymjian D. K. Beirut, 1974. P. 411—417.

Lindner 1983 — *Lindner R. P.* Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983.

Lindner 2009 — *Lindner R. P.* Anatolia, 1300—1451 // CHT. P. 102—137.

Lippard 1984 — *Lippard B. G.* The Mongols and Byzantium, 1243—1341. PhD dissertation. Ann Arbor, 1984.

LMA — Lexikon des Mittelalters. Bd. 1—10. Stuttgart; Weimar; München; Zürich, 1977—1999.

Lowry 1977 — *Lowry H.* The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trabzon (ca. 1486—1583). A dissertation... Un. of California. Los Angeles, 1977.

Lowry 2003 — *Lowry H.* The Nature of the Early Ottoman State. Albany, 2003.

Luttrell 1993 — *Luttrell A.* Latin Responses to Ottoman Expansion before 1389 // The Ottoman Emirate (1300—1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 119—134.

Magdalino 1993 — *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos, 1143—1180. Cambridge, 1993.

Magdalino 2016 — *Magdalino P.* The triumph of 1133 // *Bucossi & Suarez* 2016, 53—70.

Malamut 1995 — *Malamut É.* L'image byzantine des Petchénègues // BZ. 1995. Bd. 88. P. 105—147.

Man. Holob. — *Manuelis Holoboli* Orationes / Rec. M. Treu. Potsdam, 1906.

Man. Palaeol. Dial. — *Manuel II Palaiologos*. Dialoge mit einem "Perser" / Hrsg. E. Trapp. Vienna, 1966.

Man. Palaeol. Ep. — The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. T. Dennis, Washington D. C., 1977.

Man. Palaeol. Epit. — *Manuel II Palaeologos*. Funeral Oration on his Brother Theodore / Introd., text, transl., notes by J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985.

Man. Phil. — *Manuelis Philae.* Carmina / Ed. E. Miller. T. 1—2. Paris, 1855—1857.

Manz 1989 — *Manz B. F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge, 1989.

Maqrizi — *Taqi al-Din Ahmad Maqrizi*. Kitab al-Suluk li-maʿrifat duwal al-muluk / Ed. M. Ziyad. T. 3. al-Kahira, 1956.

Matschke 1981 — *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schiksal von Byzanz. Weimar, 1981.

Mélikoff 1954 — *Mélikoff I.* La Geste d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri). Paris, 1954.

Mélikoff 1991 — *Mélikoff I.* Germiyan // EI NE. Vol. 2. P. 989.

Melville 2006 — *Melville Ch.* The Early Persian Historiography of Anatolia // History and historiography of post-Mongol Central Asia and the Middle East. Studies in honor of John E. Woods / Ed. J. Pfeiffer, Sh. A. Quinn. Wiesbaden, 2006. P. 135—166.

Ménage 1979 — *Ménage V. L.* The Islamization of Anatolia // Conversion to Islam / Ed. N. Levtzion. N. Y.; London, 1979. P. 52—67.

Ménage 1991 — *Ménage V. L.* Ertoghrul // EI NE. Vol. 2. P. 710.

Merianos 2005 — *Merianos G. A.* "The Sons of Hagar" in Archbishop Eustathios' the Capture of Thessaloniki: Some Evidence Concerning Late Twelfth Century Byzantine-Turkish Relations // Σύμμεικτα. 2005. Т. 17. P. 213—221.

Métivier 2009 — *Métivier S.* Les Maurozômai, Byzance et le sultanat de Rūm. Note sur le sceau de Jean Comnène Maurozômès // Revue des études byzantines. 2009. Vol. 67. P. 197—207.

Métivier 2012 — *Métivier S.* Byzantium in Question in 13th-century Seljuk Anatolia // Liquid and Multiple: Individuals and Identities in the Thirteenth-Century Aegean / Eds. G. Saint-Guillain and D. Stathakopoulos. Paris, 2012. P. 235—257.

Metoch. Or. — *Theodoros Metochites*. Οἱ δύο βασιλικοὶ λόγοι / Ἐκδ. Ἰ. Πολέμις. Αθήνα, 2007.

Miller 1926 — *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926.

MM — *Miklosich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. T. 1—6. Vindobonae, 1860—1895.

Moravcsik 1970 — *Moravcsik G.* Byzantium and the Magyars. Amsterdam, 1970.

Moravcsik 1983 — *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Bd. 1—2. Leiden, 1983.

Mordtmann 1997 — *Mordtmann J. H. [X. de Planhol]* Karahisar // EI NE. Vol. 4. P. 578.

Morgan 1989 — *Morgan D. O.* The Mongols and the Eastern Mediterranean // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204. London, 1989. P. 198—211.

Muntaner 1860 — *Ramon Muntaner.* Cronica Catalana / Ed. A. de Bofarull. Barcelona, 1860.

Muntaner 2002 — *Ramon Muntaner.* Les Almogavres. L'expédition des Catalans en Orient / Ed. et trad. J.-M. Barberà. Toulouse, 2002.

Mureşan 2010 — *Mureşan D. I.* Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paléologue // Emperor Sigismund and the orthodox world / Ed. E. Mitsiou, M. Popović, J. Preiser-Kapeller, A. Simon. Wien, 2010. P. 41—102.

Nawayi 1962 — *ʿAbd al-Husayn Nawayi*. Asnad wa mukatabat-i ta'rikhiyi Iran az Teymur ta shah Ismaʿil. Tehran, 1962.

Necipoğlu 2009 — *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.

Neşri — Mehmed Neşri. Kitab-i cihân-nüma / Hazýrlayanlar F. R. Unat Ve M. A. Köymen. T. 1—2. Ankara, 1949—1957.

Nic. Bryen. — Nicéphore Bryennios. Histoire / Éd. P. Gautier. Bruxelles, 1975.

Nic. Chon. — Nicetas Choniates. Historia / Rec. J. A. van Dieten. Vol. 1—2. Berlin; N. Y., 1975.

Nic. Chon. Or. — *Nicetas Choniates*. Orationes et epistulae / Rec. J. A. van Dieten. Berlin, 1972.

Nic. Greg. — Nicephori Gregorae Byzantina historia / Rec. L. Schopen, I. Bekker. Vol. 1—3. Bonn, 1829—1855.

Nicol 1968 — *Nicol D. M.* The Byzantine Family of Kantakouzenos. Washington, 1968.

Nicol 1992 — *Nicol D. M.* The Immortal Emperor. The life and the legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans. Cambridge, 1992.

Nicol 1993 — *Nicol D.* The Last Centuries of Byzantium, 1261—1453. Cambridge, 1993.

Nicol 1996 — *Nicol D. M.* The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295—1383. Cambridge, 1996.

Nystazopoulou 1964 — *Nystazopoulou M. G.* La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254—1265) // RÉB. 1964. T. 22. P. 241—249.

Nystazopoulou 1965 — *Nystazopoulou M. G.* Η εν τη Ταυρική Χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ΄ μέχρι του ΙΕ΄αιώνος. Αθήνα, 1965.

ODB — Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan, A. M. Talbot. Vol. 1—3. New York; Oxford, 1991.

Oikonomidès 1955 — *Oikonomidès N.* Σημείωμα περί των επιστολών Γρηγορίου του Χιονιάδου // ΑΠ. 1955. Τ. 20. Σ. 40—41.

Oikonomidès 1993 — *Oikonomidès N.* The Turks in Europe (1305—1313) and the Serbs in Asia Minor (1313) // The Ottoman Emirate (1300—1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 159—168.

Oikonomidès 1994 — *Oikonomides N.* From Soldiers of Fortune to Gazi Warriors: The Tzympe Affair // Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage / Eds. C. Heywood, C. Imber. Istanbul, 1994. P. 239—247 (repr.: *Idem.* Society, Culture and Politics in Byzantium. Aldershot, 2005. (Variorum CS). № XX).

Oikonomidès 1999 — *Oikonomidès N.* L'«unilinguisme» officiel de Constantinople byzantine (VII^{e}—XII^{e} s.) // Symmeikta. 1999. T. 13. P. 9—22.

Oral 1955 — *Oral M. Z.* Kuvvadar oğulları // Belleten. 1955. T. 19. S. 99—102.

Oral 1956 — *Oral M. Z.* Duruğan Ve Bafra'da iki türbe // Belleten. 1956. T. 20. S. 385—410.

Ostrogorsky 1954 — *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.

Ostrogorsky 1963 — *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963.

Ousterhout 2005 — *Ousterhout R.* A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington D. C., 2005.

Pachym. — *Georges Pachymérès*. Relations Historiques / Éd. A. Failler. T. 1—5. Paris, 1984—2000.

Pálóczi Horvath 1989 — *Pálóczi Horvath A.* Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest, 1989.

Panar. — Μιχαήλ του Παναρέτου περί των Μεγάλων Κομνηνών / Εκδ. Ο. Λαμψίδης. Αθήνα, 1958.

Pancaroğlu 2009 — *Pancaroğlu O.* The Mosque-Hospital Complex in Divriği: A History of Relations and Transitions // Anadolu Ve Çevresinde Ortaçağ. 2009. T. 3. P. 169—198.

Pancaroğlu 2013 — *Pancaroğlu O.* The House of Mengüjek in Divriği: Constructions of Dynastic Identity in the Late Twelft Century // The Seljuks of Anatolia: Court and Society in the Medieval Middle East / Ed. A. C. S. Peacock, S. N. Yıldız. London, 2013. P. 25—67.

Papadopoulos 1960—1961 — *Papadopoulos A.* Ιστορικόν λεξικών της Ποντικής διαλέκτου. Τ. 1—2. Αθήνα, 1960—1961.

Papadopoulos-Kerameus 1891—1898 — *Papadopoulos-Kerameus A. I.* Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. Τ. 1—5. СПб., 1891—1898.

Papadopoulos-Kerameus 1898 — *Papadopoulos-Kerameus A. I.* Τραπεζουντιακά // ВВ. 1898. Т. 5. P. 678—680.

Parisot 1845 — *Parisot V.* Cantacuzène homme d'état et historien. Paris, 1845.

Patlagean 2007 — *Patlagean É.* Un Moyen Âge grec. Byzance IX^{e}—XV^{e} siècle. Paris, 2007.

PBE — Prosopography of the Byzantine Empire (641—867). URL: http://www.pbe.kcl.ac.uk/.

PBW — The Prosopography of the Byzantine World. URL: http://www.pbw.kcl.ac.uk/.

Peacock 2006 — *Peacock A. C. S.* The Saliūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of ʿAlāʾ al-Dīn // Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series, 2006. Vol. 16. N 2. P. 140—148.

Peacock 2010 — *Peacock A. C. S.* Sinop: A Frontier City in Seljuq and Mongol Anatolia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 103—124, 537.

Peacock 2010a — *Peacock A. C. S.* Early Seljūq History: A New Interpretation. London; N. Y., 2010.

Peacock 2015 — *Peacock A. C. S.* The Great Seljuk Empire. Edinburgh, 2015.

Peirce 1993 — *Peirce L.* The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire. N. Y., 1993.

Pelliot 1923 — *Pelliot,* Les mongols et la papauté. Paris, 1923.

Pertusi 1974 — *Pertusi A.* Tra storia e leggenda: Akritai e Ghazi sulla frontiera orientale di Bisanzio // Actes du XIVe Congrès international des études byzantines. T. 1. Bucareşti, 1974. P. 237—283.

Philippides & Hanak 2011 — *Philippides M., Hanak W. K.* The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies. Farnham; Burlington, 2011.

Philippides 1990 — *Philippides M.* Byzantium, Europe, and the Early Ottoman Sultans 1373-1513. An Anonymous Greek Chronicle of the Seventeenth Century (Codex Barberinus Graecus 111). New Rochelle, N. Y., 1990.

Philippides 2020 — *Philippides M.* The Date of the Conquest of Constantinople: May 29, 1453? // YILLIK: Annual of Istanbul Studiesıo 2020. Vol. 2. P. 197—199.

Philippides-Braat 1979 — *Philippides-Braat A.* La captivité de Palamas chez les Turcs, dossier et commentaire // TM. 1979. T. 7. P. 109—221.

Pilat & Cristea 2018 — *Pilat L., Cristea O.* The Ottoman Threat and Crusading on the Eastern Border of Christendom during the 15th Century. Leiden, 2018.

Planud. — Maximi monachi Planudis Epistulae / Ed. P. A. M. Leone. Amsterdam, 1991.

PLP — Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Hrsg. E. Trapp et al. Bd. 1—12. Wien, 1976—1996.

Pohl 1998 — *Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // Debating the Middle Ages: Issues and Readings / Ed. L. K. Little, B. H. Rosenwein. London, 1998. P. 13—24.

Pohl 2002 — Die Awaren, Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567—822 n. Chr. München, 2002.

Prinzing 1998 — *Prinzing G.* Zu den Minderheiten in der Mäander-Region während der Übergangsepoche von der byzantinischen zur seldschukisch-türkischen Herrschaft (11. Jahrhundert-Anfang 14. Jahrhundert) // Ethnische und religiöse Minderheiten in Kleinasien. Von der hellenistischen Antike bis in das byzantinische Mittelalter / Hrsg. P. Herz, J. Kobes. Wiesbaden, 1998. S. 153—190.

Prinzing 2000 — *Prinzing G.* Trapezuntia in Krakau. Über die Kleinchronik und andere Texte im Cod. Berolin. graec. qu. 5 // POLUPLEUROS NOUS. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Hrsg. von C. Scholz, G. Makris. München-Leipzig, 2000. S. 290—310.

Pritsak 1955 — *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

Pritsak 1976 — *Pritsak O.* The Pečenegs: a case of social and economic transformation. Lisse, 1976.

Pritsak 1982 — *Pritsak O.* The Slavs and the Avars. Spoleto, 1982.

Psel. — *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). T. 1—2. Paris, 1926—1928.

Ptol. Geogr. — Claudii Ptolemaei geographia / Ed. K. Müller. T. 1.1. Paris, 1883.

Qalqashandi — *Abu al-ʿAbbas Ahmad al-Qalqashandi*. Kitab subh alashaʾ fi sinaʿat al-inshaʾ. T. VIII. Cairo, 1915.

Rachewiltz 1971 — *Rachewiltz I. de.* Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971.

Radić 1996—1997 — *Radić R.* Serbian Sources on the Turkish Conquest of Trebizond in 1461 // АП 1996—1997. Т. 48. P. 125—130.

Ragia 2005 — *Ragia E.* Η αναδιοργάνωση των θεμάτων στη Μικρά Ασία τον δωδέκατο αιώνα και το θέμα Μυλάσσης και Μελανουδίου // Σύμμεικτα. 2005. Τ. 17. Σ. 223—238.

Ramsay 1890 — *Ramsay W. M.* The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890.

Rásonyi & Baski 2007— *Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum: Turkic Personal Names. Vol. 1—2. Bloomington, 2007.

Redford 1991 — *Redford S.* The Alaeddin mosque in Konya reconsidered // Artibus Asiae. 1991. Vol. 51. P. 54—74.

Redford 1993 — *Redford S.* Thirteenth-Century Rum Seljuq Palaces and Palace Imagery // Ars Orientalis. 1993. Vol. 23. P. 219—236.

Redford & Leiser 2008 — *Redford S. & Leiser G.* Victory Inscribed (The Seljuk Fetihname on the Citadel Walls of Antalya, Turkey). Antalya, 2008.

Reinert 1998 — *Reinert S. W.* The Muslim Presence in Constantinople, 9th—15th Centuries: Some Preliminary Observations // Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire / Ed. H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 125—150.

Riyāḥī 1369 — *Riyāḥī M.A.* Zabān wa Adab-i Fārsī dar Qalamraw-i ʿUthmānī. Tehran, 1369.

Riza 1934 — *Riza Y.* Cenupta bozdoğanlılar // Ülke. 1934. T. 3. N 17.

Roemer 1986 — *Roemer H. R.* The Türkmen dynasties // CHI. Vol. 6. P. 147—188.

Roemer 1986a — *Roemer H. R.* The Safawid Period // CHI. Vol. 6. P. 189—350.

Róna-Tas 1999 — *Róna-Tas A.* Hungarians & Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.

Runciman 1951 — *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. 1—3. Cambridge, 1951.

Runciman 1960 — *Runciman S.* The Ladies of the Mongols // Εἰς μνήμην Κ. Ἀμάντου, Athenai, 1960. P. 46—53.

Runciman 2009 — *Runciman S.* Lost capital of Byzantium. The History of Mistra and the Peloponnesus. London; N. Y., 2009 (= *Idem.* Mistra. London, 1980).

Saint-Quentin — Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Ed. J. Richard. Paris, 1965

Salia 1980 — *Salia K.* Histoire de la nation géorgienne. Paris, 1980.

Šami — Nizamuddin Šami. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Šami avec des additions empruntée au Zubdat at-Tawarihi Baysunquri de Hafizi Abru / Ed. F. Tauer. Vol. 1—2. Praha, 1937—1956.

Sanjian 1969 — *Sanjian A. K.* Colophons of Armenian Manuscripts (1301—1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969.

Sanuto — *Sanuto M.* Vitae Ducum Venetorum, Rerum Italicarum scriptores / Ed. L. Muratori. Vol. XXII. Milano, 1733.

Savory 1964 — *Savory R. M.* The Struggle for Supremacy in Persia after the Death of Timur // Der Islam. Vol. XL. 1964. P. 35—65.

Savvides 1982/83 — Byzantium's Oriental Front in the First Part of the Thirteenth Century: the Empires of Nicaea and Trapezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace // ΔΙΠΤΥΧΑ. 1982/83. Т. 3. P. 160—181.

Savvides 1985 — *Savvides A.* Οι Κομάνοι (κουμάνοι) και το Βυζάντιο (11ος—13ος αι. Μ.Χ.) // Βυζαντινά. Vol. 13. 1985. P. 949—953.

Savvides 1987 — *Savvides A. G. K.* Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα και στη Μικρά Ασία 1189-c.1240 μ.Χ. Αθήνα, 1987.

Savvides 1988 — *Savvides A.* Οι Μεγάλοι Κομνηνοί του Πόντου και οι Σελτζούκοι του Rûm (Ικονίου) την περίοδο 1205/6—1222 // ΑΠ. 1988. Т. 39. Σ. 169—193.

Savvides 1990—1991 — *Savvides A. G.* The Trapezuntine sources of the Seljuk attack on Trebizond in A. D. 1222—1223 // ΑΠ. 1990—1991. Т. 43. P. 102—130.

Savvides & Lampakis — Savvides A. G., Lampakis S. Γενική βιβλιογραφία περί του βυζαντινού Πόντου και του κράτους των μεγάλων Κομνηνών της Τραπεζούντας. Αθήνα, 1992; добавления в: ΑΠ. 1994. Т. 45. Σ. 79—91; ΑΠ. 1996—1997. Т. 47. Σ. 345—350; ΑΠ. 1998—1999. Т. 48. Σ. 232—250; ΑΠ. 2002. Т. 49. Σ. 149—153.

Schiltberger — Schiltberger J. Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Hrsg. K. F. Neumann. München, 1859.

Schmieder 1994 — *Schmieder F.* Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abenlandes Vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994.

Schreiner 1975—1979 — *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Bd. 1—3. Wien, 1975—1979.

Schreiner 1985 — Die Osmanen in Europa. Erinnerungen und Berichte türkischer Geschichtsschreiber / Ausgewält und herausgegeben von S. Schreiner. Graz, Wien, Köln, 1985.

Schroeder 2020 — *Schroeder R.* From a conqueror to a legitimate heir: the Byzantine princely family, Gentile Bellini and Mehmed II Fatih // The Eloquence of Art: Essays in Honour of Henry Maguire / Ed. A. O. Lam, R. Schroeder. London; N. Y., 2020. P. 318—335.

Scylitz. — Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. H. Thurn. Berlin; N. Y., 1973.

Setton 1975 — *Setton K. M.* Catalan Domination of Athens 1311—1388. London, 1975.

Ševčenko 1975 — *Ševčenko I.* Theodore Metochites, the Chora, and the Intellectual Trends of His Time // The Kariye Djami / Ed. P. A. Underwood. Vol. 4. Princeton, 1975. P. 11—55.

Sevim 1972 — *Sevim A.* Malazgirt meydan savaşı // Malazgirt Armağanı. Ankara, 1972. S. 219—230.

Shafi 1947 — *Shafi M.* Letters of Rashid ad-Din Fadl-Allah. Lahore, 1947.

Shlyakhtin 2008 — *Shlyakhtin R.* The Failed Experience. Why did Manuel Komnenos Lose the Battle at Myriokephalon // Annual of the Department of Medieval Studies. 2008. Vol. 14. P. 137—150.

Shukurov 2011 — *Shukurov R.* The Oriental Margins of the Byzantine World: a Prosopographical Perspective // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. J. Herrin & G. Saint-Guillain. Aldershot, 2011. P. 167—194.

Shukurov 2016 — *Shukurov R.* The Byzantine Turks, 1204—1461. Leiden, 2016.

Shukurov 2020 — *Shukurov R.* Grasping the Magnitude: Saljuq Rum between Byzantium and Persia // The Seljuqs and their Successors. Art, Culture and History / Ed. Sh. R. Canby, D. Beyazit and M. Rugiadi, Edinburgh, 2020. P. 144—160.

Shukurov 2021 — *Shukurov R.* Jews, Christians, and Jalal al-Din Balkhi Rumi // Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers from the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Ed. N. D. Kontogiannis, T. B. Uyar. İstanbul, 2021. P. 443—458.

Shukurov & Asutay-Effenberger 2016 — *Shukurov R., Asutay-Effenberger N.* 15.5. Der Osten: Die Türken // Neuer Pauly, Supplemente (Byzanz. Historisch-kulturwissenschaftliches Handbuch). Bd. 11. Weimar, 2016. S. 1120—1136.

Shukurov & Asutay-Effenberger 2016 — *Shukurov R., Asutay-Effenberger N.* 15.5. Der Osten: Die Türken // Neuer Pauly, Supplemente (Byzanz. Historisch-kulturwissenschaftliches Handbuch). Bd. 11. Weimar, 2016. S. 1120—1136.

Simocat. — Theophylacti Simocattae historiae / Ed. C. de Boor, corr. P. Wirth. Stuttgart, 1972.

Sivan 1968 — *Sivan E.* L'Islam et la croisade: idéologie et propagande dans les réactions musulmanes aux croisades. Paris, 1968.

Skoulatos 1980 — *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980.

Skoutar. — Theodoros Skoutariotes. Σύνοψις χρονική // Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη / Ed. K. N. Sathas. Т. 7. Paris, 1894.

Skylitzes 2010 — *Skylitzes J.* A Synopsis of Byzantine History, 811—1057 / Translation and Notes by J. Wortley. Cambridge, 2010.

Sneath 2007 — *Sneath D.* The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. N. Y., 2007.

Sophoulis 2012 — *Sophoulis P.* Byzantium and Bulgaria, 775—831. Leiden; Boston, 2012.

Soucek 1997 — *Soucek S.* Sughdak // EI NE. Vol. IX., 773b.

Sphran. — Sfranze Giorgio Cronaca / A cura di R. Maisano. Roma, 1990.

Spingou 2011 — *Spingou F.* A Poem on the Refortification of Dorylaion in 1175 // Βυζαντινά Σύμμεικτα. 2011 Т. 21. P. 137—168.

Spuler 1968 — *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Berlin, 1968.

Stavrides 2001 — *Stavrides Th.* The Sultan of Vezirs: The Life and Times of the Ottoman Grand Vezir Mahmud Pasha Angelovic (1453—1474). Leiden, 2001.

Stefec 2020 — *Stefec R. S.* Beiträge zur Urkundentätigkeit trapezuntinischer Herrscher in den Jahren 1204—1461 // Νέα Ῥώμη. 2020. Т. 17. S. 255—397.

Stefec 2021 — *Stefec R. S.* Die Regesten der Herrscher von Trapezunt, 1204—1461 // Причерноморье в Средние века / Ред. С. П. Карпов. Вып. 11. СПб., 2021. S. 103—330.

Steingass 1984 — *Steingass F.* A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London, 1984.

Stephenson 2000 — *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900—1204. Cambridge, 2000.

Stephenson 2008 — *Stephenson P.* Ch. 18: Balkan Borderlands (1018—1204) // CHBE. P. 673—678.

Stone 2003 — *Stone A.* Dorylaion Revisited. Manuel IKomnenos and the Refortification of Dorylaion and Soublaion in 1175 // RÉB. 2003. T. 61. P. 183—199.

Stormon 1981 — *Stormon E. J.* Bessarion before the Council of Florence. A survey of his early writings (1423—1437) // Byzantine Papers / Ed. E. & M. Jeffreys, A. Moffatt. Canberra, 1981. P. 128—156.

Stoyanov 2000 — *Stoyanov Y.* The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy. New Haven, 2000.

Strategies 1998 — Strategies of Distinction: the Construction of Ethnic Communities, 300—800 / Ed. W. Pohl, H. Reimitz. Leiden; Boston; Köln, 1998.

Σύνοψις Χρονική — *Sathas C.* Bibliotheca graeca medii aevi. Paris, 1894. T. 7. P. 1—556.

Şükrüllah — *Seif Th.* Der Abschnitt über die Osmanen in Šükrüllahs persischer Universalgeschichte // Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte. 1926. Bd. 2. S. 63—128.

Sümer 1992 — *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları, Istanbul, 1992.

Tafur — *Pero Tafur.* Travels and Adventures (1439—1453) / Transl. and ed. with an introd. M. Letts. London, 1926.

Tağ as-Salmani — *Tağ as-Salmani*. Šams al'husn. Eine Chronik Vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 / Persischer Text ins Deutsche übertragen und kommentiert von H. R. Roemer. Wiesbaden, 1956.

Tahsin 2010 — *Tahsin Y.* Persian Authors of Asia Minor // Encyclopeadia Iranica / Ed. E. Yarshater, online edition (2010 г.). URL: http://www.iranicaonline.org/articles/persian-authors-1

Tarikh 1952 — Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié F. N. Uzluk. Ankara, 1952.

Tarikh-i taqwim — *Turan O.* Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Ankara, 1954.

Tarix — Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999.

TDVIA — Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. C. 1—. Ankara, 1988—.

Tetik 2005 — *Tetik A.* Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri. C. 1: 1914—1918. Ankara, 2005.

Theotokis 2014 — *Theotokis G.* The Norman Campaigns in the Balkans. Rochester, 2014.

Thomson 1996 — *Thomson R. W.* Rewriting Caucasian History: The Medieval Armenian Adaptation of the Georgian Chronicles, the Original Georgian texts and the Armenian Adaptation. Oxford, 1996.

Thomson 1996 — *Thomson R. W.* Rewriting Caucasian History: The Medieval Armenian Adaptation of the Georgian Chronicles, the Original Georgian texts and the Armenian Adaptation. Oxford, 1996.

TIB — Tabula Imperii Byzantini, Wien.

Tihrani — Abu Bakr Tihrani-Isfahani. Kitab-i Diyarbakriyya / Hazýrlýyanlar N. Lugal, F. Sümer. T. 1—2 Ankara, 1962—1964 (repr.: Tehran, 1977).

Tinnefeld 1971 — *Tinnefeld F.* Pachymeres und Philes als Zeugen für ein frühes Unternehmen gegen die Osmanen // BZ. 1971. Bd. 64. S. 46—54.

Treadgold 1995 — *Treadgold W.* Byzantium and Its Army, 284—1081. Stanford, 1995.

Treadgold 1997 — *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997.

Tsamakda 2002 — *Tsamakda V.* The Illustrated Chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid. Leiden, 2002.

Turan 1971 — *Turan O.* Selçuklular zamanında Türkiye. Siyâsi Tarih Alp Arslan'dan Osman Gazi'ye (1071—1318). Istanbul, 1971.

Tursun-beg — Tursun-beg. The History of Mehmed the Conqueror / Text published in facsimile with English transl. H. Inalcik, R. Murphey. Minneapolis; Chicago, 1978.

ʿUmari — Ibn Fadl-Allah al-ʿUmari. Al-Taʿrif bi al-mustalah al-sharif. Qahira, 1312 (1894/1895).

Urudsch — Die frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch / Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausg. und eingel. Fr. Babinger. Hannover, 1925.

Uyar & Erickson 2009 — *Uyar M., Erickson E.J.* A military history of the Ottomans: from Osman to Atatürk. Santa Barbara, 2009.

Uyar 2015 — *Uyar T.* Thirteenth Century 'Byzantine' Art in Cappadocia and the Question of Greek Painters at the Seljuk Court // Islam and Christianity in Medieval Anatolia / Ed. A. C. S. Peacock, B. de Nicola and S. N. Yıldız. Aldershot, 2015. P. 215—231.

Uzunçarşılı 1929 — *Uzunçarşılı I. H.* Afyon Karahisar, Sandikli, Bolvadin, Çay, Isakli, Manisa, Birgi, Muğla, Milas, Peçin, Denizli, Isparta, Atabey ve Eğirdir deki kitabeler ve Sahip, Saruhan, Aydın, Menteşe, Inanç, Hamit oğullari hakkında malûmat. Istanbul, 1929.

Uzunçarşılı 1932 — *Uzunçarşılı I. H.* Kütahya şehri. Istanbul, 1932.

Uzunçarşılı 1941 — *Uzunçarşılı I. H.* Gazi Orhan Bey Vakfiesi // Belleten. 1941. C. 5. S. 277—288.

Uzunçarşılı 1957 — *Uzunçarşılı I. H.* Çelebi sultan Mehmedin kızı Selcuk Hatun keminle evlendi // Belleten. 1957. T. 21. S. 253—255.

Uzunçarşılı 1968 — *Uzunçarşılı I. H.* Sivas-Kayseri ve dolaylarında Eretna devleti // Belleten. 1968. C. 32. S. 161—191.

Uzunçarşılı 1968a — *Uzunçarşılı I. H.* Sivas ve Kayseri hükümdarı Kadı Burhaneddin Ahmet // Belleten. 1968. T. 32. S. 191—232.

Uzunçarşılı 1978 — *Uzunçarşılı I. H.* Mehmed I // IA. C. 7. S. 496—506.

Varlik 1974 — *Varlik M. C.* Germiyan oğulları tarihi (1300—1429). Ankara, 1974.

Vásáry 2005 — *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185—1365. Cambridge, 2005.

Villehard. — Geoffroi de Villehardouin, Henri (de Valenciennes). La conquête de Constantinople, ed. M. Natalis de Wailly. Paris: Firmin-Didot frères, fils et c., 1872.

Vismara 1968 — *Vismara G.* La relationi dell'Impero con gli emirati selgiuchidi nel corso del secolo decimoquarto // BF. 1968. Bd. 3. P. 210—221.

Voegelin 1940—1941 — *Voegelin E*. The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245—1255 // Byzantion. 1940—1941. T. 15. P. 378—413.

Vogel 1967 — *Vogel K*. Byzantine Science // CMH. Vol. 4/2. P. 264—305.

Vogiatzis 1987 — *Vogiatzis G.* Die Anfänge der Türkenherrschaft in Thrakien und die ersten Niederlassungen. Dissertation... Universität Wien, 1987.

Vryonis 1971 — *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkley, 1971.

Vryonis 1975 — *Vryonis Sp.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43—71.

Vryonis 1992 — *Vryonis Sp.* The Greek and the Arabic Sources on the Battle of Mantzikert (1071 A. D.) // Byzantine Studies. Essays on the Slavic World and the Eleventh Century / Ed. Sp. Vryonis. New Rochelle, 1992. P. 125—140.

Vryonis 2000 — *Vryonis Sp.* The Greek and Arabic Sources on the Eight-Day Captivity of the Emperor Romanus IV in the Camp of the Sultan Alp Arslan after the Battle of Mantzikert // Novum Millenium. Studies on Byzantine history and culture dedicated to Paul Speck / Ed. C. Sode, S. Takacs. Aldershot, 2000. P. 439—450.

Vryonis 2005 — *Vryonis Sp.* The Battles of Manzikert (1071) and Myriocephalum (1176). Notes on Food, Water, Archery, Ethnic Identity of Foe and Ally // Mésogeios. Méditerranée: histoire, peuples, langues, cultures. 2005. T. 25—26. P. 49—69.

Walker 2012 — Walker A. Emperor and the World: Exotic Elements and the Imaging of Middle Byzantine Imperial Power. Cambridge, 2012.

Watson 1975 — The Art of Iran and Anatolia from the 11th to the 13th Century AD / Ed. W. Watson. London, 1975.

Weller 2016 — *Weller A.* Marrying the Mongol Khans: Byzantine Imperial Women and the Diplomacy of Religious Conversion in the 13th and 14th Centuries // Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek Studies. 2016. Vol. 2. P. 177—200.

Whittow 1996 — *Whittow M.* The Making of Byzantium, 600—1025. Berkeley & Los Angeles, 1996.

Whittow 1996a — *Whittow M.* How the East was Lost: the Background to the Komnenian Reconquest // Alexios IKomnenos. Papers of the second Belfast International Colloquium, 14—16 April 1989 / Ed. M. Mullett, D. Smythe. Belfast, 1996. P. 55—67.

Wirth 1957 — *Wirth P.* Die Chronologie der Schlacht um Klaudiopolis im Lichte bisher unbeachteter Quellen // BZ. 1957. Bd. 50. S. 68—73.

Wirth 1962 — *Wirth P.* Kaiser Manuel I. Komnenos und die Ostgrenze. Rückeroberung und Wiederaufbau der Festung Dorylaion // BZ. 1962. Bd. 55. S. 21—29.

Wirth 1962a — *Wirth P.* Von der Schlacht von Pelagonia bis zur Wiedereroberung Konstantinopels. Zur äuseren Geschichte der Jahre 1259—1261 // BZ. 1962. Bd. 55. S. 30—38.

Wittek 1934 — *Wittek P.* Das Fürstentum Mentesche. Istanbul, 1934.

Wittek 1935 — *Wittek P.* Von der Byzantinischen zur türkischen Toponymie // Byzantion. 1935. T. 10. S. 11—64.

Wittek 1938 — *Wittek P.* The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938.

Woods 1999 — *Woods J. E.* The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Rev. and expanded ed. Salt Lake City, 1999.

World of the Khazars — The World of the Khazars: New Perspectives / Ed. P. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007.

Wyngaert 1929 — *Wyngaert A. van den.* Sinica Franciscana. Vol. 1. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. T. 1. Quaracchi-Firenze, 1929.

Yaballaha — History of Yaballaha III / Transl. J. A. Montgmery. N. Y., 1927.

Yıldız 2011 — *Yıldız S. N*. Manuel Komnenos Mavrozomes and his descendants at the Seljuk court: the formation of a Christian Seljuk-Komnenian elite // Crossroads between Latin Europe and the Near East: corollaries of the Frankish presence in the Eastern Mediterranean (12th—14th centuries) / Hrsg. St. Leder. Würzburg, 2011. P. 55—77.

Yücel 1963 — *Yücel Y.* Kastamonunun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri (1361—1392) // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1963. T. 1/1. S. 133—144.

Yücel 1964 — *Yücel Y.* Candar-oğlu Çelebi Isfandyar bey, 1392—1439 // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1964. T. 2. S. 157—174.

Yücel 1973 — *Yücel Y.* XIV—XV. Yüzyıllar Türkiye Tarihi hakkında araştırmalar (II) // Belleten. 1973. T. 37. S. 159—164.

Yücel 1985 — *Yücel Y.* Fatih'in Trabzon'u fethi öncesinde Osmanlı-Trabzon-Akkoyunlu ilişkileri // Belleten. T. 49 (194). 1985. S. 287—312.

Yücel 1987 — *Yücel Y.* Kadi Burhaneddin. Ankara, 1987.

Zachariadou 1977 — *Zachariadou E.* Pachymeres on the 'Amourioi' of Kastamonu // BMGS. 1977. Vol. 3. P. 57—70 **(***eadem*. Romania and the Turks (c. 1300—c. 1500): Variorum Reprints. London, 1985. N II**)**.

Zachariadou 1978 — *Zachariadou E.* Observations on some Turcica of Pachymeres // RÉB. 1978. T. 36. P. 261—267 **(**repr.: *Eadem*. Romania and the Turks (c. 1300—c. 1500). № 1**)**.

Zachariadou 1979 — *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks (1352—1402) // АП. 1979. Т. 35. P. 333—358.

Zachariadou 1980 — *Zachariadou E.* Manuel II Palaeologos on the Strife between Bayezid Iand Kadi Burhan al-Din Ahmad // BSOAS. Vol. 18. 1980. P. 471—481.

Zachariadou 1983 — *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983.

Zachariadou 1993 — *Zachariadou E.* The Emirate of Karasi and that of the Ottomans: Two Rival States // The Ottoman Emirate (1300—1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 225—236.

Zachariadou 1995 — *Zachariadou E.* Histoire et légendes des premiers Ottomans // Turcica. 1995. T. 26. P. 45—89.

Zachariadou 1996 — *Zachariadou E.* From Avlona to Antalya: Reviewing the Ottoman Military Operations of the 1380s // The Via Egnatia under Ottoman Rule (1380—1699) / Ed. E. A. Zachariadou. Rethymnon, 1996. P. 227—332.

Zachariadou 1997 — *Zachariadou E.* Sarukhan // EI NE. Vol. 9. P. 69.

Zakythinos 1975 — *Zakythinos D. A.* Le Despotat grec de Morée. Vol. 1—2 (corr. éd. C. Maltezou). London, 1975.

Zonar. — Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XVIII. Vol. 3 / Ed. T. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897.

Zoras 1957 — *Zoras G. Th.* Χρονικόν περί των Τούρκων σουλτάνων: κατά τον Βαρβερίνον ελληνικόν κώδικα 111. Αθήνα, 1957.

Zuckerman 1995 — *Zuckerman C.* La petite Augusta et le Turc: Epiphania-Eudocia-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius // Revue Numismatique. 1995. T. 150. P. 113—126.

Zuckerman 2007 — *Zuckerman C.* The Khazars and Byzantium — The First Encounter // The World of the Khazars... P. 399—431.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	—	Αρχείον Πόντου
ВВ	—	Византийский временник
ВО	—	Византийские очерки
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ЖМНП	—	Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗНУ	—	Записки Новороссийского университета
ЗРВИ	—	Зборник радова Византолошког института
ИЖ	—	Исторический журнал
СОРЯС	—	Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук
AS	—	Anatolian Studies
BF	—	Byzantinische Forschungen
BK	—	Bedi Kartlisa
BMGS	—	Byzantine and Modern Greek Studies
BnF	—	Bibliothèque nationale de France
BSOAS	—	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
BZ	—	Byzantinische Zeitschrift
DOP	—	Dumbarton Oaks Papers
JA	—	Journal asiatique
JÖB	—	Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik
MGH SS	—	Monumenta Germaniae Historica, Scriptores
OCP	—	Orientalia Christiana Periodica
RHC	—	Recueil des historiens des croisades
RÉB	—	Revue des études byzantines
ROC	—	Revue de l'Orient Chrétien
ROL	—	Revue de l'Orient latin
SBAW	—	Sitzungsberichte Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-philologische und historische Klasse
SK	—	Seminarium Kondakovianum
TIB	—	Tabula Imperii Byzantini
TM	—	Travaux et mémoires
WZKM	—	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абака, Ильхан, монгольский хан Ирана 117, 232, 237
Аббасиды, династия халифов 85
Абу ал-Касим, сельджукский эмир, правитель Никеи 93, 124
Абу Бакр, тюрок, телохранитель великого доместика Иоанна Аксуха 132
Абу Бакр Тихрани, иранский историк 242, 264, 265, 296—300
Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах, сельджукский эмир, правитель Эрзерума 216—218
Агаджанов С. Г. 83
ʿАдил-бег б. Сулайман, эмир Синопа 244, 245
Азат Муса, туркменский вождь 235
Аййубиды, курдская династия, правители Сирии и Египта 217, 220, 221
Аксухи, знатная византийская семья 76, 131
ʿАла ал-Дин, караманский эмир 193
ʿАла ал-Дин Давуд-шах, эмир, правитель Эрзинджана 216
ʿАла ал-Дин б. Джафар Аратна, эмир, наместник Ильханов в Руме, правитель Сиваса 238, 239
Александр, сын болгарского царя Асеня 59
Александр Кавалика, византийский военачальник 131
Александр Кавасит, трапезундский военачальник, пансеваст 261
Александр Македонский 3
Александр (Иван Александр), болгарский царь 183, 189
Алексей Аксух, византийский царедворец и военачальник, протостратор 129, 130
Алексей Апокавк, византийский аристократ, великий дука 174, 176, 178
Алексей Великий Комнин, племянник трапезундского императора Давида 300
Алексей Врана, византийский военачальник 62
Алексей Гифард, военачальник на службе Мануила I Комнина 55
Алексей Метохит, правитель Фессалоники, сторонник Иоанна VI Кантакузина 182
Алексей Пактиар, трапезундский чиновник 219
Алексей Рауль, византийский военачальник, великий доместик 154
Алексей Стратигопул, никейский военачальник, кесарь 118
Алексей Филантропин, византийский аристократ и военачальник 149—151, 165, 168, 173, 178
Алексей I Великий Комнин, трапезундский император 113, 130, 210, 213
Алексей I Комнин, византийский император 42—45, 47, 51—55, 62, 73, 74, 76, 77, 92—96, 98, 99, 104, 124, 128—131, 158, 177, 178, 214
Алексей II Великий Комнин, трапезундский император 233, 236, 237, 244
Алексей III Ангел, византийский император 62, 108, 109, 111, 112, 127, 130
Алексей III Великий Комнин, трапезундский император 238, 242—245, 247

Алексей IV Великий Комнин, трапезундский император 255, 256, 258
ʿАли Йазди, персидский историк 201
ʿАли-паша, тюркский военачальник, брат Сарухан-бега б. Алпаги 163
Алпамыш, половецкий военачальник 62
Алп-Арслан, сельджукский султан 51, 87—90, 128
Альберик из Труа-Фонтен, хронист 60, 61
Альда, аланка, грузинская царица 70, 71
Альдобрандини, знатный итальянский род, правители Атталии 115
Альфонсо V, арагонский и сицилийский король 271
Амедей VI, граф Савойский 186
Амир-шах, монгольский чиновник 233
Анастасий I, византийский император 14, 15, 17
Ангелы, византийская императорская династия 78, 106, 108, 109, 210, 213
Анджело Джованни Ломеллино, генуэзский подеста Перы 274
Андроник Ватац, византийский аристократ 62, 63, 64
Андроник Дука, брат и соправитель императора Михаила VII 89
Андроник Кантакузин, византийский аристократ, участник обороны Константинополя 273
Андроник Палеолог, деспот Фессалоники 206
Андроник Палеолог Асень, византийский наместник Мореи 286
Андроник I Гид, трапезундский император 218, 221
Андроник I Комнин, византийский император 106, 127, 210
Андроник II Великий Комнин, трапезундский император 231, 233
Андроник II Палеолог, византийский император 68, 117, 147—149, 151—153, 155, 158, 159, 161, 164, 165, 168—170, 172, 174, 178, 180
Андроник III Палеолог, византийский император 61, 68, 163, 169, 170—176, 178, 179
Андроник IV Палеолог, византийский император 189, 191
Анна Комнина, византийская принцесса и историк 40, 44, 47, 48, 51, 52, 66, 72, 73, 98, 131
Анна Савойская, византийская императрица, супруга Андроника III 174, 175, 177, 180, 188
Апеллес, древнегреческий живописец 72
Арават, аланский наемник 76
Арисги (Хрисоскул), тюркский эмир, перебежчик 127, 128
Арпад, венгерский предводитель 24
Арсений Авториан, константинопольский патриарх 119
Асень, болгарский царь 56, 59
Аспарух, булгарский хан 19, 21
Аспорча, супруга османского эмира Орхана 186
Аттила, гуннский предводитель 13, 14
Афанасий, святой 223
Ахемениды, персидская царская династия 3
Ахи Айна-бег, тюркский эмир Эрзинджана 240, 241, 246, 249
Ахмад б. Шадкелды, тюркский эмир Амасьи 251
Ахмад Джалаир, багдадский султан 256
Ахмад-паша Кадук, османский военачальник 296
Ахмад, османский военачальник, сын Турахан-бега 291

Баграт IV Куропалат, грузинский царь 71, 72
Багратиды, грузинская царская династия 218, 231
Баджман, половецкий вождь 29
Байалун, византийская жена золотоордынского хана Узбека 68

Байбарс, мамлюкский султан 67, 230—232
Байазид I Йылдырым (Молниеносный), османский султан 186, 193—204, 239, 242, 250—255, 257, 258, 268, 287
Байбарс ал-Мансури, мамлюкский хронист 232
Байджу-нойон, монгольский наместник в Иране 225—227
Байрам-бег, туркменский эмир 243, 249
Байхаммер А. 84, 85
Балдуин, граф Эно и Фландрии, император Латинской империи 57, 58
Балдуин II, император Латинской империи 60
Бату (Батый), монгольский хан 60, 66, 225—228
Баян, аварский хан 15—17
Бела IV, венгерский король 60
Беллини, Джентиле, итальянский живописец и скульптор 300
Берке, хан Золотой Орды 67
Бертольдо ди Джованни, итальянский скульптор 301
Бидлиси Идрис, османский историк 296, 298
Бледа, гуннский предводитель 13
Борена, аланская принцесса 72
Борил, болгарский царь 54, 59
Боэмунд Тарентский, предводитель Первого крестового похода, князь Антиохийский 51, 95, 128
Брайер Э. 209, 217, 227, 233, 242, 258, 294, 295, 298
Брокар (Бурхард), монах-доминиканец 167
Бумын-хан, предводитель гёк-тюрок 20
Бурхан ал-Дин Ахмад, султан Сиваса 239, 241, 243, 250, 251, 252
Бусико, Жан II ле Менгр, французский маршал 199

Валчар, сын печенежского вождя Кегена 48, 49
Вардан Филиппик, византийский император 22
Василевский В. Г. 35
Василий Великий Комнин, сын трапезундского императора Давида 300
Василий II Болгаробойца, византийский император 30, 31, 36, 58
Ватацы, знатный византийский род, династия никейских императоров 114, 119
Вашари И. 30, 53, 62
Великие Комнины, династия трапезундских императоров 130, 196, 201, 204, 210, 212—215, 217—219, 222, 224, 227, 229—237, 239, 241— 246, 249, 250, 253, 254, 256—259, 262, 263, 285, 293, 294
Велисарий, византийский полководец 15
Виллардуэн, Гийом де, князь Ахейский 286
Виллардуэн, Жоффруа де, французский барон, князь Ахейский 61
Винфильд Д. 209
Вирхор, хазарский каган 22
Виссарион Никейский, византийский ученый-гуманист, никейский митрополит, кардинал 236, 259, 289
Виттек П. 167
Владислав III Ягеллон, польский и венгерский король 208
Врионис С. 83, 90, 92, 105

Гавала, великий друнгарий 65
Гавр, трапезундский комендант Синопа 231
Газан, Ильхан, монгольский хан Ирана 118
Гази Челеби, тюркский эмир, правитель Синопа 233, 244
Газневиды, правящая династия Хорасана 84, 85
Георгий Амируци, византийский ученый, протовестиарий трапезундского двора 299

Георгий Бранкович, сербский деспот 208, 272
Георгий Великий Комнин, сын трапезундского императора Давида 300
Георгий Гемист Плифон, византийский ученый и философ 289
Георгий Маниак, византийский военачальник 127
Георгий I, грузинский царь 70
Георгий I Великий Комнин, трапезундский император 232, 233
Георгий VIII, царь Картли-Имерети 294
Гизи, знатное венецианское семейство 168
Гийом Рубрук, монах, посланник французского короля Людовика IX Святого 91, 227
Голден П. 53
Гомер 3
Гордлевский В. А. 83
Григора Никифор, византийский богослов, философ и историк 69, 122, 150, 156, 158, 164, 170, 180, 182, 184
Григорий Бакуриан, византийский военачальник 51
Григорий Палама, византийский богослов, фессалоникский архиепископ 185
Григорий III Мама, византийский патриарх-униат 271
Григорий X, папа Римский 123
Григорий XI, папа Римский 190
Гуго IV, кипрский король 169
Гуч-Туган, вождь кочевых туркмен, дед халивийского эмира Хаджи-Амира 236, 243
Гуюк, верховный хан монголов 226, 227
Гюлчичек-хатун, супруга османского султана Мурада I 186
Гюмюштегин Гази, второй правитель династии Данишмандидов 99

Давид, сын грузинского царевича Деметра 71
Давид Великий Комнин, основатель Трапезундской империи 210, 213
Давид Великий Комнин, деспот, последний трапезундский император 263, 264, 293, 294, 298, 299
Давид Нарин, грузинский царь 226, 230, 231
Давид Улу, грузинский царь 227
Давуд, сын эрзерумского эмира Тугрул-шаха, супруг грузинской царицы Русудан 218
Данишманд, эмир и военачальник, основатель династии Данишмандидов 99
Данишмандиды, анатолийская династия 98—101, 103, 104, 163, 217
Девлет-хатун, наложница султана Байазида I 186
Деметр, грузинский царевич, сын царя Георгия I 70, 71
Джалал ал-Дин Манкбурны, хорезмшах 219—222
Джалал ал-Дин Руми, персидский поэт, богослов, суфий 141
Джандары (Исфандийары), тюркская династия 196, 244, 251, 294, 295
Джахан-шах, султан Каракуйунлу 261
Джахан-шах, Рукн ал-Дин, сельджукский эмир, правитель Эрзерума 216, 217, 221, 222
Джефри Лэнгли, глава английского посольства к Ильхану Абаке 237
Джилорамо Минотто, байло венецианской общины в Константинополе 274
Джованна I, неаполитанская королева и ахейская княжна 287
Джованни Джустиниани, генуэзский кондотьер, военачальник на византийской службе, руководитель обороны Константинополя 273, 274, 277, 282, 283
Джунайд, шейх ордена *сафавийа*, правитель Ардабиля 260, 261, 262, 298, 299
Джунайд, эгейский эмир 204, 205

Джунайд Куббад-огуллары, понтийский эмир 252
Джучи, сын Чингисхана 66, 225
Диакону П. 35, 45, 53
Димитрий Палеолог, деспот Мореи, сын императора Мануила II Палеолога 290—293
Димитрий I Кантакузин, деспот Мореи 287
Докианы, знатная византийская семья 76
Дорголел, аланский царь 75
Дука, византийский историк 204, 267, 283, 297
Дуки, знатная византийская семья и императорская династия 75

Жуков К. А. 167

Заберган, тюркский вождь 15
Заганос-паша, греческий ренегат, военачальник на османской службе 273, 282, 283
Заккария, генуэзское семейство 162, 168, 171
Захариаду Э. 167, 236
Зимарх, комит Востока 20
Зонара Иоанн, византийский историк 48
Зоя, византийская императрица 71

Евгений, святой, покровитель Трапезунда 222
Евгений IV, папа Римский 207, 208
Евгений V, папа Римский 277
Евдокия, синопская деспина, дочь императора Алексея II Великого Комнина 244
Евдокия, трапезундская принцесса, дочь императора Алексея III Великого Комнина 242, 243
Евфимий, монах 37
Евфросинья, побочная дочь императора Михаила VIII Палеолога 68
Елена Драгаш, византийская императрица, супруга Мануила II Палеолога 266, 288, 290
Елена Кантакузина, византийская императрица, супруга Иоанна V Палеолога 288
Елена Палеолог, дочь морейского деспота Димитрия Палеолога 292
Елизавета, венгерская королева 60

Ибн ал-Асир, арабский историк 213, 219
Ибн Баттута, мусульманский путешественник и писатель 68
Ибн Биби, персидский историк 107, 142, 228, 231
Ибн Кемал, османский историк 298
Ибрахим Инал, предводитель туркмен 86
Ибрахим-бег, караманский султан 294
Ибузир Главан, хазарский каган 22
Иван Шишман, болгарский царь 190, 196
Иван II Асень, болгарский царь 59
Иванэ Закарян, ишхан, грузинский военачальник 217
Игнатий Смольнянин, русский паломник 195
Игорь, русский князь 36
Икономидис Н. 137
Илхан, тюркский эмир 93, 128
Иоанн, алан, византийский придворный 73
Иоанн, епископ 22
Иоанн, правитель Фессалии 68
Иоанн Аргиропул, византийский ученый 289
Иоанн Аксух, византийский царедворец и военачальник, великий доместик 129, 132
Иоанн Богас, херсонский стратиг 80
Иоанн Дука, византийский аристократ и военачальник, шурин императора Алексея I Комнина 94
Иоанн Евгеник, византийский писатель и богослов 289
Иоанн Исис, византийский военачальник тюркского происхождения 131

Иоанн Кантакузин, византийский аристократ, участник обороны Константинополя 273
Иоанн Комнин, великий доместик, отец императора Алексея I Комнина 130
Иоанн Комнин Толстый, византийский аристократ, сын Алексея Аксуха 130
Иоанн Контостефан, византийский военачальник 102, 103
Иоанн Лазаропул, византийский агиограф, митрополит Трапезунда 217—219, 222, 236
Иоанн Орфанотроф, византийский царедворец, брат императора Михаила IV 37
Иоанн Палеолог, деспот, брат императора Михаила VIII 120—122
Иоанн Рыльский, св. 57
Иоанн Сирьяннис Филантропин Комнин Палеолог, византийский аристократ 62
Иоанн Тарханиот, представитель знатного византийского рода, глава арсенитов 152
Иоанн Цец, византийский ученый 77
Иоанн I Аксух, трапезундский император 130
Иоанн I Цимисхий, византийский император 32, 36
Иоанн II Великий Комнин, трапезундский император 215, 233, 235
Иоанн II Комнин, византийский император 44, 45, 55, 73, 98, 99, 100, 104, 129
Иоанн III Ватац, никейский император 59, 61, 62, 113, 116, 117
Иоанн IV Великий Комнин, трапезундский император 260—264
Иоанн IV Ласкарь, никейский император 119
Иоанн V Палеолог, византийский император 174, 175, 183, 185, 187—191, 194, 195, 243, 287
Иоанн VI Кантакузин, великий доместик, византийский император 163, 169—187, 190, 286, 291
Иоанн VII Палеолог, византийский император 191, 194—196, 199, 203
Иоанн VIII Палеолог, византийский император 205—207, 266, 268, 288—290
Иоанн XIV Калека, константинопольский патриарх 174
Иоганн (Йан?) Грант, сапер на византийской службе 274, 279
Иона, половецкий вождь 60, 61
Ираклий I, византийский император 17, 18, 21
Ирина, дочь императора Иоанна V 188
Ирина Аланская, супруга Исаака Комнина 75, 76
ʿИса Челеби, османский султан, правитель Бурсы 202
Исаак Дука Мурчуфл, византийский аристократ, примикирий 118
Исаак Комнин, византийский аристократ, брат Алексея I Комнина 74, 76
Исаак I Комнин, византийский император 39, 40, 87
Исаак II Ангел, византийский император 56, 57, 62, 106, 107
Исидор, киевский митрополит, кардинал 271
Исмаʿил, шах, основатель иранской династии Сефевидов 260
Исмаʿил Джандар, синопский эмир 294, 295
Исфандийар-бег б. Байазид, эмир Джандар 196, 251
Исхак-паша, османский военачальник 273, 282
Иштван I, венгерский король 24

Йагы-Басан, правитель из династии Данишмандидов 101
Йакуб б. ʿАли-Шер, эмир Гермиян 153, 159, 168
Йакуб-паша, османский военачальник 288

Йалавач, тюрок, племянник военачальника Чаги 131
Йаргуч-паша, османский военачальник 259
Йусуф, сын османского султана Мехмеда I 205

Кайкавус I, ʿИзз ал-Дин, сельджукский султан 67, 214
Кайкавус II, ʿИзз ал-Дин, сельджукский султан 114, 118, 120, 127, 226, 232
Кайкубад I, ʿАла ал-Дин, сельджукский султан 117, 142, 214, 215, 217, 218, 220—222
Кайхату, монгольский хан 150
Кайхусрав I, Гийас ал-Дин, сельджукский султан 107, 108, 110—112, 115, 127, 141, 213
Кайхусрав II, Гийас ал-Дин, сельджукский султан 117, 218, 222, 224, 226
Кайхусрав III, Гийас ал-Дин, сельджукский султан 232
Каламан, византийский военачальник 55
Калделлис Э. 4
Каликст III, папа Римский 293
Калофет, византийский правитель Фокеи 188
Калоян, болгарский царь 57—59
Камир, тюркский наемник 54
Кандик, аварский хан 15
Кантакузин, византийский военачальник 51
Кара, византийский военачальник тюркского происхождения, приближенный Алексея I Комнина 131
Караджа, печенежский вождь 54
Караджа-паша, османский военачальник 271, 273, 282
Кара-Йусуф, эмир туркмен каракуйунлу 253, 256
Кара-Йулук ʿУсман, эмир туркмен аккуйунлу 239, 251, 253, 256, 262
Караманиды, тюркская династия, правители Центральной и Южной Анатолии 268
Каратегин, тюркский эмир 93
Караханиды, тюркская династия 84
Карл Анжуйский, представитель французской династии Капетингов, сицилийский король 119
Карл VI Безумный, французский король 199
Карл VII, французский король 294
Карпов С. П. 7, 209, 295
Касым-бег, османский военачальник 295
Каттанео Андреоло, генуэзец, правитель Новой Фокеи 171
Каттанео Доменико, генуэзец, правитель Новой Фокеи 173
Качир-укула, половецкий вождь 29
Каэн Кл. 83, 91, 217
Кварквare II Джакели, князь Самцхе 294
Кеген (Иоанн), печенежский вождь 37, 38, 48, 49
Керамар, византийский крестьянин 65, 66
Кётюрюм Байазид, тюркский эмир Синопа 245
Кидонис Димитрий, византийский ученый 69
Киннам Иоанн, византийский историк 9, 44, 45, 55, 101, 124, 125
Клавихо, Руй Гонсалес де, кастильский дворянин и дипломат, глава кастильского посольства к эмиру Тимуру 242, 243
Коджа, половецкий хан 58
Комнины, византийская императорская династия 75, 76, 78, 104, 106, 129, 145, 293
Константин Далассин, византийский государственный деятель 51
Константин Дука, сын Михаила VII, соправитель 72, 73
Константин Ласкарь, византийский аристократ 111

Константин Михайлович (из Островицы), сербский воин, автор «Записок янычара» 267
Константин Деянович/Драгаш, сербский деспот 197, 266
Константин Палеолог, византийский военачальник, младший сын императора Михаила VIII 149
Константин Палеолог Граитца, византийский комендант крепости Сальменик 292
Константин Франкопул 108
Константин I Великий, римский император 3
Константин III, византийский император, сын Ираклия I 18
Константин IV, византийский император 19
Константин V, византийский император 22
Константин VI, византийский император 22
Константин VII Багрянородный, византийский император 36, 70
Константин IX Мономах, византийский император 31, 37—39, 48, 49, 71, 72
Константин X Дука, византийский император 40
Константин XI Палеолог, византийский император 266, 268, 269, 271, 273, 276, 278, 281, 284, 285, 289, 290
Костанцо да Феррара, итальянский живописец и медалист 300
Котен (Котян Сутоевич), половецкий хан 60
Кочаба, монгольский эмиссар и сборщик налогов 237
Критовул Михаил, византийский историк 267, 281, 295
Кубрат, булгарский хан 18, 21
Кулин, сын печенежского вождя Кегена 49
Куршанскис М. 263
Куталмуш, основатель афонского монастыря Кутлумуш 133
Кутлу-бег, эмир туркмен аккуйунлу (амитиотов) 247, 248
Кутлушах, сын османского султана Мехмеда II 300
Кутул, византийский парик 65
Кылыч-Арслан, сельджукский эмир Карахисара 240, 242
Кылыч-Арслан I, сельджукский султан, правитель Икония 98, 124, 132
Кылыч-Арслан II, ʿИзз ал-Дин, сельджукский султан 103, 107, 109, 110, 124—127, 216
Кылыч-Арслан III, ʿИзз ал-Дин, сельджукский султан 110, 111, 115
Кылыч-Арслан IV, Рукн ал-Дин, сельджукский султан 120, 226, 240

Лазарь, половецкий вождь 55
Лазарь Хребелянович, правитель Сербии 194
Лайу А. 159, 165
Ласкари, византийский род, династия никейских императоров 114, 119, 210
Лахана, мятежник 151
Лев Музалон, византийский военачальник 153, 154, 156, 158
Лев III Исавр, византийский император 22
Лев IV, византийский император 22
Леведия, венгерский предводитель 23
Лемерль П. 166
Леонтарий Вриенний, византийский аристократ, участник обороны Константинополя 273
Лже-Алексей II, византийский самозванец 107
Лже-Алексей III, византийский самозванец 108
Лже-Иоанн, византийский самозванец
Лже-Лев, византийский самозванец 53
Ливадарий, византийский военачальник, великий стратопедарх, протовестиарит 148—151

Липарит, мингрельский князь 294
Липперд Б. 227
Лоран В. 134
Лудовико да Болонья, монах-минорит, папский посол 293, 294, 297
Лузиньяны, королевская династия Кипра 168
Лука Нотара, византийский аристократ, великий дука 272, 273
Лука Хрисоверг, патриарх 124
Людовик, граф Блуаский 57, 58
Людовик IX Святой, французский король 228
Людовик XI, французский король 294

Маврикий, византийский император 16, 21
Магдалино П. 105
Мазарис, секретарь морейского деспота Феодора II Палеолога 289
Малик ал-Ашраф, аййубидский правитель Дийарбакра и Дамаска 217, 222
Малик Ахмад, эмир Карахисара 240
Маликшах, сельджукский султан 124
Мамона Павел, византийский аристократ, великий дука, правитель Монемвасии 287
Мангуджаки, тюркская династия, правители Эрзинджана 99, 217, 221
Маниак (Боняк), половецкий хан 44
Маниах, согдиец 20
Мануил Великий Комнин, сын трапезундского императора Давида 300
Мануил Кантакузин, деспот Мореи, сын императора Иоанна VI Кантакузина 286, 287
Мануил Комнин, византийский военачальник, куропалат 128
Мануил Маврозом, византийский аристократ, претендент на императорский престол 111, 112, 127
Мануил Оловол, византийский оратор, поэт и педагог 120
Мануил I Великий Комнин, трапезундский император 227, 228, 229, 230, 231
Мануил I Комнин, византийский император 55, 56, 77, 98—106, 109, 124—126, 129—131, 223, 275
Мануил II Палеолог, византийский император 189—192, 194—199, 203—205, 254, 288
Мануил III Великий Комнин, трапезундский император 253—255, 257, 258
Марак (Барак), тюркский вождь 93, 94
Марван II б. Мухаммад, халиф из династии Омейядов 22
Мария, трапезундская принцесса, сестра императора Алексея III, супруга эмира Кутлу-бега 247
Мария, «царевна монголов», супруга Ильхана Абаки 117
Мария Аланская, византийская императрица 72—75
Марк Евгеник, митрополит Эфеский 289
Масʿуд I, газневидский султан 85
Масʿуд, сельджукский султан Рума 108, 124
Масʿуд, тюркский эмир Ментеше 157
Матфей, сын и соправитель Иоанна VI Кантакузина, правитель Западной Фракии 181—183
Матфей Асень, византийский аристократ, правитель Коринфа 291, 292
Махмуд, сын османского султана Мехмеда I 205
Махмуд-паша (Махмуд-бег), османский военачальник и великий визир 273, 282, 295, 298, 299
Мелик, вождь туркополов, 161
Мелики, тюркско-византийское семейство 128
Менандр, византийский дипломат и историк 20
Менгу, верховный монгольский хан 117
Ментеше-бег, тюркский эмир 148, 150, 157
Мехмед Нешри, османский историк 267, 297

Мехмед I Челеби, османский султан 186, 202—205, 251, 254, 257—259
Мехмед II Завоеватель, османский султан 186, 260, 262—272, 274, 277—282, 284, 285, 290—302
Микеле Алигьери, посланец трапезундского императора Давида 294
Милош Обилич (Кобилич), сербский аристократ, убийца султана Мурада I 194
Мирче Старый, валашский воевода 198, 204
Михаил, грек, правитель Синопа 232
Михаил, младший сын императора Михаила IX 169
Михаил, монофизитский патриарх 45
Михаил Гавра, византийский военачальник 103
Михаил Исхак, византийский военачальник тюркского происхождения 131
Михаил Италик, византийский богослов и ученый 129, 133
Михаил Кантакузин, византийский аристократ, наместник Мореи, отец императора Иоанна VI Кантакузина 286
Михаил Комнин Ангел Дука, византийский аристократ, правитель фемы Миласса и Меланудий 108
Михаил Лулу, византийский воин 68
Михаил Печенег 46
Михаил Стратигопул, византийский военачальник 149
Михаил I Великий Комнин, трапезундский император 244
Михаил IV, византийский император 37
Михаил V, византийский император 52
Михаил VII Дука, византийский император 41, 72, 73, 76, 77, 90, 128
Михаил VIII Палеолог, византийский император 67, 68, 97, 117—120, 122, 123, 147, 155, 285, 286
Михаил IX Палеолог, византийский император 153, 154, 156, 158, 160, 161, 169
Монастра, вождь миксоварваров 54
Моравчик Дьюла 25
Музаффар ал-Дин Мухаммад, данишмандидский эмир 217, 221
Муʿин ал-Дин Сулайман Парвана, визир Румского султаната 231, 233, 244, 246
Мунке, монгольский каан 29
Мунтанер Рамон, каталонский воин и хронист 157, 159
Мурад I, османский султан 174, 186, 188—194, 251, 287
Мурад II, османский султан 205, 206, 208, 258, 259, 261, 266, 289, 290
Муса Челеби, сын султана Байазида I 203, 204
Мустафа, сын султана Байазида I 204
Мустафа Челеби (Дюзме-Мустафа), см. Мустафа, сын султана Байазида I 204—206, 256
Мутаххартан, тюркский эмир Эрзинджана 239, 240—242, 249, 251—254, 256
Мухаммад Рикабдар, тюркский эмир Байбурта 240, 246
Мухаммад Хамави, арабский историк 219
Мухаммад-бег Айдыноглу, тюркский эмир, основатель эмирата Айдын 162, 168, 171
Мухаммад-бег Уджи, тюркский военачальник 120
Муш-ʿАли, османский посол 264
Мхаргрдзели, грузинская и армянская княжеская династия 217

Наджм ал-Дин, аййубидский правитель Ахлата 217
Насир ал-Дин Фарадж, мамлюкский султан 253
Неанц, печенег 51
Нерио II Аччайоли, флорентийский аристократ, герцог Афинский, владетель Коринфа 287, 290

Нестор, катепан 41
Нестор Искандер, предполагаемый автор «Повести о взятии Царьграда» 267
Никифор Василак, византийский богослов и ритор 129
Никифор Вриенний, византийский аристократ и военачальник 41
Никифор Диоген, византийский аристократ и военачальник, сын императора Романа IV 130
Никифор Мелиссин, византийский аристократ и военачальник 90
Никифор Орсини, деспот, зять Иоанна VI Кантакузина 182, 182
Никифор Палеолог, византийский царедворец 77
Никифор III Вотаниат, византийский император 41, 42, 73, 90, 128, 131
Никифорица, византийский временщик, логофет дрома 41
Николай Гудель, византийский военачальник, участник обороны Константинополя 273
Николай Критик, монах 65
Николай Мелик, византийский чиновник 134
Николай Мистик, константинопольский патриарх 70
Николь Д. 165, 181
Нилюфер, жена османского эмира Орхана 186
Ногай, золотоордынский хан 67, 68
Ностонг Дука, паракимомен, византийский правитель Нисы 148, 156

Оболенский Д. Д. 70
Опос, византийский военачальник 128
Орхан, внук османского султана Сулеймана Челеби 268, 274
Орхан б. Осман, османский эмир 163, 179—190
Осман I б. Эртогрул, эмир, предводитель турок-осман, основатель династии Османов 152, 154—156, 163
Османы, династия тюркских эмиров, затем султанов 186—189

Палеологи, византийская императорская династия 62, 116, 128, 147, 178, 187, 191, 201, 203, 210, 212, 224, 230, 256, 259, 262, 291—293, 302
Панарет Михаил, трапезундский историк 229, 232, 235, 236, 240, 242, 246, 248
Пахимер Георгий, византийский историк, философ и богослов 9, 97, 117, 121, 122, 151—154, 156, 157, 162, 164, 167
Пере Хулиа, консул каталонской колонии в Константинополе 274
Петр, болгарский царь 56, 57
Петр I, российский император 97
Пий II, папа Римский 293, 294
Пикок Э. 231
Плануд Максим, византийский ученый 150
Поло Марк, венецианский купец и путешественник 237
Поло Матфей, венецианский купец 237
Поло Николай, венецианский купец, отец Марка Поло 237
Приск, византийский военачальник 14, 16, 17
Просух, византийский военачальник тюркского происхождения 131
Псевдо-Лахана, византийский военачальник 151
Пселл Михаил, византийский историк 46, 50, 71, 73
Птолемей Клавдий 13

Раббан Бар-Саума, несторианин, глава посольства Ильхана Абаки 237
Рабиа, абхазский князь 294
Раис Хадим (Хетум Раис), сельджукский комендант Синопа 218
Рамазан, аданский эмир 294
Рансимен С. 267

Рашид ал-Дин, иранский историк 29, 235
Римпса, тюрок, военачальник на византийской службе 132
Робер, граф Фландрии 43
Робер Гвискар, нормандский предводитель 32
Рожер де Флор, наемник, предводитель каталонской компании 158, 160, 165
Роман Воила, византийский царедворец 71, 72
Роман Мстиславич, галицко-волынский князь 57
Роман IV Диоген, византийский император 53, 76, 77, 88, 89, 90, 105, 128
Ругила, гуннский предводитель 13
Руссель де Байоль, нормандский наемник 77
Русудан, грузинская царица 218, 226

Савджи, сын султана Мурада I 191
Саджа, вождь 43
Салджук, предводитель огузского племени кынык, родоначальник династии Сельджукидов 85
Салджуки-хатун, жена султана ‘Изз ал-Дина Кайкавуса I 216
Салтукиды, тюркская династия, правители Эрзерума (Феодосиополя) 99, 216
Саманиды, иранская династия 84
Самух, тюркский вождь 87
Санудо, знатное венецианское семейство 168
Сара-хатун, мать султана Узун-Хасана 296, 298, 300
Сарухан-бег б. Алпаги, тюркский эмир, основатель эмирата Сарухан 163, 171
Сароний, половецкий вождь 60
Саруджа, византийский поверенный 68
Саруджа, османский военачальник 282
Сасаниды, иранская династия 20, 21
Саса, тюркский вождь 162
Святослав, русский князь 23, 36
Селте, печенежский вождь 39
Сельджукиды (Сельджуки), тюркская династия 83, 85, 92, 99, 103, 104, 123, 128, 148, 221, 224, 230
Сеслав, вождь 43
Сефевиды, иранская династия 260
Сигизмунд I Люксембург, венгерский король, император Священной Римской империи 198, 206, 207
Сильзивул, тюркский хан 20
Симеон Великий, болгарский царь 36
Симокатта Феофилакт 12
Симон де Сен-Кантен, доминиканский монах и историк 223
Симония, дочь императора Андроника II Палеолога 181
Сичган (Сирьяннис), половец на византийской службе 62
Сирадж ал-Дин, тюркский эмир, правитель Коюлхисара 252
Скалиар, тюркский эмир на византийской службе 93, 128
Скандербег (Георгий Кастриоти), албанский князь 208, 271
Скилица Иоанн, византийский историк 48, 49, 66
Соломон, венгерский король 42
Стефан Душан, сербский король 181—183, 186, 189
Стефан Лазаревич, князь Моравской Сербии 196
Стефан Милутин, сербский король 181
Стефан V, венгерский король 60
Стивенсон П. 34, 35, 37, 53
Сулайман, брат айдынского эмира Умура 173
Сулайман, сельджукский эмир 102
Сулайман, эмир Караси 176
Сулайман б. Байазид, эмир Джандар 196, 251
Сулайман б. Курджи, тюркский эмир Эдессы, перебежчик 127
Сулайман б. Куталмуш, эмир из династии Сельджукидов, правитель Никеи 92, 93, 98, 99

Сулайман II, Рукн ал-Дин, сельджукский султан 108, 110, 111
Сулайман-бег б. Хаджи Амир, тюркский эмир Халивии 242, 243
Сулайман-паша, тюркский эмир Кастамона 244
Сулейман, сын османского эмира Орхана 181—184, 186, 187
Сулейман Челеби, османский султан, правитель Эдирне 202, 203, 252, 268
Сулейман-бег Балтоглу, османский флотоводец 273, 277
Султаны, тюркско-византийское семейство 128
Сфрандзи Георгий, византийский хронист 260
Схоларии, трапезундская аристократическая семья 247

Тадж ал-Дин, тюркский эмир, правитель эмирата Джаник 242, 243
Тайбуга, сельджукский наместник в Синопе 232
Тамара, грузинская царица 210, 216, 217
Тамта, дочь ишхана Иванэ Закаряна 217
Тангрибермыш, тюркский вождь 93, 94
Тат (Хали), вождь 43
Татикий, византийский военачальник 42, 130, 131
Татран, печенег 51, 52
Тафур Перо, кастильский дворянин, путешественник 258, 260
Тиверий II, византийский император 16
Тиверий III, византийский император 22
Тимур (Тамерлан), эмир, основатель империи Тимуридов 200—204, 213, 242, 245, 250—258
Тимуриды, тюрко-монгольская династия, наследники Тамерлана 256, 257
Тимур-хан, эмир Караси 171, 172, 175
Тиннефельд Ф. 152
Тирах (Иоанн), печенежский каган 37, 38, 48—50
Тоганджук, предводитель тюркменского племени аккуйунлу 247
Травл, манихей 51
Трэдгольд У. 91
Тугоркан, половецкий вождь 44
Тугрул-бег, Мухаммад, сельджукский султан 85—87
Тун-Ябгу, тюркский хан 21
Туран О. 83
Турахан-бег, османский военачальник 289—291
Турсун-бег, турецкий историк 284, 298

Уза, вождь узов 54
Узбек, хан Золотой Орды 68, 69
Узун-Хасан, султан государства Аккуйунлу 260, 262—265, 293—298, 300
Уинфильд Ф. 295, 298
Улджайту Ильхан, монгольский хан Ирана 118
ʿУмар-бег, османский военачальник, сын Турахан-бега 291, 292
ʿУмар-бег, османский полководец 287
Умур, эмир Пафлагонии 154, 155
Умур-бег, эмир Айдын 69, 172, 173, 176, 177, 180, 286
Урбан, венгерский (или трансильванский) оружейных дел мастер на службе Мехмеда II 270, 276
Урдур, аланский царь 72

Файе А. 159
Фатимиды, династия египетских халифов 86, 89
Фахр ал-Дин Бахрам-шах б. Давуд Мангуджак, тюркский эмир, правитель Эрзинджана 216
Федериго III, сицилийский король 160
Феодор Гавра, византийский наместник Трапезунда 76, 217

Феодор Манкафа, византийский аристократ 107
Феодор Метохит, византийский ученый, великий лагофет, советник императора Андроника II 149
Феодор I Ласкарь, никейский император 111, 112, 113, 213
Феодор I Палеолог, деспот Мореи, сын императора Иоанна V Палеолога 196, 197, 287, 288
Феодор II Ласкарь, никейский император 117, 118, 120
Феодор II Палеолог, деспот Мореи, сын императора Мануила II Палеолога 288—290
Феодора, византийская императрица, дочь Константина VIII 72, 86
Феодора, дочь Иоанна VI Кантакузина, супруга османского эмира Орхана 179, 180, 181, 186, 188
Феодора, трапезундская принцесса, дочь Иоанна IV Великого Комнина, жена султана Узун-Хасана 260, 263, 264, 300
Феодора, трапезундская принцесса, сестра императора Алексея III Великого Комнина, супруга эмира Хаджи-Амира 243
Феодора Аксух, супруга Алексея I Великого Комнина 130
Феодосий II Малый, византийский император 275
Феофил, византийский император 22
Феофил Палеолог, византийский аристократ, участник обороны Константинополя 273
Фидий, древнегреческий скульптор и живописец 72
Фил Палеолог, византийский военачальник 161
Филипп Добрый, герцог Бургундии 294
Филиппидес М. 267
Фока, византийский император 17
Фома Катаволин, секретарь султана Мехмеда II 299
Фома Палеолог, деспот Мореи, сын императора Мануила II Палеолога 289—293
Франческо Гаттилузи, правитель Лесбоса 192
Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи 107
Фридрих III, император Священной Римской империи 294

Хаджи Амир, тюркский эмир Халивии 241, 243, 249, 254, 258
Хайме II, арагонский король 160
Халил, сын османского эмира Орхана, правитель западной части Вифинии 186, 188
Халил, тюркский предводитель 160, 161, 170
Халил Джандарлы, османский визирь 271, 280, 282
Халил-Аллах, правитель Ширвана 261
Халима-бегум, жена Исмаʿила, основателя династии Сефевидов 260
Халкокондил Лаоник, византийский историк 205, 256, 267, 289, 295
Хамза-бег, османский военачальник и флотоводец 264, 277, 282, 283
Ханак У. 267
Хасан б. Алп-Арслан, тюркский эмир Джаника 258, 259
Хасан Кучук, тюркский эмир Карахисара 240, 249
Хаскар, аланский наемник 76
Хенди М. 78, 104, 105
Хизр, брат айдынского эмира Умура 173
Хизр-бег, османский военачальник 262, 298, 299
Хониад Григорий, византийский врач и астроном, епископ Тебриза 236
Ходжа Латиф, эмир Байбурта 241
Хониат Никита, византийский историк 9, 44, 45, 47, 58, 61, 62, 101, 105, 107, 124

Хониат Михаил, афинский митрополит 47
Хулагу, монгольский хан Ирана, основатель государства Ильханов 117, 120, 226
Хулагуиды (Ильханы), монгольская династия Ирана 67, 158, 230—233, 235—239, 245
Хурма-бег, тюркский эмир 177
Хуршид-бег, посол и военачальник султана Узун-Хасана 265, 296
Хусам ал-Дин б. ʿАли-Шер, предводитель тюрского племени гермиян 148
Хусам ал-Дин Чупан (Чобан), сельджукский наместник в Кастамоне 223
Хюма-хатун, мать османского султана Мехмеда II 186

Чага, тюркский военачальник на византийской службе 42, 43, 51, 93, 94, 131, 131
Чагадай, монгольский хан, сын Чингисхана 199
Чакмак, египетский султан 261
Челгу, печенежский военачальник 42
Чезарини, Джулиано, римский кардинал 208
Чиканоглы, тюрок, адресат Михаила Италика 133
Чингисхан, верховный монгольский хан, основатель Монгольской империи 200, 224, 232
Чичак (Ирина), византийская императрица 22
Чурмагун, монгольский наместник в Иране 226

Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани, вождь кочевых туркмен 235
Шахрвараз, персидский военачальник 18
Шахрух, править государства Тимуридов 253, 256
Шихаб ал-Дин Гази, эмир, брат Малика ал-Ашрафа 222
Шуджаʿ ал-Дин ʿАбд ал-Рахман, наʾиб Румского султаната 228

Эвренос-бег, османский военачальник 287, 288
Эдуард I, английский король 237
Энвери, османский поэт и историк 166
Энглебер 3
Энрико Дандоло, венецианский дож 57, 58
Эпифания, византийская принцесса, дочь Ираклия I 21

Юстин II, византийский император 20, 21,
Юстиниан I, византийский император 14, 15,
Юстиниан II, византийский император 22

Янош Хуньяди, воевода Трансильвании, регент Венгрии 207, 208, 271

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абхазия 70, 236
Авлакс 159
Адрамиттий 156, 162
Адрианополь (Эдирне) 33, 34, 41, 54, 57—59, 61, 160, 183, 188, 189, 192, 202, 270, 295, 299, 300
Азербайджан 89, 200, 219, 250, 252, 256
Азия 5, 10, 11, 156, 159, 161, 172, 173, 182, 184, 189, 192, 194, 196, 204, 206, 209, 211, 301
Азовское море 15
Айвансарай, район Стамбула 278
Айдын, эмират 162, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 195, 200, 261, 268, 286
Акампсис (Чорох), река 81
Акарнания 181
Акдаг, хребет 211
Аккуйунлу, султанат 263, 264, 295, 297, 298
Акроин 101
Аксарай 97, 138
Акшахр 261
Аладаг 252
Алания 71, 72, 73
Албания 190, 193, 206
Албания (Кавказская) 21
Алиакмон, река 34
Алтунташ 201
Амасия (Амасья) 77, 98, 103, 202, 238, 239, 241, 251, 258, 259, 260, 295
Амасра 122
Амастрида 214
Амасья, см. Амасия
Амис (Самсун) 108, 109, 113, 215, 236, 238, 252, 254, 258
Аморий 88, 96, 98
Амударья, река 84, 225
Анадолухисар 198, 268, 269
Анакопия 71, 76
Анатолийское плоскогорье 81, 82, 95, 97, 116, 147
Анатолик 81
Анатолия 4, 7, 27, 30, 31, 41, 43, 46, 61, 65, 66, 81—83, 85, 87, 89, 90—106, 109, 110, 115—117, 119, 122—124, 126, 130, 133, 135—138, 140—142, 144—152, 154, 156, 158—165, 168, 170, 172—174, 176—179, 182, 187, 189, 192, 193, 195—197, 200—202, 204, 211, 214—216, 222, 224—226, 231, 232, 234, 238, 240—242, 245, 249, 250, 252—257, 261, 268, 286
Англия 198, 199
Андрос, остров 168
Анема, тюрьма 191
Ани 87
Анкара, см. Анкира
Анкира (Анкара) 95, 98, 108, 116, 153, 200—202, 295
Анталья, см. Атталия
Антиохия (на Меандре) 112
Антиохия (на Оронте) 13, 93, 95, 96, 100, 102, 130
Антиохия Фригийская 105, 108, 115
Анхиал (Поморие) 16, 33, 54, 57, 190, 266, 271
Апамея 96
Апполония 93, 128
Апр 58, 160
Арагон 199
Аральское море 20, 225
Араниоты, остров 245
Аргос 198—289
Ардабиль 142, 260, 261

Арджиш 88
Аркадиополь 33, 34, 57, 58
Аркадия 288
Арменiак, фема 77, 81
Армения 13, 30, 31, 85—87, 89, 90, 100, 140, 215, 219, 225, 226
Армянское нагорье 81
Архистратига Михаила, собор 108
Арце 86
Асадабад 142
Атрак (Эрдек) 159
Атталия (Анталья) 96, 98, 99, 101, 102, 115
Афинское, княжество 289
Афины 168, 290
Афир 58
Афон 160
Ахейское, княжество 285—289
Ахейя 290
Ахирай 150, 156, 159
Ахлат 217

Багдад 85
Байбурт 215, 235, 238—241, 246, 248, 249, 264, 296, 298
Балканы 4, 11, 14, 16, 17, 19, 27, 29, 30—32, 36—38, 40, 41, 43, 46, 47, 51, 53, 56, 57, 59, 60, 67, 69, 78, 79, 81, 83, 102, 118, 130, 144, 145, 147, 152, 167, 177, 178, 182, 185—193, 198, 201, 203, 206—208, 210, 259, 267
Балх 142
Балхаш, остров 84
Бам 142
Бейшехир, остров 142
Белятово 51
Беотия 290
Ближний Восток 85, 228
Богемия 198
Болгария 60, 68, 170, 182, 184, 187, 190, 193, 204
Большой дворец 135
Боспор 21
Босфор 38, 92, 98, 198, 201, 203, 208, 268, 269, 276, 277
Браничево 60
Буджак 69
Бухара 142

Валахия 206
Ван, оз. 86, 89
Вардар (Аксий), река 34
Васпуракан 85, 86
Ватика, п-в 286
Вафей 155, 156
Велес 192
Великая Булгария 21
Великая Лазия 241, 249
Велокомис 163
Венгрия 24, 60, 189, 196
Венеция 168, 169, 183, 189, 199, 202, 203, 206, 244, 278, 280, 286, 292, 294
Веррия 33, 34, 44, 56, 136, 177, 182
Верхнефракийская низменность 34
Верхняя Месопотамия 88, 89
Видин 45, 54, 60, 187, 189, 196, 198
Византия 3—8, 15, 20, 22—24, 26, 27, 29, 30, 32, 34
Визие 57
Вифиния 82, 90, 100, 101, 102, 104, 105, 108, 149, 151—157, 163, 164, 179, 184, 185, 188, 196, 213, 215
Вицин 43
Влахерны, дворец 17, 191
Влахерны, район Константинополя 274, 275, 278, 279, 282
Воглен (Эдесса) 44
Волга, река 20, 22, 29, 53, 84
Волжская Булгария 60
Вона 264
Восточная Анатолия 82, 88, 235, 239, 240, 250, 251, 253, 256
Восточная Болгария 190
Восточная Евразия 13, 33
Восточная Македония 187
Восточное Средиземноморье 96, 165
Восточные Балканы 33
Восточный Иран 142
Восточный Кавказ 21
Восточный Туркестан 117
Вранхиалион (Болайир) 183

Галата 191, 201
Галатия 90
Галис (Кызылырмак), река 81
Галлиполи 15, 43, 153, 160, 161, 184, 185, 188, 191, 203, 270
Галлия 14
Гангра 100, 108, 116
Гардики 292
Гексамилий, стена 206, 273, 287, 288, 289
Геллеспонт 153, 154, 159, 161, 162, 170, 198
Гелос 72
Гемора 249
Гемус (Балканские горы, Старо-Планина) 33, 38, 39, 42, 54, 55
Генуя 202, 203, 244, 273
Герм, река 120, 122, 153, 154, 156, 159
Герме 159
Гермес (*совр*. Гедиз), река 82
Гермиян, эмират 159, 195, 200, 268
Гипсила 114
Гиресун, хребет 211
Главк (*совр*. Куфи), река 102
Гларенца 290
Голаха 241
Граник (*совр*. Коджабаш), река 82
Грацианополь (Гратини) 187
Греция 15, 136, 301
Грузия 70, 71, 76, 87, 200, 216, 217, 219, 220, 221, 224, 226, 227, 231, 236, 252, 261
Гюмюшхане, хребет 211
Гянджа 142

Дагестан 21
Дадивра (Деврек) 108
Дакивиза 119, 163, 203, 204
Дамаск 217
Данданакан 85
Данион (Кыналыкёпрю) 191
Даоний 58
Дарданеллы 184, 208, 277, 280
Дафнусий, остров 118
Демницик 55
Денизли, см. Лаодикия
Дербент 13
Джанд 142
Джаник 211, 300
Джаник, эмират 242, 243, 258, 259, 261, 264
Джебель-Арсус 261
Дивриги (Тефрика) 99, 216
Дидимотих 57, 183, 188
Дийарбакр 217
Дио-Вуны 150
Диплокионий (Двойные колонны), район Константинополя 273, 277
Диррахий 32, 34, 128, 131
Днепр, река 14
Добруджа 33, 67, 69, 79, 163, 198
Долмабахче, дворец 273
Дон, река 14, 22, 23
Дорилей 89, 96—98, 101, 102, 104, 105, 107, 109
Доростол 56
Дракон, река 92
Драма 34
Дристра 40, 41, 43
Дунай, река 11, 13—16, 19, 21, 23, 30, 32, 33, 36—42, 44—46, 53—56, 58—60, 67, 69, 78, 83, 194, 198

Евразия 6, 26, 52
Европа 10, 11, 23, 27, 159, 160, 166, 184, 191, 193, 194, 198, 199, 202, 204, 211, 237, 267, 268, 291, 293, 294, 300
Евфрат, река 82, 88
Египет 67, 230, 232

Железные ворота 32, 56

Загора 192
Закавказье 11, 218
Занджан 142
Западная Анатолия 94—96, 100—102, 105, 140, 153, 161, 164, 167, 210, 286
Западная Европа 294
Западная Македония 45, 190
Западное Черноморье 196
Западный Иран 66, 142, 220, 255
Зигана, хребет 211

Зигос 122
Золотая Орда 127, 173, 200, 211, 225, 228—230, 252
Золотой Рог 18, 273, 274—279, 283, 284
Золотые Ворота 195

Ивирия 87
Иерокорифит 99
Иерон (Енихисар) 150
Иерусалим 87, 123
Иконий (Конья) 97, 98, 101, 102, 104—106, 111, 113, 116, 120, 138, 141, 142, 215, 216, 222, 226
Имврос, остров 293
Имерети 226, 230
Индия 200, 252
Индус (*совр*. Даламан), река 82, 120
Иней 101, 242, 249, 254
Иоанна, ворота в Константинополе 275, 283
Иония 82
Ирак 200, 219, 220, 225, 250, 252, 256
Ираклия (Мармара Эреглиси) 191
Ираклия на Латме 150
Ираклия Понтийская 122, 214
Иран 7, 17, 20, 26, 66, 86, 117, 123, 141, 142, 200, 202, 204, 215, 225, 226, 230, 237, 238, 250, 252, 255, 256
Ирис (Ешильирмак), река 81, 100, 242
Исаврия 101
Искандерун (Александретта) 261
Искефсер 242
Испания 185, 198
Испар 235
Истм (Коринфский перешеек) 288
Исфахан 142
Италия 14, 31, 185, 198, 289
Итиль 23
Ишим, река 52

Йасычаман 221, 222, 296

Кавалла 101
Кавказ 13, 19, 225
Казахстан 53, 84
Казвин 142
Каик (*совр*. Бакыр), река 82, 122, 150, 156
Каир 231
Каистр (*совр*. Кючюк Мендерес), река 82, 101, 106, 109, 121, 122, 149, 156, 159, 162
Кайкубское ущелье 296
Кайсери 97, 138, 232, 239
Калаврита 289
Каламария 136, 203
Каламус 115
Калигарийские ворота 279
Калка, река 59
Камаха 87, см. также Кемах
Каппадокия 81, 87, 138, 246
Карабах 253
Караман, эмират 195, 294
Караси, эмират 163, 169—173, 175, 181
Карахисар 238—240, 248, 249, 258, 261, 263
Карвуна 187
Кардица 292
Кария 82, 148, 157
Карпафос 157
Карталимен 203
Картли-Имерети 294
Каруса (Герзе) 219
Касаба 295
Каспийское море 20
Кастамон 100, 116, 196, 222, 239, 244, 245, 251, 259, 294, 295
Кастилия 199, 274
Кастория 34
Каталаунские поля (*совр*. Шалон-сюр-Марн) 14
Катойкия (Ките) 163
Каффа 244
Кельвианы 101, 106
Келькит, река 264, 296
Кемах 216, 221, 239, 253, 254, 263; см. также Камаха
Кенхрина 247
Керасунт 236, 243, 245, 247, 249, 254, 255, 264
Керкира, остров 55, 129

Керкопорта, тайная дверь в Константинополе 283
Кесария 232
Кеструс (Аксу), река 82
Кёседаг 117, 224, 226, 227
Киев 59
Кизик 93, 128, 156, 159
Киклады, острова 157, 168
Киликийская Армения 221, 227, 229
Киликия 82, 93, 95, 102, 109, 137, 140, 261
Кипарисия 289
Кипр, остров 168
Кирман 142
Китай 11, 20, 26
Клавдиополь 105, 109
Клазомены 43, 93, 176
Кожух (Кожуф), горы 63
Колония (Кугунийа/Кагунийа) 87, 217, 221
Константинополь 15—21, 24, 32—34, 36, 37, 39, 40, 41, 43, 48, 49, 57, 58, 61, 67, 68—72, 79, 85, 86, 89, 97, 101—103, 106, 109, 110, 112, 118—120, 124, 128, 131, 145, 147, 150—152, 155—158, 160, 171, 173, 177, 179, 183—185, 187—189, 191—199, 201—206, 210—212, 215, 223, 226, 233, 234, 254, 260, 266—275, 277, 278, 280, 281, 285, 289—293, 299, 300
Коп, хребет 211
Кордила 261, 298
Коринф 198, 287, 291, 292
Коринфский перешеек 206, 273, 287; см. также Истм
Корон 168, 286—289
Косово поле 189, 193, 194
Котиэй (Кютахья) 96, 102, 105, 106, 107, 109, 148
Коюлхисар 240, 241, 252, 261, 264, 295, 296
Крит, остров 168
Кромна 122
Крым 22, 23, 210, 211, 215, 223, 225, 248, 259
Ксантус (*совр*. Коджа), река 82
Кубадабад, дворец 142
Кувуклия 163
Кукос 241
Курдистан 222
Кютахья, см. Котиэй

Ладик 295
Лазистан 211, 247
Лакерий 105, 106
Лампи 94, 96, 98
Лампсак 154, 163, 185
Лангада, ущелье 286
Лаодикия (Денизли) 94, 96, 99, 102—104, 107, 109, 111—115, 120
Ларанда 150
Левуний, гора 44, 45, 51, 52
Лемвиотисса, монастырь 65, 66
Лемнос, остров 61, 198, 293
Леона (Вона) 243
Лесбос, остров 43, 61, 132, 168, 172, 173, 192, 195, 198, 204
Ливадия 290
Лидия 82, 95, 148, 156
Ликаония 102
Ликия 82, 157
Ликос, река 273, 275, 282
Лимния 242, 248, 249, 259
Лопадий 99, 156
Лума 105

Маверannахр 85, 141, 200
Магедон 120, 122
Магнезия (Маниса) 114, 154, 156, 159, 160, 162, 163, 164
Майна 286
Македония 13, 16, 33, 34, 37, 38, 40—44, 54, 57—59, 61—63, 66, 78, 136, 147, 160, 161, 169, 170, 172—174, 181, 182, 186, 188, 189, 192, 193, 203, 285
Македонские горы 34
Малагина 100, 115
Малатья 103, 138, 232, 253
Малая Азия 5, 18, 41, 43, 56, 65, 81, 82, 93, 95, 99, 106, 112, 117, 146—149, 153, 160, 162, 165, 171, 178, 234

Малая Никея 54
Малоазийское нагорье 81
Манганский, монастырь 185
Манцикерт 51, 86, 88, 89
Маранд 142
Марица (Эвр), река 33, 34, 58, 172, 189
Масеста (*совр.* Сусурлу), река 82
Мацука 241, 249, 263, 298, 299
Меандр, река 61, 82, 96, 97, 99, 100, 104, 105, 107—109, 111—113, 115—117, 120—122, 148—151, 153, 155, 162
Меандр, фема 111
Меланудий 150
Мелет, крепость 264
Мелет, река 259
Мелитена 87
Ментеше, эмират 167—169, 195, 200, 268
Мерзифон 251
Месимврия (Несебър) 188, 194, 203, 266, 271
Месонисий 155
Месопотамия 87
Месотихий 273, 275—277, 279, 282, 283
Месофиния (Ализоны) 155, 157, 163, 203, 204
Месохалдия 261, 298, 300
Мессена 58
Мигдоний 182
Мизия 82, 157
Миконос, остров 168
Милас 157
Миласса и Меланудий, фема 108
Милет 150
Милков 60
Милос, остров 168
Мириокефал 104, 105, 109
Мисофиния 179
Мистра 168, 286—293
Митилена 93, 94, 173
Митра, гора 240
Митрополия, монастырь в Мистре 290
Моглен, фема 44, 46, 62, 63, 65
Модон 168, 286—289
Молдавия 60
Монголия 84
Монемвасия 286, 287, 292
Морава, река 34
Морея 168, 172, 187, 198, 199, 206, 265, 266, 284—291, 293, 300
Морские, стены в Константинополе 275
Мраморное море 15, 33, 42, 57, 58, 82, 182, 194, 197, 201, 266, 272—277, 280, 282
Мухрута 135

Навплион 289
Наколея 96
Наксос, остров 168
Нахчиван 142
Негропонт (Эвбея), остров 168
Неокесария (Никсар) 88, 98, 100, 235, 238, 239, 241, 254, 258
Нигде 97
Нижний Дунай 33, 45
Нижний Стримон 136
Никея 87, 92, 94, 95, 97, 100, 101, 111, 112, 115, 117, 119, 124, 129, 155, 156, 164, 179, 185, 201, 226, 229
Никитиата 203
Никомидия 43, 76, 97, 119, 155, 156, 163, 179, 185, 188, 203
Никополь 198, 199
Никсар, см. Неокесария
Нимфей 114, 149, 150, 163, 164
Ниса 148, 150
Ниш 34, 38, 41, 57
Нишапур 142
Новая Фокея 171, 173
Ново Бродо 279

Одисс (*совр.* Варна), река 19, 57, 208, 266, 290
Олимп, гора 100
Оронт, река 100
Османджик 251
Охира 99
Охрид 34, 40

Павры 101
Пайперт 86, см. также Байбурт

Памфилия 102
Панасий 105, 106
Панид (Банадос, Барбарос Махалле-си) 191, 194, 203
Паннония 13, 15, 16, 18, 24
Пантихион 203
Парадунавий, фема 90
Паристрий (Дунайская, Мизийская равнина) 33, 34, 37, 38, 40, 44, 56
Парос, остров 168
Патара (Сапарата) 115
Патры 72, 289, 290, 292
Пафлагония 81, 82, 97, 105, 108, 113, 122, 154, 155, 210, 214, 295
Пеги 185
Пелагония 192, 286
Пеликан 163, 179
Пелопоннес 72, 194, 198, 206, 266, 285—287, 291, 292
Пентахир 105
Пера 273, 274, 277, 278
Пергам 156, 163
Передний Восток 212
Передняя Азия 26, 224, 225, 227
Перинф 58
Перу 17, 201
Петрицос (*совр.* Бачков) 51
Пешт 60
Пиги 156, 171
Пила, гора
Пинд, горы 34, 290
Пиргий (Бирги) 160, 162
Пиренеи 14
Пиринские горы 34
Писидия 82, 95
Пифика 100
Подонье 22
Подунавье 15, 33, 36, 77, 78
Поливот (Кешан) 94—96, 102, 173
Польша 198
Понт 196, 209—212, 216, 218, 229, 233—236, 238, 243, 245, 248, 250, 251, 258, 259, 261, 262, 300
Понтийская область 87, 211, 218, 221, 229, 234, 236, 238
Понтийские горы 81, 82, 211
Понтираклия 259
Пору 172
Пракана 101
Преслав Великий 38, 49
Приаралье 36, 84
Придунавье 18
Приена 162
Принцевы, острова 276
Причерноморская низменность 34
Причерноморье 18, 22, 78, 247
Прованс 274
Пропонтида 82, 83, 90, 92—95, 98, 99, 159, 181, 184, 282, 284
Пруса 111, 115, 148, 156, 163, 164, 185, 192, 195, 202, 253, 259, 295
Прут, река 36
Пузухия 63
Пусгусское, озеро 96, 99, 115
Пятые ворота в Константинополе 282

Редесто (Текирдаг) 58, 173, 182, 191
Ризе 249
Рим 3, 26, 43, 189, 199, 271, 293
Риндак, река 104
Ритзион 203
Родопские горы 33, 34
Родос, остров 122, 132, 157, 168, 195, 198, 273, 288
Рузий 51, 58
Румелихисар 268—270
Румелия 206, 259, 268
Русь 22, 211
Рэй 142

Сава 142
Сакена 114
Сальменик 292
Самарканд 142, 200, 204
Самос, остров 93, 132, 157
Самофракия 293
Самсун, см. Амис
Самцхе 294
Сангарий (*совр.* Сакарья), река 76, 82, 97, 100, 113, 122, 151, 152, 154, 155
Сантаварий 96
Сардика (София) 34, 38, 190
Сарды 94, 114, 156, 164

Саркел 22, 23
Сарукийа 263
Сарухан, эмират 154, 163, 168—173, 177, 195, 200
Св. Апостолов, храм в Константинополе 273
Св. Романа (Четвертые), ворота в Константинополе 272, 275, 279, 282, 284
Св. Софии, собор 133
Св. Софии, храм 268, 271
Св. Фомы, монастырь 223, 261
Севастия (Сивас) 87, 89, 98, 103, 217, 235, 239, 240—242, 248, 250, 252, 253, 258, 295
Северная Америка 96
Северная Анатолия 95, 108, 185, 204, 247
Северная Африка 14
Северная Сирия 87, 88
Северное Причерноморье 11, 13—15, 19, 21, 23, 24, 30, 66, 67, 211, 223
Северное Средиземноморье 159
Северный Иран 30, 140
Северный Кавказ 13, 70
Северо-Восточная Анатолия 82, 250, 255
Северо-Восточное Средиземноморье 168
Северо-Западная Анатолия 94, 176
Северо-Западный Иран 142
Селевкия (в Исаврии) 101
Семендер 23
Сепикёр 296
Сербия 161, 189, 190, 208
Серры 34, 58, 190, 192, 196, 287
Сеты 120
Сёгюд 152
Сибирь 11, 52, 97
Силимврия (Силиври) 174, 180, 191, 271, 290
Силистрия 42
Симнан 142
Синоп 21, 93, 113, 116, 196, 212, 214, 215, 218, 219, 221—223, 228—234, 239, 244—246, 251, 294, 295
Сирия 30, 85, 88, 95, 100, 102, 126, 217, 219, 220, 221, 225, 228, 253, 261
Сирмена 249, 263
Сирмий (*совр*. Митровица) 16, 32
Сифнос, остров 168
Сицилия, остров 32, 129, 277
Скиафос, остров 168, 203
Скилолимний 299
Скирос, остров 168, 203
Скопелос, остров 168, 203
Скопос (Ускюп) 192
Скопье 34, 192
Смирна 43, 46, 65, 66, 93, 94, 131, 162, 164
Созополь 96, 99, 102, 106, 107, 188
Солхат 244
Сонуса 239, 242
Спорады, острова 168
Средец 38, 41
Средиземное море 82, 115
Средиземноморская Европа 3
Средиземноморье 159, 195, 266, 268
Срединная Евразия 13
Средний Восток 6, 85
Средняя Азия 15, 20, 46, 83, 84, 117, 140, 224, 225, 245
Стадиотрахий 122
Стома (Пазар) 243
Странджа, горы 34
Стримон (Струмица), река 34, 182
Строил 122
Студий, форт 276
Ступий 57
Сувлей 96, 104, 109
Судак 223
Сырдарья, река 84

Табаристан 142
Тавала 122
Тавр, горы 81, 82, 216
Тавр Понтийский 235
Тагачар 325
Тайгет, горы 286
Таманский полуостров 21
Танаис 13
Тарс 115

Тебриз 142, 232, 237
Телеорман 55
Тенедос (Бозджаада), остров 185, 189, 191
Терджан 263
Термаикос, залив 34
Термез 142
Тинос, остров 168
Тион 122
Тифлис (*совр.* Тбилиси) 21, 142, 220, 226
Тихий, океан 10
Тоболь, река 52
Токат 235, 239, 258
Торул 298, 300
Трабзон, хребет 211
Траллы 105, 121, 148, 150
Трансильвания 24
Трапезунд 8, 76, 81, 82, 90, 115, 130, 209—211, 214, 215, 218, 222, 223, 229—231, 233, 235—237, 240—247, 249, 250, 254—256, 258—264, 285, 293— 295, 297—301
Триадица 57
Трикоккия 119
Трикомия 248, 261
Триполи на Меандре 113, 116, 117, 153
Троя 153
Турхал 235
Турция 136, 146, 295
Тус (Мешхед) 142
Тырново 58, 187, 196
Тюрингия 15
Тюркский каганат 15, 19—21

Урал 23
Урмия 142
Урум-Сарай 296

Фанария 242
Фарьяб 142
Фасос 293
Феодоро 259
Феодосиополь 89
Феодосия, стены 275, 279
Ферапия (Тарабья), форт 276
Фергана 142
Фермопилы 15
Феррара 207
Фессалия 16, 61, 78, 149, 160, 193, 198
Фессалоника 34, 37, 40, 58, 59, 135, 181, 182, 187, 189, 190—192, 203, 205
Фивы 290
Филавонит (Харшит), река 241, 246
Филадельфия (Алашехир) 94, 101, 106, 107, 112, 114, 115, 159, 160, 164, 168, 173, 195
Филиппополь (Филибе, Пловдив) 33, 34, 41, 42, 51, 54, 55, 190, 192
Филлита 102
Филокрин 163, 179
Филомилий 94—96, 100, 101, 107—109
Финик 157
Фирея (Тире) 159, 162
Флоренция 207, 294
Фокея 43, 93, 162, 168, 171, 175, 188
Фокида 290
Фракисийская, фема 90, 150
Фракия 13, 14, 16, 33, 34, 37, 38, 40—43, 54, 55, 57—61, 67, 69, 78, 147, 157, 160, 161, 167, 169—179, 181—188, 191—194, 203, 205, 266, 285, 286, 293
Франция 199
Фригия 61, 90, 95, 98, 149

Халдия 81, 97, 240, 241, 249, 261, 298
Халеб (Алеппо) 261
Халивия 235, 236, 243, 249, 258, 259
Халкидика 173
Халкидон 18, 183
Хамадан 142
Хамид, эмират 195, 200
Харакс 105, 203
Харисийские ворота в Константинополе 282, 283
Харсиана 81
Хена 153
Хериана 240, 241, 246, 249, 298
Херсон 21, 22, 53, 70

Херсонес (на Геллеспонте) 161, 184, 218
Хилат 89
Хиос, остров 43, 51, 93, 94, 132, 157, 168, 171, 173, 198, 273
Хировакх 43
Хлиара 159
Хой 142
Хома 107
Хоны 87, 88, 94, 96, 104, 107—109, 111, 112, 114, 120
Хорасан 66, 85, 141, 142
Хостианы 63, 64
Хрисополь (Ускюдар) 191, 201, 203
Хрисопольские, ворота 181
Христуполь (Кавала) 34
Худжанд 142
Хутан 142

Центральная Анатолия 97, 102, 140, 193, 250
Центральная Евразия 13
Центральная Европа 33
Центрально-Анатолийское плато 92, 145
Центральный Иран 142
Циврица 104
Цурул 57—60, 174

Чамурлу 204
Черное море 13, 19, 21, 33, 54, 67, 69, 81, 82, 97, 100, 108, 110, 115, 118, 190, 194, 197— 199, 211, 215, 225, 244, 267, 269, 274, 295
Чимен, хребет 211
Чимпа 183, 184

Шираз 142
Ширан 261
Ширван 261

Эвр, река, см. Марица
Эвримедон (*совр*. Кёпрю), река 82
Эвцапел 38
Эгейский архипелаг 166, 197
Эгейское море 33, 34, 82, 90, 95, 97, 98, 101, 102, 105, 113, 149, 152, 157, 166, 168, 172, 178, 195, 278
Эгнатиева дорога 34
Эдесса 34
Эдирне, см. Адрианополь
Эдирнекапы, район в Константинополе 274
Эктаг, гора 20
Элбистан 232
Эленополь 99
Энос 43, 293
Эпиваты (Селимпаша) 266, 271
Эпир 149, 181, 206
Эрзерум (Феодосиополь) 99, 216, 221, 222, 252
Эрзинджан (Кельцина) 99, 216, 220, 221, 235, 238—242, 246, 248, 251—253, 256, 295, 296
Этолия 181
Эфес 93, 94, 159, 160, 162, 164, 201

Юго-Восточная Анатолия 95, 100, 193
Южная Вифиния 101
Южная Италия 32
Южное Причерноморье 116, 213, 223, 245
Южные Родопы 187
Южный Пелопоннес 168

Яик, река 53
Янина 181
Ясон, мыс 243, 249

ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авары 12, 13, 15—19, 26, 27, 144
Айдын, тюрки 159, 162, 166
Аккуйунлу, туркменское племя 240, 245—249, 251, 253, 256, 258, 262
Аланы 14, 20, 22— 24, 26, 29, 35, 50, 69—71, 73, 76, 77, 84, 136, 153—156, 158, 159
Албанцы 176, 208, 272, 287, 290, 291
Алтайцы 13
Англичане 166
Анты 15
Аорсы 14
Арабы 6, 19, 21, 64, 65, 140, 145, 201
Армяне 64, 65, 70, 82, 87, 88, 91, 109, 115—117, 136, 140, 217, 221, 224, 227, 228, 244, 253, 256
Асы 29, 84

Байаты 85
Байундур 84
Боздоган, тюркменское племя 245, 248
Болгары 23, 36, 39, 56—60, 63, 67, 174, 176, 182, 184, 187—190, 272, 273
Булгары 12, 14, 18, 19, 21, 27, 40
Бургундцы 198

Варсак, тюрки 261
Венгры 11, 23, 24, 27, 36, 39, 45, 60, 198, 207
Венецианцы 183, 187, 189, 191, 198, 199, 201, 204, 206, 208, 254, 273, 274, 280, 285, 287, 289
Вестготы 13
Византийцы (греки) 12, 13, 16, 17, 19, 20, 23—25, 30—33, 36—40, 42—44, 46—48, 50—58, 60, 61, 67—69, 71, 77—80, 82—84, 86—90, 94, 95, 97, 98, 100—102, 104—108, 110, 112, 116—118, 120, 124, 127—129, 131—134, 136, 137, 140, 144, 147, 148, 153—156, 158, 162, 165, 170, 174, 176, 178, 185, 186, 190, 194, 199, 201—205, 207, 209, 210, 234, 243, 266, 268, 270, 271, 274, 279, 289, 290, 294, 298, 299
Влахи 29, 33, 54, 56—58, 63, 198, 208, 272, 290

Генуэзцы 171, 173, 183, 187, 189, 191, 198, 201, 273, 274, 278, 282, 285
Германцы 12—14, 26, 27
Гепиды 14, 16, 18
Гермиян, тюркское племя 148, 153
Гёк-тюрки (тюркюты) 15, 20, 21
Готы 13, 26, 144
Греки 12—14, 82, 87, 91, 94, 101, 102, 106—108, 112, 113, 115, 117, 120, 122, 127, 128, 136, 150, 154—157, 160, 164, 167, 172, 174, 178, 179, 182, 183, 185, 186, 190, 203, 205, 206, 211, 217, 219, 221, 224, 228, 237, 245—248, 255, 272—274, 284—286, 291, 300
Грузины 70, 76, 116, 117, 216, 217, 224, 300
Гунны 11—14, 19, 26, 27, 30

Духар, тюркменское племя 245, 247

Езериты, эллинизированные славянские племена 286

Жужани 20

Имыры 84
Индоевропейцы 13, 19, 27
Иранцы 12, 19, 20, 35, 69, 140, 142, 143, 145
Испанцы 166, 207
Итальянцы 166, 207, 237, 263, 285

Каи 84, 85
Каппадокийцы 88
Каракуйунлу, туркменское племя 256
Караман, тюрки 261
Карлуки 84
Каталонцы 158—162, 164, 169, 178, 183, 274
Курды 201
Кутригуры 12, 14, 15
Кынык 84

Лангобарды 16
Латиняне 57, 60, 61, 145, 168, 170, 178, 194, 210, 272, 291

Мамлюки 230—233
Мелинги, эллинизированные славянские племена 285
Ментеше, тюрки 155, 157, 159, 162
Миксоварвары 54
Монголы 59, 60, 66—68, 77, 116—118, 123, 136, 145, 148, 150, 156, 173, 213, 219, 222, 224—230, 232, 235—237, 248

Наваррцы 287
Немцы 198
Нормандцы 32, 55, 77

Огузы 24, 30, 36, 39, 40, 50, 83—85, 93
Огуры 15
Олбирлик 29
Осетины 294
Османы (турки-османы) 8, 163, 164, 170, 179, 182—202, 204—208, 239, 250—255, 258—260, 262—285, 287—298

Персы 6, 12, 18
Печенеги 23, 24, 29, 34—55, 70, 78—80, 84, 85, 89, 132, 136, 144, 145
Половцы (кыпчаки, куманы) 24, 29, 40, 42—45, 50, 52—66, 70, 78—80, 93, 132, 133, 136, 144, 145, 248

Римляне 13, 14
Роксоланы 14
Русские 36, 53, 59, 97
Русы 23

Савиры 12, 15, 21
Сарматы 14
Сельджуки (тюрки-сельджуки) 30, 38, 43, 56, 82, 84—86, 89, 92, 94, 99, 102, 103, 105—108, 110, 111, 113, 115—117, 144, 145, 148, 213, 214, 216—219, 221—224, 226—232
Сербы 45, 68, 170, 174, 182, 183, 187, 189—191, 194, 272, 279
Сираки 14
Сирийцы 87, 88
Славяне 12, 15—19, 26, 27, 144
Согдийцы 20

Татары (золотоордынцы) 67—69, 176, 226, 244
Тунгусцы 13
Туркмены 84, 86—90, 103, 105, 106, 112, 113, 116, 117, 201, 232, 234—236, 238, 248, 246—248, 254, 264, 272
Тюрки 6, 7, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 40, 43, 52, 53, 64, 65, 67, 76, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 90, 93, 94, 95, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 115, 117, 120, 122, 127, 129, 131, 132, 133, 140, 144, 145, 146, 148, 150, 151, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 190, 212, 218, 224, 236, 238, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 251, 286

Уджа, туркменские кочевые племена 107, 113, 116, 150, 234
Узы (торки) 29, 36, 39, 40, 50, 51, 78, 89, 136, 145
Уногундуры 19
Утигуры 12, 14, 15, 19

Франки 15, 50, 51, 87, 221, 228
Французы 166, 198

Хазары 19, 21—24, 36, 40, 70
Халаджи 84
Хорезмийцы 20, 220—222
Хунну 13

Чавундары 85
Чагатайцы 202, 255
Чарук 84
Чепни, туркменское племя 241, 246—248, 253, 254
Черкесы 294
Черные булгары 23

Языги 14

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Глава 1. Предыстория (Византия и тюрки до XI в.) 10
- Гунны и германцы 13
- Авары и славяне 15
- Первое Болгарское царство 18
- Тюркский каганат 19
- Хазары 21
- Венгры 23
- Особенности ранних контактов 25

Глава 2. Кочевники на Балканах (XI—XIV вв.) 29
- Лицом к лицу 30
- Византийские Балканы 32
- Печенеги 34
- Печенежские портреты 46
- Половцы (куманы) 52
- Латиняне, болгары, греки 57
- Половецкие портреты 61
- Византия и Золотая Орда 66
- Аланы 69
- Особенности азиатского проникновения на Балканы в XI—XIV вв. 78

Глава 3. Византия и анатолийское пограничье в XI—XIII вв. 81
- Государство сельджуков 83
- Первая волна миграции 88
- Потерянная Анатолия 92
- Стабилизация при Алексее I и формирование пограничных зон 94
- Иоанн II и Мануил I Комнины 99
- Эпоха Ангелов (1185—1204) 106
- После падения Константинополя 110
- Стратегический прорыв мусульман 115
- Вторая волна миграции 116
- «Персидские» портреты 123
- Ирано-греческая цивилизация 136
- Особенности мусульманских нашествий с Востока 144

Глава 4. Закат империи 147
- Преддверие катастрофы 147
- Алексей Филантропин 150
- Выход тюрок к Эгейскому морю 152
- Каталонская экспедиция 158
- Потеря Анатолии 162
- Номадизм на море 165
- Попытка новой стратегии 169
- Союзные тюрки 174
- Османский друг 179
- Османский враг 181
- Потеря Фракии и Македонии 186
- Байазид I и Мануил II 194
- Избавление и новая угроза 200
- Надежда, которая не сбудется 202
- Агония империи (1421—1451) 205

Глава 5. Византийский Понт и Азия в XI—XV вв. 209
- Синопский узел 213
- Власть монголов 224
- Кочевая миграция на Понте: первый этап 234
- Смутное время 238
- Кочевая миграция на Понте: второй этап 245
- Оборонительная стратегия империи 248
- Эпоха Тимура 250
- Османский натиск 257

Глава 6. Три погибели Византии 266
- Гибель Константинополя 267
- Византийская Морея и ее гибель 285
- Гибель Трапезунда 293

Карты 303

Список иллюстраций 307

Библиография 309

Список сокращений 345

Указатель имен 346

Указатель географических названий 361

Этнический указатель 371

Научное издание

Рустам Мухаммадович Шукуров

ВИЗАНТИЯ И АЗИЯ

ГИБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *П. Палей*
Корректор *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 27.09.2023. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23.5. Уч.-изд. л. 22.9.
Тираж 600 экз. Тип. зак. №

ФГБУ «Издательство «Наука»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 90

Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28

+7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru
https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru

ФГБУ Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040284-3